

А. М. Орехов

**Советский Союз
и Польша**

в годы «оттепели»:

**из истории
советско-польских отношений**

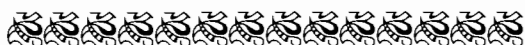

Российская академия наук
Институт славяноведения

Российская академия наук
Институт славяноведения

А. М. Орехов

**Советский Союз
и Польша
в годы «оттепели»:**

из истории
советско-польских отношений

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2005

УДК 94(438)
ББК 63.3(0)63
О65

Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН 11 мая 2004 г.

Ответственный редактор
кандидат исторических наук *Б. В. Носов*

Рецензенты:
доктор исторических наук *Ю. В. Аксютин*
доктор исторических наук *Б. Й. Желицки*

Орехов А. М.

Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. — М.: «Индрик», 2005. — 328 с.

ISBN 5-85759-336-0

Хронологически монография охватывает 1953—1957 гг., в центре ее — генезис, развитие и преодоление социально-политического кризиса в Польше, центральным звеном которого были события октября 1956 г. На их фоне проявился кризис советско-польских межгосударственных и межпартийных отношений. Данная проблема до сих пор недостаточно исследована как в зарубежной, так и в отечественной историографии.

Автор вводит в научный оборот значительный комплекс прежде не изученных документальных материалов из архивов Москвы и Варшавы, позволяющий по-новому оценить состояние межгосударственных, военно-политических, межпартийных и экономических взаимоотношений двух стран, связанных между собой Варшавским пактом. Привлечена также богатая новейшая польская исследовательская литература, свидетельства ряда непосредственных участников рассматриваемых событий (в частности, воспоминания Н. С. Хрущева и некоторых польских политических деятелей той эпохи).

Книга рассчитана на историков-исследователей и политологов, преподавателей и учащихся высших учебных заведений, а также всех интересующихся новейшей политической историей стран Центрально-Восточной Европы.

Оглавление

Введение

- О теме и задачах исследования. 7
- Краткий обзор литературы 10
- Источники 12

Глава 1. Предпосылки распада тоталитарного режима в Польше

- 1. 1953 год: перед выбором 17
- 2. Прелюдия. 31
- 3. Польская «оттепель» 44

Глава 2. XX съезд КПСС и Польша

- 1. Берут, Охав и другие (консерваторы и либералы) 69
- 2. Сенсации приходят из Кремля 85
- 3. Польская пресса: споры и мнения 92
- 4. Людовцы и демократы. Молодежное движение 98
- 5. Польшу спасет Гомулка? 107

Глава 3. Массовые волнения в Познани 28 июня 1956 г. и их последствия

- 1. Генезис и ход событий. Бунт или революция? 119
- 2. VII пленум ЦК ПОРП: размежевание. 137
- 3. Август и сентябрь 144

Глава 4. Кульминация: кризис в верхах и кризис польско-советских отношений

- 1. В. Гомулка возвращается в большую политику 159
- 2. Дискуссия в Бельведере 169
- 3. Триумф «Веслава» 197
- 4. Москва: «Вопросы Польши» 202

Глава 5. В посткризисном пространстве, или технология укрощения строптивых

- 1. От октября к ноябрю 214
- 2. Москва: второй тур переговоров 224
- 3. Протесты (новый виток) 231

4. Договор ПНР–СССР о пребывании советских войск в Польше	236
5. Выборы в Сейм	240
6. «Веслав» предупреждает	248
Итоги исследования	267
Биографический словарь	272
Перечень источников и литературы	310
Именной указатель	321

Введение

О теме и задачах исследования. В последнее десятилетие в историографии заметно возрос интерес к польскому кризису 1956 г. Если обратиться, в частности, к многотомной «Библиографии польской истории» за 1980–1990-е гг., то нетрудно обнаружить десятки тематически самых разнообразных монографий, публикаций документов, статей и других работ, посвященных «Польскому Октябрю» (если прибегнуть к принятому в польской исторической науке понятийному аппарату) и другим событиям, с ним тесно связанным. И приток литературы непрерывно нарастает. Причем, и это важно подчеркнуть, в разработке данной проблематики принимают участие исследователи многих научных дисциплин: историки, политологи, литературоведы, культурологи, историки общественной мысли, социологи, а теперь также специалисты по социальной психологии.

Пристальное внимание к хронологически первому общественно-политическому кризису в истории Народной Польши можно объяснить рядом причин, в том числе стремлением выявить и истолковать процессы, приведшие к разрушению общественного строя так называемой народной демократии. Суть вопроса заключается в том, что в 1956 г. фактически было положено начало массовому сопротивлению тому политическому режиму, который в конце 1940-х гг. утвердился в Польше и в 1956 г. вступил в стадию коррозии. Партийно-государственная номенклатура тогда удержалась у власти лишь потому, что часть рядовых членов политических и общественных организаций, творческой интеллигенции, студенческой и рабочей молодежи сохраняли веру в возможность построения гуманного социализма. И это не было исключительное явление в Центральноевропейском регионе. В том же 1956 г.

очень близкие по содержанию и направленности процессы развивались также в Венгрии, причем там критическая настроенность общества вылилась в наиболее крайние, радикальные формы — стихийного восстания против тоталитарного режима, подавленного лишь путем прямого вооруженного вмешательства Советского Союза. В то время как Венгрия и Польша переживали состояние глубокого социального и политического кризиса, в большинстве стран Восточного блока внутривнутриполитическая ситуация оставалась стабильной¹.

В Польше понадобились очередные кризисы и общественные конфликты (1968, 1970, 1976, 1980), чтобы уход правящей партии с политической сцены стал свершившимся фактом, драматическим итогом безоговорочного отторжения подавляющим большинством политически активного населения страны (в особенности молодыми поколениями) идеологии, не сдавшей исторического экзамена. Близкая или аналогичная картина наблюдалась и в других странах бывшего Восточного блока. Кризис 1956 г. стал, таким образом, исходной точкой длительного общественного процесса — системного кризиса.

В предлагаемой монографии в качестве предмета исследования избраны межгосударственные польско-советские отношения в период зарождения, развития и преодоления польского кризиса 1956 г. Они были едва ли не важнейшей его частью и охватывали широкий спектр государственных, дипломатических, партийно-политических, экономических, военно-оборонительных вопросов, а также науки и культуры. В книге рассматриваются преимущественно государственный и партийно-политический аспекты взаимоотношений Советского Союза и Польши, их партийно-политических элит в первую очередь.

Хронологически книга охватывает пятилетний временной отрезок (1953—1957), который, как можно заключить исходя из анализа документальных источников и исследовательской литературы, включает три стадии (фазы): социально-экономический и идеологический генезис кризиса (1953—1956); собственно политический кризис (октябрь 1956 г.), переход его в посткризисную стадию (ноябрь 1956 — октябрь 1957 г.), которая затем плавно трансформировалась в стабилизацию внутривнутриполитического положения в стране. Предлагаемая периодизация представляется наиболее логичной, хотя, разумеется,

могут быть и иные суждения. В указанный пятилетний период естественным образом вписываются также и польско-советские отношения.

Многие документальные материалы, особенно ставшие известными в последнее десятилетие, свидетельствуют о том, что кризис 1956 г. в Польше (так же, впрочем, как и в Венгрии) был одним из последствий внешнеполитической стратегии правящих кругов Советского Союза в Центральноевропейском регионе. В своих основных параметрах она сформировалась по прямой инициативе И. В. Сталина и при самой активной поддержке его ближайшего окружения. Суть ее заключалась в навязывании странам Восточного блока сталинской модели социализма, или, другими словами, советизации указанных стран. В Польше объективные внутривнутриполитические условия сложились таким образом, что советизации была противопоставлена концепция «польского пути к социализму», у истоков которой стоял лидер Польской рабочей партии (ППР) Владыслав Гомулка и немногие его единомышленники. Обвиненные Болеславом Берутом и догматическим крылом партии в правонационалистическом уклоне, они были изгнаны из партии и изолированы. Против них готовились судебные процессы. В стране наступила относительно непродолжительная (1949 — начало 1956 г.), но суровая полоса тоталитаризма, подкрепленного террором против всех несогласных с политической руководящей партией.

Лишь смерть И. В. Сталина создала новую ситуацию: польскую «оттепель» 1954–1957 гг. Мощный импульс критике преступлений сталинизма дал XX съезд КПСС, который породил сперва подлинный шок в польском обществе, а затем длительную полосу бурных дискуссий по актуальным проблемам строительства социализма в Польше, одновременно критически переосмысливались польско-советские отношения начиная с кануна Второй мировой войны. Участие Советского Союза в расчленении польской государственной территории в сентябре 1939 г., массовые депортации польского населения в отдаленные районы СССР, злодеяния НКВД в Катыни, навязывание сталинской модели социализма в послевоенное время и т. п. не могли не обострить национального сознания и патриотизма поляков, усугубляли неприятие нажима на Польшу со стороны советского политического руководства и, как

естественное следствие, неизбежно порождали антисоветизм и антирусские настроения.

В октябре 1956 г., в самый разгар польского кризиса, отношения Советского Союза и Польши характеризовались напряженным состоянием и потребовали значительных усилий правящих кругов СССР и ПНР для снятия напряженности, налаживания суверенных межгосударственных и взаимовыгодных экономических отношений двух соседних государств.

Вопросы польско-советских отношений в рассматриваемый период нельзя считать достаточно изученными. Дело в том, что данная проблематика как таковая стала привлекать к себе внимание исследователей сравнительно недавно. Историография ее как самостоятельная ветвь изучения польского кризиса 1956 г. до сих пор находится в стадии формирования. В сущности именно сейчас, когда идет интенсивный процесс создания новой, более содержательной источниковой базы, к чему подключились теперь также российские историки и архивисты, назрела неотложная необходимость посмотреть более внимательно на возникновение и развитие кризиса 1956 г. в Польше в контексте общественных процессов в странах социалистического лагеря того уже достаточно отдаленного времени. Среди проблем, требующих особенного внимания, следует отметить и польско-советские отношения.

Краткий обзор литературы. Историография общественно-политического кризиса в Польше середины 1950-х гг. — это мощный и в последнее десятилетие все более разрастающийся пласт исследований, разнообразных в жанровом отношении и содержательных в части разработки многих важных аспектов проблемы. Занимались данной проблематикой не только в Польше, но также в США, Болгарии, Великобритании, ФРГ, СССР и России, в других странах. Актуальным представляется историографический анализ уже имеющейся научной литературы, чему автор намерен посвятить отдельную работу.

Польские исследователи значительно продвинули изучение проблематики кризиса как с точки зрения накопления фактического материала, так и осмысления его. В связи с этим следует упомянуть монографию З. Рыковского и В. Владыки, монографические разработки В. Беньковского, А. Вэрбляна, Б. Дымека, З. Козика, М. Кули, Р. Лося, П. Махцевича,

Э. Маковского, А. Скшипека, А. Фришке и мн. др. В их работах в той или иной степени нашли отражение также польско-советские отношения, прежде всего причины их обострения, реакция разных слоев польского общества на «польскую» политику КПСС. Целиком посвящены взаимоотношениям СССР и ПНР монографии Р. Лося² и А. Скшипека³.

Кроме того, современные польские историки ведут активную публикаторскую работу, систематически вводя в научный оборот новые источники, в том числе раскрывающие проблематику польско-советских связей в период кризиса 1956 г. (А. Корзон, А. Коханьский, А. Пачковский, К. Персак и др.). В то же время надо подчеркнуть бросающийся в глаза общий недостаток польских работ, а именно почти полное отсутствие документальных материалов из российских хранилищ. Польские историки сетуют на трудности доступа в российские архивы, чего нельзя оспорить. Но как бы то ни было следует признать, что без российских документов исследования польских историков обречены на неполноту. Ведь в события 1956 г. в Польше ни одна другая страна не была вовлечена так, как Советский Союз, точнее — его партийно-правительственные и военные круги.

Что касается исторической науки в России, то проблематика польского кризиса 1956 г. разрабатывалась не так, как позволили бы имеющиеся в российских архивах комплексы исторических источников. Правда, многие ценнейшие документы пока недоступны для изучения. Исследование данной проблематики в годы советской власти сдерживалось искусственно. Сначала она исключительно по политическим и идеологическим соображениям вообще была по умолчанию отнесена к категории запретных, и запрет был снят лишь во времена «перестройки». В 1991 г. в монографии историка и политолога Я. Я. Гришина, изучавшего кризисные ситуации в Народной Польше⁴, представлены основные черты кризиса 1956 г., хотя тема польско-советских отношений там практически отсутствует. В 1993 г. известный историк-полонист С. М. Стецкевич (1921—1995) опубликовал довольно большой очерк «Польского Октября», предприняв, на мой взгляд, удачную попытку объективного анализа содержащегося в научной литературе фактического материала⁵. Собственно говоря, именно эти две работы открывают цикл российских исследований о польском

кризисе 1956 г., подготовленных уже в условиях отсутствия идеологического диктата Старой площади. Затем проблематику польско-советских отношений того периода стал разрабатывать автор этих строк⁶. Р. Р. Юсупов, исследуя тему «Польская интеллигенция и власть» на основе некоторых малоизвестных документов из архивов Москвы и Варшавы, рассматривал роль и политические позиции творческой и научной интеллигенции в годы польской «оттепели», а вместе с тем и отношение сотрудников советского посольства в ПНР к этим явлениям в целях информирования своего центрального руководства⁷.

Источники. После 1989 г. в Польше сложились благоприятные условия для формирования содержательной архивной документальной базы для исторических исследований. В частности, документы ЦК ПОРП, его отделов и секретариатов, как и материалы воеводских организаций ПОРП, находящиеся ныне на государственном хранении в варшавском Архиве новых актов и в воеводских архивах, открыты для исследователей. Постепенно в научный оборот вводятся документальные материалы Архива Министерства иностранных дел Польши, Центрального архива Министерства внутренних дел, Центрального военного архива и др. Польские исследователи, таким образом, интенсивно расширяют поле изучения проблематики, о которой идет речь, в том числе и такого важного, но пока недостаточно проясненного вопроса, как польско-советские политические и экономические отношения 1950-х гг.

В ходе работы над данным исследованием автор много времени уделял выявлению новых и изучению малоизвестных архивных материалов. Поиск показал, что таких документов в России — целые комплексы. Но этого мало. Трудно даже представить, сколько и какие исторические источники пока что закрыты от исследователей в силу тех или иных причин. Правда, постепенно они все же становятся достоянием сообщества профессиональных историков и всех тех, кого интересует новейшая история Центрально-Восточной Европы, новейшая история Польши — в частности.

Наиболее ценные документы по изучаемой мною теме сосредоточены в Архиве Президента РФ, Российском государственном архиве новейшей истории (до марта 1999 г. —

Центр хранения современной документации) и Архиве внешней политики РФ МИД России.

В Архиве Президента России информативны донесения и аналитические материалы посольства СССР в ПНР (в частности, посла СССР в Польше П. К. Пономаренко), аналитические записки и справочные материалы высших государственных учреждений СССР по вопросам политических и экономических отношений СССР и ПНР, записи бесед партийных и государственных руководителей Советского Союза и Польши и т. п. Названный круг источников позволяет реконструировать политическую линию советской стороны во взаимоотношениях с высшим польским руководством.

В Архиве новейшей истории отложились документальные материалы структурных подразделений аппарата ЦК КПСС (ф. 5). Наиболее информативные с точки зрения данного исследования источники выявлены среди документов отделов ЦК, отвечавших за международные связи КПСС, а также в общем отделе ЦК (аналитические записки, подготовленные для Н. С. Хрущева и членов высшего политического руководства, записи бесед советских дипломатов с польскими государственными и партийными деятелями о положении в Польше, польско-советских межгосударственных отношениях и др.).

В Архиве внешней политики, а именно в фонде «Референтура по Польше» (ф. 122 и 0122), изучены квартальные и годовые политические отчеты Посольства СССР за 1954–1958 гг., информационные записки и записи бесед советских дипломатов, аналитические материалы Комитета информации МИД СССР. (Две последние разновидности источников нередко дублировались в Архиве Президента РФ.)

В течение ряда лет автор книги работал с материалами варшавских архивов. В Архиве новых актов ценную информацию удалось обнаружить в неопубликованных стенограммах совещаний центральных активов ПОРП 29 ноября — 1 декабря 1954 г. и 3–4 марта 1956 г. и VII пленума ЦК ПОРП (июль 1956 г.), отражающих генезис и развитие кризиса в Политбюро и ЦК ПОРП. Ценными источниками следует признать аналитические записки по вопросам польско-советских политических и экономических взаимоотношений за 1956–1957 гг.,

а также неопубликованные протоколы заседаний Политбюро ЦК ПОРП и Секретариата ЦК.

В Архиве Института истории людовского (крестьянского) движения при Польской крестьянской партии внимание автора книги привлекли неопубликованные стенограммы II (10–12 мая 1956 г.) и IV (18–20 октября 1956 г.) пленумов Главного комитета Объединенной крестьянской партии, отражающие кризис в руководстве партии, а также оценку руководством ОКП политики руководящих кругов Советского Союза в отношении Польши. В Центральном историческом архиве Демократической партии изучена стенограмма пленума ЦК, состоявшегося 7–10 октября 1956 г. Опубликованная в печатном органе партии версия стенограммы пленума довольно существенно отличается от подлинника.

Полезные сведения содержит также мемуарная литература и примыкающий к ней такой специфический жанр исторических источников как интервью участников событий «Польского Октября» (как правило, созданные по истечении многих лет после описываемых фактов). В частности, к исследованию привлекались воспоминания некоторых видных польских военачальников⁸. Чрезвычайно интересными являются интервью известных политических деятелей той эпохи (Я. Берман, Э. Охаб, С. Шашевский и др.) польской журналистке Тересе Тораньской⁹. В польской литературе уже высказывались мнения о довольно субъективных способах составления этих интервью. Известно, что Стефан Шашевский, возглавлявший в изучаемые годы варшавскую городскую организацию ПОРП и игравший заметную роль в октябрьских событиях 1956 г., опубликовал протест (датирован 1985 г.) против искажений, допущенных журналисткой при окончательном редактировании текста интервью¹⁰. Тем не менее их можно привлекать к анализу, если они с источниковедческой стороны не вызывают сомнений в достоверности.

Несомненный интерес представляет третий том воспоминаний первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева¹¹. В томе публикуется глава «Польский сосед», а к ней два приложения — «О Польше. Вариант первый» и «О Польше. Вариант второй». Кроме того, польские сюжеты встречаются и в других томах воспоминаний. В совокупности польская глава и приложения к ней

в ряде случаев довольно существенно дополняют друг друга и содержат уникальные свидетельства одного из неординарных представителей советской партийно-государственной элиты, в 1954–1964 гг. стоявшего в самом центре ряда внешнеполитических акций правящих кругов СССР. Впервые отдельные главы воспоминаний были опубликованы (в изложении) на английском языке в США. Затем значительная часть воспоминаний, подготовленная сыном бывшего советского лидера С. Н. Хрущевым, появилась в журнале «Вопросы истории» за 1990–1995 гг. Глава «Польский сосед» — наиболее содержательная с точки зрения изучения польских сюжетов — была опубликована журналом в 1994 г.¹² Недавно она вместе с ее вариантами появилась в переводе на польский язык¹³.

Многие сведения, сообщаемые в мемуарах Н. С. Хрущева, подтверждаются сохранившимися документальными материалами российских архивов, и это повышает ценность данных мемуаров. Недостаток воспоминаний Н. С. Хрущева, как, впрочем, любых источников мемуарного характера, — часто встречающиеся неточности в датировке того или иного события. Иногда мемуарист допускает также существенные погрешности в описании тех или иных фактов, очевидцем которых был. Следует иметь в виду, что он создавал свой труд на склоне лет, нередко в состоянии глубокого стресса, не раз испытывал бесцеремонное давление со стороны партийных органов и известных силовых структур, а самое существенное — был начисто лишен возможности привлекать для справок необходимую литературу и периодическую печать, консультироваться по тем или иным вопросам со специалистами. Все это необходимо принимать во внимание, обращаясь к такому историческому источнику, как воспоминания Н. С. Хрущева.

В монографии нередко используются также сведения, извлеченные из таких исторических источников, как воспоминания, дневники и интервью некоторых польских политических деятелей разных рангов, а также деятелей науки и культуры — современников и участников событий в Польше 1950-х гг. Информативность таких документов, конечно же, неодинакова, но они не должны игнорироваться, ибо являются документальными свидетельствами истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Подробнее см.: *Баева И.* Източна Европа след Сталин. 1953–1956 гг. Полша, Унгария, Чехословакия и България. София, 1995; *Стыкалин А. С.* Восточная Европа в системе отношений Восток–Запад (1953 — начало 1960-х гг.) // Холодная война 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. Сб. статей / Отв. ред. Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. М., 2003. С. 488–492.
- ² *Łoś R.* Polska — ZSRR: 1956. Łódź, 1999.
- ³ *Skrzypek A.* Mechanizmy uzależnienia: stosunki polsko-radzieckie 1944–1957. Pułtusk, 2002.
- ⁴ См.: *Гришин Я. Я.* Истоки кризисов. Казань, 1991. С. 49–80.
- ⁵ См. коллективную монографию, подготовленную Институтом славяноведения и балканистики РАН: Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней / Отв. ред. В. А. Дьяков. М., 1993. С. 405–419.
- ⁶ См.: *Орехов А. М.* События 1956 года в Польше и кризис польско-советских отношений // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985): Новое прочтение / Отв. ред. Л. Н. Нежинский. М., 1995. С. 217–240; *Он же.* К истории польско-советских переговоров 19 октября 1956 г. в Бельведере (по новым материалам) // Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран / Отв. ред. Ю. С. Новопашин. М., 1997. С. 130–156.
- ⁷ См.: *Юсупов Р. Р.* Власть и интеллигенция. Из истории Польши XXст олетия (1918–1980 гг.). Казань, 1996; *Он же.* Польская интеллигенция в период народной демократии (1944–1980 гг.). Казань, 1998; *Он же.* Польская интеллигенция глазами советского посольства в годы «оттепели» (1955–1965 гг.) // CLIO MODERNA. Зарубежная история и историография. Сб. научных статей / Глав. ред. И. И. Шарифжанов. Казань, 1999. Вып. 1. С. 34–42.
- ⁸ См.: *Kowalski L.* Generałowie. Warszawa, 1992; *Pióro T.* Armia ze skazą. W Wojsku Polskim 1945–1968 (wspomnienia i refleksje). Warszawa, 1989.
- ⁹ *Torańska T.* Oni. Warszawa, 2004.
- ¹⁰ См.: *Staszewski S.* Oświadczenie // Obraz. Miesięcznik Społeczny (Szczecin). 1986. № 3 (34). S. 34–35.
- ¹¹ *Хрущев Н. С.* Время, люди, власть (Воспоминания). В 4-х кн. М., 1999. Кн. 3.
- ¹² Вопросы истории. 1994. № 4. С. 63–79.
- ¹³ См.: *Fragmenty wspomnień N. S. Chruszczowa.* Тłum. М. В. Jagiełło // Zeszyty Historyczne. Paryż, 2000. Т. 132. S. 109–192.

Глава 1

Предпосылки распада тоталитарного режима в Польше

1. 1953 год: перед выбором. Для стран Восточноевропейского региона весна 1953 г. — своеобразный исторический рубеж. 5 марта умер И. В. Сталин, и кончина харизматической фигуры оказалась в ближайшей перспективе не чем иным как импульсом, положившим начало вызреванию и развитию процессов перемен в так называемом Восточном (или советском) блоке. Перед руководящими кругами стран «народной демократии» естественным образом встал вопрос: каково будет распределение ролей на политической сцене в СССР, какие силы окажутся у кормила власти и в каком направлении будут развиваться события в регионе?

Первоначально ведущими деятелями в Кремле считались Г. М. Маленков, возглавивший Совет Министров СССР, Н. С. Хрущев в роли секретаря ЦК КПСС и Л. П. Берия в качестве министра внутренних дел СССР, одновременно один из первых заместителей председателя общесоюзного правительства. Такая расстановка на самом деле означала, что расположившийся как бы на третьей ступеньке кремлевской иерархии всесильный Берия и есть тот, кто претендовал на роль нового советского лидера. Но означенный триумvirат продержался лишь неполных четыре месяца — и в ходе кризиса власти начал вырисовываться новый поворот в политической жизни СССР. В первую очередь произошли существенные пертурбации зловещей административно-репрессивной структуры. Подоплека заключалась в том, что сначала надо было убрать самую активную, самую опасную для каждого из членов высшего руководства фигуру¹. В фокусе перемен оказались изолирование (26 июня), а затем физическая ликвидация (23 декабря) Л. П. Берии и его подручных. В связи с этим неизбежно и со всей остротой встали вопросы о реабилитации

сотен тысяч граждан (не только советских, но, в частности, и польских), безвинно осужденных по политическим мотивам, а также об ответственности за допущенные злодеяния². В верхних эшелонах партии и государства даже робко прозвучала критика деятельности И. В. Сталина, весьма, впрочем, поверхностная³. Из опасения более радикальной и неприемлемой критики вождя на Старой площади изобрели (еще до ареста Берии) беспроектный для того беспокойного времени социотехнический ход: чтобы партийной элите дистанцироваться в глазах общества от режима личной власти, был сформулирован принцип «коллективного руководства» партией и государством⁴. Его стали навязывать руководящим кругам стран «народной демократии».

Весной и летом 1953 г. в Москве одна за другой побывали делегации руководителей восточноевропейских коммунистических и рабочих партий, чтобы получить необходимую информацию о новом политическом курсе советского руководства, согласовать с ним свои действия⁵. В начале июля прибыл в советскую столицу и Болеслав Берут⁶. Документы о его встречах с советскими руководителями пока недоступны для изучения, косвенные же данные свидетельствуют о том, что, вероятно, совместно рассматривались проекты документов по экономической политике ПОРП в связи с подготовкой II съезда партии. По данным же польского исследователя А. Скшипика, в центре внимания стояли вопросы деятельности аппарата органов безопасности, проблемы экономики и отношения государства с католической церковью⁷. Конечно, это не означает, что не обсуждались и общеполитические вопросы, в том числе новый политический курс советского руководства.

Осенью 1953 г. борьба Н. С. Хрущева за лидерство в партии увенчалась его утверждением на самой вершине властной пирамиды (в последний день работы пленума ЦК КПСС 3–7 сентября). Первоначально, уже заняв пост первого секретаря ЦК КПСС, он еще некоторое время оставался как бы в тени, но с уходом 8 февраля 1955 г. в вынужденную отставку председателя советского правительства Г. М. Маленкова явно ощутил себя главным действующим лицом на политической сцене в СССР⁸.

Важно при этом обратить внимание на то, что происходило в относительной близости от западных границ Советского Союза в хронологически небольшой отрезок времени — в летние месяцы 1953 г. 1 июня в Пльзене и некоторых других городах Чехословакии силы госбезопасности рассеяли демонстрации рабочих, при этом многие были подвергнуты арестам, а в ГДР 17 и 18 июня имели место массовые волнения в Берлине, Лейпциге, Дрездене, Дессау и Магдебурге, сурово пресеченные народной полицией при поддержке советских мотострелковых частей, усиленных танковыми подразделениями⁹. Короткие, но драматические события в двух странах Восточного блока в то время по понятным причинам не освещались в советских средствах массовой информации, между тем их следует считать симптоматичными для последующей истории всего региона, находившегося под советским контролем. В том и другом случае причина волнений была одинакова — ухудшение экономического положения населения и недовольство внутренней политикой властей. Если к этому прибавить, что в июне же в Венгрии крайне напряженный правительственный кризис разрядился (4 июля) отстранением с поста председателя Совета Министров непоколебимого адепта сталинизма М. Ракоши, то следует признать, что социально-экономическая и политическая система в этом регионе испытывала потрясения.

В это время в Польше высшие политические руководители отдавали себе отчет в известной шаткости, даже возможной опасности складывавшейся под влиянием социальных, экономических и политических факторов ситуации, но поскольку репрессивный аппарат и армия оставались под партийно-правительственным контролем, весь вопрос заключался, по всей видимости, в том, как свести к минимуму неизбежные издержки надвигающейся нестабильности. Какие методы управления следовало практиковать? Сохранять скомпрометировавший себя репрессивный режим было уже немислимо. Надо было искать новые пути, совершенствовать социально-экономическую и политическую систему, ибо Польша нуждалась во всесторонней модернизации. Но решимости инициировать реформы у политической элиты тогда явно не хватало. Объективно на первый план выдвигались проблемы повышения эффективности хозяйствования и демократизации

политического режима в стране. Однако у польского руководства продуманной концепции дальнейшего развития страны не было.

Между тем 7 марта 1953 г. крупнейший в стране индустриальный центр Катовице переименовали в Сталиногруд, а Катовицкое воеводство — в Сталиногрудское. Имя Сталина было присвоено возводимому с помощью СССР в самом центре Варшавы гигантскому Дворцу науки и культуры, а также площади, на которой он возводился. Два дня спустя более 350 тыс. варшавян продефилировали в центре города перед бюстом «отца народов», и это было бесспорным свидетельством сталинской харизмы в глазах многих поляков. Газеты наполнились соответствующими публикациями. Страна погрузилась в траур¹⁰. 28 марта в польской столице состоялся внеочередной пленум ЦК ПОРП, на котором лидер партии Б. Берут выступил с докладом «Бессмертное учение товарища Сталина — оружие борьбы за дальнейшее укрепление партии и Национального фронта»¹¹. Таким прямолинейным способом заявлено было о продолжении политической линии предшествующего периода. Взоры были обращены на восточного соседа, поскольку «команда» Б. Берута запрограммировала себя на заимствование (не всегда критическое) советского опыта строительства социализма.

Втянутая в силу своих союзнических обязательств перед СССР и другими странами Восточного блока в «холодную войну» и, как следствие этого, в изнурительную гонку вооружений, Польша переживала серьезные внутренние трудности, вызванные усталостью населения вследствие материальных трудностей повседневной жизни в разоренной войной стране. Явно ощущалась разочарованность в социальной политике правящей партии. Принятый ПОРП курс на форсированное строительство социализма — как это имело место в СССР — безоговорочной всеобщей поддержки в Польше не находил. Налицо был спад активности политических и общественных организаций.

Экономическую политику ПОРП нельзя было назвать сбалансированной. Об этом можно найти свидетельства во многих документальных источниках. Что, в частности, сообщали в МИД СССР советские дипломаты из Варшавы? В «Политико-экономическом обзоре» посольства СССР за 1953 г. сказано,

что в отчетном году польская правящая партия, «как и в предшествующие годы, проводила не вполне правильную экономическую политику. Развивая быстрыми темпами тяжелую промышленность, ПОРП не уделяла должного внимания развитию легкой и пищевой промышленности, производящей товары широкого потребления, а также сельскохозяйственному производству, в особенности производству зерновых культур и картофеля». Речь шла, стало быть, о важнейших продуктах питания населения, изнуренного войной и разрухой. «Такое положение вызывало в стране экономические трудности и отрицательно сказывалось на материальном уровне трудящихся, особенно рабочего класса»¹².

Не дала ожидаемых результатов политика «коллективизации» сельского хозяйства. То, что в 1953 г. количество производственных кооперативов впечатляюще возросло по сравнению с годом предшествующим — соответственно 7772 и 4478 (или на 73,6 %) ¹³ — не должно вводить в заблуждение: польский крестьянин, после войны получив землю в свое пользование, вовсе не торопился с нею расставаться. Тем более, что он был в достаточной мере осведомлен об издержках коллективизации в СССР. Кратковременный успех органов власти на данном направлении можно объяснить массивным административным и идеологическим давлением на беднейшие и средние слои крестьянства. Однако ментальность сельского населения вступала в противоречие с моделью кооперирования деревни, на которую ориентировались Б. Берут и его ближайшие сотрудники, и потому она изначально была обречена на неудачу.

«Больным местом» польского политического руководства были зловещие нарушения законности в стране, прежде всего преступные злоупотребления ведомства госбезопасности, поразительно напоминавшие по сути своей все то, что можно было видеть в аналогичном советском ведомстве накануне и сразу по окончании Второй мировой войны. В Польше начала 1950-х гг. масштабы репрессивной деятельности «силовых структур» были сравнительно небольшими, но они оставили глубокий след в исторической памяти поляков. Партийно-административная номенклатура, оправдывая жесткость своей внутренней политики, опиралась на сталинское «учение» о неизбежном углублении классовой борьбы по мере строительства

социалистического общества. Основные репрессии были направлены против тех, кого носители власти в Польше именовали представителями «реакционных кругов», т. е. высокопоставленных военных, политических деятелей довоенной Польши разных уровней, иерархов католической церкви, защищавших интересы иной, предшествовавшей общественной системы, потерпевшей сокрушительное поражение. Осужденные по сфабрикованным политическим обвинениям томились в заключении. Были и такие, кто уже ожидал исполнения смертного приговора, в частности известный польский военный деятель, генерал Юзеф Куропеска¹⁴.

Столь же сурово коммунистические власти расправлялись и со своими бывшими соратниками по партии, если они ориентировались на иные, нежели правящая элита, политические идеи. В строгой изоляции пребывал недавний лидер польских коммунистов Владыслав Гомулка («Веслав») — в 1945–1948 гг. генеральный секретарь ЦК ППР, летом 1948 г. обвиненный в правонационалистическом уклоне и арестованный 2 августа 1951 г. В мае 1950 г. в заключение попал также известный коммунистический деятель, член Политбюро ЦК ППР и ПОРП 1945–1949 гг. Марьян Спыхальский; по замыслу высших партийных функционеров, он «предназначался» на роль одной из ключевых фигур готовившегося очередного политического процесса. 19 марта 1953 г., когда, казалось, репрессивная политика уже должна была бы ослабевать, вновь попал в руки следственных органов один из ближайших сотрудников недавнего руководителя ППР Зенон Клишко, правда, освобожденный из Мокотовской тюрьмы 31 декабря того же года.

Не лишним будет подчеркнуть, что в Польше в рассматриваемый период, вследствие монопольного обладания властью со стороны ПОРП, политическая система стала испытывать сбои. ПОРП, которая была многочисленной (насчитывала в своих рядах свыше миллиона членов и кандидатов) и являлась стержнем польской политической системы, фактически безраздельно управляла страной. В ее руках находились основные нити государственного управления, в том числе все силовые министерства, а также законодательные органы — Сейм и Государственный Совет. Весьма некомфортно чувствовали себя так называемые «союзнические» партии

(«сторонництва»). Объединенная крестьянская партия (ОКП) по численности занимала второе место (насчитывала, по данным на конец 1953 г., около 192 тыс. членов) и была представлена в Сейме 90 депутатами (в предшествующей каденции их было 120), тремя министрами (сельского хозяйства, лесного хозяйства, почт и телеграфа) и двумя заместителями министров в правительстве (министерства юстиции и пищевой промышленности), постом вице-маршала в Сейме и тремя местами в Государственном Совете ПНР. В новом парламенте партия потеряла места вице-премьера правительства и маршала Сейма. Низовые организации ОКП в высших учебных заведениях были решением руководства распущены. Уменьшилось количество должностных лиц из числа членов ОКП в местных органах власти (например, на 40 тыс. сел в Польше сельскими старостами работали всего 7574 члена ОКП). Таким образом, «роль и значение партии в стране за последние годы уменьшилась», — отмечалось в политико-экономическом отчете советского посольства о ПНР за 1953 г.¹⁵ Ощутимо сузились возможности идеологического воспитания членов партии, так как в середине 1953 г. была ликвидирована центральная политшкола ОКП; подавляющему большинству работников центрального аппарата партии, а также председателям и секретарям воеводских комитетов волей-неволей приходилось повышать свою «идеологическую квалификацию» на заочном отделении Высшей партшколы ЦК ПОРП¹⁶. Налицо были диктат руководства ПОРП и стремление дискредитировать традиционную идеологию крестьянского движения.

В еще более незавидном положении оказалась Демократическая партия (ДП). Это была самая малочисленная польская политическая организация (в конце 1953 г. в партии состояло 44 667 чел., среди них 9787 ремесленников, остальные — представители научной и технической интеллигенции, служащие учреждений и деятели культуры). В парламенте партия была представлена 25 депутатами, располагала постом вице-маршала Сейма, а в Государственном Совете член ДП занимал пост заместителя председателя. В правительстве ДП была представлена тремя заместителями министров (внутренней торговли; высшей школы; труда и социального обеспечения). «Успешное строительство основ социализма в Польше, — полагали советские дипломаты, — ведет к неуклонному

сужению социальной базы СД (т. е. Стронництва демократичного. — *А. О.*), уменьшению ее численного состава и политической роли в стране»¹⁷. И действительно, принятое 23 февраля 1953 г. Политическим комитетом ЦК ДП решение об изменении форм работы партии привело к ликвидации партийных организаций на производстве, фактическому прекращению партийного просвещения, работы среди интеллигенции и т. д., ослабив таким образом «внутрипартийную работу в ДП и создало среди членов партии настроения безразличия»¹⁸.

Усилились гонения власти на католическую церковь. Епископат Польши 8 мая 1953 г. обратился к правительству со специальным мемориалом (его подписали глава польской католической церкви кардинал Стефан Вышиньский и епископ Зыгмунт Хороманьский), в котором выразил протест против притеснений Костела¹⁹. Реакция властей на это последовала незамедлительно — 9 мая принимается декрет, обязывавший польское духовенство присягнуть на верность новой власти. А в последние дни июня в Кракове был закрыт независимый католический «Тыгодник повсехны» (Всеобщий еженедельник), причем позднее право продолжить данное издание предоставили обществу светских католиков ПАКС, относившемуся к коммунистическому режиму более чем лояльно. Секретариат ЦК ПОРП принял строго секретные «Тезисы по вопросу политики в отношении церкви» (датированы 16 июня), адресованные воеводским комитетам партии и направленные против «наиболее реакционной части клира во главе с епископатом». Среди прочего в этом документе предлагались меры по углублению противопоставления церковной элиты и оппозиционно настроенных к епископату, но лояльно — к существующей власти так называемых ксендзов-патриотов²⁰. Не лишним будет сказать, что советские дипломаты в Варшаве, получив по своим каналам тезисы для ознакомления, посчитали их «правильными и своевременными»²¹, тем самым как бы поощряя давление ПОРП на католическую церковь.

В порядке реализации выработанной антицерковной политики начались прямые репрессии против католических верхов. 14–21 сентября 1953 г. состоялся инспирированный службой государственной безопасности судебный процесс келецкого епископа Чеслава Качмарека, обвиненного в шпионаже

в пользу Ватикана и американской разведки²². При этом нельзя не сказать о следующем: в мае 1953 г. Б. Берут через советское посольство обратился к правительству СССР с просьбой дать совет — целесообразно ли с политической точки зрения провести открытый судебный процесс над церковниками — и получил отрицательный ответ, причем подчеркивалось, что «имеющиеся обвинительные материалы недостаточно убедительны для подтверждения выдвинутых обвинений»²³. В Варшаве к совету не прислушались, и суд состоялся. Приговор был в равной мере жесток и несправедлив: 12 лет тюремного заключения для главного обвиняемого и от 10 до 5 лет — для остальных. Наконец, в ночь с 25 на 26 сентября аресту подвергся кардинал С. Вышиньский. Его прятали от паствы в разных монастырях под присмотром команды из 60 военнослужащих корпуса внутренней безопасности. Такой шаг польским общественным мнением расценивался как политически ошибочный, ведь в Польше, стране преимущественно католической, давление на католическую церковь всегда воспринималось исключительно болезненно. И в данном случае власти ожидали «волнений и беспорядков», но все каким-то образом обошлось, и это «мероприятие не вызвало каких-либо отрицательных последствий для народного государства»²⁴. Арестом Вышиньского дело все же не кончилось: были арестованы еще пять епископов. В тот момент, когда в резиденции примаса на ул. Мёдовой в Варшаве происходило оформление ареста кардинала, директор V департамента Министерства общественной безопасности полковник Юлия Брыстигерова направилась в Лодзь, где с помощью тривиального шантажа принудила местного епископа Михала Клепача, наиболее умеренного из членов епископата Польши, принять на себя председательствование на собраниях высших священнослужителей на время отсутствия главы польской католической церкви²⁵.

* * *

По следам начавшихся в СССР некоторых позитивных сдвигов высшие руководители ПОРП предприняли определенные шаги и в своей стране. В частности, известное выступление Г. М. Маленкова на сессии Верховного Совета СССР

5—8 августа 1953 г., в котором советский премьер довольно неожиданно для своих коллег по высшему руководству высказал идею о необходимости переориентации в приоритетах экономической политики КПСС (речь шла о большем, чем до той поры, внимании к производству в Советском Союзе товаров широкого потребления, о значительном увеличении капиталовложений в развитие легкой и пищевой промышленности), побудило наметить корректировку 6-летнего плана ПНР с тем, чтобы сориентировать его на улучшение ситуации в экономике страны, в частности на внутреннем рынке. При этом переориентация политической линии представлена была польской общественности не как вовремя замеченная и требующая исправления ошибка, а как заранее предусмотренная, последовательная реализация «на современном этапе» намеченного еще в 1950 г. курса²⁶. Этим занялся IX пленум ЦК ПОРП 29—30 октября 1953 г. Новый курс в экономической политике стал возможен благодаря аналогичным процессам в СССР, ГДР и Венгрии. В докладе Б. Берута ставилась задача повысить жизненный уровень «трудящихся масс»²⁷. Но этим дело не ограничилось. На том же пленуме формула «коллективного руководства» была озвучена в качестве руководства к действию²⁸. Правда, фундаментальных сдвигов в ближайшей перспективе ожидать не приходилось, ибо инерция мышления преодолевалась с великим трудом. Но дело было не только в этом. В Политбюро и Секретариат ЦК ПОРП необходим был приток свежих, более молодых и решительных кадров, а это означало бы уход с политической сцены деятелей, взращенных тоталитарной системой. Вот почему пленум в сущности прошел парадно. И не случайно К. К. Рокоссовский в одной из бесед с советскими дипломатами высказал мнение, что пленум «не внес каких-либо изменений в дело развития критики и самокритики», «носил декларативный характер», ибо «восхвалялись лишь успехи и не было критики недостатков»²⁹. Впрочем, был все же сделан один важный шаг вперед: для контроля за аппаратом общественной безопасности создали специальную комиссию в составе членов Политбюро ЦК ПОРП Ф. Мазура и Ф. Юзвьяка. Тем самым, по крайней мере формально, было положено начало процессу освобождения от произвола органов госбезопасности, сужения рамок их противоправной деятельности.

IX пленум ЦК открыл внутрипартийную кампанию по подготовке II съезда ПОРП, намеченного первоначально на январь, но затем отодвинутого на весну 1954 г. Н. С. Хрущев немедленно затребовал от аппарата ЦК КПСС и МИД СССР справочные материалы о Польше и ее социально-экономических проблемах, а также о внутренних проблемах ПОРП. Так появились три связанных между собой документа: посол СССР в ПНР Г. М. Попов и заведующий 4-м Европейским отделом МИД СССР М. В. Зимянин подготовили для главы советского внешнеполитического ведомства В. М. Молотова записку «Вопросы Польши», Г. М. Попов представил в отдел ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями записку «О некоторых вопросах внутрипартийной жизни Польской объединенной рабочей партии», а указанный отдел ЦК направил уже лично Н. С. Хрущеву обобщающий материал о внутрипартийной жизни ПОРП, подписанный заместителем заведующего отделом И. Т. Виноградовым³⁰. Все три документа ценны тем, что в совокупности дают возможность выявить проблемы, которые более всего беспокоили советское руководство применительно к Польше, ориентировали высших советских руководителей при подготовке к встрече 28 декабря 1953 г. с Б. Берутом, который прибыл в Москву для консультаций в связи с завершающим этапом подготовки съезда польской партии.

Во встрече с польским руководителем приняли участие Г. М. Маленков, В. М. Молотов, Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин, а также Г. М. Попов. Обсуждались три крупных тематических блока: экономическая политика польского правительства, актуальная политическая обстановка в Польше и организационные вопросы деятельности ЦК ПОРП. Б. Беруту пришлось выслушать довольно резкие критические замечания в адрес польского руководства за провалы в области экономики (низкий уровень жизни рабочих и служащих, неудовлетворительное положение с обеспечением населения продовольствием, особенно хлебом, ориентация польской индустрии на промышленное сырье Советского Союза). Критику вызывала также политика коллективизации в Польше, темпы ее представлялись советским руководителям совершенно неудовлетворительными, ненормальной казалась подмена «массовой

политической работы» в деревне «голым администрированием», практика необоснованных арестов крестьянства.

«По инициативе руководства ЦК КПСС», как подчеркнуто в источнике, рассматривался вопрос о разделении постов председателя Совета Министров и руководителя партии. Б. Беруту порекомендовали возглавить правительство, а А. Завадскому — партию, но польский лидер с этим не согласился и пожелал остаться во главе партии. Что касается Завадского, то он, по мнению Берута, не пользовался в партии достаточным авторитетом, вдобавок не отличался крепким здоровьем. На этом рекомендации персональных перестановок не закончились: например, Я. Бермана советские руководители предпочитали видеть в Совете Министров (с сохранением в составе Политбюро ЦК), а Г. Минца предложили освободить от обязанностей председателя Государственной комиссии хозяйственного планирования (но сохранить в Политбюро ЦК и Совете Министров). Обращают на себя внимание два следующих момента. Во-первых, рекомендовалось «серьезно заняться выдвижением руководящих кадров из числа выросших и преданных партии товарищей польской национальности», что, с одной стороны, было связано с обострением проявлений антисемитизма в польской политической элите (через два года эта проблема заявит о себе на страницах периодической печати и доставит немало хлопот польскому руководству), а с другой — с намерением избавиться от наиболее одиозных деятелей уходящего в прошлое периода. Во-вторых, в ходе обсуждения кадровых вопросов было высказано соображение с осторожностью подходить к выведению из высшего руководства бывших деятелей Польской социалистической партии (ППС), и прежде всего Ю. Циранкевича, профессионально и гибко осуществлявшего руководство государственными делами. На II съезде ПОРП предлагалось вновь ввести в Политбюро К. Рокоссовского, но привлечь его там к более активной работе. Все эти рекомендации Б. Берут в скором времени принял к исполнению.

Цитированные документы показывают реальное действие механизмов взаимоотношений представителей советского и польского высшего политического руководства. При совместном рассмотрении наиболее существенных проблем, как правило, учитывалась оценка, высказанная советской стороной.

Вероятно, на упомянутой встрече речь шла также о служебной деятельности вице-директора X Департамента (контрразведка) Главного управления информации Войска Польского полковника Анатолия Фейгина, отправленного в отставку 31 декабря 1953 г. за систематические нарушения законности в ходе следственных действий.

Как часто бывало на подобных конфиденциальных встречах, не обошлось без просьб польской стороны о материальной помощи. Б. Берут в этот раз просил выделить Польше 25 т золота, 300 тыс. тонн хлеба, дополнительно на 1954 г. выделить 300 тыс. тонн железной и 200 тыс. тонн марганцевой (вместо намеченных 117 тыс. тонн) руды³¹. Но понимания советской стороны просьбы эти не встретили, особенно та, которая касалась золота.

* * *

Советско-польские межгосударственные отношения в 1953 г. нельзя назвать богатыми на примечательные события. Скорее речь должна идти о рутинных фактах. Так, 22 апреля 1953 г. в Москве был подписан протокол о товарообмене и платежах, 28 августа в Москве — протокол о внесении частичных изменений в соглашения о поставках Польше в кредит промышленного оборудования (1948, 1950), 4 ноября в Варшаве — протокол о завершении поставок польского угля Советскому Союзу по так называемым специальным ценам (о которых речь пойдет в последующих главах), 18 декабря в Москве — протокол об оказании Советским Союзом помощи в строительстве металлургических заводов «Нова Гута» и «Варшава». Для развития экономических связей между ПНР и СССР все это имело, безусловно, позитивное значение, поскольку реально способствовало укреплению экономического потенциала стран-союзников. Довольно интенсивно (по меркам того времени) развивались научные и культурные связи. 2 ноября в Варшаве закончилась 6-я сессия советско-польской комиссии по научно-техническому сотрудничеству, которая на государственном уровне координировала научные связи. Постепенно стали налаживаться личные контакты между гражданами и практические связи общественных организаций обеих стран, что, несмотря на небольшой объем

контактов, открывало пути к взаимному познанию, отягощенному, правда, господствовавшими тогда идеологическими стереотипами³².

Что касается дипломатических отношений СССР и Польши в этот период, то им свойственны были шероховатости, возникавшие в связи с недостаточным вниманием руководителей СССР к польскому направлению своей внешней политики. Любопытно свидетельство Вацлава Левиковского, в то время польского посла в Москве. 18 июня 1953 г. он был приглашен министром иностранных дел СССР В. М. Молотовым, от которого услышал, что Советское правительство отзывает из Варшавы своего полномочного представителя А. А. Соболева в связи с новым назначением, а на его место просит принять Г. М. Попова, рекомендуя последнего как хорошего специалиста по хозяйственным вопросам. Левиковский хотел было задать уточняющий вопрос, но Молотов в свойственной ему безапелляционной манере прервал польского визитера и сделал многозначительный намек: Попову поручаются «не столько экономические проблемы, сколько **такого рода вопросы, как в Германии**, правда, там уже все в порядке, но именно такое нужно знать заблаговременно, понимать это и сигнализировать»³³. После известных событий в ГДР 17–18 июня, то есть уже в день подавления массовых выступлений немецких рабочих, заявление Молотова прозвучало весьма прозрачно.

22 июня 1953 г. Президиум Верховного Совета СССР назначил на пост чрезвычайного и полномочного посла в Польше Г. М. Попова³⁴. Это назначение оказалось крайне неудачным по своим ближайшим последствиям. Типичный выдвигенец-карьерист, занимавший высокие партийные (член ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС), государственные (министр городского строительства СССР, министр сельскохозяйственного машиностроения СССР) и советские (председатель исполкома Моссовета) посты, Г. М. Попов, в свое время рекомендованный Г. М. Маленковым самому И. В. Сталину, оказался на дипломатической службе, не имея к тому никакого призвания и соответствующей подготовки. Понятно, что свою работу на дипломатическом поприще он рассматривал как «почетную ссылку» и в Польше откровенно держал себя как наместник. Хорошо знавший Попова еще с предвоенных

лет, а затем в 1953–1954 гг. как консул СССР в Кракове, Ю. В. Бернов свидетельствует, что это был грубый, бесцеремонный и заносчивый человек, не терпевший возражений ни от своих подчиненных, ни от польских официальных лиц, с которыми ему приходилось контактировать³⁵. Миссия нового советского посла в Польше продолжилась не полный год. Ю. В. Бернов пишет: «Во время одной из бесед с Б. Берутом, собрав в одну кучу все кажущиеся ему ошибки и просчеты в деятельности польского руководства, он как бы в шутку заявил Б. Беруту, что за такую работу он не стал бы держать его даже секретарем райкома партии Московской области. После этого Берут позвонил Хрущеву и сказал, что если он не может быть даже секретарем райкома, то он поставит перед Политбюро ЦК ПОРП вопрос о своем освобождении от обязанностей первого секретаря ЦК ПОРП и председателя Совета Министров ПНР»³⁶. Понятно, что после подобной «шутки» исход дипломатической карьеры Г. М. Попова был предрешен³⁷, и скандальная ситуация разрешилась специальным постановлением Президиума ЦК КПСС³⁸. Согласно этому документу, Г. М. Попов устранялся из дипломатического ведомства за допущенные грубые политические ошибки; чрезвычайным и полномочным представителям СССР за рубежом строго-настрого предписывалось действовать в странах пребывания сугубо по конкретным директивам советского правительства, без малейших отклонений от них.

С точки зрения дальнейшего углубления межгосударственных отношений в социалистическом лагере этот документ следует признать знаменательным. Н. С. Хрущев и его ближайшее окружение отдавали себе отчет в том, что времена грубого диктата лишь компрометировали контакты и сотрудничество советской дипломатии со странами-союзниками в рамках Восточного блока.

2. Прелюдия. Начиная с 1954 г. в повседневной жизни Польши можно обнаружить две группы факторов, воздействие которых на общественное сознание предопределило последующие кардинальные сдвиги в духовной сфере: с одной стороны, стремление наиболее динамичных слоев общества, прежде всего интеллигенции и студенческой молодежи, преодолеть господствовавшие в стране рутину и апатию, а с другой —

попытки руководящих кругов ПОРП тем или иным образом приспособить административно-командную систему к новым условиям.

Но, как уже говорилось, вопрос об экономических и политических реформах тогда никем пока что не ставился, ибо ни ПОРП в лице ее руководителей разных уровней, ни «союзнические» партии, ни общественные организации к этому готовы еще не были и никаких проектов не выдвигали. Тем не менее какие-то сдвиги, еще достаточно глубоко скрытые процессы уже формировались. Вот только один характерный пример. 4 марта 1954 г. в Варшаве на совещании партийного актива в Министерстве общественной безопасности министр С. Радкевич в своем выступлении осудил практику нарушения законности, стремление аппарата принуждения выйти за пределы партийной опеки³⁹. Правда, эта критика тогда не получила общественного резонанса, так как была обращена к весьма узкому кругу слушателей-профессионалов и вследствие этого фактически не вышла за пределы ведомства.

Состоявшийся 10–17 марта 1954 г. очередной II съезд ПОРП, на котором во главе советской партийной делегации присутствовал и Н. С. Хрущев, по основным политическим и идеологическим проблемам по существу занял консервативные позиции, хотя в документах съезда можно было заметить некоторые новые, непривычные формулировки в партийной линии. Так, делался акцент на необходимости демократизации и партии (возврат к «ленинским нормам внутрипартийной жизни»), и общества в целом, на укреплении коллегиальности как важнейшего принципа руководящей деятельности, критиковались административные методы и т. п. Но этого было, конечно, мало, да и звучало по большей части декларативно и не могло снять социального дискомфорта прежде всего материально недостаточно обеспеченных слоев общества. Научно-технической интеллигенции, рабочим, крестьянству, военным, студенческой молодежи, а в равной степени политическим партиям и общественным организациям, надо было объяснить, почему десять лет строительства новой социально-экономической формации взамен межвоенной не дают нужных результатов. Тем более что три глубоких корректировки принятого в 1950 г. 6-летнего плана народнохозяйственного развития не привели к заметным

позитивным сдвигам в функционировании польской экономики⁴⁰.

В отчетном докладе ЦК ПОРП, с которым выступил Б. Берут, обществу был предложен иной, как бы более перспективный вектор экономического развития страны: намечалось большее, чем обычно, финансирование социальной сферы. Дело в том, что польские руководители, ориентируясь на советскую модель народнохозяйственного планирования и в полном соответствии с тогдашней сталинской теорией «строительства социализма», главное внимание уделяли тяжелой промышленности. И в этом можно усмотреть свою логику, поскольку «холодная война» диктовала присущие ей условия игры и оборонный потенциал необходимо было укреплять, причем в кратчайшие сроки. Тут сказывалась интегрированность Польши в сферу советской внешней политики на европейском направлении. Свою полную идеологическую приверженность догматам кремлевских стратегов Б. Берут подтвердил, как только повел речь о теоретических основах построения общества «социальной справедливости» в Восточноевропейском регионе: «Именно таким путем, подтвержденным и конкретизированным благодаря **историческому опыту победоносного сталинского социалистического строительства в СССР**, развивалась народная революция во всех странах народной демократии, в том числе и в Польше»⁴¹. Та же мысль, хотя и не в столь обнаженной форме, была закреплена в уставе ПОРП, принятом съездом⁴².

Видный экономист и основной разработчик 6-летнего плана вице-премьер Г. Минц в своем докладе сказал: «Основная цель, которую настоящий съезд ставит перед партией, рабочим классом, трудящимся крестьянством, народной интеллигенцией, перед всем народом, — это значительное повышение жизненного уровня трудящихся масс нашей страны. Эта цель является главной осью всех наших начинаний и устремлений»⁴³. Прозвучали его слова многообещающе и произвели известное впечатление. Но вот вопрос: соответствовало ли заявление Г. Минца экономическим возможностям страны и отдавали ли себе в этом отчет руководители Польши? Тем не менее присутствовавший на съезде Н. С. Хрущев мог испытывать чувство известного удовлетворения: по всем

сколько-нибудь существенным вопросам внутренней политики ПОРП заняла «правильные» позиции.

В избранный на первом пленарном заседании ЦК ПОРП (17 марта) новый состав Политбюро вошли (в порядке опубликования соответствующей информации центральным партийным органом газетой «Трыбуна люду»): Болеслав Берут, Александр Завадский, Юзеф Циранкевич, Гилярый Минц, Зенон Новак, Константин Рокоссовский, Эдвард Охаб, Якуб Берман, Францишек Мазур, Францишек Юзвяк, Станислав Радкевич, Владыслав Двораковский и Роман Замбровский, кандидаты в члены Политбюро: Адам Рапацкий и Гилярый Хелховский. По сравнению с предшествующим составом изменения произошли минимальные и никак не повлияли на внутренние расстановки: членом Политбюро стал В. Двораковский, А. Рапацкий был переведен из членов Политбюро в кандидаты, а С. Матушевский выведен вовсе из высшего политического руководства⁴⁴.

Из названных партийных и государственных руководителей абсолютное большинство (12 человек из 15) — это люди с солидным стажем нелегальной коммунистической деятельности в межвоенной Польше (в КПП, распущенной, как известно, в 1938 г. по прямому указанию И. В. Сталина). Завадский, Минц, Охаб, Берман и Радкевич с началом Второй мировой войны оказались на территории СССР, выдвинулись там на передний план в Центральном бюро польских коммунистов и Союзе польских патриотов, а с освобождением польских территорий от фашистской оккупации направились в Люблин для организации новой власти. Именно они (за исключением, впрочем, А. Завадского) на протяжении ряда лет составляли вместе с Б. Берутом узкий круг польского политического руководства⁴⁵.

Паритета представителей ППР и ППС в Политбюро не предусматривалось. В составе партийного «ареопага» лишь Ю. Циранкевич и А. Рапацкий в свое время были признанными руководящими деятелями ППС. Любопытно следующее свидетельство Н. С. Хрущева. В своих воспоминаниях он утверждает, будто благодаря именно его личным усилиям Ю. Циранкевич получил пост председателя Совета Министров ПНР (премьером был в 1947–1952 гг., затем в 1952–1954 гг. назначен вице-премьером) и сохранил членство в Политбюро

ЦК ПОРП, когда решался вопрос о комплектовании высшего политического руководства. Хрущев считал, что для общеполитической стабильности важно не подрывать коалиции ППР и ППС в рамках объединенной ПОРП, и в качестве главного аргумента в пользу своей точки зрения приводил примеры Болгарии, Венгрии, Чехословакии и ГДР, в которых вся политическая система выстраивалась для видимости на «сотрудничестве» коммунистов с другими партиями⁴⁶. В соответствии с принятой в те времена практикой межпартийных взаимоотношений, состав высшего политического руководства стран-союзников согласовывался с руководителями КПСС. Польша не была здесь исключением.

Следует специально оговорить позицию члена Политбюро ЦК ПОРП, маршала Советского Союза Константина Рокоссовского, прославившегося на фронтах Великой Отечественной войны. В 1949 г. он был направлен лично И. В. Сталиным в Войско Польское для строительства польских вооруженных сил и укрепления там советского влияния. Поставленные перед ним задачи Рокоссовский старался выполнять со всею ответственностью⁴⁷. Тем не менее он как маршал Польши и руководитель военного ведомства ПНР чувствовал себя не лучшим образом (в польских высших военных и партийных кругах было хорошо известно, что он тяготился своей должностью⁴⁸) и, будучи человеком достаточно прямолинейным и неспособным к двойным стандартам, на польской политической сцене себя ничем особенно примечательным в сущности не проявил. Другое дело — сфера военного строительства в Польше.

* * *

1954 год принес некоторые новые явления в культурной сфере, не имевшие прецедента в ПНР. В творческих организациях, в печати началась борьба с набившим оскомину схематизмом. Но при этом, пишут польские исследователи, «основным каноном творчества» и в дальнейшем оставался социалистический реализм⁴⁹. Начался осторожный поворот лицом к Западу, прежде всего к его киноискусству, литературе, журналистике. Феноменальной популярностью пользовался красочно иллюстрированный еженедельник «Доокола

свята» («Вокруг света»), как бы олицетворявший информационный канал в совсем другой мир. Широко укоренилась микрокультура кабаре с их остроумными, злободневными куплетами, в том числе и на политические темы. Тогда же в мае был основан и в скором времени получил известность варшавский самодеятельный Студенческий театр сатириков, а с осени в Гданьске начал показывать свои сатирические программы студенческий театр «Бим-Бом». В газетах и журналах появились материалы, которые ранее не пропускались цензурой, так как не соответствовали идеологическим установкам и культурной политике партии. Например, в прессе теперь можно было встретить не мыслимые до той поры прямые намеки на возможность иного — не однозначно негативного и нигилистического — подхода к тем участникам движения Сопротивления, которые боролись с немецкими оккупантами в рядах Армии Крайовой. Такие шаги не остались незамеченными общественностью, ибо это были самые первые симптомы приближавшейся «оттепели». В российских архивах сохранилась записка художника Н. Н. Жукова о его личных впечатлениях об участии в выставке советской графики, организованной Министерством культуры СССР в Варшаве в сентябре 1954 г. В документе можно найти любопытные сведения о восприятии посетителями выставки «реализма» советских художников. Они свидетельствовали об откровенных и смелых, хотя, быть может, дискуссионных, оценках идеологизированного искусства в СССР⁵⁰.

В сентябре 1954 г. недюжинное событие произошло в спокойном, культурном Познани: рабочие машиностроительного завода ЗИСПО (бывший «Х. Цегельский») выступили с коллективным социальным требованием — повысить заработную плату и справедливо распределять жилье⁵¹. Их не остановило то, что власти могут истолковать коллективный протест как саботаж и сурово наказать протестантов. Это означало преодоление рабочим коллективом такого существенного социопсихологического фактора, как барьер страха. Но дело обошлось не административными мерами, а уступками администрации⁵².

Вероятно, это простое совпадение, но сентябрь 1954 г. стал своеобразным рубежом в ходе надвигавшегося кризиса в Польше середины 50-х гг. Нарушения законности органами

государственной безопасности секретом не были, но их обсуждение чаще всего замыкалось в сфере семьи и дружеского круга. Несопоставимо более широкая аудитория оказалась у полковника ведомства госбезопасности Юзефа Святло, который о многих фактах нарушения законности в Народной Польше, чему он был, по его словам, свидетелем, рассказал по радио «Свободная Европа». Заграничные радиостанции, как во всем социалистическом лагере, глушились спецслужбами, но проникнуть в эфир, чтобы почерпнуть альтернативную информацию, все же было возможно, и многие рядовые польские граждане всеми способами стремились ее получить. Прибыв еще в декабре 1953 г. в Западный Берлин в служебную командировку, Ю. Святло неожиданно исчез, но вскоре объявился в США и там предложил свои услуги государственному департаменту. Первое его выступление (на пресс-конференции в Вашингтоне) вышло в эфир 28 сентября 1954 г., а затем был подготовлен цикл специальных передач, транслированных на Польшу. Перебежчик представил столь невыгодную для польских властей компрометирующую информацию, что далее утаивать от общественности состояние дел в госбезопасности стало просто бессмысленно.

Уже 19 октября, сразу после первой серии выступлений в эфире Ю. Святло, Политбюро ЦК ПОРП рассмотрело сложившуюся щекотливую ситуацию⁵³. Затем Польское агентство печати опубликовало 25 октября официальное сообщение о побеге высокопоставленного офицера, а в связи с этим и о злоупотреблениях в Министерстве общественной безопасности — фабрикации обвинений против честных граждан, неудобных по тем или иным политическим мотивам или даже вовсе без таковых. Далее 8 ноября последовал арест полковника Ю. Ружаньского — директора следственного департамента МОБ, прямо при выходе из здания ЦК ПОРП, где он давал пояснения в Центральной комиссии партийного контроля⁵⁴.

Как выяснилось позднее, зловещую роль в расследовании политических обвинений и фабрикации на этой основе ложных показаний сыграли прибывшие из СССР для «укрепления» аппарата польской военной контрразведки полковники Дмитрий Вознесенский и Антоний Скульбашевский. Оба находились в постоянном контакте с Л. П. Берией, оба считали

возможным применять физические методы воздействия в отношении подследственных и систематически этим пользовались на практике. 31 декабря 1953 г. (по другим данным — 1 января 1954 г.) Вознесенского уволили из органов военной контрразведки в связи с нарушениями законности. Скульбашевский оставался еще некоторое время на прежнем своем месте. В мае 1954 г. оба были отозваны в СССР⁵⁵.

24–25 ноября 1954 г. на заседании Политбюро ЦК ПОРП рассматривался вопрос о реорганизации Министерства общественной безопасности. Протокол заседания очень скупо показывает обсуждение данного вопроса, отражая главным образом политические решения в сфере реформирования системы органов государственной безопасности (в том числе судьбу пользовавшегося дурной славой управления информации Министерства национальной обороны), а также персональные назначения⁵⁶. Правда, некоторые косвенные источники позволяют судить о позиции, которую занял на обсуждении министр Станислав Радкевич. Оправдывая себя, он весьма неуклюже «признал на заседании Политбюро, что, полностью доверившись своим заместителям (в 1949–1954 гг. это были М. Метковский, К. Светлик, Р. Ромковский, В. Левиковский и Я. Птасинский. — *А. О.*), он зачастую не знал, что действительно происходит в его аппарате». Далее в источнике без персональной привязки сообщается: «Среди части руководящих работников министерства было распространено мнение, что не следует информировать партию о всех подробностях деятельности органов безопасности, так как якобы партия еще не доросла до этого». В результате создались условия, позволившие «втершемуся в доверие к одному из зам[естителей] министра (Р. Ромковскому. — *А. О.*) провокатору Свято вести свою вредительскую работу»⁵⁷. Как видим, оба «аргумента», если они в действительности были высказаны министром, не выдерживали критики и только еще больше компрометировали его положение.

Протокол заседания позволяет сделать вывод, что рано или поздно в правящей партии, а затем и в обществе в целом должна была созреть мысль о персональной ответственности за нарушения законности и о том, какие необходимо принять меры для исправления ситуации. При этом, выражаясь фигурально, искали козла отпущения.

К этому времени в Польше определились новые качественные факторы в идеологической сфере, а именно изменился характер средств массовой информации, в первую очередь периодической печати. Государственная цензура стала менее строго смотреть на публиковавшиеся материалы, в которых время от времени содержалась завуалированная, а порой даже открытая критика правящей партии и административных органов. Феномен этот недостаточно прояснен в научной литературе и нуждается в дальнейшем исследовании. Из инстанций никаких указаний об ослаблении контроля цензура не получала, по крайней мере документы об этом пока неизвестны. Создается впечатление, что критицизм зародился спонтанно.

С осени 1954 г. ведущая роль в польских печатных средствах массовой информации выпала студенческому еженедельнику «По просту» («Попросту»), до той поры слышному совершенно заурядным изданием. В редакционном коллективе сложилось убеждение, что необходимо предпринимать какие-то реальные практические шаги, чтобы стряхнуть с общества оцепенение, вызванное сталинизмом. 25-летнему главному редактору «По просту» Элигиушу Лясоте и руководимой им немногочисленной группе молодых, наделенных энергией и отвагой журналистов-единомышленников (Анна Братковская, Станислав Хелстовский, Рышард Турский и др.) принадлежит бесспорная заслуга в пробуждении польского общественного мнения, привлечении его внимания к невралгическим точкам социальной и политической жизни Польши.

Сначала в «По просту» публиковались статьи, касавшиеся преимущественно социальных аспектов жизни польского студенчества, и они своей неординарностью сразу привлекли внимание пресыщенного подцензурной прессой читателя. Затем что-то и как бы неприметно произошло, и этот конкретный момент не удастся уловить в доступных источниках. В политических партиях, в массовых общественных организациях, в молодежном движении начинается умственное брожение. Активизируются внутрипартийные процессы, начинают заявлять о себе разного рода общественные инициативы, но доминируют обсуждения разнообразных общественных проблем, захватывающие все более широкие круги участников. Чаще всего критические стрелы направлялись в сторону

тех, кто олицетворял партийно-правительственную номенклатуру.

Впервые открытая и достаточно неприятная критика в адрес партийного истеблишмента прозвучала в ЦК ПОРП 29 ноября — 1 декабря 1954 г. в ходе совещания центрального партийного актива (в научной литературе за ним закрепилось название «Ноябрьское совещание 1954 г.»). Стенограмма этого совещания, которое по праву можно назвать вехой в драматической истории партии⁵⁸, лишь в 1990 г. стала доступной для исследователей⁵⁹, а до той поры в их распоряжении были лишь короткие, недостаточно информативные фрагменты воспоминаний некоторых участников события⁶⁰. Из этого источника видно, что с докладом об «актуальных задачах партийной работы» выступил Б. Берут, который ставил своей целью в самой общей форме проанализировать выявившиеся недостатки в работе ведомства общественной безопасности (злоупотребления, творившиеся в отдельных звеньях этой силовой структуры) и, кроме того, обратить внимание на необходимость модернизации хозяйственной политики партии. Критика высшего партийного руководства действительно нашла место в его выступлении, хотя ее следует признать более чем скромной (в докладе речь шла о недостаточном контроле органов безопасности со стороны Политбюро ЦК). Выступление Берута было поддержано Г. Минцем, но сам идеолог польской индустриализации отделался от критических замечаний общими красивыми словами и даже, покидая трибуну, услышал аплодисменты в свой адрес. Э. Охав также безусловно поддержал Берута.

Между тем совещание постепенно приняло иной, непредвиденный оборот. Если сначала участники дискуссии как бы не покушались на авторитет Б. Берута, в основном соглашаясь с главными тезисами его доклада, направляя острие критики преимущественно в адрес С. Радкевича и частично — его куратора Я. Бермана, то спустя какое-то время первоначально умеренные по содержанию и элегантные по форме замечания исчезают. Некоторые наиболее решительные участники совещания вопреки обыкновению уже не демонстрировали показного согласия с выступлениями партийных лидеров и не аплодировали в «предусмотренных» для подобных акций местах. Вместо этого аудитория ставила на обсуждение

актуальные проблемы партийной жизни: очевидные «проколы» в экономической политике; явно ощутимый отрыв политической элиты от среднего звена партийных работников и рядовой партийной базы; голое администрирование вместо терпеливого убеждения и политических методов; роспуск накануне войны Коммунистической партии Польши по сфабрикованным обвинениям и др. Неожиданно член ЦК ПОРП, председатель Центрального Совета польских профсоюзов Виктор Кloseвич поставил под сомнение юридическую правомерность пребывания В. Гомулки под арестом, и еще несколько человек высказалось по данному поводу⁶¹. Это произвело большое впечатление на аудиторию, усиливавшееся еще и потому, что ни один из присутствовавших на совещании членов высшего политического руководства проблемы «гомулковщины» не рискнул затронуть ни в каком виде.

В заключительном слове Б. Берут признал критику в адрес Политбюро ЦК справедливой⁶². Никаких сообщений о совещании в ежедневную печать предоставлять не предполагалось. С основными проблемами, обсуждавшимися в дискуссии, познакомили лишь самый верхний слой партийных активистов. И все же, несмотря на настойчивое требование лидера партии «не выносить сор из избы», сведения о дискуссии, хоть и далеко не полные, все-таки попали в партийные «низы» и стали подтачивать традиционное представление о непогрешимости высокопоставленных партийных функционеров, что сыграло существенную роль в генезисе политического кризиса 1956 г. в Польше. В свое время один из первых исследователей данной темы З. Козик справедливо подчеркивал: начиная с «ноябрьского актива», критика в адрес партийных «верхов» будет повторяться, «ломаая укоренившийся стереотип связи руководства и центрального актива»⁶³.

Вскоре последовали «организационные выводы». 7 декабря 1954 г. Министерство общественной безопасности было расформировано, а на его базе созданы Министерство внутренних дел и Комитет по делам общественной безопасности при Совете Министров ПНР. Польские руководители последовали, как видим, примеру своих советских коллег, унифицируя силовые структуры. Министром внутренних дел был назначен В. Виха, председателем комитета госбезопасности — В. Дво-раковский, а прежний глава расформированного министерства

Ст. Радкевич перемещен на пост министра государственных земельных хозяйств, что для всех выглядело довольно странно, поскольку с аграрным сектором Радкевича связывало только социальное происхождение.

Но кадровыми перемещениями в силовых структурах дело не закончилось. Было принято очень важное политическое решение, а именно: 13 декабря 1954 г. освободили из заключения В. Гомулку, причем во всеуслышание заявлено об этом не было, чтобы не будоражить общественность и не превращать в сенсацию сам факт освобождения. Дело в том, что в массовом сознании уже интенсивно формировался и функционировал миф Гомулки — жертвы сталинизма. В глазах совершенно разных по ментальности людей его окружал ореол политического деятеля, который провел в суровой подпольной борьбе все годы немецкой оккупации, отважно противостоял некоторым внешнеполитическим акциям кремлевского руководства (например, в вопросе отношения восточноевропейских коммунистических и рабочих партий к Югославии в первые послевоенные годы), а затем, будучи несправедливо обвиненным в 1948 г. в правонационалистическом уклоне и отстраненный от руководства партией, подвергся в 1950 г. политическим репрессиям со стороны догматиков в польском коммунистическом руководстве. Его все помнили как создателя идеологии «польского пути к социализму», противопоставлявшейся тоталитарной советской модели строительства «общества социальной справедливости». Этот «польский путь к социализму» казался либеральной версией социального эксперимента, который ценой невероятного напряжения и жертв стремились реализовать коммунисты. Своеобразие же этой модели заключалось в том, что принимались во внимание свойственные Польше многоукладная социальная структура (наличие частной собственности в городе и деревне), многопартийность политической системы (в основе своей формальная, ибо на самом деле капитально усеченная), монопольное положение римско-католической церкви в религиозной сфере, плюрализм культурной жизни⁶⁴.

Измученный одиночеством, физическим недомоганием и неизвестностью, но не сломленный, не признавший себя виновным хоть в чем-либо, «Веслав» первоначально вовсе не помышлял о дальнейшей политической деятельности.

Вероятно, именно на это и рассчитывали те, кто нес прямую ответственность за нарушения законности.

* * *

Заменить Г. М. Попова на посту посла СССР в Польше предстояло Н. А. Михайлову, о чем 22 марта 1954 г. заместитель министра иностранных дел СССР В. А. Зорин поставил в известность польского посла в Москве В. Левиковского⁶⁵. Ровно через месяц новый советский посол вручил свои верительные грамоты председателю Государственного Совета ПНР. Его биография — это зеркальное отражение успешной партийно-государственной карьеры в стране, где вошло в силу то поколение видных советских управленцев, которое было воспитано на идеях Октябрьской революции и первых успехов модернизации технического потенциала страны. Получив образование в высшем учебном заведении, готовившем идеологически выдержанных в духе ортодоксального марксизма представителей советской интеллигенции (московский Коммунистический университет), Н. А. Михайлов в 1930-е гг. подвизался на поприще журналистики и достиг престижного поста главного редактора «Комсомольской правды». В 1938–1952 гг. он был секретарем ЦК ВЛКСМ, а в 1952–1953 гг. — принадлежал уже к высшей партийной номенклатуре как секретарь ЦК КПСС. В 1953–1954 гг. был первым секретарем Московского областного комитета партии. Один из самых многолетних членов ЦК партии (1939–1971). Но дальнейшая карьера его связана все же не с партийной, а с дипломатической и государственной деятельностью⁶⁶.

Работа Н. А. Михайлова во главе советского посольства отмечена повышенной активностью в налаживании советско-польских межгосударственных отношений, стремлением исправить невыгодное впечатление, которое сложилось в верхах ПНР от его предшественника на посту полномочного представителя СССР. В то же время «почерку» Михайлова присуща была черта, о которой Ю. В. Бернов сообщает в своих воспоминаниях: «Он хотел показать польскому руководству свое стремление оказать содействие Польше в решении многих стоящих перед страной вопросов. Поэтому он забрасывал дипломатический состав посольства и нас, консулов,

различными инициативными поручениями, зачастую в спешке без должного учета возможностей нашей страны, и поэтому многие из них, направленные в Центр, оставались без ответа и дальше корзины не уходили». В то же время мемуарист отметил и позитивные личные качества посла: «Михайлов был очень общителен, умел устанавливать контакты с польскими товарищами и дипломатическим корпусом. Руководство ПНР относилось к нему с большим уважением, так как видело в нем советского дипломата, который искренне стремился оказать польскому народу помощь в строительстве новой жизни»⁶⁷.

На своем дипломатическом посту Н. А. Михайлов проработал немногим больше года — с конца апреля 1954 г. до начала мая 1955 г. Нареканий польского руководства не вызывал, скорее искреннее сожаление польской стороны по поводу довольно быстрого окончания его дипломатической миссии, и был отозван в Москву в связи с назначением на пост министра культуры СССР. За время пребывания Н. А. Михайлова в Польше был подписан ряд важных документов в сфере экономических и научно-технических отношений СССР—ПНР, в том числе Соглашение между правительствами ПНР и СССР о поставке судов из Польши в Советский Союз в 1956—1960 гг. (Варшава, 23 октября 1954 г.); Соглашение между ПНР и СССР об установлении регулярного воздушного сообщения между Польшей и Советским Союзом (Варшава, 18 февраля 1955 г.); Соглашение об оказании Советским Союзом помощи Польше в деле развития исследований по физике атомного ядра и использованию атомной энергии для нужд народного хозяйства (Москва, 23 апреля 1955 г.)⁶⁸.

3. Польская «оттепель». Дальнейшим шагом польского правящего слоя в обсуждении проблем модернизации механизмов власти был III пленум ЦК ПОРП, состоявшийся 21—24 января 1955 г. Основной доклад Политбюро ЦК «Задачи партии в борьбе за усиление повседневной связи с трудящимися массами» (Б. Берут) в меру критически оценивал деятельность партии и ее политического руководства. При этом в докладе было отдано предпочтение формуле деперсонификации критики: ошибки высшими руководителями ПОРП были допущены, но конкретных виновников не было (за исключением

тех нескольких человек, в отношении которых последовали «организационные выводы»). В дискуссию записалось 66, выступило 43 человека⁶⁹. Пожалуй, уже одно это свидетельствовало о разных подходах к обсуждавшимся на пленуме вопросам⁷⁰. К уже определившемуся на «Ноябрьском совещании актива» 1954 г. противостоянию членов и кандидатов в члены ЦК, с одной стороны, Политбюро ЦК партии — с другой, добавилось новое: взаимные упреки в грехах подлинных и мнимых⁷¹.

В зале заседания декларативно звучали входившие в моду партийные заклинания — самокритика, коллегиальность руководства, ленинские принципы партийной жизни, преодоление бюрократических перекосов и т. д. Они заполнили текст принятого пленумом решения, сделав его в сущности безадресным. Лишь вопрос о злоупотреблениях в структурах госбезопасности содержал персональную критику, в результате чего виновные понесли наказание, впрочем не слишком суровое. В связи с этим пленум принял постановление «Вопрос о работе органов общественной безопасности, а также об усилении контроля партии за деятельностью этих органов»⁷².

Пленум произвел важные кадровые перестановки на верхних ступенях партийной номенклатуры. На это стоит обратить внимание. В. Двораковского освободили от обязанностей члена Секретариата ЦК ПОРП в связи с его назначением, как уже говорилось, на государственный пост, а вместо него в Секретариат ЦК ввели двух перспективных, энергичных партийных деятелей, не достигших даже 40-летнего возраста: Владыслава Матвина, с января 1954 г. по март 1956 г. он одновременно руководил «Трибуной люду» («Трибуна народа») в качестве главного редактора, и заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК Ежи Моравского. Оба в межвоенный период связали себя с польским молодежным коммунистическим движением, затем в годы Второй мировой войны Матвин находился в СССР, где работал в Союзе польских патриотов, Моравский же остался на нелегальном положении в Польше. В ближайшем времени им предстояло сыграть весьма важную роль как в демократизации партии, так и в активизации общественного движения за ее пределами. Появление в высшем политическом руководстве «молодых секретарей» —

так принято было их называть в тот период времени⁷³, и это название закрепилось в польской исторической литературе, — означало укрепление позиций зарождавшегося реформаторского течения в ПОРП.

Рядовые члены партии, в силу своей недостаточной информированности о том, что на самом деле происходило на пленарном заседании, какие суждения там высказывались и как к ним отнеслось высшее партийное руководство, все же воспринимали с определенными надеждами опубликованные в печати документы и «установочные» материалы по этому поводу⁷⁴. В последних числах января «Трибуна люду» с оптимизмом заявляла в редакционной статье: «Из зала заседаний пленума подул свежим ветром во всей партии, во всех областях жизни. Свободная и откровенная дискуссия, а также глубокая партийная критика были восприняты всеми участниками пленума как действительное начало перелома, который так сильно нужен партии»⁷⁵. Но в реальной жизни все выглядело отнюдь не таким определенным, как представлялось центральному печатному органу партии. Ничем не стесняемая дискуссия действительно в ту пору в ПОРП выглядела необычно, однако высказанные в документах пленума идеи были заблокированы, не выполнялись привычными к рутине и администрированию консервативными элементами как в центральных, так и в низовых звеньях ПОРП. Несмотря на то, что III пленум внес «свежую струю в жизнь партийных организаций», рассказывал советскому дипломату 1-й секретарь воеводского комитета ПОРП в Гданьске Ян Труш, укоренившиеся порочные методы в работе давали о себе знать, а именно: «Неудовлетворительно выполняются решения пленума в части коллегиальности руководства, укрепления связи с массами, развития критики и особенно самокритики»⁷⁶.

* * *

В то время как правящая партия демонстрировала свою недостаточную готовность к либерализации политического режима, польская «оттепель» вступала в свои права. Вслед за «По просту» широкую популярность среди читающей публики снискали варшавские еженедельники «Нова культура»

(«Новая культура») и «Пшеглэнд культуральный» («Культурное обозрение»), ориентировавшиеся преимущественно на научную и художественную интеллигенцию. Руководство ПОРП стремилось поставить под свой контроль обсуждение на страницах печати актуальных общественных проблем. Секретариат ЦК ПОРП в апреле 1955 г. обратился к воеводским и повятовым (районным, если иметь в виду сельскую местность) комитетам партии с закрытым письмом, в котором всякий отход от официальной партийной линии квалифицировал как проявление тлетворного влияния буржуазной идеологии. В низовых партийных организациях этот документ был воспринят как намек на свертывание едва наметившихся после III пленума ЦК ПОРП процессов демократизации⁷⁷. Месяц спустя Политбюро ЦК ПОРП на специальном заседании проанализировало выполнение рекомендаций апрельского письма Секретариата ЦК, после чего последовала целая серия встреч партийного руководства и редакционных коллективов «Новой культуры» и «Пшеглэнда культурального», а также индивидуальные беседы с фрондерски настроенными литераторами. В июньском номере журнала «Нове дроги» («Новые пути») известный партийный деятель и авторитетный ученый-литературовед С. Жулкевский выступил с программной статьей «Об актуальных литературных дискуссиях», в которой, опираясь на решения III пленума ЦК ПОРП, обосновывал новый курс руководства партии в отношении интеллигенции. Он высказал такую мысль: наступило время заменить скомпрометированные командно-административные методы руководства литературой терпеливым, настойчивым разъяснением линии ПОРП, аргументированным убеждением в ее правоте. Признавая многие допущенные партией промахи в культурной политике, Жулкевский в то же время обрушился на тех, кто полагал перегибы в культурной политике органическим свойством тоталитарной системы в ее сталинской версии⁷⁸.

В отчете советского посольства за первое полугодие 1955 г. можно прочесть следующее: «Говоря о культурной жизни Польши, нельзя не отметить, что за последнее время на отдельных участках культурного фронта выявились серьезные недостатки и даже прямые извращения. Под лозунгом критики недостатков в деле партийно-политического руководства

творческими организациями у части работников польского искусства и литературы обнаружилась вредная антимарксистская тенденция непризнания руководящей роли партии и народного государства в вопросах развития искусства и литературы. Ратуя за какую-то сверхъестественную свободу творчества, эта часть работников выступила на деле за пересмотр марксистско-ленинских положений об искусстве. Наиболее яркое отражение эти антимарксистские взгляды нашли в ряде статей и фельетонов Секерской, Анджеевского, Котта, Блоньского и других польских литераторов и искусствоведов в газетах „Пшеглэнд культуральный“, „Нова культура“ и „Жиче литератце“ („Литературная жизнь“). Ряд ошибочных статей проник даже на страницы центрального органа ПОРП — „Трыбуны люду“».

В отчете специально подчеркивался тот факт, что «среди авторов статей в упомянутых изданиях имеются лица, ведающие ответственными участками идеологической работы, как, например, зав. кафедрой диалектического и исторического материализма Института общественных наук при ЦК ПОРП Секерская»⁷⁹. С той поры в информационных документах посольства СССР, направлявшихся в Центр, Я. Секерская причислялась к разряду ревизионистов в худшем понимании этого слова (как было принято в политической лексике большевиков). Может быть, именно поэтому она в конце концов была освобождена от работы на столь важном «идеологическом участке».

Приведенная выше довольно длинная цитата из источника отражает, как представляется, реальный идеологический процесс в Польше в 1955 г. и позволяет сформулировать два вывода. Во-первых, умственное брожение, постепенно принимавшее всепольский масштаб, захватило уже идеологические центры правящей партии и породило споры в ее среде, а на этой основе — идейную дифференциацию. Во-вторых, брожение интенсивно приобретало политизированную окраску, подчеркивая наличие идеологического кризиса в Польше (его начального, вступительного этапа).

В такой непрерывно обострявшейся обстановке начал свою дипломатическую миссию в Польше чрезвычайный и полномочный посол СССР П. К. Пономаренко. Назначенный довольно неожиданно — всего лишь год с небольшим

проработал первым секретарем Коммунистической партии Казахстана и не успел проявить себя там в полной мере, — он был направлен в дипломатическое ведомство, чтобы в мае 1955 г. сменить своего непосредственного предшественника в монументальном здании на Бельведерской улице польской столицы. В российской мемуарной и исторической литературе время от времени подпитывается не новая версия, будто Н. С. Хрущев видел в нем своего политического конкурента и потому поспешил отправить его за пределы СССР. Правда, есть прямое свидетельство известного советского дипломата о том, что между Пономаренко и Хрущевым и в самом деле существовала неприязнь⁸⁰. Возможно, версия эта возникла вскоре после окончания Отечественной войны, а может быть — раньше, еще в межвоенный период. В самом деле, П. К. Пономаренко имел достаточные основания стремиться к самым высоким, ключевым постам, ведь он считался в стране человеком политической элиты, поскольку в разные годы занимал министерские посты всесоюзного масштаба, не говоря уже о значительном и успешном опыте партийной работы высшего уровня (секретарь ЦК ВКП(б)—КПСС, первые роли в партийных организациях Белоруссии и Казахстана).

Коллектив сотрудников советского посольства в Варшаве с уважением относился к своему новому шефу: он был энергичен, мудр, доступен и внимателен к своим подчиненным. По темпераменту — полная противоположность Н. С. Хрущеву. Как отмечают люди, работавшие с Пономаренко в Польше, его отличали также требовательность и упорство в решении поставленных советским правительством задач. И вот это его качество сыграло парадоксальную роль в его польской дипломатической карьере. Он столь неукоснительно и рьяно проводил линию Кремля, что в определенный момент, особенно в бурный октябрь 1956 г., между ним и польским политическим руководством начались трения, перешедшие затем в стремление польской стороны освободиться от назойливого опекуна, что в конце концов привело к отзыву П. К. Пономаренко из Варшавы.

Но свершившимся фактом это станет не скоро, а пока что 6 мая 1955 г. в Москве заместитель министра иностранных дел СССР В. А. Зорин информировал В. Левиковского о просьбе Советского правительства дать согласие на назначение

послом СССР в Польше П. К. Пономаренко. Уже на следующий день в трехминутной беседе с В. А. Зориным польский посол сообщил о согласии своего правительства⁸¹. 7 мая последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР о назначении нового советского посла⁸², а 11 мая П. К. Пономаренко вручил в Варшаве верительные грамоты председателю Государственного Совета ПНР А. Завадскому.

Выбор П. К. Пономаренко на роль полномочного представителя СССР в ПНР нельзя, конечно же, считать случайным. В годы войны он руководил Центральным штабом партизанского движения и в связи с этим лично знал многих польских коммунистических деятелей, как тех, кто непосредственно находился в оккупированной Польше, так и тех, кто в СССР работал над восстановлением польского коммунистического движения, над созданием польских вооруженных сил. Вот как его назначение в Варшаву было воспринято польским массовым сознанием. В Кракове один из польских адвокатов в беседе со своими коллегами довольно прозорливо заявил следующее: «очень интересным является то, что послом СССР в Польше назначен Пономаренко, ибо именно Пономаренко был секретарем ЦК [Компартии] Белоруссии в тот период, когда там формировалось будущее правительство Польши во главе с Берутом, Берманом и другими; несомненно то, что его вмешательство в дела Польши будет особенно сильным и результативным, т. к. он наравне с Хрущевым является одним из выдающихся советских деятелей»⁸³. Таким образом, в данном конкретном случае назначение Пономаренко расценивалось как укрепление линии советской дипломатии, которая в Польше стабильно ориентировалась на всемерную и явную поддержку Б. Берута и его единомышленников.

Быть может, назначение П. К. Пономаренко в Польшу следует рассматривать также и как результат корректировки международного курса советского правительства в Европе. В Кремле пришли к выводу, что «холодная война» диктует переход к более активной внешней политике. Правящие круги СССР заявили о принятии на вооружение идеологии мирного сосуществования с государствами, принадлежавшими к разным общественным системам, а в связи с этим были разработаны (февраль 1954 г.) конкретные предложения о создании системы коллективной безопасности в Европе, адресованные

США и ведущим западноевропейским державам и на протяжении зимы 1954 — весны 1955 г. все время дополнявшиеся новыми предложениями. Польское правительство полностью одобряло и поддерживало советские инициативы в данном направлении. Партийно-правительственные круги и в Москве, и в Варшаве не могла не беспокоить сама мысль о возможной ремилитаризации Западной Германии, вооружении ее новейшими средствами уничтожения, усилении пропаганды реваншизма.

19–23 октября 1954 г. в Париже с участием канцлера ФРГ К. Аденауэра было подписано соглашение, согласно которому Западная Германия получила возможность иметь собственные вооруженные силы и вступила в НАТО. Это фактически означало неприятие идеи коллективной безопасности в Европе, предложенной советской дипломатией. 13 ноября СССР выступил с предложением безотлагательно созвать (в Москве или в Париже) международное совещание европейских государств с участием США для обсуждения вопросов создания системы коллективной безопасности в этой части земного шара. Западные страны участвовать в совещании не пожелали, и тогда в Москве собрались высшие политические руководители СССР, Польши, Чехословакии, ГДР, Венгрии, Румынии, Болгарии и Албании при участии наблюдателя из КНР. 2 декабря они выступили с декларацией, в которой проанализировали сложившееся положение в Европе и заявили «о своем решении осуществить, в случае ратификации парижских соглашений, совместные мероприятия в области организации вооруженных сил и их командования, равно как и другие мероприятия, необходимые для укрепления своей обороноспособности, для того чтобы оградить мирный труд их народов, гарантировать неприкосновенность их границ и территорий и обеспечить защиту от возможной агрессии»⁸⁴. Необходимость более тесного объединения социалистических стран была вызвана, таким образом, стремлением противостоять потенциальным угрозам со стороны бывших союзников по антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны. По крайней мере, именно так это представлялось руководителям социалистического лагеря.

11 мая 1955 г. в Варшаве открылось второе Совещание европейских государств по обеспечению мира и безопасности

в Европе — так было названо собрание высших партийных и государственных руководителей Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии, подписавших 14 мая Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, больше известный как Варшавский договор (пакт). Стоит добавить, что Югославия во встрече не принимала участия (ее сближение с европейскими социалистическими странами было еще впереди), представитель КНР, как и в московском совещании, участвовал в качестве наблюдателя.

В Варшаве было принято решение о создании Объединенного командования вооруженными силами государств — участников Договора, а главнокомандующим вооруженными силами назначен маршал И. С. Конев. Эти два документа на десятилетия вперед определили внешнюю политику восточно-европейских социалистических стран. Варшавский договор стал также важнейшим инструментом реализации внешней политики СССР на западноевропейском направлении.

* * *

В августе 1955 г. на страницах «Новой культуры» была опубликована и сразу же привлекла всеобщее внимание «Поэма для взрослых» Адама Важика, который еще недавно всецело поддерживал линию ПОРП, а теперь в своем новом произведении, посвященном драматическим перипетиям жизни рабочих, возводивших гигантский металлургический комбинат в Новой Гуте под Краковом, показал несоответствие идеологических посылок правящей партии реалиям повседневной жизни строителей. «Поэма была беспощадным приговором режиму, криком протеста против лживой пропаганды партии», — пишет первый исследователь польского кризиса 1956 г.⁸⁵ Через две недели после опубликования «Поэмы», 8 сентября 1955 г., Ванда Василевская направила Н. С. Хрущеву тревожное письмо, в котором сообщала: «Я считаю, что в Польше неблагоприятно обстоит дело на культурном фронте. Под лозунгом „свободы индивидуальности“, „свободы творчества“, „свободы критики“ ведется постоянная враждебная агитация против марксизма, против строя народной Польши и против Советского Союза. Это находит свое отражение в публикациях издательств, в периодической

прессе, в репертуарной политике польских театров». Приложив к своему письму польский текст и собственный перевод на русский поэмы А. Важика, В. Василевская подчеркнула, что «Новая культура», будучи официальным органом Союза польских писателей, в обязательном порядке проходит через идеологическое сито отдела прессы ЦК ПОРП и государственную цензуру. «Мне кажется, — заканчивает она свое письмо, — что польские товарищи недооценивают размеров и глубины процесса, который происходит, и прошу Вас помочь им разобраться в этом деле»⁸⁶. Советский лидер не спешил с ответом; вероятно, понадобилось предварительно получить необходимую дополнительную информацию из Варшавы.

Неслучайной поэтому представляется обеспокоенность П. К. Пономаренко, когда он сообщал о «казусе Важика» в МИД СССР В. М. Молотову. «В последнее время некоторые работники польской литературы и искусства под влиянием буржуазной идеологии и антипольской пропаганды, ведущейся реакционными кругами западных стран, допускают враждебные выпады против Народной Польши и существующих в ней общественно-политических порядков», — пишет советский дипломат, отмечая при этом, что Важик «считался одним из наиболее прогрессивных и революционных представителей польской интеллигенции, группирующейся вокруг ПОРП». Новое сочинение Важика, по мнению П. К. Пономаренко, «обнаруживает в авторе такое отношение к современной Польше, которое нельзя оценить иначе как враждебное. В этом стихотворении, написанном в стиле бойкого политического памфлета, дается уродливое освещение современной польской действительности, в которой автор видит лишь одни отрицательные стороны и пороки. Все стихотворение выдержано в духе тех враждебных вымыслов и клеветы, которые пытаются распространять о Польше наиболее реакционные клерикальные элементы. В нем огульно охаивается все то, чего достигла Польша за годы народной власти и что является ныне национальной гордостью польского народа. Отдельные места в стихотворении звучат как прямое оскорбление Польши и польского народа». Далее советский дипломат пишет: «В стихотворении в неприглядных, отталкивающих тонах изображается процесс индустриализации Польши и становление

нового рабочего класса. Автор с явной враждебностью и пренебрежением отзывается о строительстве Новой Гуты и прибывших на это строительство людей из деревни; рисует картину беспорядка, темноты, пьянства и распущенности, характерных якобы для среды польских строителей и рабочих. Заявляя о том, что польские рабочие „вскормлены пустотой великих слов о социализме“, Важик по существу обвиняет партию и польских руководителей в обмане рабочего класса. Из стихотворения следует, что индустриализация несет народу лишь унижение и нужду. <...> В своем враждебном злопыхательстве Важик доходит до того, что фактически требует от партии пересмотра ее генеральной линии»⁸⁷. 26 сентября Н. С. Хрущев направил письмо В. Василевской в Варшаву Б. Беруту с лаконичной записью: «Прошу ознакомиться»⁸⁸. Непосредственная реакция Берута на письмо в материалах польского архива не отражена. Но определенные мероприятия по овладению ситуацией «на литературном фронте» были приняты.

На совещании партийного актива писателей в ЦК ПОРП 23 сентября 1955 г. рассматривалась работа редакционных коллективов периодических изданий, прежде всего еженедельников «Нова культура», «Пшеглэнд культуральный» и «Жиче литератке», выказывавших, с точки зрения ЦК, излишнее усердие в публикации «сенсационных» материалов. Усиленной критической «проработке» подвергся и А. Важик за свою «Поэму для взрослых»⁸⁹. Совещание мыслилось как подготовительный этап к общему собранию партийной организации Союза польских писателей, которое планировалось провести позднее, чтобы обсудить «более широко» возникшие проблемы взаимоотношений верхов партии и выходивших из-под партийного контроля литераторов. ЦК ПОРП предполагал также «произвести изменения в составе редакций упомянутых выше газет»⁹⁰.

В октябре 1955 г. на страницах периодической печати началась дискуссия о перспективах развития гуманитарных наук в Польше. Ее инициировал видный польский социолог Ю. Халасиньский своей статьей «Проблемы культуры в современной польской гуманистике»⁹¹. Дискуссию организовал еженедельник «Пшеглэнд культуральный», предоставивший возможность высказаться многим известным польским

философам, социологам, культурологам. Опубликованная в узкоспециальном, малотиражном научном журнале, работа Халасиньского тем не менее стала заметным событием польской публицистики, поскольку помимо чисто научных идей содержала немалый политический заряд. Основная мысль автора сводилась к тому, что развитие общественных наук может быть продуктивным лишь при условии идеологического многообразия и конкуренции различных направлений общественной мысли. Понятно, что охранители ортодоксального марксизма немедленно истолковали статью как подрыв идеологической монополии ПОРП. Сразу же обратило внимание на статью Ю. Халасиньского и советское посольство. Оно посчитало, что польский ученый в завуалированной форме «выступил с антиленинских позиций», «с призывом к широкой ревизии марксизма-ленинизма»⁹². По наблюдению одного из публицистов парижской «Культуры», в орбиту критики польской печати Ю. Халасиньский попал еще в конце 1954 г., вызвав достаточно едкие полемические замечания в свой адрес⁹³. Так мало-помалу накапливался своеобразный «компромат» против польской научной и художественной интеллигенции, которая в глазах аппаратчиков ЦК ПОРП виделась социальной средой, порождавшей критиков общественно-политической системы ПНР.

В поле зрения советского посольства еще с 1951 г. попал также ректор Института общественных наук Адам Шафф, которого посол СССР квалифицировал в своем письме в ЦК КПСС — и вполне справедливо — как одного из ведущих польских философов-марксистов. В письме речь шла о публикации А. Шаффом в «Пшеглёнде культуральном» двух статей: «За позитивную программу общественных исследований. Ответ проф. Ю. Халасиньскому» и «О роли партии в развитии марксистской теории». Статьи были опубликованы в рамках дискуссии о путях развития польских гуманитарных наук и отражали, по утверждению главы советского посольства, «те идеологические искривления и идейную путаницу, которые обнаружили в теоретической среде и научных кругах Польши». Эти работы привлекли внимание посла потому, что в них, по его мнению, «содержатся открытые нападки на марксистскую философию. Шафф пытается <...> утверждать, что якобы в марксистской философии уже в течение длительного

времени проявляются застой, догматизм и отрыв от практики, и прямо заявляет, что положение в этой области является „тревожным“. По его словам, в марксистской литературе появляются лишь призывы и лозунги развивать марксистскую философию, а исследовательской работы „почти совершенно нет“. Автор при этом имеет в виду не только Польшу, но все страны демократического лагеря, в том числе и Советский Союз. Шафф допускал «такие высказывания, которые нельзя расценивать иначе как ревизионистские».

О чем же шла речь? В статье «За позитивную программу...» польский философ утверждал, что со времен книг В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» и «Империализм как высшая стадия капитализма» общепринятого образца марксистской философской работы не было. «Уже одно это высказывание свидетельствует о том, насколько политически вредный характер носит эта статья⁹⁴, которая вызвала всевозможные нездоровые толки среди части польской интеллигенции»⁹⁵. В представлении советских дипломатов, Институт общественных наук при ЦК ПОРП был не чем иным как «осиным гнездом» ревизионизма в Польше, а все выходившие из печати в последующие годы философские работы шефа высшего партийного учебного заведения пристально «изучались» в советском посольстве, брались на заметку, дабы не оставить без внимания проникновения антипартийных идей и организации их соответствующего идеологического осуждения.

Временный поверенный в делах СССР в Польше И. А. Мельник 3 ноября 1955 г. дополнительно информировал ЦК КПСС о заседании Политбюро ЦК ПОРП, рассмотревшем «положение дел в творческих организациях и настроении в литературных кругах», в том числе о дискуссии, вызванной статьей Ю. Халасиньского, которую он назвал «насквозь ошибочной» и «антимарксистской», даже еще более жестко — «антимарксистским извращением». При этом обращает на себя внимание, что анализа статьи по существу поставленных вопросов современный исследователь в упомянутой информации не найдет. Очевидно, в этом и не было нужды. «Статья Халасиньского вызвала нездоровые толки в научных кругах, — читаем источник. — Нашлись ученые, которые стали открыто заявлять о том, что в польских журналах давно уже не появлялось такой „интересной статьи“, и выступать в поддержку

автора». Советский дипломат оценил развернувшиеся в польской печати споры как явление исключительно негативное и настораживающее. «Остается несомненным, что дискуссия обнаружила много путаницы и идейной неразберихи в вопросах развития польских гуманитарных наук». И далее: «Выявившаяся в научных кругах идейная неразбериха создает благоприятную почву для оживления чуждой идеологии и проникновения враждебного влияния. <...> Рецидивы буржуазной идеологии, явно обнаружившиеся в области польской культуры и науки, свидетельствуют о том, что вопросы идеологической работы в стране приобретают сейчас для Польской объединенной рабочей партии важнейшее значение»⁹⁶.

Хотел того советский дипломат или нет, но он верно подметил, что на передний план в деятельности польской партийной элиты уже выдвинулись идеологические проблемы как индикатор неблагополучия в общественно-политической сфере ПНР. Руководители ПОРП вполне отдавали себе отчет в этом, с помощью политических методов пытались взять под контроль ситуацию, сложившуюся в кругах художественной и научной интеллигенции. 20–23 декабря 1955 г. в Варшаве созвано было совещание центрального идеологического актива ПОРП с приглашением известных партийных и беспартийных деятелей культуры (109 литераторов, интеллектуалов и секретарей воеводских комитетов ПОРП). Соответствующую «накачку» ЦК поручил сделать членам высшего политического руководства партии Я. Берману и Г. Минцу. То есть ранг «мероприятия» был высоким. Никакого специального решения совещание не приняло, его участники договорились, что в марте 1956 г. будет проведена всепольская конференция по вопросам культуры. Для обсуждения в воеводские инстанции разослали специальные материалы⁹⁷. Доклад Я. Бермана не был опубликован, но журнал «Нове дроги» в редакционной статье рутинно и деперсонифицированно проинформировал о совещании⁹⁸.

В обстановке нараставшего как снежный ком критицизма, особенно в среде молодежи и научной интеллигенции гуманитарного профиля, а также художественной интеллигенции, в противовес официальным структурам стали складываться разного типа неформальные объединения, главным образом

так называемые дискуссионные клубы, занимавшиеся обсуждением текущих политических проблем, событий новейшей истории Польши, новинок литературы, философских и мировоззренческих вопросов. Среди них наибольшую известность получил «Клуб кривого колеса» (Klub Krzywego Koła), располагавшийся в Старом городе — историческом центре Варшавы — первоначально на частной квартире, а потом в находившемся неподалеку, на той же улочке Кривое Колесо, Старомейском Доме культуры. Первые шаги в деятельности клуба относятся к февралю 1955 г., а осенью он уже действовал вполне систематически, формируя вокруг себя активную и заинтересованную, интеллектуально хорошо подготовленную среду⁹⁹. Здесь бывали очень известные люди из мира университетской и академической науки, фрондирующие журналисты варшавских периодических изданий, некоторые бывшие политические деятели межвоенного и военного периодов, наиболее отважные и любознательные партийные функционеры и, само собой разумеется, студенческая молодежь, даже варшавские школьники (например, один из будущих лидеров польской демократической оппозиции второй половины 1970 — 1980-х гг. Адам Михник). На заседаниях клуба заслушивались доклады по самым актуальным вопросам общественной жизни и по научным проблемам (недавняя история Польши, текущий литературный процесс, вопросы философии), происходило столкновение разных, порою взаимоисключающих, направлений политической мысли. И это было, может быть, самым притягательным для собиравшейся публики. Среди участников дискуссий доминировали тем не менее члены ПОРП и Союза польской молодежи, защищавшие идеи социализма и видевшие свой общественный идеал в социализме «с человеческим лицом». С клубом тесно сотрудничала редакция еженедельника «По просту», вышедшего 4 сентября 1955 г. с обязывающим подзаголовком: «Еженедельник студентов и молодой интеллигенции». Редакция взяла на себя объединение и координацию работы дискуссионных клубов молодой интеллигенции. Появление таких, вполне легальных, центров динамичных интеллектуальных контактов было общественной потребностью, позволяя без стеснения, раскрепощенно высказываться по волновавшим их научным или политическим проблемам, таким образом

как бы заполняя образовавшийся после войны вакуум независимой общественной мысли. И власти вполне терпимо относились к такого рода инициативам, пока те не переходили строго определенных границ (например, к открытой агитации, ориентированной на свержение коммунистического режима).

«Клуб кривого колеса» не только оживил интеллектуальную жизнь в польской столице. Он сыграл очень важную, можно смело сказать — историческую роль в становлении оппозиции политическому режиму, сформированному в Польше после окончания Второй мировой войны коммунистами и их союзниками. Разумеется, в прямом смысле считать этот клуб выразителем политической оппозиционности нельзя, но он подготовил ее возникновение и достаточно глубокое укоренение. Можно сказать, что это была своеобразная школа подготовки активистов-общественников, и не случайно многие прошедшие через этот рассадник инакомыслия проявили себя в 60—80-е гг. на общественном поприще как инициаторы и деятельные участники протестных и оппозиционных движений, в частности знаменитого Комитета защиты рабочих второй половины 1970-х гг.¹⁰⁰

Вслед за «Клубом кривого колеса» не только в Варшаве, но и в иных, особенно в университетских, центрах заявили о себе неформальные объединения точно такой же или близкой к нему направленности. По данным одного из отделов ЦК ПОРП, в начале 1956 г. в Польше известны были уже около 40 клубов, через которые прошло около 1300 человек (докладчики и участники дискуссий)¹⁰¹. В дискуссионные клубы с интересом тянулись студенты и представители инженерно-технической, научной, художественной, вузовской интеллигенции; это были люди не только разных профессий, но и разного возраста, политических и религиозных взглядов, партийные и беспартийные. Причем в силу естественных различий возрастной и образовательной ментальности появились дискуссионные клубы как бы двух типов — молодежные (более радикальные) и интеллигентские (более, что ли, умеренные, а нередко и вовсе чуравшиеся политики). Но всех их отличала гражданская активность, стремление осмыслить общественно-политические процессы в стране. Случалось,

осью дискуссий были споры вокруг строительства социализма в Польше.

Постепенно в проявленной снизу независимой общественной инициативе аппарат ЦК ПОРП обнаружил и негативную тенденцию: оказалось, что в составе дискуссионных клубов было «много людей, присягавших на верность различным буржуазным идеологическим и культурным направлениям, много колеблющихся и ищущих объяснения разным волнующим их сомнениям и неясностям...»¹⁰². Поэтому из опасения дальнейшего стихийного развития клубного движения аппаратчики ЦК порекомендовали установить над ними своеобразный государственный контроль: «пристроить» их к структурам Национального Фронта. Впрочем, это помогало мало. По данным секретаря Всепольского комитета Национального Фронта Ю. Калиновского, в апреле 1956 г. количество клубов возросло до 130, они объединяли около 5500 человек. Снизу возникла потребность координации клубного движения, для чего при Национальном Фронте был создан секретариат по руководству клубами интеллигенции, его возглавил историк Стефан Круль (представлял там ПОРП)¹⁰³. Работа молодежных клубов координировалась редакцией еженедельника «По просту». Издавался даже специальный малотиражный бюллетень «Новы нурт» («Новое направление»), сообщавший разнообразную информацию о задачах и деятельности молодежного клубного движения¹⁰⁴.

Появление альтернативного общественного движения — пусть даже в скромных масштабах, которые не идут ни в какое сравнение с тем, что можно было наблюдать в Польше в 1980-е годы, — есть, на мой взгляд, значимый итог общественно-политического развития ПНР середины 1950-х гг. Налицо было противостояние свободной мысли тоталитарному режиму.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Зубкова Е. Ю.* Маленков и Хрушев: личный фактор в политике послесталинского руководства // *Отечественная история.* 1995. № 4. С. 103–115.

- ² См.: XX съезд КПСС и его исторические реальности / Под ред. В. В. Журавлева. М., 1991. С. 15–16.
- ³ См. стенограмму пленума ЦК КПСС 2–7 июля 1953 г. в кн.: Лаврентий Берия 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. М., 1999.
- ⁴ Правда. 16.04.1953.
- ⁵ См.: *Волков В. К.* Советский Союз и страны «социалистического лагеря»: десталинизация «международных отношений нового типа» (1955–1957) // *Волков В. К.* Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 153.
- ⁶ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. В 2 т. Документы / Отв. ред. Т. В. Волокитина. Т. 2: 1949–1953. М., 2002. С. 858. Из информационной записки Г. М. Попова и М. В. Зимянина «Вопросы Польши» — В. М. Молотову (ранее 26 декабря 1953 г.).
- ⁷ *Skzypek A.* Mechanizmy uzależnienia: stosunki polsko-radzieckie 1944–1957. Pułtusk, 2002. S. 317–318.
- ⁸ Подробнее данный вопрос проанализирован в кн.: *Аксютин Ю. В., Пыжиков А. В.* Постсталинское общество: Проблема лидерства и трансформации власти. М., 1999.
- ⁹ См. подробнее: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 31; Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. М; Новосибирск, 1998. Т. II: 1949–1953. С. 918–926; *Филитов А. М.* СССР — ГДР: год 1953 // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 130–132; *Powstanie czerwcowe w NRD 1953 roku na tle innych wystąpień antykomunistycznych w krajach Europy Środkowo-Wschodniej.* Wrocław, 2003.
- ¹⁰ См.: *Kupiecki R.* Natchnienie milionów: Kult Stalina w Polsce 1944–1956. Warszawa, 1993. S. 157–198. Польским исследователем собран уникальный материал из разнообразных печатных изданий и архивов, который показывает реакцию как официальных кругов, так и разных слоев польского общества в связи с кончиной И. В. Сталина.
- ¹¹ Текст доклада см.: *Trybuna Ludu.* 31.03.1953.
- ¹² АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 38, 1954 г. П. 317. Д. 18. Л. 50.
- ¹³ *Stabek H.* Historia społeczna Polski Ludowej (1944–1970). Warszawa, 1988. S. 261; *Jarosz D.* Polityka władz komunistycznych w Polsce w latach 1948–1956 a chłopi. Warszawa, 1998. S. 107.
- ¹⁴ Ю. Куропеска был арестован в мае 1950 г., приговорен к высшей мере наказания в июне 1952 г. Затем в июне 1954 г. приговор был пересмотрен, а в декабре 1955 г. Куропеска вышел на свободу. Следствие против него прекратили в январе 1956 г. См.: *Poksiński J.* «TUN»: Tatar — Utnik — Nowicki. Represje wobec oficerów Wojska Polskiego w latach 1949–1956. Warszawa, 1992. S. 177, 181.
- ¹⁵ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 38, 1954 г. П. 317. Д. 18. Л. 59–60.

- ¹⁶ Там же. П. 316. Д. 14. Л. 15. Из дневника 1-го секретаря советского посольства в ПНР А. И. Ермилова о беседе с секретарем Главного исполнительного комитета ОКП А. Юшкевичем 19 января 1954 г.
- ¹⁷ Там же. П. 317. Д. 18. Л. 65–66. Из политико-экономического обзора ПНР за 1953 г.
- ¹⁸ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 40, 1958 г. П. 145. Д. 720. Л. 31. Из информационной записки 1-го секретаря Посольства СССР в Польше И. С. Борисова «Положение в Демократической партии» (5 апреля 1958 г.).
- ¹⁹ Текст мемориала см.: *Raina P. Kościół w PRL: Kościół katolicki a państwo w świetle dokumentów 1945–1989*. Т. 1: 1945–1959. Poznań, 1994. S. 413–427.
- ²⁰ См. публикацию «Тезисов»: *PZPR wobec religii i Kościoła w 1953 г.* / Опрас. А. Кочаński // *Więź*. 1992. № 10. S. 99–109.
- ²¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 38, 1954 г. П. 317. Д. 18. Л. 75. Политико-экономический обзор ПНР за 1953 г.
- ²² *Proces księdza biskupa Kaczmarka i innych członków ośrodka antypaństwowego i antyludowego. Stenogram procesu odbytego przed Wojskowym Sądem Rejonowym w Warszawie w dniach 14.IX–21.IX 1953 г.* [Warszawa], 1953.
- ²³ См. директивные указания советскому послу Г. М. Попову в связи с подготовкой польскими властями судебного процесса против Ч. Качмарка: *Советский фактор...* С. 767–768.
- ²⁴ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 38, 1954 г. П. 317. Д. 18. Л. 78.
- ²⁵ *Micewski A. Współzadzić czy nie kłamać? Pax i Znak w Polsce 1945–1976*. Paryż, 1978. S. 59. «Надо подчеркнуть, что польское правительство не воспользовалось в полной мере благоприятным моментом и большими возможностями, которые сложились в результате процесса над Качмарком и ареста кардинала Вышиньского для наступления, — читаем в политико-экономическом обзоре советского посольства за 1953 г. — Об этом свидетельствует тот факт, что польское правительство в связи с декларацией епископата от 28 сентября 1953 г. вновь подтвердило, что отношения между костелом и государством по-прежнему будут строиться на основе соглашения от 14 апреля 1950 г., то есть партия и правительство не пошли по пути развития отношений между костелом и государством в сторону приведения их в соответствие с конституцией, удостоверившись временным и относительным успехом по отражению открытого натиска на государство со стороны епископата. Это также говорит о том, что польское правительство в настоящее время еще стоит в основном на позиции обороны и пока не переходит к более активной политике в отношении костела» (АВП РФ. Ф. 0122, 1954 г. П. 317. Д. 18 Л. 76).
- ²⁶ Теоретический орган ЦК ПОРП журнал «Нове дрого» в августе 1953 г. опубликовал из журнала ЦК КПСС «Коммунист» статью

- Ф. Яковлева «Коллегиальность — главный принцип партийного руководства» (*Nowe Drogi*. 1953. № 8. S. 69–81).
- ²⁷ См.: *Rykowski Z., Władyka W.* Polska próba: Październik'56. Kraków: Wyd-wo Literackie, 1989. S. 70.
- ²⁸ *Nowe Drogi*. 1953. № 10.
- ²⁹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 38, 1954 г. П. 317. Д. 18. Л. 61–62.
- ³⁰ Тексты записок В. М. Молотову и Н. С. Хрущеву опубликованы в кн.: Советский фактор... С. 854–862, 868–873. Информационная записка Г. М. Попова о положении в ПОРП не опубликована и хранится в Архиве Президента Российской Федерации (см.: Там же. С. 874, примеч. 4 к док. 325).
- ³¹ Там же. С. 874–877.
- ³² См.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1980. Т. X: январь 1950 г. — декабрь 1955 г. С. 238–239, 249–250, 266–269, 289–291.
- ³³ AAN. PZPR. KC. Sygn. XI A/69. K. 513. (Выделено мною. — *A. O.*)
- ³⁴ Ведомости Верховного Совета СССР. 1953. № 6. С. 4; *Basiński E.* Polska—ZSSR: Kronika faktów i wydarzeń 1944–1971 / Pod red. naukową T. Cieślaka. Warszawa, 1973. S. 164.
- ³⁵ См.: *Бернов Ю. В.* Записки дипломата. М., 1995. С. 12, 16.
- ³⁶ Там же. С. 17.
- ³⁷ И еще долго в высоких партийных кругах Советского Союза «казус Попова» приводился в качестве примера того, как не следует вести себя дипломатическому представителю в стране пребывания. См.: Исторический архив. 1999, № 5. С. 54–55. См. также: AAN. PZPR. KC. Sygn. XI/73: Пленум ЦК КПСС. Июль 1955 года. Стенографический отчет. [М.:] ЦК КПСС, 1955. Вып. 2. С. 335, 374. Стенограмма была прислана в ЦК ПОРП в порядке межпартийной информации.
- ³⁸ Текст постановления (датировано 29 марта 1954 г.) см.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 70. Л. 35–36.
- ³⁹ *Jaworski M.* Kryzys społeczno-polityczny 1956 roku // Przesilenia i zwroty w dziejach Polski Ludowej. Zeszyty Naukowe Wojskowej Akademii Politycznej. № 110. Warszawa, 1982. S. 72.
- ⁴⁰ Проект директив к народнохозяйственному плану ПНР на 1954 г. в связи с подготовкой II съезда ПОРП рассматривался по просьбе польской стороны в ЦК КПСС (АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 38, 1954 г. П. 317. Д. 18. Л. 59).
- ⁴¹ *Берут Б.* Отчетный доклад Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии II съезду партии 10 марта 1954 г. — М., 1954. С. 8–9. (Выделено мною. — *A. O.*)
- ⁴² См.: Устав Польской объединенной рабочей партии: (Принят II съездом ПОРП в марте 1954 г.). [М.], 1954. С. 5.

- ⁴³ Минц Г. Основные экономические задачи двух последних лет (1954–1955) шестилетнего плана Польской Народной Республики: Доклад на II съезде Польской объединенной рабочей партии 13 марта 1954 г. М., 1954. С. 3–4.
- ⁴⁴ Подробнее см.: *Mołdawa T.* Ludzie władzy 1944–1991: Władze państwowe i polityczne Polski według stanu na dzień 28 II 1991. Warszawa, 1991. S. 248–250.
- ⁴⁵ См.: *Błażyński Z.* Za kulisami bezpieki i partii 1940–1955. Mówi Józef Światło. Warszawa, 2003. S. 22; *Dudek A.* Ślady PeeReLu: ludzie, wydarzenia, mechanizmy. Kraków, 2001. S. 190. Отслеживая деятельность членов Политбюро ЦК ПОРП, сотрудники советского посольства сообщали в Центр: «В настоящее время (речь идет о 1953 г. — А. О.) в деятельности ЦК ПОРП сложилась ненормальная практика, когда Оргбюро по существу не работает, а Политбюро в полном составе собирается раз в месяц. Все важнейшие вопросы партийной и государственной жизни решаются узким кругом членов Политбюро в составе Берута, Бермана, Минца, Охаба и Замбровского. Такие члены Политбюро как Рокоссовский, Завадский Александр, Новак Зенон и Юзьвяк не играют той роли, которую они могли бы играть в руководстве партией и государством» (АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 38, 1954 г. П. 317. Д. 18. Л. 60. Из политико-экономического обзора ПНР за 1953 г.). Ср.: Советский фактор... С. 871. Из записки заместителя заведующего отделом ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями И. Т. Виноградова — Н. С. Хрущеву (ранее 28 декабря 1953 г.).
- ⁴⁶ См.: *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. (Воспоминания в 4-х кн.). М., 1999. Т. 3. С. 580–581. Мемуарист относит описываемое событие к 1956 г., с чем трудно согласиться. Речь, скорее всего, должна идти о марте 1954 г., точнее — о времени пребывания Хрущева в Варшаве в дни работы II съезда ПОРП.
- ⁴⁷ Подробнее см.: *Носкова А. Ф. К. К.* Рокоссовский в Польше. 1949–1956: неизвестные страницы биографии // *Studia Polonica: К 70-летию В. А. Хорева / Отв. ред. В. К. Волков.* М., 2002. С. 79–83.
- ⁴⁸ См. запись беседы К. Рокоссовского с советником посольства СССР в ПНР Д. И. Заикиным 1 октября 1953 г. (Советский фактор... С. 835–836).
- ⁴⁹ *Rykowski Z., Władyka W.* Op. cit. S. 75.
- ⁵⁰ См.: АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 39-а, 1955 г. П. 343. Д. 14. Л. 45–53.
- ⁵¹ *Kronika październikowa // Polski Październik / Oprac. M. Turski.* Warszawa, 1983. S. 8.
- ⁵² *Albert A. [Roszkowski W.].* Najnowsza historia Polski: 1918–1980. Londyn, 1989. S. 690.

- ⁵³ Подробнее см.: Centrum władzy: Protokoły posiedzeń kierownictwa PZPR: Wybór z lat 1949–1970 // Dokumenty do dziejów PRL. Zeszyt 13 / Oprac. A. Dudek, A. Kochański, K. Persak. Warszawa, 2000. S. 131–132; *Ptasiński J.* Drugi zwrot: Gomułka u szczytu powodzenia. Warszawa, 1988. S. 6.
- ⁵⁴ См.: *Marat S., Snopkiewicz J.* Oskarżeni — proces (7): Róžański // Tygodnik Kulturalny (Warszawa). 5.02.1989. № 6. S. 8.
- ⁵⁵ А. Скульбашевский привлекался в качестве свидетеля по делу Д. П. Вознесенского, но сам никаким судебным преследованиям в связи со своей служебной деятельностью не подвергался. Подробнее см.: *Poksiński J.* Op. cit. S. 63–64, 198–200, 242–243. А. Скушипек пишет, что Скульбашевский был отозван в СССР в июле 1954 г. (*Skzypek A.* Op. cit. S. 329).
- ⁵⁶ Текст протокола см.: Centrum władzy... S. 133–136.
- ⁵⁷ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 38, 1954 г. П. 317. Д. 16. Л. 121. Из записи беседы генконсула СССР в Гданьске Н. К. Талызина с 1-м секретарем воеводского комитета ПОРП в Быдгощи В. Кручком 13 декабря 1954 г.
- ⁵⁸ Видный деятель польского социалистического движения, а в 1948–1965 гг. член ЦК ПОРП, Оскар Лянге считал «Ноябрьское совещание» 1954 г. отправным этапом в «возрождении» партии (*Nowe Drogi*. 1956. № 10. S. 202).
- ⁵⁹ ААН. PZPR. КС. Sygn. XI/178. К. 1403. В данном случае имеется в виду ротапринтный экземпляр стенограммы, что позволяет думать о вероятности промежуточных редакций документа, а стало быть, и о возможности его редактирования с целью сгладить наиболее неприятные для руководства критические выступления и утаить те или иные неудобные факты.
- ⁶⁰ См.: *Putrament J.* Pół wieku: Literaci. Warszawa, 1970. S. 254–255; *Ptasiński J.* Op. cit. S. 7–9. В документах архива МИД СССР мне удалось отыскать несколько свидетельств о совещании: АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 38, 1954 г. П. 317. Д. 16. Л. 122 (из указанной беседы Н. К. Талызина и В. Кручека); Оп. 38–б, 1954 г. П. 367. Д. 1. Л. 166–168 (из политического отчета посольства СССР в Польше за 1954 г.); Оп. 39, 1955 г. П. 327, Д. 17. Л. 8–9 (из беседы консула СССР в Кракове Ю. В. Бернова с 1-м секретарем воеводского комитета ПОРП в Кракове В. Титковым 12 января 1955 г.).
- ⁶¹ Со свойственной ему прямоотой и темпераментом В. Клосевич заявил: «Мы хотели бы также знать, например, за что Гомулка сидит, является ли он агентом или нет. Если он виновен, то его нужно поставить перед судом, а если не виновен, то выпустить. А у нас все шепчут по углам об этом деле, а точно никто из нас дела не знает, а это ведь уже не вопрос (правонационалистического. — А. О.)»

- уклона, ибо за уклон от линии партии ЦК привлекает к ответственности вплоть до исключения из партии; так что посадить за уклон нельзя, можно посадить за преступление, стало быть, по крайней мере ЦК должен знать, какое преступление совершил Гомулка» (AAN. PZPR. KC. Sygn. XI/178. К. 31–32). См. также: *Torańska T.* Op. cit. S. 227. Интервью В. Клоевича в январе 1981 г.; *Ptasiński J.* Op. cit. S. 7.
- ⁶² АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 39, 1955 г. П. 327. Д. 17. Л. 9. Из беседы консула СССР в Кракове Ю.В. Бернова с 1-м секретарем воеводского комитета ПОРП в Кракове В. Титковым 12 января 1955 г. См. также обзор выступлений на «Ноябрьском совещании»: *Kozłowski Cz.* *Namiestnik Stalina.* Warszawa, 1993. S. 155–159.
- ⁶³ *Kozik Z.* *Październik 1956: Ponowne spojrzenie // Październik 1956: Szkice historyczne / Pod red. B. Dymka.* Warszawa, 1989. S. 216.
- ⁶⁴ Подробнее см.: *Werblan A.* *Władysław Gomułka, sekretarz generalny PPR.* Warszawa, 1988. S. 454–475.
- ⁶⁵ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 38, 1954 г. П. 316. Д. 9. Л. 23.
- ⁶⁶ Подробную биографию Н. А. Михайлова см.: Молодой коммунист. 1988. № 9. С. 43–44.
- ⁶⁷ *Бернов Ю. В.* Указ. соч. С. 31–33.
- ⁶⁸ Документы и материалы... Т. X. С. 331–333, 340, 392–394, 397–398, 425–427, 428–429.
- ⁶⁹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 39, 1955 г. П. 327. Д. 17, Л. 15. Из беседы генконсула СССР в Гданьске Н. К. Талызина с 1-м секретарем воеводского комитета ПОРП в Гданьске Яном Трушем 27 января 1955 г.; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 297. Л. 10.
- ⁷⁰ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 39, 1955 г. П. 327. Д. 17. Л. 12–17.
- ⁷¹ См.: *Ważniewski W.* *Walka polityczna w kierownictwie PPR i PZPR 1944–1964.* Toruń, 1991. S. 59–70. Описание работы пленума его участником 1-м секретарем воеводского комитета ПОРП в Сталинограде Юзефом Ольшевским, см.: АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 39, 1955 г. П. 327. Д. 17. Л. 12–14.
- ⁷² *Uchwały Komitetu Centralnego Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej od II do III Zjazdu.* Warszawa, 1959. S. 45–49.
- ⁷³ *Kuroń J.* *Wiara i wino. Do i od komunizmu.* Warszawa, 1990. S. 98.
- ⁷⁴ См.: *Morawski J.* III Plenum KC PZPR // *Nowe Drogi.* 1955. № 2. S. 3–19. Автор в общих чертах характеризовал принятые пленумом документы. См. также: *Kruczkowski L.* *Front kulturalny w świetle III Plenum // Nowe Drogi.* 1955. № 3. S. 3–10.
- ⁷⁵ *Trybuna Ludu.* 27.01.1955.
- ⁷⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 297. Л. 241–242.

- ⁷⁷ Kozik Z. PZPR w latach 1954–1957: Szkic historyczny. Warszawa, 1982. S. 57, 148–149.
- ⁷⁸ Żółkiewski S. O aktualnych dyskusjach literackich // Nowe Drogi. 1955. № 6. S. 16–37. См. также: Fiałkowska B. Polityka i twórcy (1948–1959). Warszawa, 1985. S. 282–284.
- ⁷⁹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 39, 1955 г. П. 327. Д. 16. Л. 27–28.
- ⁸⁰ Бернов Ю. В. Указ. соч. С. 53.
- ⁸¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 39, 1955 г. П. 326. Д. 9. Л. 16–18. Записи из дневника В. А. Зорина.
- ⁸² Ведомости Верховного Совета СССР. 20.05.1955. № 7. С. 203.
- ⁸³ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 39, 1955 г. П. 327. Д. 100.
- ⁸⁴ Документы и материалы... Т. X. С. 367.
- ⁸⁵ Сырон К. Весна в октябре: Польская революция 1956 года. — Нью-Йорк, 1961. С. 31. Первое издание книги вышло на английском языке в 1957 г.
- ⁸⁶ ААН. PZPR. КС. ХІА/71. Т. I. К. 142. Перевод «Поэмы для взрослых» на русский язык см.: Там же. Л. 145–152.
- ⁸⁷ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 39-а, 1955 г. П. 343. Д. 14. Л. 28–29.
- ⁸⁸ ААН. PZPR. КС. ХІА/71. Т. I. К. 143.
- ⁸⁹ Bińko B. Partia wobec «odwilży». Wyniki kwerendy archiwalnej w poszukiwaniu początków rewizjonizmu: 1954–1955 // Kultura i Społeczeństwo. 1995. № 2. S. 103–104.
- ⁹⁰ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 39, 1955 г. П. 327. Д. 16. Л. 162–163. Из беседы Ст. Жулкевского с 1-м секретарем посольства СССР в Варшаве И. И. Егоровым 19 сентября 1955 г.
- ⁹¹ Nauka Polska. 1955. № 2 (10). S. 125–146.
- ⁹² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 229. Л. 22–23.
- ⁹³ Jordan Z. Bunt intelektualisty // Kultura (Paryż). 1955. № 9. S. 92.
- ⁹⁴ Schaff A. O pozytywny program badań społecznych. Odpowiedź prof. J. Chałasińskiemu // Przegląd Kulturalny. 10–16.11. 1955. № 45. S. 1–2. См. также: Schaff A. O roli partii w rozwoju teorii marksistowskiej // Przegląd Kulturalny. 24–30.11.1955. № 47. S. 7.
- ⁹⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 296. Л. 152–153. П. К. Пономаренко — Д. Т. Шепилову от 26 ноября 1955 г.
- ⁹⁶ Там же. Л. 145–151.
- ⁹⁷ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 38, 1955 г. П. 128. Д. 720. Л. 28. И. А. Мельник — П. Г. Крекотеню 21 февраля 1956 г.
- ⁹⁸ Aby wzmocnić udział twórców w kształtowaniu naszego życia // Nowe Drogi. 1956. № 1. S. 3–8. Текст доклада Я. Бермана в переводе на русский см.: АВП РФ. Ф. 122. Оп. 38, 1955 г. П. 327. Д. 720. Л. 29–44.

- ⁹⁹ См.: *Friszke A.* Opozycja polityczna w PRL 1945–1980. Londyn, 1994. S. 94; *Jedlicki W.* Klub Kszywego Koła. Paryż, 1963. S. 73.
- ¹⁰⁰ См.: *Lipski J. J.* Komitet Obrony Robotników — Komitet Samoobrony Społecznej. Warszawa, 1983. S. 12–13.
- ¹⁰¹ ААН. PZPR. КС. Sygn. 1678. К. 93. «Записка по вопросу дискуссионных клубов интеллигенции» (апрель 1956 г.).
- ¹⁰² Ibidem.
- ¹⁰³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 398. Л. 125. Из беседы 2-го секретаря посольства СССР в ПНР В. Н. Одинокова с Ю. Калиновским 31 июля 1956 г.
- ¹⁰⁴ Подробнее о клубном движении см.: *Zabłocka-Skupińska D.* Kluby inteligencji 1955–1957 // *Chrześcijanin w świecie. Zeszyty ODiSS* (Warszawa). X 1986. № 157. S. 22–36; *Friszke A.* Op. cit. S. 94–98; *Żukowski M.* Kluby młodej inteligencji w województwie Koszalińskim // *Rocznik koszaliński*. 1996. № 26. S. 143–155.

Глава 2

XX съезд КПСС и Польша

1. Берут, Охав и другие (консерваторы и либералы). В Польше настроения критицизма еще более усилились после того, как в Москве 14–25 февраля 1956 г. состоялся XX съезд КПСС. В польской историографии давно уже утвердилось мнение, что это было крупнейшее событие не только в истории СССР и международного коммунистического движения, но и послевоенной польской истории; оно стало мощным импульсом и катализатором многих перемен в общественной жизни Польши. В отчетном докладе Н. С. Хрущева говорилось о необходимости политических реформ в СССР и восточноевропейских странах, связанных с ним Варшавским договором. Первый секретарь ЦК КПСС парадоксальным образом подверг критике культ личности без упоминания имени И. В. Сталина¹. Возможно, именно поэтому внимание заинтересованных наблюдателей не только в СССР, но и за его пределами было приковано преимущественно к теоретическим проблемам, которые рассматривались на съезде. Особенно привлекали три тезиса, представленные московским коммунистическим форумом, а именно: мирное сосуществование возможно и необходимо; в современных условиях война не является неизбежной; социализм может быть достигнут парламентскими методами, а не исключительно на пути революции, как было принято считать в теории марксизма. Тогда это был прорыв в официальной идеологии и тоталитарном мышлении, свойственных коммунистическим элитам социалистических стран Восточной Европы.

Делегация ПОРП направилась в Москву в составе пяти человек: Б. Берут, Я. Берман, Ю. Циранкевич, А. Завадский и Е. Моравский. Накануне отъезда Б. Берут выступил на страницах «Правды» со статьей «Под победоносным знаменем

марксизма-ленинизма»², а 16 февраля, уже в ходе работы коммунистического форума — с приветственной речью, обращенной к его участникам³. Никаких сенсаций ни статья, ни выступление не предвещали. И не удивительно. Ведь почти никому не было известно, что 13 февраля пленум ЦК КПСС, проходивший в условиях строгой засекреченности, принял постановление, в соответствии с которым Н. С. Хрущеву поручалось выступить на заключительном, закрытом заседании съезда с докладом «О культуре личности и его последствиях»⁴. И потому предвидеть то, что затем случилось и в Советском Союзе, и в Восточноевропейском регионе, и в западноевропейском рабочем движении в целом, прогнозировать какие-либо факторы долговременного действия, было вряд ли возможно.

В ходе работы съезда в варшавской «Трибуне люду» 19 февраля и в московской «Правде» 21 февраля было опубликовано заявление пяти коммунистических партий (КПСС, ПОРП, компартий Болгарии, Италии и Финляндии) о политической реабилитации Коммунистической партии Польши, распущенной в 1938 г. Исполкомом Коминтерна по сфабрикованным в Москве обвинениям. Руководство ПОРП еще в декабре 1954 г. поставило перед КПСС вопрос о возможности реабилитации КПП: тогда Б. Берут обратился со специальным письмом к Н. С. Хрущеву⁵. По поручению последнего компетентные советские органы подготовили записку «о реабилитации группы бывших руководящих работников Компартии Польши» (датирована 18 февраля 1955 г.), на основе которой Беруту отдельным письмом за подписью Хрущева сообщалось, что следственные дела арестованных в 1937–1938 гг. видных деятелей коммунистического движения Польши пересмотрены, что все репрессированные подлежат политической реабилитации, так как установлено, что «они были в тот период вражеским руководством НКВД арестованы и осуждены необоснованно»⁶. Польская общественность встретила известие о реабилитации с большим волнением, вне зависимости от политических симпатий и антипатий.

24 февраля, в самый канун закрытого заседания XX съезда КПСС, в Московском университете на встрече с польскими студентами и аспирантами, обучавшимися в советской столице, состоялось последнее публичное выступление Б. Берута⁷. В этом вполне рутинном выступлении внимание современного

исследователя могут привлечь, пожалуй, лишь два сюжета. Во-первых, явное нежелание обсуждать вопрос об ответственности руководителей ПОРП за политику, которая в конечном итоге привела польское общество в состояние прогрессирующего всеобщего недовольства. Очевидно, информация, ставшая достоянием гласности в ходе работы XX съезда, требовала по-новому истолковывать период истории Польши, к становлению которого Б. Берут был лично причастен в очень высокой степени. Во-вторых, польскому коммунистическому лидеру пришлось пояснить свое отношение к так называемому правонационалистическому уклону в ПОРП. На эту тему своим слушателям он поведал следующее: «Гомулковщина была правонационалистическим уклоном в нашей партии. Что же мы тут должны пересматривать? Мы преодолели этот правонационалистический уклон, и дело с концом. <...> Гомулковщина и борьба с ней были не ошибкой, а большой заслугой, большим достижением нашей партии»⁸. Тем самым еще раз со всей решительностью подчеркивалось — обратная дорога в большую политику В. Гомулке прочно закрыта, несмотря на то, что он уже более года находился на свободе и вызывал живой интерес как харизматическая, знаковая фигура польского коммунистического движения послевоенного периода.

Обсуждение на XX съезде КПСС актуальных вопросов внутренней и внешней политики СССР, принятые там решения приковали к себе огромное внимание мировой общественности. Не рискуя впасть в преувеличение, можно сказать, что во всех слоях польского общества — в руководящих и низовых структурах ПОРП, крестьянской и демократической партий, в массовых общественных организациях, на промышленных предприятиях, в высших учебных заведениях, в армии, в средствах массовой информации — словом, повсюду обсуждались новые идеи, провозглашенные Н. С. Хрущевым. Лишь на селе активность населения была менее интенсивна. Мнения высказывались смелые и разнообразные, в том числе такие, которые коммунистам-ортодоксам казались самыми крайними. Вот только два весьма характерных примера. Известный деятель ПОРП Л. Касман на одном из дискуссионных собраний в Союзе польских писателей вступил в спор с известным литератором А. Слонимским. Это было в самом конце февраля 1956 г. По словам партийного функционера, в ответ на

опубликованные в печати материалы XX съезда Слонимский выразился так: «Что вы говорите о смене курса, о смене политики, о смене форм управления?! Меняйте людей, которые стоят во главе партии. С этого надо начинать! <...> Если машинист стоял возле машины, когда она сломалась, то, чтобы поправить дело, нужен другой машинист»⁹. Сходная мысль в тот же период времени была высказана в Кракове: «На собрании воеводского партийного актива, — читаем в информации консульства СССР «Об откликах и настроениях населения Краковского воеводства после XX съезда КПСС», — с демагогической речью выступил депутат Сейма профессор Дробнер, который заявил, что руководство ЦК ПОРП себя скомпрометировало, и потребовал созыва внеочередного съезда партии для избрания нового руководства ЦК»¹⁰. Подобного рода радикальные высказывания звучали отнюдь не только в кругах интеллигенции, профессионально занимавшейся политикой или проявлявшей интерес к ней. Они, как представляется, отражают примечательный момент в деятельности ПОРП, а именно явно ощущаемый отрыв группы высших партийных руководителей, во главе которой стоял Б. Берут, от широкой партийной базы. Состояние самоизоляции руководства предвещало в ближайшей перспективе кризис партийных верхов, первоначально в форме конфликтов, столкновения различных группировок, в том числе и с целью овладения высшим партийным постом.

Вслед за Н. С. Хрущевым, не побоявшимся представить некоторые, самые тяжелые проблемы сталинизма на суд общественного мнения Советского Союза, а затем и всего мира, руководители ПОРП также предприняли действия исключительной значимости в том же направлении. Ни одна из коммунистических партий социалистического лагеря, кроме КПСС и ПОРП, не решилась публично обсуждать сталинизм, включая преступные деяния коммунистического вождя, хотя и ограничившись лишь самой общей информацией, адресованной членам партии. Если бы не последовавшая вскоре неожиданная кончина Б. Берута — этого польского обер-сталиниста (К. Сыроп), — в Польше до столь решительных шагов вряд ли бы дошло¹¹.

26 февраля делегация ПОРП возвратилась в Варшаву. В Москве остался тяжело больной Б. Берут. В его отсутствие

3—4 марта состоялось закрытое совещание центрального партийного актива, на котором с краткими и, в сущности, малосодержательными сообщениями о XX съезде КПСС выступили сначала Я. Берман, а вслед за ним Ю. Циранкевич и Е. Моравский. Нелишне подчеркнуть, что в этот момент подавляющее большинство участников совещания пока еще не имели ни малейшего представления о том, что под занавес съезда Н. С. Хрущев выступил со специальным докладом о культе личности и его последствиях; информированы были только члены Политбюро ЦК ПОРП, которые имели возможность познакомиться с текстом доклада¹². Однако весь ход дискуссии, прозвучавшие на совещании чрезвычайно решительные, нервные критические выступления показали, что сторонникам Б. Берута рано или поздно придется оставить активную политическую деятельность. Стенограмма совещания свидетельствует о том, что особой остротой выделялась критика, с которой, открывая дискуссию, выступил первый секретарь Варшавского городского комитета ПОРП Стефан Сташевский. Громом среди ясного неба прозвучали его жесткие оценки сталинской диктатуры, реально существовавшего в СССР репрессивного, тоталитарного режима. Благодаря революции в России налицо большие социальные достижения, и этого никто не отрицает, говорил он, «но мы не хотели смотреть правде в глаза <...> на тот основной факт, что рядом с этим был период крупных ошибок, извращений, искажений, что без этого нельзя понять нынешнего этапа, что это был также период многих преступлений, совершенных над революцией, над ее сыновьями и дочерьми. Ведь бериевщина — так, как мы о ней говорим и то, что мы о ней знаем, — это было чудовищное, преступное извращение, и оно ведь было естественным, но чудовищным плодом, было следствием того режима, того порядка, какой ввел в партии Сталин»¹³. Основной пафос выступления С. Сташевского заключался в призыве реабилитировать всех коммунистов, осужденных за мнимые политические преступления, и восстановить в партии, если они того пожелают.

В ряде выступлений вновь говорилось о В. Гомулке и М. Спыхальском, причем стенограмма позволяет твердо установить как их сторонников, так и недоброжелателей. Руководителям партии, участвовавшим в совещании, пришлось выслушать немало упреков за блокирование известных решений

III пленума ЦК ПОРП, за бюрократизм и склонность к авторитарным способам руководства¹⁴.

Сразу же обо всем доложили в Москву Б. Беруту. Сохранился документ, который приоткрывает завесу над тем, каким образом лидер польской партии воспринял ход указанного совещания (запись беседы сотрудника аппарата ЦК КПСС Я. Ф. Дзержинского с Берутом; беседа состоялась 5 марта 1956 г.). Реакция была весьма нервная. Берут остался крайне недоволен тем, что «собрание актива прошло не так, как оно должно было быть проведено. В выступлениях активистов ПОРП о решениях XX съезда КПСС говорилось очень мало на том «основании», что эти решения и так ясны. Вместо обсуждения задач, стоящих перед ПОРП в связи с XX съездом КПСС, выступавшие обрушились с острой критикой на руководство ЦК ПОРП, обвиняя его, в частности, в запаздывании с постановкой и решением ряда вопросов (например, о необоснованности роспуска КП Польши) и в половинчатости при решении некоторых других вопросов. Правильно говоря о том, что решения III пленума ЦК ПОРП <...> о соблюдении ленинских норм партийной жизни выполняются еще недостаточно, выступавшие на активе пытались всю ответственность за это положение возложить на руководство ЦК ПОРП». Выступление С. Сташевского вызвало неодобрение Берута потому, что тот взял под защиту А. Шаффа¹⁵, который решил в публичной форме заявить не только «о наличии застоя в марксизме», но и «по существу отрицал значение партийного руководства общественными науками». Берут, далее, считал, что слишком много внимания на совещании актива было уделено М. Спыхальскому, генералу В. Комару и некоторым другим недавно реабилитированным военачальникам. При этом Берут считал необходимым сообщить, что в Политбюро ЦК ПОРП «в отношении этих лиц имеются разногласия». Лично Берут придерживался мнения, что надо «провести закрытый судебный процесс над Спыхальским», но не находил в этом поддержки своих коллег. Что касается генерала В. Комара, то он был освобожден еще в конце 1954 г. и теперь, подчеркивал Берут, многие члены Политбюро ЦК настаивают на восстановлении его в партии, хотя сам Берут категорически возражал против этого. «Вообще, сказал тов. Берут, в партии нарастают тенденции либерализма, что видно было еще в 1955 г. на фактах

допущения антипартийных выступлений на страницах польской печати, — читаем в документе. — Тов. Берут сказал, что, по его мнению, в Польше нарастает угроза правого уклона, подобно проявившемуся недавно в Венгрии». Заключительный вывод автора документа должен был привлечь внимание руководителей КПСС к внутренним проблемам ПОРП: «Из высказываний т. Берута, сделанных в очень осторожной форме, можно понять, что в Политбюро ЦК ПОРП имеются разногласия по ряду принципиальных вопросов»¹⁶. Именно в связи с такой тревожащей констатацией запись беседы Я. Ф. Держинского с польским партийным лидером была согласно начертанной В. М. Молотовым резолюции разослана в порядке информации всем членам Президиума ЦК КПСС и Секретариата ЦК¹⁷. Судя по документам, верхушка советской компартии относилась к Б. Беруту с большим доверием, Н. С. Хрущев даже как-то в шутку сказал, что в советском руководстве существует «культ личности»¹⁸ Берута.

6 марта Политбюро ЦК ПОРП обсудило итоги работы актива и признало критику в адрес политического руководства справедливой. М. Спыхальского решено было из-под стражи освободить, а специальной комиссии во главе с Э. Охабом поручалось принять меры по ускорению восстановления в партии тех, кто был уже на свободе (в частности, В. Комар и другие военные, проходившие с ним по одному обвинению)¹⁹. Состояние умов во всех звеньях ПОРП было таково, что дальнейшее лавирование и бездействие партийной верхушки уже не могло найти никакого оправдания.

В эти же дни распространилась информация, связанная с докладом Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях». Дело было так. Е. Моравский выступил перед партийными активистами Комитета общественной безопасности с сообщением о работе XX съезда КПСС, в ходе выступления секретарю ЦК среди прочих был задан вопрос, правда ли, что Н. С. Хрущев выступил с закрытым докладом. Неожиданно слово взял известный деятель КПП З. Окрэнт и заявил, что доклад — это свершившийся факт. Моравскому ничего не оставалось, как подтвердить его слова²⁰.

10 марта газета «Трыбуна люду» опубликовала редакционную статью под интригующим заголовком «О культе личности и его последствиях». Как видим, это точное повторение

заголовка закрытого доклада, с которым выступил Н. С. Хрущев. Как вскоре выяснилось в партийных кругах, вопрос о публикации статьи не согласовывался в ЦК ПОРП. В низовых партийных организациях, не подготовленных к такого рода чрезвычайной информации, она вызвала форменное замешательство. Очевидно, именно потому статья была оценена посольством СССР в Варшаве как «ошибочная»²¹.

Но тут произошло событие, ускорившее движение к неотвратно надвигавшемуся кризису в Польше: 12 марта 1956 г. в Москве скончался Б. Берут. Тотчас же по Варшаве пополз зловещий слух — эта неожиданная смерть в столице коммунистической империи не может быть случайной, не приложили ли к этому руку служители хорошо известного ведомства, расположенного в самом центре Москвы, откуда рукой подать до Кремля? Появился среди множества других и такой слух: Берут устранен в Москве, чтобы открыть путь к власти В. Гомулке²². В Краковском воеводстве спецслужбы обнаружили листовку и надпись на стене здания, содержавшие обвинения руководителей КПСС в смерти Берута «и клеветнически утверждающие, что смерть эта не была естественной». А один из сотрудников аппарата президиума рады народной в Сталинограде (Катовице) выразился прямоком: «Тов. Берут был убит по приказу КПСС. Это случилось после XX съезда, так как тов. Берут был, по-видимому, неудобным»²³.

20 марта собрался VI пленум ЦК ПОРП, чтобы избрать нового лидера партии. На вакантное место первого секретаря ЦК претендовали несколько кандидатов, но главными (по версии польских исследователей) считались Р. Замбровский и З. Новак, причем последний в стремлении скомпрометировать своего конкурента не брезговал аргументами антисемитского свойства²⁴. П. Махцевич, исследователь общественного сознания в Польше середины 1950-х гг., на основе изучения документов польских спецслужб, наблюдавших за настроениями населения как раз в этот период, пишет, что на уровне массового сознания в качестве возможных кандидатов на роль лидера ПОРП тогда назывались Я. Берман, А. Завадский, З. Новак, Э. Охаб, даже, как ни странно, К. Рокоссовский, но чаще всего фигурировал В. Гомулка; кружили также слухи, будто он уже ведет переговоры о своем возвращении во властные структуры и даже находится в Москве, где обсуждает

с руководством КПСС условия своего возвращения на польский партийный Олимп²⁵. И тому подобные небылицы, свойственные обществу, лишенному необходимой информации и едва пробуждающемуся после продолжительной спячки. В партийной элите о единстве мнений по вопросу избрания нового лидера не могло быть речи.

Руководство КПСС, само собой разумеется, следило за развернувшейся в ЦК ПОРП борьбой. Информация в Кремль и ЦК КПСС направлялась прежде всего по дипломатическим каналам, а также по каналам спецслужб. Тем не менее недоверчивый Н. С. Хрушев решил лично, так сказать «на месте», выяснить, кому же в конечном итоге отдать свое предпочтение. Тем более повод для официального появления в Варшаве представлялся вполне естественным — на 16 марта были назначены похороны Б. Берута. Предварительно 14 марта на заседании Президиума ЦК КПСС был рассмотрен вопрос о поездке. Обсуждение открыл первый секретарь ЦК КПСС, потом выступали Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, К. Е. Ворошилов, А. И. Микоян, М. Г. Первухин, М. А. Сулов, М. З. Сабуров и Г. К. Жуков, но, к сожалению, в черновике протокольной записи заседания, которой с недавних времен располагают исследователи, состоявшийся обмен мнениями не зафиксирован. Зато есть такая запись всего из трех слов: «Завадский, Охаб (кандидатуры)»²⁶. Истолковать ее нетрудно: очевидно, упомянутые персоны — это те деятели польского политического руководства, на которых советская партийно-правительственная элита делала ставку в обозримой перспективе. Действительно, А. Завадский издавна был тесно связан с Советским Союзом, а Э. Охаб, помимо того, что тоже годы войны провел в СССР, подкупал ортодоксальностью марксистских взглядов, уравновешенностью и, как тогда казалось, предсказуемостью. «Для СССР было далеко не безразлично, кто окажется в польском руководстве», — пишет Н. С. Хрушев и далее сообщает следующее: «У нас не имелось никаких возражений против Охаба. То был товарищ, проверенный в борьбе, прошедший польскую тюрьму и настоящий коммунист». Но все же лично Хрушеву в тот момент, по его словам, «больше импонировал Завадский»²⁷.

В польской столице Н. С. Хрушев находился с 15 по 21 марта во главе советской партийно-правительственной делегации.

Достоверно известно, что он встречался с членами польского Политбюро и — в этом можно не сомневаться, — в той или иной форме обсуждал с ними возможные кандидатуры на роль лидера ПОРП²⁸, хотя сам имел на этот счет особое мнение. Дело в том, что на уровне высшего политического руководства в ПОРП давно уже проявляло себя скрытое соперничество между поляками и евреями, поскольку последние занимали некоторые ключевые позиции, и это вызывало недовольство части членов ЦК и партийного аппарата, о чем откровенно и довольно подробно рассказывает в своих воспоминаниях Н. С. Хрущев. Он считал, что первым секретарем ЦК ПОРП должен быть только поляк («руководить Польшей должны поляки», — выразился он прямодушно, в несколько другое, правда, время)²⁹. К этому нужно добавить, что для него важно было также, чтобы новый лидер партии не придерживался авторитарно-диктаторских методов партийного руководства³⁰. На пленуме же Хрущев в своем импровизированном выступлении не стал высказываться по поводу избрания нового лидера, а лишь по персональному составу секретариата ЦК и функциям этого руководящего всей организационной работой партийного органа³¹.

Пленум единогласно избрал Эдварда Охаба — деятеля польского коммунистического движения (в КПП вступил в 1929 г.), в санационной Польше познавшего репрессии за свою нелегальную деятельность. В годы Второй мировой войны Охаб находился в СССР, где в 1943–1944 гг. служил на офицерских должностях в польских вооруженных формированиях, занимаясь политико-воспитательной работой. В 1944 г. вступил в ППР и затем в ПОРП. В декабре 1948 г. был избран в ЦК ПОРП и кандидатом в члены Политбюро ЦК; членом Политбюро стал в марте 1954 г. Будучи в 1950–1956 гг. секретарем ЦК ПОРП, курировал в аппарате ЦК отделы пропаганды, просвещения, науки, культуры и истории, работу центральных партийных органов печати, молодежное и профсоюзное движение³². Как видим, это действительно был сформировавшийся, опытный партийный функционер высокого ранга, прошедший суровую жизненную школу и доказавший свою преданность коммунистическим идеалам. Он обладал также некоторым опытом государственной деятельности в Польском комитете национального освобождения и в ранге министра

общественной администрации (1944–1945). Но ведь такую же или почти такую биографию имели и другие члены Политбюро. Что же перевесило чашу выбора? По мнению советского политического руководства, сильным аргументом в пользу Э. Охаба было несомненно то, что он был среди тех, кто в годы войны активно участвовал в деятельности Союза польских патриотов — организации, появление которой было одобрено И. В. Сталиным. Вероятно, выдвижение Э. Охаба на первую роль в политической элите можно объяснить тем, что он не входил ни в одну из противоборствовавших в ЦК ПОРП группировок, какие тогда уже давали о себе знать, занимал как бы центристскую позицию³³. И еще одно. Охаб по складу характера не был чрезмерно амбициозным, не ставил своей целью достичь самых высоких ступеней партийной иерархии, а это в той конкретной ситуации для Н. С. Хрущева и советского партийного руководства было очень важно. «В кандидатуре Охаба нас ничего не беспокоило, он был нашим другом и правильно понимал смысл этой дружбы», — подчеркивал Хрущев в своих воспоминаниях³⁴.

Что касается А. Завадского, то он по своим личным качествам не имел никаких шансов возглавить ПОРП, совсем не подходил на роль лидера, волевого и твердо знающего, как добиваться поставленной цели. Был начисто лишен харизмы. Кроме того, он не мог рассчитывать на поддержку со стороны наиболее влиятельных членов польского руководства³⁵. А кандидатуру Р. Замбровского забаллотировали в том числе и с «помощью» лидера КПСС³⁶. Замбровский был давно известен Н. С. Хрущеву, который, не отрицая его недюжинных организаторских способностей, всегда считал неподходящим на роль куратора кадровой политики ПОРП именно из-за его национальной принадлежности³⁷. Нажим советского лидера невозможно было скрыть от участников пленума. Некоторые члены ЦК ПОРП (Ю. Ольшевский, С. Сташевский, Л. Касман) критически высказывались в связи с его присутствием на столь ответственном пленарном заседании, «расценивая это как вмешательство ЦК КПСС в дела ЦК ПОРП»³⁸. И с этим трудно не согласиться.

Начинать деятельность на высшем партийном посту Э. Охабу выпало в непростой обстановке как в ПОРП, так и в стране в целом: в обществе назревало глухое недовольство экономическим

и социальным положением широких кругов, а в правящей партии ширилось, и вполне справедливо, осуждение верхов, которые в стремлении сохранить стабильность в стране чрезмерно полагались на органы общественной безопасности, погрязшие в беззакониях. 21 марта 1956 г. после продолжительных споров Секретариат ЦК ПОРП принял решение тиражировать текст закрытого доклада Н. С. Хрущева, чтобы познакомить с ним партийных активистов всех уровней³⁹. Надо сказать, принятое решение шло вразрез с требованием XX съезда КПСС сохранять содержание текста доклада в тайне. Но в тот момент — в последнюю декаду марта — и в самой КПСС созревало понимание того, что сохранить в тайне закрытый доклад не удастся. Ведь утечка информации уже имела место и вызывала разные толки, порой самые невероятные. Непонятно только одно: почему столь важное для ПОРП политическое решение не обсуждалось на заседании Политбюро ЦК. По свидетельству самого Э. Охаба, он считал необходимым в открытую сказать о преступлениях политического режима в СССР в годы, когда страной диктаторски правил И. В. Сталин, прекрасно понимая, что это неизбежно вызовет негативную реакцию всего польского общества, что как в руководящих структурах, так и в низах правящей партии возобладают смятение и полярные мнения⁴⁰. Охаб отдавал себе отчет в том, что лично сам он на этом много потеряет. И действительно, споры вокруг доклада, с одной стороны, дали мощный импульс углублению общепольской дискуссии о судьбах социализма в Польше, о сущности и роли тоталитарного режима, об ответственности тех, кто допустил грубые ошибки в формировании политической линии партии и государства, о путях демократизации общества; а с другой — способствовали осознанию глубокого кризиса, в который погружалась правящая партия. Партийные инстанции созывали всевозможные совещания для рассмотрения создавшегося положения и соответствующего инструктажа, но вместо реализации предписанной партийной линии на деле происходило углубление дезинтеграции. Очевидно, это означало неадекватность мер, предлагавшихся партийной элитой. Но дело не только в недостаточности проводившихся организационных и идеологических мероприятий. Прогрессировавшие кризисные явления в ПОРП (в частности, острые противоречия среди членов ЦК, выход

внутрипартийной дискуссии за пределы партии и др.) следует рассматривать как составной элемент кризиса международного коммунистического движения, пребывавшего в состоянии потрясения от всего того, что произошло на XX съезде КПСС. Прошло едва три недели, и 10 апреля Секретариат ЦК ПОРП принимает решение основательно сузить круг читателей доклада Н. С. Хрущева — знакомиться с текстом теперь разрешалось лишь представителям партийных инстанций и секретарям низовых партийных организаций. Рядовые члены партии информировались только о «принципиальных проблемах», содержащихся в докладе⁴¹. Но это был паллиатив, ведь часть беспартийных и членов Крестьянской и Демократической партий успели выслушать полный текст доклада. Однако было уже поздно: по всей Польше пронеслась волна собраний, стихийных и организованных дискуссий.

4 мая 1956 г. Политбюро ЦК ПОРП проанализировало «ошибки и извращения в партийной и государственной работе, имевшие место в минувшие годы». Помимо этого критически была рассмотрена деятельность Я. Бермана в тех областях, которые он курировал в качестве члена высшего партийного руководства. В результате Берман подал в отставку с постов члена Политбюро и заместителя председателя Совета Министров ПНР⁴².

Впервые публично в роли первого лица правящей партии Э. Охаб предстал 6—7 апреля 1956 г. на совещании активистов ПОРП г. Варшавы и Варшавского воеводства. Вместе с ним прибыли также премьер-министр Ю. Циранкевич, кандидат в члены Политбюро ЦК А. Рапацкий, члены Секретариата ЦК Е. Альбрехт и Е. Моравский. Тем самым как бы подчеркивалось особое политическое значение проводимого мероприятия. С установочным докладом выступил Э. Охаб. Замысел его не отличался оригинальностью: в ситуации нараставшего брожения в ПОРП, а равно и в других политических партиях, следовало отчетливо заявить о том, какой шефу коммунистов представлялась актуальная идеологическая ситуация в стране. На следующий день газета «Жиче Варшавы» сообщала: доклад «стал основой чрезвычайно оживленной и полемической дискуссии, которая завязалась во время прений. <...> В выступлениях отдельных участников дискуссии доминировали проблемы укрепления связи партии с массами, необходимости

полной открытости политической жизни, проблемы внутрипартийной демократии и правопорядка в нашей стране. Обсуждалось вредное влияние культа личности на партийную и государственную жизнь»⁴³. В переводе на партийный, «идеологически выдержанный» пропагандистский язык здесь названы все узловые проблемы, которые волновали тогда все польское общество.

Подлинной сенсацией явилось заявление Э. Охаба о том, что подвергшийся опале В. Гомулка находится на свободе (уже почти полтора года!) и что с него снято обвинение в пособничестве вражеской агентуре, враждебной и диверсионной деятельности. В то же время первый секретарь ЦК подчеркнул — обвинения Гомулки в правонационалистическом уклоне сохраняли и сохраняют свою актуальность⁴⁴. Вообще говоря, в докладе Э. Охаба вопросу о Гомулке и так называемой «гомукловщине» было уделено довольно много внимания. В частности, значительную часть заключительного слова он вновь посвятил этой теме⁴⁵. Помимо того, Э. Охав заявил об освобождении из заключения, полной реабилитации и восстановлении в партии 26 других известных деятелей, заключенных по ложным обвинениям в 1953 г., среди них сторонников Гомулки генералов Е.-М. Кирхмайера и В. Комара. Многие тезисы доклада уже выглядели анахроничными и не воспринимались аудиторией. В массовом сознании определилась явная тенденция моральной поддержки создателя концепции «польского пути к социализму».

В Польше речь Э. Охаба полностью не публиковалась. Московская же «Правда» поместила на своих страницах сокращенный текст, при этом о В. Гомулке, М. Спыхальском и правонационалистическом уклоне говорилось достаточно подробно⁴⁶. Вероятно, кремлевским идеологам это понадобилось для того, чтобы поддержать имидж нового польского лидера в глазах советской общественности.

19 апреля в Варшаве объявлено было, что Совет Министров освободил от обязанностей министра сельского хозяйства Станислава Радкевича, недавно бывшего министром безопасности. В тот же день средства массовой информации сообщили еще о двух важных событиях: в отставку были отправлены генеральный прокурор ПНР Стефан Калиновский и главный военный прокурор бригадный генерал Станислав Зараковский,

оба по одной и той же причине — за нарушения законности в ходе расследований. Специальная комиссия Политбюро ЦК ПОРП, рассмотрев следственные материалы «группы Татара—Кирхмайера», пришла к выводу, что осужденных по данному делу следует реабилитировать. Тем самым кардинально пересматривалась точка зрения, высказанная Э. Охабом на совещании варшавского партийного актива 6—7 апреля, согласно которой предлагалось лишь помиловать членов названной «группы». 21 и 25 апреля лишились своих высоких постов министр юстиции Генрык Свёнтковский и его заместитель Генрык Чесьлюк; 23 апреля арестованы и отданы под следствие бывший заместитель министра общественной безопасности Роман Ромковский и бывший директор X департамента (военная контрразведка) Анатолий Фейгин. В сообщении для печати говорилось, что «они ответственны за лишение свободы многих невинных людей и в применении в подчиненных им структурах МОБ недозволенных методов следствия»⁴⁷. И как бы заключительным аккордом прозвучало сообщение об отставке Я. Бермана, который курировал по линии Политбюро ЦК ПОРП вопросы правопорядка, правоохранительные органы и органы общественной безопасности, а также идеологические вопросы⁴⁸. Все это уже было серьезной заявкой на кардинальные перемены в сфере соблюдения законности и особенно в ее практической реализации.

23 апреля принимается закон об амнистии. Под его действие подпадали около 80 тыс. человек, в том числе более 9 тыс. осужденных за политические преступления. Реально же до последней декады мая освободили из соответствующих учреждений лишь 34 644 человека, в том числе 5847 человек, осужденных по политическим мотивам⁴⁹. На свободу вышли около 30 тыс. солдат Армии Крайовой, социалистов, людовцев, народовцев. Политбюро ЦК ПОРП приняло решение о реабилитации невинно осужденных по политическим делам бывших членов партии, что открывало В. Гомулке путь к пересмотру обвинения, касавшегося его лично.

С 21 апреля по 5 мая 1956 г. в Варшаве находился референт отдела ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями Я. Ф. Дзержинский — наиболее квалифицированный эксперт аппарата ЦК по польским вопросам. Его перу принадлежит записка (датирована 9 мая 1956 г.), озаглавленная «О некоторых

вопросах внутривластного положения в ПНР», составленная по итогам поездки. Цель последней состояла в организационной подготовке обсуждения польскими учеными рукописи третьего тома коллективного труда Института славяноведения АН СССР «История Польши». Но автор записки занимался не только научно-организационными вопросами. Он имел беседы с Э. Охабом и членом Политбюро, секретарем ЦК ПОРП Ф. Мазуром — одним из давних негласных информаторов высшего советского руководства. Вышеназванный документ поможет нам выяснить, как именно внутреннюю ситуацию в Польше оценивали эти высокопоставленные партийные деятели («срез» ситуации по состоянию на первые числа мая 1956 г.).

Итак, первоначально в ЦК ПОРП обсуждение материалов XX съезда КПСС решили начать «с общих вопросов и лишь затем перейти к вопросу о культе личности И. В. Сталина». И сперва на местах все шло так, как было задумано. Но потом, начиная с совещания актива ПОРП 3–4 марта в Варшаве, «вопрос о культе личности стал преобладающим в обсуждении итогов съезда и почти совершенно вытеснил все другие вопросы XX съезда КПСС». Автор записки далее пишет: «Обсуждение вопроса о культе личности И. В. Сталина и линия партии на дальнейшую демократизацию жизни страны, на всемерное развертывание критики и самокритики были использованы западной печатью, а также враждебными элементами в Польше для усиления пропаганды против народно-демократического строя и польско-советской дружбы». Причем, если сравнивать с другими социалистическими странами региона, в Польше ситуация осложнилась в связи с опубликованием в ходе XX съезда КПСС заявления пяти коммунистических и рабочих партий о необоснованности роспуска КПП, а также сменой лидера ПОРП в связи с кончиной Б. Берута. Непосредственным следствием разоблачений Сталина было появление «серьезных идеологических колебаний среди части польской интеллигенции, главным образом литераторов, журналистов и студенчества, а также среди определенной части партийного актива ПОРП». Э. Охаб сообщил референту ЦК КПСС, что «имеется группа литераторов и журналистов, которые хотели бы оторвать Польшу от СССР, а Польскую объединенную рабочую партию — от КПСС. Борьба с ними осложняется наличием

немногочисленной, но крикливой группы активистов ПОРП, работающих в Институте общественных наук и партийных школах при ЦК ПОРП, а также на других участках идеологического фронта, которые выступают за смену руководства ПОРП, за введение Гомулки в состав ЦК и за скорейший созыв в этих целях III съезда партии. Об этом свидетельствует собрание Варшавского городского и воеводского партактива, проведенное 6–7 апреля с.г., на котором имелись антипартийные выступления, направленные на подрыв тесных отношений между ПОРП и КПСС».

Э. Охаб и Ф. Мазур с возмущением говорили о многочисленных фактах «антипартийных и антисоветских выступлений польской печати». Их собеседник в связи с этим пришел к заключению, что «одной из главных причин вопиющих недостатков в польской печати и радио является слабое руководство идеологическим фронтом со стороны Центрального Комитета ПОРП, который в первые дни после XX съезда выпустил из своих рук руководство печатью и радиовещанием, в результате чего выправить положение теперь стало гораздо более трудным делом». С удивлением Я. Ф. Дзержинский отмечал: «До настоящего времени секретари ЦК ПОРП недостаточно в курсе того, что пишет печать и вещает польское радио; о некоторых антисоветских и антипартийных статьях они узнавали от работников совпосольства или от меня». Прекрасно понимая, что его слова будут переданы советским партийным руководителям, Э. Охаб заверил, что руководство ПОРП «полно решимости положить конец антипартийным и антисоветским выступлениям на страницах печати»⁵⁰. Но эту задачу удалось решить только к III съезду ПОРП (март 1959 г.), причем лишь на непродолжительный период.

2. Сенсации приходят из Кремля. Систематизируя уже имеющийся в научном обороте материал, а также то, что удастся отыскать в отечественных и польских архивах, — материалах, по сию пору далеко не полностью выявленных и исследованных под данным углом зрения, можно в самой общей форме представить состояние массового сознания в Польше и функционировавшие в тот момент политические стереотипы, возникшие на основе осмысления информации о XX съезде КПСС. Впервые проблема эта поставлена и, на мой взгляд,

продуктивно рассмотрена П. Махевичем на довольно большом и совершенно неизвестном до той поры материале польских архивов в его монографии «Польский 1956 год», опубликованной в 1993 г. Правда, реконструированная польским исследователем картина выглядит достаточно мозаично и во многом односторонне, что можно объяснить не столько неполнотой выявленных источников, сколько конкретными обстоятельствами их происхождения, прежде всего раздраженным состоянием польского общества весной 1956 г.

Самой первой реакцией на сенсационные известия из Кремля была всеобщая растерянность. Так неожиданны и драматичны они оказались, так непосредственно затрагивали недавнюю и текущую жизнь большинства поляков независимо от того, на какой ступени общественной лестницы они находились. (То же самое можно было наблюдать и в странах советского блока.) О шоковом состоянии прессы в связи с закрытым докладом Н. С. Хрущева пишет парижский журнал польских эмигрантов «Культура» в статье под выразительным заголовком «После землетрясения»⁵¹. Едва завершил работу московский партийный форум, в низовых организациях ПОРП, обсуждавших ход XX съезда КПСС пока что лишь по материалам польской периодической печати, сразу же появились «неудобные» для руководителей воеводских и особенно низовых организаций ПОРП вопросы, сплошь и рядом ставившие их в тупик.

Консул СССР в Кракове информировал своих непосредственных руководителей о политической ситуации в Краковском консульском округе. Под видом осуждения культа личности «неустойчивые элементы» в ПОРП, как он указывал, на партийных собраниях «пытались поставить под сомнение правильность политики» КПСС. В меховской, хшановской и освенцимской повятовых партийных организациях «у некоторых выступающих проскальзывало недоверие к докладу тов. Хрущева», они высказывали мысль, что «руководство ЦК КПСС пытается всю ответственность за ошибки, в которых оно также повинно, свалить на одного умершего Сталина. Доклад же тов. Хрущева „О культе личности“ — это политический трюк, используя который тов. Хрущев хочет добиться для себя политического авторитета»⁵². На собраниях в высших учебных заведениях Кракова студенты и некоторые преподаватели

«допускали ехидные, злостные враждебные высказывания по адресу СССР и Народной Польши». В Горной академии один из профессоров публично заявил: «Десять лет, которые Польша находится под протекторатом Советского Союза, являются для страны потерянными годами». А студенты Ягеллонского университета на собрании учащихся и преподавателей учебного заведения с горечью заявили: «Народ на протяжении долгого времени принимал за чистую правду и слепо верил тому, что говорил Сталин. Теперь Хрущев все это перечеркнул. Можно ли ему верить? Может быть, найдется другой, который заявит, что и это неправда». С критикой в адрес правительства выступали студенты Академии художеств, даже грозили прервать учебу, если им не будет повышена стипендия⁵³. Пытаясь доискаться реальных причин такого рода высказываний, советский дипломат пришел к выводу, что вину следует возложить на партийных работников, отвечающих за идеологическую работу. «По нашему мнению, — пишет он, — все эти клеветнические выступления по адресу СССР и Польской Народной Республики, антисоветские анекдоты и высказывания, сомнения отдельных лиц в правильности политики Советского Союза имеют широкое распространение потому, что воеводский комитет ПОРП и партийные организации воеводства проявляют растерянность перед выступлением вражеских элементов. Многие руководящие партийные работники сами колеблются в своих суждениях. Партийная пропаганда потеряла свой боевой характер и не может противостоять чуждой, враждебной идеологии. Партийный актив, агитаторы и пропагандисты слабо и не всегда правильно и уверенно разъясняют населению и членам ПОРП политику Советского Союза и материалы XX съезда партии»⁵⁴.

В Польше сразу же обратили внимание на позицию А. И. Микояна, занятую им в ходе XX съезда КПСС. Юзеф Киселевский, 1-й секретарь городского комитета ПОРП в Щецине, рассказывал 9 марта 1956 г. вице-консулу СССР в Щецине Ф. Е. Шарыкину, что партийные активисты «настоятельно добиваются от партийных руководителей разъяснения того, в чем заключались ошибки Сталина и почему они не были в свое время предотвращены членами Политбюро и секретарями ЦК КПСС. Отдельные товарищи спрашивают о том, как могло случиться, что тов. Микоян А. И. выступил

с критикой по адресу Сталина только на XX съезде КПСС, т. е. через несколько лет после его смерти, тогда как при жизни Сталина он говорил о нем совершенно другое»⁵⁵. 12 марта Ф. Е. Шарыкин имел беседу с 1-м секретарем воеводского комитета ПОРП в Зелёной Гуре Феликсом Лорекком, который сообщил следующее: «Отдельные партактивисты интересуются выступлениями тов. Микояна А. И. на предыдущих съездах и сравнивают их с его выступлением на XX съезде КПСС, заявляя при этом, почему, мол, тов. Микоян А. И. при жизни тов. Сталина во всем поддерживал его, а после смерти стал говорить о нем совершенно другое. Если же Сталин в своей работе совершал отдельные ошибки, то где же были остальные члены Политбюро ЦК КПСС!? Особенно такие разговоры ведутся среди студенческой и учащейся молодежи. За последние 20 дней после XX съезда КПСС в Зеленогурский воеводский комитет партии поступило свыше 80 различных писем с вопросами, касающимися тов. Сталина. Среди упомянутых вопросов больше всего задают следующие: Чем вызвано выступление тов. Микояна А. И. на XX съезде КПСС с критикой в адрес тов. Сталина?..»⁵⁶.

Но конечно же в центре внимания находилась фигура И. В. Сталина, так неожиданно раскрывшаяся с неизвестной подавляющему большинству людей стороны: его весьма неоднозначной роли в трагической советской и польской истории, неизбежной переоценки его как политического деятеля и теоретика, жестокой правды о его отношении к Польше и польским проблемам (прежде всего 1939 г., Катынь, Варшавское восстание).

Как свидетельствовал упоминавшийся Ф. Лорек, многие рядовые члены ПОРП с недоумением задавались вопросом: «Можно ли считать Сталина классиком марксизма-ленинизма? Будут ли работы Сталина по-прежнему изучаться в вузах? Почему прекращен выпуск собрания сочинений тов. Сталина? Как будут обстоять дела с пересмотром названий городов, промышленных предприятий, совхозов и колхозов, которые носят имя Сталина?»⁵⁷. Главнокомандующий Объединенными вооруженными силами стран Варшавского договора маршал И. С. Конев сообщал 22 марта 1956 г. в ЦК КПСС о настроениях личного состава польской и чехословацкой армий: «В целом XX съезд оценивается как крупное историческое событие

в жизни КПСС и международного рабочего движения. Наряду с этим у ряда офицеров, сержантов и рядовых возникает много неясных вопросов, с которыми они обращаются к командирам и политработникам, но не всегда получают от них правильные и исчерпывающие ответы. Некоторые вопросы задаются также на партийных активах и конференциях. Больше всего возникает вопросов о культе личности и оценке роли Сталина: считать ли Сталина классиком марксизма-ленинизма; можно ли пользоваться „Кратким курсом истории КПСС [sic!]“, а также „Экономическими проблемами социализма в СССР“ и другими трудами Сталина по теоретическим вопросам; можно ли считать Сталина полководцем, какова его роль в Великой Отечественной войне...»⁵⁸.

В Щецине в марте на одном партийном собрании прозвучал такой вопрос: «Можно ли считать Сталина классиком марксизма-ленинизма и следует ли в дальнейшем пользоваться его работами для изучения марксистско-ленинской теории?»⁵⁹. В сущности такие же вопросы задавали в апреле в Краковском воеводстве на собраниях партактива: «Как относиться к теоретическим работам Сталина? Является ли он классиком марксизма-ленинизма? Почему руководство коммунистических и рабочих партий в странах народной демократии слепо шло за указаниями Сталина?»⁶⁰. В том же апреле в Быдгощи секретарь ВК ПОРП рассказывал генеральному консулу СССР в Гданьске Н. К. Талызину: «...факты, сообщенные тов. Хрущевым, имели ошеломляющее впечатление на партактив. На совещаниях актива было задано много таких вопросов: как оценивать военную деятельность И. В. Сталина, почему культ личности возник в КПСС — наиболее закаленной марксистской партии, не нужно ли снимать портреты Сталина в учреждениях, несут ли ответственность все члены Политбюро за ошибки Сталина»⁶¹.

В связи с политической реабилитацией компартии Польши и ее руководителей, подвергшихся кровавой расправе, поляков не мог не интересовать вопрос о взаимоотношениях Сталина и КПП. В апреле в Кракове и воеводстве, как сообщал консул СССР Ю. В. Бернов, на партийных собраниях «много вопросов касалось <...> реабилитации Коммунистической партии Польши»⁶². В беседе с вице-консулом СССР в Щецине Ф. Е. Шарыкиным 24 марта Ю. Киселевский, рассказывая о ходе

партийных собраний, подчеркивал: «Больше всего задаются следующие вопросы: Какое влияние оказывал Сталин на польскую компартию и не является ли ее роспуск делом его рук?»⁶³. В упомянутом сообщении маршала И. С. Конева в ЦК КПСС говорилось: «в связи с опубликованием в печати заявления по поводу роспуска в 1938 г. компартии Польши некоторые военнослужащие польской армии задают вопросы о роли Сталина в этом деле, т. к. раньше подчеркивалось, что роспуск компартии Польши был великой заслугой Сталина; почему сообщение о компартии Польши появилось только теперь; почему оно краткое и не разъясняет всех вопросов; где Ленский и другие руководители компартии Польши...»⁶⁴. Н. С. Хрущеву и другим членам высшего политического руководства СССР было хорошо известно, что Юлиан Лешиньский-Леньский, Марья Кошутска-Костшева, Адольф Варский и другие польские коммунистические лидеры были расстреляны НКВД в период 1937–1939 гг., но сказать об этом в открытую в тот момент не хватило мужества.

Неизбежно обсуждался вопрос о межгосударственных отношениях Польши и СССР. Весьма болезненную реакцию поляков вызывало отторжение Советским Союзом в сентябре 1939 г. восточных окраин Польши, что означало участие СССР вместе с нацистской Германией в ликвидации Польши как самостоятельного государства. В организационных структурах ПОРП Кракова и воеводства имели место «высказывания о неправильности присоединения Западной Белоруссии и Западной Украины к СССР»⁶⁵. В другом документе, в котором речь шла о положении в Быдгошском воеводстве, подчеркнуто, что «опубликование в польской печати ряда статей о культе личности вызвало много враждебных по отношению к СССР комментариев, особенно в среде интеллигенции» и что в университете им. Миколая Коперника (Торунь) «была отмечена попытка разжигать ревизионистские и антисоветские настроения напоминаниями в связи с ошибками И. Сталина в Западной Украине, Западной Белоруссии и Катыни, и т. д.»⁶⁶.

Вопрос о суверенитете Польши стал достоянием гласности именно в марте 1956 г. в связи с обсуждением польской общественностью материалов XX съезда КПСС. На первых порах тема польского суверенитета ставилась в достаточно осторожной, даже, можно сказать, корректной форме. Например,

генеральный консул СССР в Щецине Б. П. Зыбин информировал 4-й Европейский отдел МИД СССР о ходе партийных собраний (ПОРП) в Щецине: «Наряду с общими вопросами, касающимися культа личности, были поставлены такие вопросы: „Как понимать суверенитет Польской Народной Республики при наличии Красной Армии на территории Польши?“, „Как расценивать то, что Югославия оказалась в лучших условиях, чем Польша, и на ее территории нет ни одного советского солдата?“»⁶⁷. В дальнейшем, особенно осенью и в начале зимы 1956—1957 гг., эта тема приобретет существенное значение в советско-польских межгосударственных отношениях, а на определенном этапе даже станет приоритетной.

Много споров и суждений среди поляков вызывало отношение правящих кругов СССР к Варшавскому восстанию и расстрелам в Катыни. На партактиве ПОРП в Щецине был поставлен такой вопрос: «Как рассматривать Варшавское восстание и „Катыньское дело“, не являются ли они делом каких-то враждебных рук?»⁶⁸. Очевидно, здесь имелось в виду именно советское политическое руководство, принимавшее принципиальное решение о судьбе польских военнопленных, оказавшихся на территории СССР в результате вступления Красной Армии в восточные пределы Польши. В связи с этим упомянутый выше П. Махцевич пишет: «На Советский Союз взваливалась <...> ответственность за трагедию Варшавского восстания. Говорили, что Сталин целенаправленно задержал наступление на правом берегу Вислы, выжидая, „чтобы больше поляков было выбито“»⁶⁹. В марте информационный бюллетень Организационного отдела ЦК ПОРП сообщал, что в Лодзинском воеводстве «во всех кругах повторяются вопросы на тему Катыни, Варшавского восстания, вступления Красной Армии в 1939 г. в Западную Белоруссию и Западную Украину...»⁷⁰. В апреле МИД СССР получил информацию из Кракова, в которой говорилось: «На некоторых собраниях в творческих организациях имели место демагогические враждебные выступления». О чем же там шла речь? Оказывается, на собраниях в местном отделении Союза польских писателей публично была поставлена под сомнение официальная советская точка зрения относительно расстрелов польских граждан в Катыни⁷¹. И еще один характерный факт. Во второй половине июня 1956 г. делегация сотрудников Института славяноведения

АН СССР (Ф. Г. Зуев, А. Я. Манусевич, И. А. Хренов и сотрудник аппарата ЦК КПСС В. И. Овчаров) находилась в Польше и в Сталинограде (Катовице) была принята для беседы 1-м секретарем ВК ПОРП Ю. Ольшевским, который рассказал, что местным партработникам «приходится часто сталкиваться с трудными вопросами, которые поднимают члены партии. Вопросы эти: а) кто несет ответственность за роспуск КПП в 1938 г.; б) правильно ли поступило советское правительство, заключив договор с Германией в 1939 г.; в) кто виноват в гибели польских офицеров в Катынском лесу. Нам известно, — подчеркивали авторы документа, — что эти же вопросы возбуждались на собрании партийной организации Ягеллонского университета в Кракове»⁷².

Все это не могло не беспокоить советскую дипломатию, а равно и аппарат ЦК КПСС, поскольку в Советском Союзе в те времена сама «проблема Катыни» относилась к числу таких, которые фальсифицировались в политических интересах правящей верхушки либо просто замалчивались. На уровне массовых польско-советских контактов такая позиция советских идеологических структур порождала атмосферу взаимного непонимания и недоверия, а с польской стороны — еще и стремление преодолеть завесу молчания на долгом пути нежелательного для советских идеологов, но неизбежного постижения трагической правды.

3. Польская пресса: споры и мнения. Чрезвычайно существенную роль в формировании общественного мнения в Польше в период так называемой «оттепели», другими словами — в процессе назревания общественно-политического кризиса — сыграли средства массовой информации, в первую очередь периодическая печать. Газеты и журналы политических партий, профсоюзных, молодежных и корпоративных общественных организаций широко и достаточно свободно освещали весьма непростые проблемы политической и культурной жизни страны. Конечно, тогдашнюю прессу рискованно сравнивать под углом зрения свободы с периодической печатью эпохи «Солидарности», но не будем забывать — в середине 1950-х гг. польская печать делала лишь первые шаги на пути к плюрализму. Поэтому не будет большим преувеличением

утверждать, что 1956 г. был своеобразной «золотой порой» польских средств массовой информации.

Весной и в начале лета 1956 г. наибольшее внимание общественного мнения привлекала фронда Союза польских писателей, который стал ареной столкновения настроенных радикально литераторов и представителей партийных властей, курировавших в аппарате ЦК ПОРП вопросы культуры, литературы в частности. Когда 24–25 марта в Варшаве деятели культуры собрались на XIX сессию Совета культуры и искусства, конфронтация тех и других обрисовалась предельно четко: если проф. Ст. Жулкевский, так сказать, по долгу службы представлявший ЦК ПОРП, в своем докладе подчеркивал руководящую роль правящей партии в процессе становления польской литературы в годы строительства Народной Польши, то Я. Котт в докладе «Революционность и современность» фактически стал на прямо противоположную позицию, отважно оценив государственную идеологию послевоенных лет как «мифологизацию действительности». Наблюдая за ходом дискуссии, сотрудники советского посольства в своем аналитическом материале, предназначенном для Центра, отметили, что многие ее участники развернули «наступление на метод социалистического реализма в литературе, против идейного руководства литературой и искусством со стороны партии». По их мнению, Я. Котт «огульно охаял все, что было сделано польскими писателями, руководствующимися методом социалистического реализма. Он обвинил их в увлечении мифом, согласно которому все, что делается в социалистическом государстве или государстве, строящем социализм, делается хорошо и правильно, в перенесении этого мифа в литературу и создании сплошь фальшивых произведений, дающих мифическое представление о действительности». В свете сказанного естественна генеральная оценка авторами процитированной записки: XIX сессия Совета культуры и искусства «по существу была первым массовым и открытым выступлением значительных групп творческой интеллигенции против партии...»⁷³. П. К. Пономаренко сообщал в ЦК КПСС, что в докладе Я. Котта и выступлениях некоторых участников заседания «содержатся враждебные и клеветнические измышления в отношении постановлений ЦК КПСС по идеологическим вопросам, об истории советского искусства и литературы, о Дворце

культуры и науки имени Сталина в Варшаве. Под флагом борьбы за восстановление ленинизма делаются попытки ревизовать основные положения марксистско-ленинской теории по вопросам культуры. Отрицается социалистический реализм как единственно правильный метод изображения действительности, провозглашается лозунг так называемой „полной свободы“ творчества и свободы распространения в Польше различных буржуазных направлений в искусстве и т. д.»⁷⁴. Эти предельно политизированные оценки фиксировали весьма важное явление на польской общественно-политической сцене: интеллигенция взяла инициативу в свои руки и выступила выразительницей новых веяний.

18 апреля 1956 г. в МИД СССР состоялась беседа заместителя министра иностранных дел СССР В. С. Семенова с послом ПНР в Москве В. Левиковским. По поручению своего правительства он коротко информировал о положении в стране, особо подчеркнул, что «разъяснение решений и материалов XX съезда КПСС относительно культа личности вызвало в кругах польской интеллигенции, и особенно среди работников литературы, ряд нездоровых настроений». Для высокопоставленного советского работника дипломатического ведомства формулировка «нездоровые настроения» означала чрезвычайность складывавшейся в Польше ситуации. «В их среде, — записывал далее в дневник В. С. Семенов, — делаются попытки атаковать партию с буржуазных позиций, попытки опорочить отдельные стороны жизни Народной Польши. Некоторые из них договариваются даже до того, что ставят вопрос о необходимости созыва чрезвычайного съезда партии, создания в партии фракций и группировок. Имеют место случаи, когда печать ошибочно публикует статьи, в которых в извращенном виде показывается новая Польша». Коротко говоря, зарождавшееся независимое движение интеллигенции становилось выразителем оппозиционных настроений, облеченных пока, правда, в достаточно корректную форму. В заключение беседы польский дипломат заверил: «принимаются меры в целях преодоления этих нездоровых настроений»⁷⁵. Ближайшие события в Польше показали, однако, что в верхах внутрипартийные споры не позволили посмотреть на ситуацию объективно и предложить обществу разумную, понятную всем программу исправления положения.

В целях информирования советских партийно-правительственных кругов о положении в Польше в сфере культуры руководство ПОРП направляло в Москву специальных доверенных представителей. В частности, известно, что Э. Охаб поручил председателю «Польского радио» В. Сокорскому встретиться с министром культуры СССР Н. А. Михайловым (недавним послом СССР в ПНР) и сообщить «о настроениях среди работников искусства Польши». Встреча состоялась 26 мая, и В. Сокорский рассказал, что «за последнее время среди некоторых литераторов Польши оживились и приобрели порой весьма острую форму многие отрицательные явления». Персонально «носителями таких настроений» им были названы А. Слонимский, Я. Котт и В. Ворошильский. «Среди части творческой интеллигенции Польши, — сообщал далее Н. А. Михайлов со слов своего собеседника, — имеют место настроения против лозунга социалистического реализма. Тов. Сокорский рассказывает, что некоторые литераторы отрицают социалистический реализм, утверждают, что в свое время в литературе и искусстве господствовала „ждановщина“. Некоторые утверждают, что по вине Сталина погибли некоторые литераторы⁷⁶. За последнее время приобрели еще более острую форму требования со стороны нездоровой части литераторов и работников искусства невмешательства в искусство со стороны партийных органов. Такие литераторы и работники искусства утверждают, что вопросами искусства должны заниматься сами деятели искусства и литературы, что не должно быть и не может быть никакого вмешательства партийных органов в творческую жизнь». Как уже говорилось, такую точку зрения публично, не только устно, но и печатно высказывала Я. Секерская. Помимо того, Сокорский проинформировал своего собеседника, что «имели место факты открытых выступлений против линии ЦК ПОРП и правительства ПНР; были собрания, на которых ораторы утверждали, что за последние 12 лет Польша шла по неправильному пути, что требуется вернуться к руководству Гомулку и т. д.». Далее Сокорский высказал мнение, что, возможно, в Польше «не надо было так широко знакомить с материалами XX съезда КПСС о культе личности, как это было сделано». В связи с этим он рассказал о том, что «на собрании работников радиовещания была официально внесена резолюция, требующая осуждения существующих

ныне политических порядков в Польше», но при голосовании она не прошла. Наконец, важную информацию Сокорский подтвердил относительно едва ли не самого главного партийного учебного заведения Польши: «В Институте общественных наук при ЦК ПОРП <...> сильны нездоровые настроения. Институт не только не является опорой ЦК ПОРП, а даже „превратился в цитадель“, откуда распространяются непартийные, антинародные взгляды по многим вопросам политики, литературы и искусства»⁷⁷.

На разных форумах, формальных и неформальных встречах нередко поднимался вопрос о цензуре, столь актуальный именно для писательской и научной среды. Об этом советские дипломаты своевременно информировали Центр. Так, 29 мая генеральный консул СССР в Гданьске беседовал с 1-м секретарем ВК ПОРП в Гданьске Я. Трушем, который сообщил следующее: «Волна известной нервозности и истерии, которая наблюдалась главным образом в среде интеллигенции в начальный период после XX съезда [КПСС], спала. Значительно меньше стало различных антисоветских выпадов и провокационных высказываний. Однако среди некоторых кругов интеллигенции продолжают иметь место нездоровые явления, например, под предлогом демократизации общественной жизни делаются попытки очернить действительность и партийное руководство. В кругах литераторов, журналистов и других высказываются требования о ликвидации цензуры»⁷⁸. Как видим, в данном источнике налицо целый набор аналогий с информацией В. Сокорского. Можно, стало быть, говорить даже о типичности описываемого явления.

Хотя нарекания на вмешательство цензуры зафиксированы не в одном документальном источнике, реально периодическая печать Польши в рассматриваемый период переживала комфортное состояние либерализма, ведь в действительности цензоры на многие публикуемые материалы смотрели вполне благосклонно. Ничего подобного до 1956 г. нельзя было представить даже теоретически. Для периодической печати характерно было многообразие актуальной проблематики, и она привлекала пристальное внимание самых широких читательских кругов. Живой интерес широкой общественности к актуальным политическим, социальным и историческим проблемам, разбуженный средствами массовой информации, — это

интегральный фактор польской «оттепели», ее конкретный позитивный результат, запечатлевшийся в исторической памяти нации.

Можно выделить несколько тематических узлов, которые довольно выпукло характеризуют тогдашнее общественное сознание, формируемое средствами печати. Прежде всего, продолжалось дальнейшее осмысление документов XX съезда КПСС, их конкретной значимости для Польши. С полемическими статьями в «Жиче Варшавы», например, выступал известный публицист Артур Хайнич, в «Новых дорогах» точку зрения руководства ПОРП защищал Адам Шафф, в эпатажной «Новой культуре» с разоблачениями преступных деяний Сталина и его ближайшего окружения выступил Ян Топиньский, о «теории» обострения классово-борьбы по мере строительства социализма писал в «Тыгоднике демократычном» («Демократическом еженедельнике») публицист и идеолог Демократической партии Петр Стефаньский⁷⁹. Новой для польской общественной мысли того времени была проблема отношения коммунистов к социал-демократии, о которой писал будущий изгнанник 1968 г. социолог из Варшавского университета Зыгмунт Бауман⁸⁰.

В апреле тематический круг дискуссий на страницах печати заметно расширяется. Появляется серия статей о «польском пути к социализму». Углубляется дискуссия по вопросам функционирования в Польше политической системы и парламентаризма. В этой связи острой критике подвергалась работа Сейма. Внимание работников посольства СССР привлекла статья вице-председателя ЦК Демократической партии Ежи Ёдловского «О Сейме в свете Конституции и Сейме в свете практики»⁸¹, особенно тот ее фрагмент, в котором подчеркивалось, что в действительности польский парламент не выполнял функции высшего органа государственной власти как предусматривалось это Основным законом ПНР, «не развивает законодательную деятельность, не осуществляет на практике контроля за другими органами государственной власти», что для его деятельности «характерным является торжественность, декларативность, отсутствие деловой атмосферы и инициативы»⁸². Автор статьи высказывался за восстановление бывшей в свое время системы депутатских клубов при парламенте по партийной принадлежности депутатов. Критика работы

Сейма и одновременно конструктивные предложения по совершенствованию его работы содержались в статьях, опубликованных в «Трыбуне людю», «Жиче Варшавы», «Новой культуре» и других известных изданиях⁸³.

По-прежнему на страницах периодической печати большое внимание уделялось дискуссии об Армии Крайовой, но теперь этот тематический блок дополнился еще и чрезвычайно существенной проблемой о Батальонах Хлопских. Только за период апрель—июнь 1956 г. в центральной печати в рамках развернувшейся дискуссии было опубликовано около 20 статей, что свидетельствовало о высокой общественной значимости проблемы как таковой.

Постепенно споры, вызванные широким обсуждением доклада Н. С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС, как бы вошли в более спокойные берега, чему способствовала та часть польской интеллигенции, которая профессионально занималась наукой или журналистикой и при этом стояла на умеренных политических позициях. Эти круги находили поддержку и в среде учащихся высших учебных заведений, в первую очередь университетской молодежи Варшавы, Кракова, Вроцлава, Люблина.

4. Людовцы и демократы. Молодежное движение. Сильное впечатление произвел коммунистический форум в Москве не только на ПОРП, но и на другие политические и общественные организации в Польше. В Объединенной крестьянской партии — второй по численности после ПОРП — позитивное отношение к XX съезду КПСС сформировалось не сразу. Состоявшийся 10—12 марта 1956 г. II конгресс ОКП оказался мало примечательным событием и в сущности никак не определился в набиравших ускорение общественных процессах. И прав польский исследователь людовского движения Анджей Войтас, когда пишет: «веяния новых течений не достигли еще ОКП»⁸⁴. Председатель Главного комитета ОКП Владыслав Ковальский заявил себя как открытый противник каких-либо нововведений в политике и идеологии крестьянской партии. Это явно просматривается в его отчетном докладе на II конгрессе. Достаточно сказать, что самая, пожалуй, важная проблема в тот момент, занимавшая умы ряда партийных руководителей всех рангов и партийные низы, — как добиться того,

чтобы из «трансмиссии» ПОРП, то есть формации, задачей которой было выполнять постановления центральных инстанций ПОРП, преобразоваться во вполне самостоятельную, самодостаточную политически, играющую весомую общественную роль партию, отражающую интересы польского крестьянства, — эта проблема В. Ковальским не была поставлена вовсе. Неслучайно в одном документе советского посольства он довольно осторожно назван человеком «лояльным к СССР и ПОРП»⁸⁵. На конгрессе с критическими замечаниями в адрес руководящих деятелей партии и отдельных функционеров центрального партийного аппарата выступили лишь немногие известные еще с предвоенной и военной поры деятели людовского движения (С. Игнар, Ю. Озга-Михальский, К. Банах, Ш. Дзедиц и А. Юшкевич; все они известные активисты и идеологи людовского движения).

Но так долго продолжаться не могло: уже веяли иные ветры. Мало-помалу голоса недовольных прорывались в средства массовой информации. В начале апреля центральный орган печати крестьянской партии газета «Зеленый штандар» (Зеленое знамя) подняла вопрос о необходимости создать условия для свободы внутрипартийных дискуссий⁸⁶, а в конце того же месяца С. Игнар выступил с осуждением аграрной политики ПОРП и потребовал восстановить справедливость по отношению к подвергшимся несправедливым гонениям активистам людовского движения⁸⁷. Его поддержал секретарь президиума Главного комитета ОКП и одновременно вице-маршал Сейма ПНР Юзеф Озга-Михальский, выступивший в той же газете со статьей, в которой вполне в духе времени требовал политической реабилитации всех сражавшихся в годы Второй мировой войны в Батальонах Хлопских⁸⁸.

Весной 1956 г. в ОКП развернулись обсуждения вопросов, связанных с обновлением партии. С. Игнар разработал собственную концепцию преобразования ОКП в крестьянскую политическую партию «социалистического типа». Он считал, что в своем идейном развитии ОКП уже созрела до принятия программы строительства социализма⁸⁹.

Открытое столкновение сторонников и противников надвигавшихся перемен в крестьянской партии произошло на II пленарном заседании ГК ОКП 10–12 мая 1956 г. Вниманию пленума В. Ковальский предложил доклад, озаглавленный

«О задачах партии». Имелось в виду, что пленум «должен критически оценить минувший период и на фоне этой критической оценки дать указания активу ОКП» для предстоявшей работы⁹⁰. Само собой разумеется, недавнему конгрессу партии он выставил самую высокую оценку. По мнению докладчика, все имевшие место в Польше ошибки и откровенные провалы внутренней политики правящих кругов подверглись критике еще на III пленуме ЦК ПОРП, то есть значительно раньше, чем в СССР⁹¹. Поэтому его анализ новых идей XX съезда КПСС носил скорее декларативный характер, чем по существу. Ковальский таким своеобразным способом пытался затормозить процесс намечавшихся в ОКП перемен. Он высказался за необходимость политической реабилитации тех, кто сражался в Армии Крайовой и Батальонах Хлопских. Привлекает внимание следующий фрагмент его доклада: «Основы нашего строя являются и останутся нерушимыми. Неразрывна наша дружба с Советским Союзом. Всякие попытки подрыва рабоче-крестьянского союза существующими еще у нас капиталистическими элементами, всякие попытки подрыва братского союза с Советским Союзом будут отражены со всею решительностью»⁹². Было ли это приглашение к обсуждению столь актуальной проблемы, как советско-польские отношения послевоенного периода, или лишь акт необходимого персонально для В. Ковальского лоббирования идеологии правящей партии? Трудно сказать. Во всяком случае, весь ход пленума показывает, если судить по его стенограмме, что желавших поставить под сомнение слова председателя президиума Главного комитета ОКП не оказалось, скорее наоборот. Самое большее, на что отважились участники пленарного заседания, это обсуждение некоторыми из них вопроса о так называемом механическом перенесении советского опыта построения социализма на польскую почву. Имелось в виду прежде всего неприятие однопартийной системы в СССР, а также коллективизации сельского хозяйства (со всеми ее трагическими издержками). Прозвучавшие на пленуме мнения были однозначны — слепое, догматическое копирование лишь вредит такому делу чрезвычайной сложности, как строительство нового общества.

В дискуссии выступило 40 человек, и это было свидетельством остроты столкновения противостоявших сил. Платформу

оппозиции, то есть тех, кто желал перемен в ОКП, выразил прежде всего заместитель председателя Главного комитета партии С. Игнар. Он прямо, без дипломатических ухищрений заявил, что аппарат руководящих органов ОКП связан со службами государственной безопасности, авторитарно реализует кадровую политику партии и причастен к репрессиям неугодных партийных активистов. Далее он выступил в защиту Ч. Выцеха и К. Банаха, бывших видных деятелей левых течений людовского движения, которых сторонники В. Ковальского стремились устранить из политической жизни. С. Игнар заявил себя явным приверженцем автономности ОКП на политической сцене, равноправного партнерства крестьянской партии с ПОРП. В том же духе на пленуме выступили Ю. Озга-Михальский и член Главного комитета ОКП К. Банах. Все выраженные оппозицией претензии к сторонникам Ковальского суммированы в «Информации о подготовке и ходе пленарного заседания ГК ОКП» (10–12 мая 1956 г.), составленной в аппарате ЦК ПОРП. В этом документе сказано, что оппозиционно настроенная часть руководства и варшавского актива ОКП защищает следующие постулаты: ОКП должна быть равным партнером ПОРП (1); необходимо усилить аппарат ОКП «старыми» (то есть опытными, разделяющими людовские традиции) работниками вместо тех, которые выросли в условиях народной власти, а также реабилитировать старых людовцев, до сих пор отстраненных в результате «заблуждений» (2); полностью реабилитировать Батальоны Хлопске (3); добиваться большего участия людовцев на высших должностях в государственном аппарате (4); не проявлять активности в строительстве производственных кооперативов (5); стремиться к усилению оппозиции в руководстве ГК ОКП (6). Одновременно заслуживающей внимания считалась так называемая «югославская политика». Дело в том, что Югославия для многих людовцев, и не только для них, была неким образцом с точки зрения ее явно выраженного стремления к самостоятельности и государственному суверенитету, а также с точки зрения плюралистической модели экономики, в том числе сельского хозяйства.

Тот же документ относит к оппозиции еще двух членов президиума Главного комитета ОКП — это Владыслав Ягуштын и Людомир Стасяк. Автор «Информации» далее пишет:

«Следует подчеркнуть тот факт, что такие члены президиума, как Игнар, Озга-Михальский, Стасяк, Выцех и Ягуштын приходят на заседания после предварительного обсуждения в собственном кругу проблем, которые они выдвигают. Следует сделать вывод, что они делят между собой проблемы для выступлений»⁹³. Иными словами, обращалось внимание на то, что в президиуме Главного комитета ОКП началась фракционная борьба. А автор еще одного любопытного документа — информационной записки «О положении в Объединенной крестьянской партии» (датирована 31 мая 1956 г.), направленной посольством СССР из Варшавы в Центр, — анализируя выступления С. Игнара «и некоторых деятелей, поддерживающих его», обращает внимание на то, что «в руководстве ОКП нет единства во взглядах на деятельность крестьянской партии»⁹⁴. В связи с этим в высказываниях С. Игнара автор записки считает заслуживающими внимания те места, в которых просвечивает желание «вести работу независимо от деятельности партии рабочего класса, делается попытка вызвать недовольство у крестьян таким положением, а по существу отрицается необходимость рабоче-крестьянского союза». В то время как В. Ковальский в идеологической платформе ОКП настойчиво проводил программный тезис ПОРП о рабоче-крестьянском союзе, С. Игнар, хотя и призывал ОКП вести работу совместно с организациями ПОРП, одновременно считал, что «если члены ПОРП не согласны с линией деятелей крестьянской партии, то последние должны самостоятельно проводить свою работу». В цитируемом источнике акцент поставлен на необходимости самостоятельной политической линии людовского движения (точнее — к возврату утраченной самостоятельности): «крестьянская партия должна вести крестьянские массы к социализму своей дорогой, отличной от ПОРП», причем подчеркивается, что «11 лет работы крестьянской партии в условиях народной Польши являются напрасно потраченным временем для крестьянского движения»⁹⁵. В дальнейшем сотрудники советского посольства еще довольно длительное время оценивали деятельность С. Игнара негативно. Подвергалась критике, в частности, его работа в качестве председателя Главного правления Общества польско-советской дружбы в 1955–1957 гг.

Казалось бы, после достаточно суровой критики политической линии ОКП оппозиция сможет склонить чашу весов в свою пользу. Но так не произошло, поскольку оппозиционная группировка была немногочисленная, не имела весомой поддержки в воеводских и низовых организациях. Почувствовав свою неудачу, С. Игнар заявил, что подает в отставку с поста заместителя председателя партии, но она не была принята, а вопрос передан на рассмотрение в президиум Главного комитета. Странники демократизации в ОКП оказались при голосовании в меньшинстве⁹⁶. И все же оппозиция достигла существенного результата: началась неформальная внутривнутрипартийная дискуссия по важнейшим проблемам ОКП, среди которых на первое место выдвинулся вопрос о пересмотре места партии в политической системе ПНР. Конфликт в верхах ОКП, до той поры старательно скрывааемый, вышел наружу.

Несколько иные процессы наблюдались в Демократической партии, численно значительно уступавшей ПОРП и ОКП. Довольно умеренная критика в адрес руководителей, подавлявшихся ликвидаторским настроением (которые находили выражение в роспуске малочисленных и не проявлявших активности партийных организаций в учреждениях), прозвучала еще на пленарном заседании ЦК 21–23 мая 1955 г., высказывались предложения искать новые формы работы с партийной базой, прежде всего заменить не отвечающие требованиям времени аппаратно-бюрократические методы живой политической работой⁹⁷. Пленум уточнил, кто составляет социальную базу партии — интеллигенция всех профилей и городские ремесленные слои, индивидуальные и кооперированные; подтверждалась генеральная линия партии — строительство социалистического общества в Польше. Дискуссия на пленуме частично, в приглушенном виде, нашла отражение в постановлении «О современных задачах, стиле и форме работы Демократической партии» (принято 23 мая 1955 г.)⁹⁸. И хотя в январе 1956 г. очередной пленум ЦК ДП констатировал некоторое оживление деятельности партии⁹⁹, кардинальных сдвигов достичь не удавалось, партия по-прежнему располагалась на периферии политического спектра страны. Объясняя причины запаздывания процессов демократизации партии, генеральный секретарь ЦК ДП Л. Хайн склонен был полагать, что виной тому — недостаток информации о скрытых механизмах

функционировавшей в Восточноевропейском регионе политической системы, на определенном этапе приведшей к известным деформациям: «Решения майского [1955 г.] пленума не могли в тогдашней политической ситуации прояснить принципиальные источники этих перекосов»¹⁰⁰. Иными словами, виновных предлагалось искать не внутри партии, а вне её, более того — вне Польши (читай — в СССР).

30 марта 1956 г. собралось совещание центрального и воеводского актива Демократической партии. К этому времени закрытый доклад Н. С. Хрущева уже становился достоянием гласности, циркулируя в виде отдельной брошюры в учреждениях и на предприятиях, высших учебных заведениях и воинских частях. Совещание обсуждало некоторые проблемы, поднятые XX съездом КПСС, в особенности связанные с культом личности Сталина. В ходе дискуссии указывалось на необходимость открытости в жизни государства и политических организаций, коллегиальности руководящих партийных органов, в том числе Демократической партии¹⁰¹. Е. Ёдловский, депутат Сейма от Демократической партии, в речи перед парламентариями 25 апреля говорил: «только XX съезд КПСС, который выявил ошибки и преступные методы, применявшиеся в Советском Союзе в период бериевщины, создал необходимую атмосферу для постановки проблемы правопорядка, проблемы правильного функционирования правосудия также и у нас»¹⁰². В свете решений московского партийного съезда, означавших разрыв с наиболее грубыми проявлениями сталинизма, в результате развернувшейся в связи со всем этим на страницах печати общепольской дискуссии руководству ДП удалось обрести необходимые идеологические ориентиры и уяснить, что «период ликвидаторских тенденций Демократической партии был результатом искривлений политической и общественной жизни в Польше, которые были связаны со всем комплексом явлений, обыкновенно называемых культом личности»¹⁰³. Таким образом, в слегка прикрытой форме признавалось, что политическая система в ПНР страдала тоталитаризмом и авторитарностью руководящих ее представителей.

30 мая на заседании президиума ЦК Демократической партии обсуждалась информация о дискуссиях в воеводских организациях партии, а также на совещании секретарей воеводских комитетов, состоявшемся 5 мая 1956 г. Политическое

руководство ДП получило возможность убедиться в том, что партия мало-помалу обретала новое дыхание. В самом деле, на местах осознана была простая истина: ПОРП в лице ее высших и средних звеньев недооценивала Демократическую партию как политического партнера, временами просто пренебрегала ею. Отсюда в местных организациях возникла критическая оценка самой идеи межпартийного сотрудничества. Все смелее высказывались требования широкой демократизации страны, выработки новой программы действий ДП. В связи с приближавшимися очередными выборами в Сейм активисты «сторонництва» требовали изменить положение о выборах. Популярным становился лозунг: «Мы хотим избирать, а не голосовать». Поскольку партийная база ДП и так не была широка в социальном и возрастном аспекте, актуальной становилась необходимость привлечения молодежи. Выдвигались и радикальные требования «рассчитаться» с руководством партии за минувший период деятельности. В некоторых звеньях настаивали даже на преобразовании ДП в оппозиционную партию (провозглашался лозунг: «Оппозиция теперь нужна в Польше»). А после ознакомления с документами XX съезда КПСС среди членов ДП уже доминировало падение доверия к коммунистическим властям, искренность официальных деклараций о демократизации жизни ставилась под сомнение, поскольку общественная и политическая ситуация на местах практически не изменялась¹⁰⁴.

Картина была бы неполной, если не сказать о том, что происходило в этот период в политизированном молодежном движении. Лидерская позиция студенческого еженедельника «По просту» в большой мере способствовала динамичным процессам политической дифференциации. Союз польской молодежи к началу 1956 г. уже полностью исчерпал свой потенциал и оказался в идеологическом и организационном вакууме.

На страницах молодежной печати — «По просту», «Валька молодых» («Борьба молодых»), «Штандар молодых» («Знамя молодых») — живо, заинтересованно обсуждалась такая актуальнейшая проблема, как судьба польского молодежного движения, точнее — организационных его форм. Союз польской молодежи — аналог советского комсомола — уже не соответствовал требованиям времени: для руководящего слоя организации был свойствен формализм, явная и всеобъемлющая

зависимость от правящей партии, отставание от политических запросов молодых поколений. В связи с этим в высших учебных заведениях, а особенно бурно в Варшавском университете, заявило о себе автономное студенческое движение.

8 апреля «По просту» публикует программную статью «Что делать?», в которой ставились на обсуждение вопросы дальнейшего развития Союза польской молодежи как выразителя политических устремлений молодой польской интеллигенции. В краткой форме основная мысль статьи формулировалась так: «Борьба вместе со всей нашей партией за возвращение и развитие коммунистических норм жизни, за строительство социализма»¹⁰⁵. Казалось бы, кредо «По просту» не могло вызывать сомнений цензуры и всех, кто по роду своих обязанностей должен был отвечать за «идеологическую чистоту» политических высказываний прессы. Тем не менее статья вызвала форменный переполох в официальных кругах. И не удивительно: авторы статьи высказывались за создание автономной революционной студенческой организации (союза), за новые устав и программу, за избрание собственных руководящих органов. А это означало бы фактическое освобождение от идеологического контроля со стороны ПОРП. Для Главного управления СПМ появление статьи было полной неожиданностью, ведь это фактически была обструкция руководителям молодежного движения, ибо дискуссия уже шла без их участия¹⁰⁶. Так, 9 апреля в газете «Штандар млодых» появилась статья о СПМ в Войске Польском¹⁰⁷. 10 апреля в том же издании прозвучала острая критика руководителей Союза польской молодежи¹⁰⁸. 15 апреля в «По просту» на ту же тему резко критически высказались В. Гродэк и Э. Лясота¹⁰⁹. 16 апреля «Штандар млодых» поместил большой обзор дискуссии, состоявшейся на активе Союза польской молодежи 15–16 апреля в Варшавском университете (с участием секретаря ЦК ПОРП В. Матвина — куратора молодежного движения по линии Секретариата ЦК партии)¹¹⁰. Не на шутку обеспокоенный происходящим, Варшавский комитет ПОРП собрал 4–5 мая пленарное заседание, посвятив его актуальным вопросам молодежного движения; ЦК ПОРП представлял В. Матвин, который неоднократно высказывался за углубление процессов демократизации в стране. Пленум прошел очень активно и заинтересованно, о чем говорит хотя бы то, что в дискуссии

выступило 30 человек¹¹¹. Общепольская дискуссия о судьбах СПМ только разгоралась. О необходимости оживить молодежное движение на селе заговорил и печатный орган ОКП «Зеленый штандар»¹¹². Вопрос о создании молодежной крестьянской организации был поставлен еще в начале мая в резолюции совещания представителей студенчества и интеллигенции — членов ОКП. Но резолюция не появилась в печати, поскольку этому воспрепятствовал А. Юшкевич, секретарь президиума Главного комитета ОКП¹¹³.

5. Польшу спасет Гомулка? Весной 1956 г., когда страна была возбуждена докладом Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», в политическую борьбу, хотя и на очень дальних подступах, вступил В. Гомулка. Его имя все время было на слуху в той части ПОРП, включая членов ЦК, которая ориентировалась на демократизацию внутрипартийной жизни и общества в целом. Многим рядовым полякам, в том числе и членам ПОРП, Гомулка виделся как незаурядный политический деятель, вдобавок — без каких-либо оснований опороченный и репрессированный группой Б. Берута. Но главное, что привлекало в Гомулке, — это его концепция «польского пути к социализму» и идея государственного суверенитета Польши. Как же произошло возвращение в большую политику опального генерального секретаря ППР?

С. Сташевский в своем интервью Т. Тораньской утверждает, что в день похорон Б. Берута, 16 марта 1956 г., на Повонзковском кладбище он разговаривал с В. Матвиным, Е. Моравским, Р. Замбровским, А. Старевичем и Ю. Коле, и все они пришли к мысли, что следует установить контакт с В. Гомулкой, причем сразу же делегировали для этой цели Моравского и Старевича¹¹⁴. Состоялась ли эта встреча и о чем шел разговор — Сташевский в интервью не сообщает. Нет иных источников, подтверждающих его свидетельство. Но фактом является то, что уже вскоре бывший лидер польских коммунистов вновь заявил о себе на политической арене. Как это произошло? Хочу предложить свою гипотезу. 26 марта Е. Моравский опубликовал в «Трыбуне люду» статью, посвященную актуальным политическим проблемам, вытекавшим из уроков XX съезда КПСС. В статье присутствовал тезис о существовании в руководстве ППР правонационалистического уклона.

Если принять свидетельство С. Сташевского как достоверное, то следует признать, что пассаж этот в статье Е. Моравского дал В. Гомулке формальный повод обратиться непосредственно в центральный печатный орган ПОРП с протестом против набившего оскомину обвинения и с требованием опубликовать соответствующий текст¹¹⁵. Если письмо будет опубликовано, вероятно, рассчитывал Гомулка, оно станет своеобразным признанием партийной элитой несправедливого отношения к своему бывшему лидеру, как бы вступительным шагом к его политической реабилитации. Однако в той ситуации пойти на такой шаг руководство партии не решилось. Но дело было вовсе не в публикации письма, а в том, что Гомулка заявил о своей готовности активно участвовать в развитии происходящих событий, хотя и находился до поры до времени как бы за кулисами. Возвращение Гомулки из политического забвения сыграло в дальнейшем ключевую роль в преодолении кризиса в руководстве ПОРП.

Как уже говорилось выше, на совещании актива ПОРП г. Варшавы и Варшавского воеводства 6–7 апреля 1956 г. Э. Охав впервые официально информировал общественность об освобождении из заключения В. Гомулки, снятии с него обвинений в диверсионной и агентурной деятельности. Одно это означало, что высшее политическое руководство ПОРП признает несправедливое отношение к недавнему узнику репрессивной системы. Именно так оценила широкая общественность сенсационную информацию Э. Охаба. Но никто не догадывался пока, что уже в ближайшие две недели последуют новые шаги навстречу В. Гомулке. 19 апреля на заседании Политбюро ЦК его письмо было рассмотрено и принято важное решение — делегировать Ф. Мазура и З. Новака для беседы с Гомулкой¹¹⁶. Беседа состоялась 9 мая, ее конкретное содержание неизвестно. В протоколе Политбюро ЦК от 10 мая читаем следующую лаконичную запись: «Постановили обсудить вопросы, вытекающие из беседы на одном из ближайших заседаний Политического бюро»¹¹⁷.

Первое, с чем столкнулся В. Гомулка, приняв решение вернуться в публичную политику, был факт отсутствия единства в Центральном Комитете партии, причем налицо были полярные мнения по принципиальным вопросам политики

ПОРП. Речь идет о так называемых натолинцах и пулавянах в руководящих органах ПОРП.

До сих пор в научной литературе вопрос о разногласиях в Политбюро ЦК ПОРП, как и в ЦК партии в целом, остается недостаточно проясненным. Как известно, разногласия в ЦК ПОРП впервые дали о себе знать в конце 1954 — начале 1955 г. и затем непрерывно усиливались после избрания Э. Охаба первым секретарем ЦК. Утвердилось мнение, что в верхнем эшелоне партийной власти противостояли два направления: сторонники сохранения административно-командных методов управления, так называемые натолинцы; и те, кто высказывался за отказ от прежних методов, за демократизацию внутривнутрипартийной жизни, за неприятие догматизированной, советской модели построения общества «социальной справедливости», так называемые пулавяне¹¹⁸. В прессе и в выступлениях на митингах того времени, а также в позднейшей мемуарной литературе первых нередко называли попросту сталинистами (что, впрочем, не вполне справедливо). Польское общественное мнение именно так квалифицировало противников назревших реформ политической системы, экономики и сферы культуры. На самом деле ситуация выглядела не столь прямолинейно и упрощенно.

Обратимся к мнению польского историка А. Вэрбляна — биографа В. Гомулки и исследователя политической проблематики Народной Польши. Будучи в 1948—1981 гг. кандидатом и затем (с июля 1956 г.) членом ЦК ПОРП, он принимал непосредственное участие во внутривнутрипартийных конфликтах 1956 г., и потому его точку зрения следует считать на сегодняшний день наиболее авторитетной. Натолинцы, пишет он, происходили из плебейских слоев, были идейными и самоотверженными людьми, прошедшими через многие испытания, многому научившимися, но до конца жизни оставшимися «простаками». Как утверждает он, по представлениям натолинцев, социализм был нужен Польше, что же касается деформаций в социальной и политической сферах, то таковые являлись следствием измены принципам социализма тех или иных конкретных личностей, и потому их надо карать. Сталинизм и бериевщина не были имманентно присущи социализму и не были вызваны каким-либо давлением с советской стороны. Вина за все огрехи и неудачи взваливалась на «большую

тройку» в лице Б. Берута, Я. Бермана, Г. Минца и их ближайшего окружения, которые отодвинули от власти представителей рабочего класса и опирались на выходцев из мелкой буржуазии (частично еврейской). Такой взгляд пользовался благосклонностью руководства КПСС, которое считало натолинцев «здоровой силой» ПОРП¹¹⁹. Согласно последним разработкам польских исследователей, в составе ЦК ПОРП натолинцами были следующие политические и государственные деятели: Виктор Клоевич, Станислав Лапот (в мае 1954 — октябре 1956 г. заместитель председателя Совета Министров ПНР), Зенон Новак, Казимеж Мияль (в ноябре 1952 — феврале 1956 г. министр, руководитель управления Совета Министров ПНР, в феврале 1956 — феврале 1957 г. министр коммунального хозяйства ПНР), Болеслав Руминьский (в декабре 1950 — феврале 1957 г. министр сельскохозяйственной промышленности и продовольствия), генерал Казимеж Виташевский (в октябре 1952 — октябре 1956 г. заместитель министра национальной обороны, начальник Главного политического управления Войска Польского), Гилярый Хелховский (в мае 1951 — декабре 1954 г. министр государственных сельских хозяйств, в декабре 1954 — декабре 1956 г. председатель президиума воеводской рады народной во Вроцлаве, в декабре 1948 — октябре 1956 г. кандидат в члены Политбюро ЦК). На уровне Политбюро ЦК их поддерживали Францишек Юзвьяк и Александр Завадский¹²⁰.

О пулавянах А. Вэрблян пишет следующее. Они высказывались за умеренную демократизацию и независимую от Москвы политику. Считали, что достаточно демократизировать внутрипартийные отношения, ввести выборность партийных руководителей и ответственность их перед членами партии, чтобы воспрепятствовать олигархической или индивидуальной диктатуре. В их среде пользовались популярностью идеи экономических реформ (включая элементы рыночной экономики), рабочего самоуправления, идеи либеральной культурной и научной политики. Но пулавян отягощало сознание ответственности за период сталинизма в Польше, поддержки проводимой Б. Берутом политики¹²¹. В составе ЦК ПОРП пулавянами считались: Роман Замбровский, Леон Касман, Стефан Шашевский, Антоний Альстер (в декабре 1954 — декабре 1956 г. заместитель председателя Комитета по вопросам

общественной безопасности, с декабря 1956 г. заместитель министра внутренних дел ПНР), Целина Будзыньская (в 1948–1957 гг. директор Центральной школы ПОРП), Романа Гранас (в 1950–1957 гг. директор партийной школы при ЦК ПОРП), Юлиан Коле (в 1951–1969 гг. заместитель министра финансов ПНР), Гелена Козловская (в 1954–1963 гг. заместитель заведующего организационным отделом ЦК), Стефан Вербловский (в 1956 г. секретарь комиссии Политбюро ЦК по вопросам науки, сотрудник Института общественных наук при ЦК), Ежи Моравский, Ежи Альбрехт (в мае 1950 — мае 1956 г. председатель президиума рады народной г. Варшавы, в марте 1956 — январе 1961 г. секретарь ЦК), Ежи Матвин. С этой группой тесно сотрудничали Артур Старевич (в мае 1954 — августе 1956 г. секретарь Центрального совета профессиональных союзов, в 1956 г. зам. главного редактора «Трибуны люду», в декабре 1956 — июле 1963 г. заведующий бюро печати ЦК), Анджей Вэрблян (с 1955 г. в аппарате ЦК, в марте–августе 1956 г. заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК, в августе 1956 — январе 1957 г. заведующий отделом пропаганды и печати ЦК), Гелена Яворская (кандидат в члены ЦК, председатель Главного правления Союза польской молодежи), Януш Зажицкий (в июне 1949 — мае 1956 г. председатель Центрального управления профессионального образования, в ноябре 1956 — мае 1960 г. заместитель министра национальной обороны ПНР)¹²². Все это были влиятельные партийные и государственные деятели.

При всем при том следует учитывать, что те, кого общественное мнение причисляло к той или другой группировке, всегда категорически отрицали какую-либо фракционность в рамках ЦК ПОРП, основанную на согласованных программах действий. Сопоставляя имеющиеся в научном обороте источники, включая неопубликованные стенограммы пленарных заседаний ЦК ПОРП за 1955–1957 гг., можно прийти к выводу, что формализованных группировок, скрепленных единством действий, скоординированностью поведения, выступавших с альтернативными политическими программами, в большей или меньшей степени отличавшимися от общей линии партии, — то есть фракций в собственном смысле слова — в ПОРП тогда да и позже не было. Можно утверждать, самое большее, что в тех или иных конкретных ситуациях (особенно

в ходе обсуждений актуальных проблем на пленарных заседаниях) имело место совпадение мнений, полное или частичное, по некоторым принципиальным вопросам. И самый главный из таких вопросов: какими методами строить социализм, каким образом осуществлять управление государственной и политической системами, партией, обладавшей монополией власти. Из ответа на него уже вытекали представления партийной элиты о модернизации государственной идеологии, либерализации политической системы и т. п. Иными словами, современные исследователи имеют дело не с политической фракционностью, а с типичной групповщиной.

Межгрупповая конфронтация в ЦК ПОРП, открытая или подспудная, препятствовала выработке оптимальной общегосударственной политической и социально-экономической программы, направленной на разрядку напряженности в стране.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ См.: *Пыжиков А. В.* Проблема культа личности в годы хрущевской оттепели // *Вопросы истории.* 2003. № 4. С. 51.
- ² Правда. 13.02. 1956.
- ³ Там же. 17.02. 1956.
- ⁴ XX съезд КПСС и его исторические реальности / Под общ. ред. В. В. Журавлева. М., 1991. С. 38. Текст постановления см.: *Аксютин Ю. В., Пыжиков А. В.* Постсталинское общество: проблема лидерства и трансформация власти. М., 1999. С. 100–101. Материалы пленума 13 февраля 1956 г. см.: Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы / Отв. ред. К. Аймермахер. Сост.: В. Ю. Афиани, З. К. Водопьянова, А. В. Головёнкина, А. М. Панин, А. В. Постников, М. Ю. Прозуменщиков, О. Р. Хайретдинова. М., 2002. С. 239–242.
- ⁵ AAN. PZPR. KC. Sygn. XIA/71. T. I. K. 15–18.
- ⁶ Текст записки см.: Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953 — февраль 1956 / Сост. А. Н. Артизов, Ю. В. Сигачев, И. Н. Шевчук, В. Г. Хлопов. М., 2000. С. 189–190. Текст проекта телеграммы Б. Беруту: Там же. С. 402. Подлинник, датированный 25 марта 1955 г., см.: AAN. PZPR. KC. Sygn. XIA/71. T. I. K. 61. 10 декабря 1955 г. ЦК КПСС письменно предложил ЦК ПОРП заявить о реабилитации КПП при участии компартий Италии, Болгарии и Финляндии, поскольку они, совместно с ВКП(б), подписали постановление президиума ИККИ

- о роспуске КПП (AAN. PZPR. KC. Sygn. XIA/71. Т. I. К. 170–173). Б. Берут 24 декабря в письме на имя Н. С. Хрущева согласился с этим, предложив новую концовку документа (Там же. Л. 174).
- ⁷ Выступление Б. Берута было записано Всесоюзным радио на пленку, переведено на русский язык и в машинописном виде сохранилось в архивах Москвы (АВП РФ и РГАНИ) и Варшавы (Архив новых актов). См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 396. Л. 21.
- ⁸ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 38, 1956 г. Д. 720. Л. 106–107.
- ⁹ AAN. PZPR. KC. Sygn. III/18. К 1173. Стенограмма заседаний VII пленума ЦК ПОРП. Выступление Л. Касмана 26 июля 1956 г.
- ¹⁰ Доклад Н. С. Хрущева... С. 665.
- ¹¹ См.: *Machciewicz P. Polski rok 1956. Warszawa, 1993. S. 17; Сырон К. Весна в октябре: Польская революция 1956 года / Пер. с англ. Нью-Йорк, 1961. С. 37.*
- ¹² Документально установлено, что руководители западных и восточно-европейских компартий, не присутствовавшие на закрытом заседании XX съезда, текст доклада Н. С. Хрущева получили 27 февраля в отделе ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями. Сохранился список выдачи специально отредактированной и отпечатанной малым тиражом брошюры с текстом доклада; в списке значится среди прочих и Б. Берут. См.: Доклад Н. С. Хрущева... С. 252.
- ¹³ AAN. PZPR. KC. Sygn. 237/V-231. К. 65.
- ¹⁴ См.: *Rykowski Z., Władyka W. Polska próba. Październik'56. Kraków, 1989. S. 119–121.*
- ¹⁵ См. стенограмму совещания: AAN. PZPR. KC. 237/V–231. К. 63.
- ¹⁶ АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 140. Л. 112–115.
- ¹⁷ Там же. Л. 111.
- ¹⁸ См.: *Torańska T. Oni. Warszawa, 2004. S. 177. Интервью с С. Сташевским 1982 г.*
- ¹⁹ Centrum władzy. Protokoły posiedzeń kierownictwa PZPR. Wybór z lat 1949–1970 // Dokumenty do dziejów PRL. Zeszyt 13 / Opr. A. Dudek, A. Kochański, K. Persak. Warszawa, 2000. S. 150–151.
- ²⁰ *Ptasiński J. Drugi zwrot: Gomułka u szczytu powodzenia. Warszawa, 1988. S. 16–17.*
- ²¹ См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 169. Л. 106–107.
- ²² *Machciewicz P.* Op.cit. S. 42–45. См. также: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 169. Л. 32–34.
- ²³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 169. Л. 33.
- ²⁴ См.: *Raina P. Władysław Gomułka: Życiorys polityczny. Londyn, 1969. S. 75–76.*
- ²⁵ *Machciewicz P.* Op. cit. S. 50.

- ²⁶ Президиум ЦК КПСС 1954–1964: Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / Гл. ред. А. А. Фурсенко. М., 2003. С. 114.
- ²⁷ Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания в 4-х кн). Т. 3. М., 1999. С. 231–232.
- ²⁸ ААН. PZPR. KC. Sygn. III/15. К. 39–40. Выступление Н. С. Хрущева на VI пленуме ЦК ПОРП 20 марта 1956 г. Неавторизованный текст на русском яз.
- ²⁹ См. беседу Н. С. Хрущева с делегацией Итальянской коммунистической партии, состоявшуюся 10 июля 1956 г. в Москве (Источник. 1994. № 2. С. 86). Там речь шла среди прочего о пребывании Хрущева на VI пленуме ЦК ПОРП. См. также: Хрущев Н. С. Указ. соч. С. 228–231.
- ³⁰ Jedlicki W. Klub Krzywego Koła. Paryż, 1963. S. 26–27.
- ³¹ Текст выступления Н. С. Хрущева (в польском переводе публикатора документа) см.: Wystąpienie N.S. Chruszczowa na VI plenum KC PZPR (1956 r.) / Oprac. B. Brzeziński // Z pola walki. 1989. № 1. S. 131–135.
- ³² Подробные биографические данные Э. Охаба см.: *Mołdawa T. Ludzie władzy 1944–1991: Władze państwowe i polityczne Polski według stanu na dzień 28 II 1991.* Warszawa, 1991. S. 404–405. Ср. биографические данные об Охабе за межвоенный период и годы войны, подготовленные аппаратом ЦК для членов Секретариата ЦК ВКП(б): РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 374. Л. 34 и об. «Справочник на политических деятелей Польши» (составлен в декабре 1946 г.).
- ³³ Это вытекает из слов Э. Охаба в его интервью Т. Тораньской 1981 г.: *Torańska T.* Op. cit. S. 78.
- ³⁴ Хрущев Н. С. Указ. соч. С. 232.
- ³⁵ См., в частности: АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 14. Л. 88–90. Шифртелеграмма посла СССР в Польше Г. М. Попова — Г. М. Маленкову и Н. С. Хрущеву 25 января 1954 г.
- ³⁶ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40, 1956 г. П. 336. Д. 10. Л. 70.
- ³⁷ Хрущев Н. С. Указ. соч. С. 229–230.
- ³⁸ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40, 1956 г. П. 336. Д. 10. Л. 57. Из беседы советского дипломата с 1-м секретарем воеводского комитета ПОРП в Кракове С. Бродзиньским 11 августа 1956 г.
- ³⁹ *Rykowski Z., Władyka W.* Op. cit. S. 127. Ср.: *Skrzypek A. Mechanizmy uzależnienia: Stosunki polsko-radzieckie 1944–1957.* Pułtusk, 2002. S. 363. См. также: О кувчине единицы и его наследстввах. Referat I Sekretarza KC KPZR tow. N. S. Chruszczowa na XX Zjeździe Komunistycznej Partii Związku Radzieckiego 25 lutego 1956 roku. Warszawa, 1956. На титульном листе указано, что брошюра издана ЦК ПОРП и предназначена

- исключительно для пользования партийными организациями. Подлинный экземпляр брошюры хранится в Архиве новых актов в Варшаве.
- ⁴⁰ *Torańska T.* Op.cit. S. 78.
- ⁴¹ *Rykowski Z., Władyka W.* Op. cit. S. 129–130.
- ⁴² См. подробнее: *Centrum władzy...* S. 161.
- ⁴³ *Życie Warszawy.* 7.04.1956.
- ⁴⁴ *Ibidem.*
- ⁴⁵ Заключительное слово Э. Охаба не публиковалось. В переводе на русский представлено П.К. Пономаренко в 4-й Европейский отдел МИД СССР, см.: АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40, 1956 г. П. 340. Д. 52. Л. 29–62. Частично цитировалось в кн.: *Ptasiński J.* Op. cit. S. 18–21.
- ⁴⁶ См.: *Охаб Э.* Итоги XX съезда КПСС и задачи Польской объединенной рабочей партии // *Правда.* 10.04.1956.
- ⁴⁷ *Rykowski Z., Władyka W.* Op. cit. S. 144–146.
- ⁴⁸ *Trybuna Ludu.* 6.05.1956. См. также: *Centrum władzy...* S. 160–161; *Ściepień J.* «Ustąpienie» Jakuba Bermana z Biura Politycznego w świetle protokołu BP KC PZPR z 2–5 V 1956 г. // *Teki archiwalne. Seria nowa.* Warszawa, 1997. Т. 2(24). S. 198–212.
- ⁴⁹ *Rykowski Z., Władyka W.* Op. cit. S. 143. Ср.: *Skszypek A.* Wpływ polityki Nikity Chruszczowa na wydarzenia w Polsce roku 1956 // *Przełomowy rok 1956: Poznański Czerwiec...* Poznań, 1998. S. 57.
- ⁵⁰ АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 140. Л. 136–141.
- ⁵¹ *Jeleński K. A.* Po «trzesieniu ziemi» // *Kultura (Paryż).* 1956. № 5. S. 3–22; см. также: 1956. *Polska emigracja i Kraj: Antologia źródeł /* Pod red. M. M. Drozdowskiego. Warszawa, 1998. S. 95–109.
- ⁵² Доклад Н. С. Хрущева... С. 666.
- ⁵³ Там же. С. 667.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ См.: АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40, 1956 г. П. 336. Д. 10. Л. 23; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 396. Л. 137.
- ⁵⁶ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40, 1956 г. П. 336. Д. 10. Л. 26.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Доклад Н. С. Хрущева... С. 641.
- ⁵⁹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40, 1956 г. П. 336. Д. 10. Л. 28.
- ⁶⁰ Доклад Н. С. Хрущева... С. 665.
- ⁶¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40, 1956 г. П. 336. Д. 10. Л. 31.
- ⁶² Доклад Н. С. Хрущева... С. 665.
- ⁶³ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40, 1956 г. П. 336. Д. 10. Л. 28.
- ⁶⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 54. Л. 49.

- ⁶⁵ Доклад Н. С. Хрущева... С. 666.
- ⁶⁶ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40, 1956 г. П. 336. Д. 10. Л. 32.
- ⁶⁷ Доклад Н. С. Хрущева... С. 646.
- ⁶⁸ См.: АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40, 1956 г. П. 336. Д. 10. Л. 29.
- ⁶⁹ *Machcewicz P.* Op. cit. S. 26–27.
- ⁷⁰ *Ibidem.* S. 26.
- ⁷¹ Доклад Н. С. Хрущева... С. 666.
- ⁷² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 38. Л. 76.
- ⁷³ Там же. Оп. 30. Д. 229. Л. 99–100.
- ⁷⁴ Там же. Оп. 36. Д. 13. Л. 11.
- ⁷⁵ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40, 1956 г. П. 335. Д. 3. Л. 5.
- ⁷⁶ Вероятно, имелся в виду Бруно Ясенский.
- ⁷⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 13. Л. 74–76.
- ⁷⁸ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40, 1956 г. П. 336. Д. 10. Л. 42.
- ⁷⁹ См.: *Hajnicz A.* Renesans — z przeszkodami // *Życie Warszawy.* 22–23.04.1956. S.3; *Schaff A.* Z czym walczymy i do czego dążymy występując przeciwko «kultowi jednostki» // *Nowe Drogi.* 1956. № 4. S. 18–29; *Topiński J.* Próba znalezienia odpowiedzi // *Nowa Kultura.* 20.05.1956. S. 4; *Stefański P.* Falszywa teoria i jej skutki // *Tygodnik Demokratyczny.* 27.VI–3.07.1956. S. 1, 3.
- ⁸⁰ *Bauman Z.* Socjalizm a socjaldemokracja // *Po prostu.* 11.03.1956. S. 2.
- ⁸¹ *Jodłowski J.* O Sejmie w świetle Konstytucji i Sejmie w świetle praktyki // *Tygodnik Demokratyczny.* 11–17.04.1956. S. 1–2.
- ⁸² Цит. по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 169. Л. 46–47. Информационная записка 2-го секретаря посольства СССР в ПНР В. Н. Одинокова «О VIII сессии Сейма Польской Народной Республики», направленная 30 мая 1956 г. секретарю ЦК КПСС Д. Т. Шепилову
- ⁸³ *Rawicz J.* O Sejmie // *Trybuna Ludu.* 12.03.1956; *Tenże.* Na Plenum Sejmu // *Trybuna Ludu.* 31.03.1956; *Osmańczyk E.* Sprawa Sejmu // *Życie Warszawy.* 26.03.1956; *Stembrowicz I.* O naczelnym organach władzy i praworządności // *Nowa Kultura.* 8.04.1956.
- ⁸⁴ *Wojtas A.* Myśl polityczna Zjednoczonego Stronnictwa Ludowego w latach 1949–1962. Studium z dziejów zniewolonego ruchu politycznego. Toruń, 1991. S. 63.
- ⁸⁵ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40, 1956 г. П. 340. Д. 51. Л. 109.
- ⁸⁶ См. редакционную статью: W walce o pełną demokrację wewnątrzorganizacyjną // *Zielony Sztandar.* 8.04.1956.
- ⁸⁷ *Ignar S.* Atmosfera demokracji // *Zielony Sztandar.* 22.04.1956.
- ⁸⁸ *Ozga-Michalski J.* Tysiące byłych żołnierzy ВСН na to czekają // *Zielony Sztandar.* 9.05.1956.

- ⁸⁹ См.: *Stepka St.* Chłopi wobec wydarzeń politycznych w Polsce (1956–1959). Warszawa, 1999. S. 77.
- ⁹⁰ AZHRL. Prezydium NK ZSL. Sygn. V/91a. K. 2. Стенограмма заседания пленума Главного комитета ОКП 10–12 мая 1956 г.
- ⁹¹ Ibidem. K. 23–24.
- ⁹² Zielony Sztandar. 16.05.1956.
- ⁹³ AAN. PZPR. KC. Sygn. 1679. K. 96.
- ⁹⁴ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40, 1956 г. П. 340. Д. 51. Л. 105.
- ⁹⁵ Там же. Л. 103–104. В стенограмме II пленума ГК ОКП в выступлениях С. Игнара (он выступал дважды) такого высказывания нет.
- ⁹⁶ Подробнее о ходе пленума см.: *Wojtas A.* Op. cit. S. 67–73.
- ⁹⁷ *Barcikowski W.* W kręgu prawa i polityki: Wspomnienia z lat 1919–1956. Katowice, 1988. S. 249.
- ⁹⁸ Stronnictwo Demokratyczne w Polsce Ludowej: Cz. II. T. 1. Wybór dokumentów z lat 1950–1958. Warszawa, 1970. S. 207–214.
- ⁹⁹ Tygodnik Demokratyczny. 1–7.02.1956. № 5. S. 1, 3.
- ¹⁰⁰ САН SD. Posiedzenia plenarne CK SD. Sygn. 56. K. 37. Стенограмма заседания пленума ЦК ДП (из доклада Л. Хайна 7 октября 1956 г.).
- ¹⁰¹ Tygodnik Demokratyczny. 4–10.04.1956. № 14. S. 3.
- ¹⁰² Цит. по: *Czubiński A.* Stronnictwo Demokratyczne (1937–1989): Zarys dziejów. Warszawa, 1998. S. 224.
- ¹⁰³ САН SD. Posiedzenia plenarne CK SD. Sygn. 56. K. 39–40.
- ¹⁰⁴ *Wrona J.* Stronnictwo Demokratyczne w systemie politycznym PRL 1944–1965: Studium krytyczne // *Zeszyty Historyczno-Polityczne Stronnictwa Demokratycznego*. 1990. № 3(66). S. 85–86.
- ¹⁰⁵ Po prostu. 8.04.1956. № 15. S. 1; *Władyka W.* Na czołówece: Prasa w październiku 1956 roku. Warszawa; Łódź, 1989. S. 190–191.
- ¹⁰⁶ Тогдашний секретарь Главного правления СПМ Я. Шидляк в беседе с представителем советского посольства (3 апреля) рассказал о некоторых подробностях появления программной статьи в «По prostu». Опубликовать ее предполагалось 1 апреля, статья была уже набрана и обсуждалась среди студентов-активистов в университете, но вмешались цензура и председатель Главного правления СПМ Г. Яворская. Тональность статьи была несколько смягчена, и в таком виде она представлена в ЦК ПОРП, где в целом была одобрена. «Мы же, — продолжил Я. Шидляк, — <...> не проявили достаточной настойчивости и принципиальности с тем, чтобы не допустить опубликование этой ненужной, ошибочной и вредной статьи, фактически призывающей к созданию автономной студенческой организации, действующей параллельно с СПМ» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 396. Л. 257–258).

- ¹⁰⁷ *Mirecki A.* ...I o ZMP w wojsku potszebna jest dyskusja // Sztandar Młodych. 9.04.1956.
- ¹⁰⁸ *Zawadzki J.* Kiedy dyskusja będzie skuteczna? Sprawy naszej organizacji // Sztandar Młodych. 10.04.1956.
- ¹⁰⁹ См.: *Grodek W.* Sprawozdanie // Po prostu. 15.04.1956. S. 3. Там же: *Lasota E.* Zmierch kapralstwa.
- ¹¹⁰ *H. G.* Dyskusja ogólnozwiązkowa — otwarta! // Sztandar Młodych. 16.04.1956.
- ¹¹¹ Sztandar Młodych. 8.05.1956. См. также обзор работы пленума: *Trybuna Ludu.* 9.05.1956.
- ¹¹² *Czernik W., Krupa S., Kukułka J.* List w sprawie młodzieży wiejskiej // Zielony Sztandar. 30.05.1956.
- ¹¹³ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40, 1956 г. П. 340. Д. 51. Л. 107. Из записки советника посольства СССР В. А. Карпова «О положении в Объединенной крестьянской партии» от 31 мая 1956 г.
- ¹¹⁴ *Torańska T.* Op. cit. S. 179–180.
- ¹¹⁵ *Gomułka i inni.* Dokumenty z archiwum KC 1948–1982. Wstęp, wprowadzenie i przypisy J. Andrzejewski [A. Paczkowski]. [Warszawa], 1984. S. 82–83. См. также: *Listy tow. Władysława Gomułki z 1956 r. wraz z komentarzami* // *Październik'56 / Oprac. Z. Rykowski i W. Władyka.* Wstęp, wybór i opracowanie materiałów M. Jaworski. Warszawa, 1987. S. 124–129.
- ¹¹⁶ *Centrum władzy...* S. 159.
- ¹¹⁷ *Ibidem.* S. 164.
- ¹¹⁸ Названия происходят от правительственного особняка Натолин в предместье Варшавы, где собирались время от времени представители первого направления, и варшавской улицы Пулавской, дом № 24–26, где проживали некоторые представители второго направления.
- ¹¹⁹ *Werblan A.* Władysław Gomułka a ugrupowania w partii w październiku 1956 roku // *Polska 1944/45 — 1989: Polska 1956 — próba nowego spojrzenia.* Studia i materiały. T. 3. Warszawa, 1997. S. 82.
- ¹²⁰ См.: *Friszke A.* Rok 1956 // *Centrum władzy w Polsce 1948–1970 / Pod red. A. Paczkowskiego.* Warszawa, 2003. S. 173.
- ¹²¹ *Werblan A.* Op. cit. S. 82–83.
- ¹²² *Friszke A.* Rok 1956... S. 173.

Глава 3

Массовые волнения в Познани 28 июня 1956 г. и их последствия

1. Генезис и ход событий. Бунт или революция? 28 июня 1956 г. — так называемый «Познаньский июнь» (Poznański Czerwiec) — считается одной из ключевых дат современной польской истории. В настоящее время в Польше нет ни одного учебника истории для общеобразовательной школы, учебного курса отечественной истории для высших учебных заведений, не говоря уже о давно сформировавшемся самостоятельном историографическом направлении в исторической науке, где не рассказывалось бы о событиях в Познани в последние дни июня 1956 г. Они прочно укоренились в исторической памяти современных поляков, вокруг них до сих пор кипят научные и околонучные споры. Что же произошло тогда? И почему в Польше так сильны воспоминания о массовых волнениях в конце июня 1956 г. в Познани?

Исходная «топографическая» точка отдельных фактов и вытекающих из них событий, о которых пойдет речь, — это вагоностроительный завод, который входил в разветвленную систему комбината под названием «Предприятия Гипполита Цегельского» (переименован в 50-е гг. в «Предприятия им. Сталина — Познань», или сокращенно ЗИСПО, т. е. в переводе на польский Zakłady im. Józefa Stalina — Poznań). Именно здесь в концентрированном виде взаимодействовали политические и социопсихологические факторы, которые и стали непосредственной причиной глубокого недовольства рабочего коллектива существовавшей там несправедливой системой оплаты труда, тяжелыми бытовыми условиями жизни и пренебрежительным отношением администрации предприятия к требованиям рабочих и младшего инженерно-технического персонала¹. В значительной мере на положении «Цегельского» отражалось общее социальное и экономическое положение

в стране, нерешенность многих неотложных и важных проблем в данной области.

Все это вызывало недовольство рабочих промышленных предприятий Познани и проецировалось в равной степени на центральную и местную власть. Усилия совета предприятия вагоностроительного завода хотя бы частично улучшить ситуацию коллектива неизменно наталкивались на равнодушие или неумение администрации что-либо реально изменить в пользу рабочих и служащих. О том, что положение на заводе чревато взрывом, хорошо знали и государственные, и партийные власти самого высокого уровня. Не говоря уже о городской администрации и партийных руководителях, которых о настроениях коллектива систематически ставили в известность соответствующие службы милиции и госбезопасность². Тем не менее сколько-нибудь удовлетворительных мер по исправлению социального и экономического положения рабочих не предпринималось. А местные власти рассчитывали лишь на то, что ситуацию рано или поздно удастся разрядить, как то бывало уже не раз. Конфликт нарастал и углублялся; в него втянулись городские власти и отраслевой профсоюз, прокуратура. Рабочий коллектив расценил тактику проволок властей как издевательство. Ситуацию подогревали призывы к забастовке радикально настроенных рабочих, и это четко зафиксировали соответствующие службы.

8 июня на предприятии состоялась массовка, 16 июня — короткие перерывы в работе в знак протеста, 18 июня там же были обнаружены несколько листовок с лозунгами против ПОРП и партийно-государственного режима³. 21 июня работа была прервана; выдвинуты социальные и экономические требования (восстановления отмененной прогрессивки, ликвидации сверхурочных часов, улучшения снабжения и др.)⁴. 22 июня рабочие встретились с комиссией под председательством руководителя польских профсоюзов В. Клоевича, прибывшей из Варшавы для рассмотрения этих требований. Обсуждение вопросов носило бурный характер; никто не хотел отмалчиваться. В тот же день состоялись совещания партийного и профсоюзного активов с участием первого секретаря воеводского комитета ПОРП в Познани Леона Стасяка; обратил на себя внимание решительный, даже агрессивный тон выступлений рабочих. 23 июня в «Цегельском» заседал пленум заводского комитета ПОРП; одновременно спонтанно

собралась массовка (около 3 тыс. человек). 25 июня, в понедельник, стихийно возникшие собрания рабочих избирают 17 делегатов для поездки в Варшаву, чтобы в министерстве разобрались наконец с положением и приняли меры; атмосфера собраний ощущалась как чрезвычайно напряженная. К делегатам присоединилось еще 10 человек из администрации, во главе с директором предприятия. 26 июня, во вторник, делегация «Цегельского» в составе 27 человек выехала в столицу, на следующий день вернулась обратно и сразу же появилась на предприятии. Одновременно прибывает министр машиностроительной промышленности Р. Фидельский. Опять стихийно собираются массовки в цехах⁵. Еще утром в ремонтных мастерских начинается объявленная накануне забастовка⁶.

Наконец, 28 июня терпение заводского коллектива было полностью исчерпано. Ровно в 6 утра, когда прозвучал сигнал о начале работы первой смены, несколько тысяч человек собрались на митинг. В 6.35 открылся главный вход западной части комбината. Работа почти во всех цехах остановилась, но ночная смена не спешила по домам. К митингующим присоединялось все больше людей, желавших публично выразить свой протест. Манифестанты вышли за пределы заводской территории, построились в колонны и с пением патриотических и религиозных песен двинулись в направлении центра города. Секретарь воеводской организации ПОРП Л. Стасяк пытался воспрепятствовать движению, но к нему никто уже не прислушивался. Дальнейшие события нарастали с какой-то фатальной неизбежностью. Потом, по прошествии некоторого времени, все — и непосредственные участники, и вольные или невольные свидетели, словом, все, кто в той или иной степени оказался причастным к происшедшему, — все отмечали эту особенность.

Сильное впечатление производил этот марш неприятно одетых, возбужденных людей по пустынным еще улицам едва проснувшегося города. Число манифестантов достигло уже не менее 10 тысяч. Проходя мимо ремонтных железнодорожных мастерских — одного из крупных предприятий Познани (насчитывало 5000 рабочих), манифестация задержалась: на территории мастерских уже проходил митинг с участием заместителя министра железнодорожного транспорта, который давал какие-то пояснения собравшимся. Участники митинга присоединились к манифестации. По пути в колонны

вливались рабочие и служащие более мелких предприятий, а также случайные прохожие. Таким образом, «демонстрация становилась выражением общего протеста всего общества Познани»⁷. Несколько небольших групп активистов опередили шествие, заходили во встречавшиеся мастерские, ателье, бюро, фирмы и уговорами или даже силой принуждали рабочих и служащих покидать свои места и идти вместе с демонстрантами.

Здесь уместно заметить, что довольно подробное описание похода демонстрантов необходимо, как представляется, для того, чтобы более наглядно показать размах, необычность, а на начальном этапе даже определенную грандиозность события. Протестное шествие охватило значительную часть Познани. Основной поток двигался к центру города не прямым, а круглым путем в соответствии с предварительной договоренностью участников демонстрации: сначала они вышли к Главному вокзалу, через вокзальный мост — на ул. Рузвельта и мимо Международной ярмарки двинулись в направлении Университетского моста, а затем свернули налево от центра и через улицы Звежинецкую, Крашевского, Домбровского, Театральный мост вышли в центр на пл. Сталина (сейчас это пл. Адама Мицкевича) к Замку — здесь размещался Городской народный совет, а рядом с ним — здание воеводского комитета ПОРП. (Это был традиционный маршрут первомайских рабочих демонстраций межвоенного периода.)

В то же самое время покинули свои места работники некоторых предприятий правобережья Познани. Все желавшие участвовать в манифестации устремились в направлении пл. Свободы. Между тем основная колонна все увеличивалась, вбирая в себя все новых участников. Пройдя по ул. Рузвельта мимо Международной ярмарки до Университетского моста и свернув налево от центра, на ул. Звежинецкую, они вышли к трамвайному парку. Как будто сговорившись, трамвайщики высыпали на улицу. Трамвайное и автобусное движение по городским магистралям остановилось. Психологически этот фактор сыграл важную роль в нагнетании общей напряженности в городе. Создавалось впечатление, что происходит нечто неординарное, в истории города еще невиданное. Затем по ул. Крашевского манифестанты дошли до ул. Домбровского и повернули направо в сторону центра.

Многочисленные толпы людей с разных концов города стекались на площадь перед Замком. Собралось, по подсчетам исследователей, около 20 тыс. человек, и подходили все новые. Было около 9 утра. Через 20–30 минут на площади толпилось уже примерно 50 тыс. человек⁸. Скандировались лозунги, выражавшие экономические требования («Хотим хлеба!», «Требуем снизить цены!» и т. п.), но звучали и политические: «Требуем свободных выборов под контролем ООН», «Долой большевизм!», «Долой красную буржуазию!», «Требуем свободы!», «Хлеба и свободы!». Польские спецслужбы зафиксировали также много лозунгов антирусского и антисоветского содержания, а также направленных персонально против министра обороны ПНР К. Рокоссовского⁹. Известно также, что среди демонстрантов были и такие, которые держали в руках портреты коммунистов–антиподов Б. Берута и В. Гомулки¹⁰. Возможно, таким необычным образом они давали понять, что альтернативой сталинизму в Польше станет демократизация и «польский путь к социализму».

Ожидалось, что власти города выслушают претензии собравшихся и, быть может, предпримут реальные меры, чтобы снять общее возбуждение и ответить на требования рабочих. Вышел председатель президиума городского совета Ф. Фронцковяк, толпа обступила его, слышались угрозы; в такой ситуации условий для предметного разговора не могло быть. Тогда Фронцковяк предложил выбрать делегацию из числа манифестантов, с которыми он готов был обсудить создавшееся положение. Так как активистов-организаторов в этой точке площади не оказалось, в кабинет председателя совета попали люди фактически случайные, например, студент политехнического института Тадеуш Бенек (член ПОРП и активист Союза польской молодежи), который тем не менее решительно принял на себя роль лидера. Делегация представила главному администратору города требования повысить зарплату рабочим, снизить цены на продовольствие и т. п., но Фронцковяк заявил, что выполнение таких требований находится вне его компетенции. Тогда делегация решительно заявила, что в Познань должен прибыть, и без промедления, премьер-министр Ю. Циранкевич или Э. Охаб. Из здания городского совета делегация перешла в воеводский комитет ПОРП. Первого секретаря на месте не оказалось, и делегацию принял секретарь

воеводского комитета партии по пропаганде В. Красько. Когда он вышел на площадь и взобрался на грузовик, чтобы обратиться к демонстрантам, ему не дали говорить; были даже попытки силой прогнать его с импровизированной трибуны.

Здесь, на просторной площади, в присутствии многих тысяч людей вступили в свои права новые, экстремальные факторы воздействия на массовое сознание. Во-первых, транспаранты политического свойства, воспринимавшиеся дословно, как призыв к действию: «Долой кровопийц!», «Смерть изменникам!», «Хотим свободной Польши», «Долой русских!»¹¹. Во-вторых, непосредственное воздействие на манифестантов ораторов стихийного митинга. Около 9.30 на площадь выехал автомобиль-ретранслятор, «позаимствованный» демонстрантами из близлежащего воеводского управления связи; он стал инструментом возбуждения толпы, нагнетания и без того разгоряченной атмосферы, а в ряде случаев тривиальной, но грозной в своих последствиях сознательной или невольной дезинформации. В частности, именно отсюда прозвучали призывы направиться к центральной тюрьме, чтобы разгромить ее¹². Обстановка на площади уже была неподконтрольной, непредсказуемой, и потому радикальные лозунги падали на podatливую почву, подталкивали возбужденных людей к импульсивным, безответственным акциям.

После 10 утра, когда на площади и прилегающих улицах собрались уже десятки тысяч демонстрантов (о чем, в частности, свидетельствуют фотоматериалы, сохранившиеся до наших дней в архивах и опубликованные исследователями)¹³. От общей массы отделились две довольно значительные группы с флагами и транспарантами. Одна направилась к территории Международной ярмарки и вскоре вернулась обратно, другая, в сопровождении авторетранслятора, двинулась на ул. Млынскую, где находилась центральная городская тюрьма. Из репродуктора машины над толпой неслись призывы: «На Млынскую — освободить наших отцов и братьев!»¹⁴. Дело в том, что в толпе циркулировал слух, будто члены делегации рабочих, откомандированной накануне в Варшаву «искать правду», арестованы и находятся в тюрьме на Млынской.

Тем временем в городе начались первые эксцессы: разгоряченная толпа ворвалась в управление социального обеспечения (перекресток улиц Домбровского и Мицкевича); там на

шестом этаже находились устройства для глушения западных радиопередач на Познань. Их быстро демонтировали и под крики одобрения вышвырнули на улицу. В здание городского комитета ПОРП (ул. Мицкевича) ворвалась небольшая группа с криками: «Кончилась ваша власть!», «Хватит кормить дармоедов!», «Хотим Польши католической, а не большевистской!» и попыталась вытолкнуть сотрудников комитета на улицу, но вскоре была вытеснена подросевшей милицейской командой.

К 10.30 главный центр событий переместился к зданию воеводского управления общественной безопасности — в район, ограниченный улицами Кохановского, Домбровского, Мыльной и Познаньской¹⁵. Демонстранты направили своих представителей для переговоров, но двери здания оказались запертыми, забаррикадированными изнутри. Из окон толпу обливали водой из брандспойтов; в ответ полетели булыжники. До поры до времени этим все и ограничивалось, так как охрана управления к тому времени получила строгий приказ не применять оружия. В этот же момент другая большая толпа подошла к тюрьме. Помещение здесь охраняла команда в составе всего 48 человек (они также получили строгое указание ни в коем случае не оказывать сопротивления нападению, тем более не открывать огня). Под охраной в тюрьме находилось 257 заключенных¹⁶. В столь наэлектризованной обстановке дальнейшее развитие событий целиком зависело от поведения демонстрантов, от незримого противоборства в их среде радикальных и умеренных тенденций.

Здесь также образовался «комитет» для переговоров с начальником тюрьмы, но представители демонстрантов не были допущены внутрь здания. Охрана пыталась отбиваться от осаждавших с помощью брандспойтов. Между тем толпа все увеличивалась. «...Рядом с рабочими, одетыми в комбинезоны, значительную часть составляли преступные и хулиганствующие элементы, а также молодежь и подростки», — читаем в рапорте службы безопасности¹⁷. И это отнюдь нельзя считать преувеличением. Толпа окружила тюрьму, подбадривая себя пением государственного гимна и религиозных песен. Напряженность все нарастала. Попытки открыть тюремные ворота не удалось.

Однако «штурм» не состоялся, да в нем и не было нужды: несколько смельчаков перебрались через высокое ограждение и открыли ворота изнутри¹⁸. Понадобились считанные минуты,

чтобы ворваться в помещение, обезоружить охрану и выпустить заключенных на свободу. (Впоследствии служба общественной безопасности объяснит быстроту действий нападавших тем, что среди них были люди, хорошо знавшие расположение тюремных помещений, так как в разное время содержались там за те или иные уголовные преступления.)

Но трагизм положения заключался в том, что одним нападением дело не закончилось: из тюремного арсенала было похищено оружие — ручной пулемет, автоматы и пистолеты с боеприпасами. С этого момента характер дальнейшего развития событий определялся тем, кто первым применит оружие. Сейчас, по прошествии почти полувека, выяснить, кто первым открыл огонь, вряд ли возможно. Документальные источники и свидетельства участников событий на сей счет противоречивы. В новейшем исследовании Э. Маковский категорически, без каких-либо сомнений становится на сторону демонстрантов, утверждая, что первыми открыли стрельбу осажденные¹⁹. В ходе расследования инцидентов каждая сторона, и это понятно, обвиняла другую. А бесспорных доказательств нет. Впрочем, поиск «виновных» мало что добавляет к пониманию сути драматических событий, разыгравшихся на улицах Познани.

Перестрелка началась примерно в 11.30. К зданию управления общественной безопасности подъехал радиотранслятор, из репродукторов которого понеслись призывы к штурму, среди прочего прозвучало не имевшее ничего общего с действительностью утверждение, будто в Польше началось всеобщее восстание. Вот только один пример того, что говорилось: «В стране произошел переворот, здание управления общественной безопасности — последний бастион свергнутого режима»²⁰. Все это выглядит уже как беззастенчивая провокация. Последствия, однако, были страшными. Наиболее решительные и озлобленные бросали в окна управления бутылки с бензином, вызывая пожары, окружили здание и пустили в ход огнестрельное оружие. По данным официального документа, составленного службой общественной безопасности по следам событий, стрельба велась из 41 огневой точки²¹. Имелись в виду одиночные обладатели автоматов, карабинов, пистолетов. Неподалеку на перекрестке из опрокинутых вагонов трамвая, автомобилей, булыжников мостовой и других подручных

средств возводилась баррикада. Ситуация напоминала настоящий штурм, захлебнувшийся, правда, вследствие подоспевшей на выручку осажденным помощи. Здесь в перестрелке и суматохе погиб ученик музыкальной школы 13-летний Ромек Стшалковский — «трагический символ познаньского восстания» (нес красно-белый флаг впереди группы демонстрантов), как пишет польский историк²².

Центральные государственно-партийные власти реагировали на развитие событий в Познани крайне нервно. В Варшаве информацию о выходе демонстрантов на улицы получили в 7.00 утра (Л. Стасяк по телефону сообщил непосредственно Э. Охабу), то есть почти сразу. Но немедленной реакции властей тем не менее не последовало; ожидали дальнейшего развития событий. Однако с каждой минутой они приобретали все более угрожающий оборот, вследствие чего поспешно (и запоздало) — в 10.00 — созвали заседание Политбюро ЦК (были приглашены также министр внутренних дел В. Виха и командующий внутренними войсками В. Мусь), чтобы выработать план действий. Около 11.00 из Познани сообщили, что демонстранты захватили здание тюрьмы и в их руках оказалось оружие, что в центре города началась стрельба, с обеих сторон появились раненые и убитые. И только тогда было принято решение срочно направить в Познань подразделения 2-го танкового корпуса, находившегося в тот момент на учебном полигоне в 20 км севернее города. На заседание Политбюро был вызван вице-министр национальной обороны генерал Ст. Поплавский (советский офицер-поляк, откомандированный в Войско Польское), который получил приказ возглавить общее руководство подавлением выступлений. Политические же аспекты поручались премьер-министру Ю. Циранкевичу, отправившемуся в Познань во главе специальной партийно-правительственной комиссии (секретари ЦК ПОРП Е. Моравский и Э. Герэк, глава польских профсоюзов, член ЦК ПОРП В. Кloseвич)²³.

В 12.00 19-я танковая дивизия двинулась в направлении Познани. Через два часа — шесть часов спустя после того, как первые демонстранты вышли на улицы — в город прибыли С. Поплавский со своим штабом, а затем — прямо в эпицентр событий — и боевые машины. Их встретили бутылками с бензином, и сразу же несколько танков запылали. Участникам

этого быстротечного эпизода и случайным свидетелям все происшедшее напоминало бой времен Варшавского восстания 1944 г. Трагедия вступала в свою кульминационную фазу.

Танковые подразделения получили задачу обеспечить охрану военных объектов, казарм, тюрьмы, электростанций, железнодорожных вокзалов, радиостанции. Только в районе интенсивных перестрелок (тюрьма, управление общественной безопасности) в акциях по усмирению участвовало более 40 танков²⁴. Но с ходу подавить довольно многочисленные и мобильные огневые точки не удавалось.

С 15.00 до 17.00 северо-западная часть центра города находилась во власти стихии: группы вооруженных людей (как гражданских, так и военных) перемещались по улицам в разных направлениях, не сразу можно было понять, кто в кого и откуда ведет огонь. Словом, налицо были все признаки общего хаоса. И не случайно генеральный прокурор ПНР Марьян Рыбицкий впоследствии, когда на VII пленуме ЦК ПОРП анализировались события в Познани, в своем выступлении обронил ставшую печально известной фразу: «Мне кажется, что в Познани почти весь день власть лежала на улице»²⁵. К 17.00 часам в городе в руках демонстрантов насчитывалось по крайней мере 48 огневых средств²⁶. Танки отвечали прицельным пулеметным огнем. Понятно, что в такой ситуации обе стороны несли потери, раненые и убитые были также и среди случайных прохожих. Постепенно подавляющее численное превосходство и военная техника регулярной армии решили дело: осаждавшие здание управления общественной безопасности (в большинстве своем молодежь, в том числе прошедшая военную выучку в Войске Польском), вооруженные лишь стрелковым оружием, были отброшены, а к вечеру стрельба в городе заметно ослабела. Правда, одиночные выстрелы изредка слышны были еще и на следующий день. Но то были лишь отголоски трагедии.

В развитии событий в Познани можно видеть четыре качественно отличавшихся фазы. *Первая*, вступительная характеризовалась тем, что вследствие прекращения работы на ряде предприятий сформировались большие группы демонстрантов (сначала преимущественно из рабочих), которые направились к партийным и государственным властям города; манифестация носила достаточно спокойный, можно даже сказать —

мирный характер (основным ее лозунгом был «свободы и хлеба»). *Вторая* фаза отличалась от предшествующей тем, что в манифестацию вливались люди, настроенные по тем или иным причинам антиправительственно, а также криминальные элементы. Вследствие нагнетания общей атмосферы несколько сотен радикальных и просто анархистствующих молодых людей совершили нападение на городскую тюрьму, обезоружили охрану, выпустили на свободу заключенных и овладели огнестрельным оружием и боеприпасами. С этого момента общая ситуация в Познани трансформировалась в чреватые непредсказуемыми последствиями эксцессы. *Третья* фаза — попытка вооруженной молодежи (в том числе освобожденных из заключения криминальных элементов, о чем в некоторых современных польских исследованиях иногда умалчивается) овладеть зданием воеводского управления общественной безопасности; военнослужащие управления, вопреки полученному приказу не применять оружия, открыли огонь на поражение. *Четвертая*, заключительная фаза — подавление регулярными войсками, прибывшими в город, огневых точек нападавших²⁷. Вечером 30 июня войска были выведены из города. Итог кровавых столкновений по официальным данным: убитых 74 человека (55 человек погибло непосредственно в ходе перестрелки, еще 19 человек умерли позднее от полученных ранений). Из этого числа гражданских лиц — 66, функционеров управления безопасности — 3, милиционеров — 1, солдат Войска Польского — 4. Ранения различной степени тяжести получили 575 человек, в том числе 15 функционеров управления общественной безопасности, 5 милиционеров и 37 солдат²⁸. Эти количественные данные по сию пору считаются неполными.

* * *

Таким выглядел самый общий контур драматических событий в Познани. Какова их суть, как оценивать их в свете имеющихся разнообразных источников? Каковы самые существенные элементы, которые позволяют интегрировать «Познаньский июнь» в контекст общепольского кризиса 1956 г.?

До сих пор в историографии проблемы — на уровне научной литературы, в дискуссиях на научных конференциях,

в публицистике — продолжают споры о том, как следует трактовать события в Познани: что это было — хулиганские выходки, антигосударственный бунт, заранее спланированное и подготовленное восстание против системы? Тот или иной ответ на вопрос имеет существенное методологическое значение для дальнейшего изучения темы.

1. Социальный взрыв в Познани нельзя считать случайным, тем более — инспирированным извне, как это сразу по свежим следам событий пытались представить некоторые военачальники, осуществлявшие подавление бунта. Первоначально такой же точки зрения придерживались и польские высшие государственные руководители. Как уже отмечалось, серьезные проблемы в социальной сфере на машиностроительном комбинате «Цегельский» не были тайной для руководителей разных уровней. Рабочие предприятия прибегали к массовым протестам на экономической почве и прежде (сентябрь 1954 г., 16—21 июня 1955 г.)²⁹. Все попытки представителей завода (профсоюзы, низовые партийные организации, администрация) добиться улучшения материального положения рабочих недальновидно, но вполне сознательно блокировались государственным аппаратом разного уровня посредством бюрократической волокиты³⁰. Вследствие этого и вызрела кризисогенная ситуация. Однако к тому времени во многих рабочих коллективах — в общепольском масштабе — недовольство приняло такие размеры, что в Политбюро ЦК ПОРП полученной из Познани информации должного значения не придали. По признанию самого Э. Охаба, открытые проявления протестов ожидалось в тот момент у шахтеров Силезии и на промышленных предприятиях Лодзи, к шахтерам он и направился³¹. Как утверждал З. Новак, никто в высшем политическом руководстве страны не мог предвидеть того, что случилось³². Очевидно, он имел в виду кровавые столкновения населения и силовых структур. Таким образом, для высших властей бунт в Познани оказался подобен разорвавшейся бомбе. Из вполне авторитетного свидетельства первого секретаря ЦК ПОРП вытекает, что социально-психологические предпосылки того, что стало горькой явью 28 июня 1956 г., вполне назрели. Нужна была только искра, чтобы прогремел взрыв.

2. Обращает на себя внимание неадекватность действий высших партийных и государственных органов. Столь же

показательно свидетельство еще одного авторитетного современника событий, который как раз в то время занимал высокое положение в государственном управлении и был хорошо информирован о внутривнутриполитической обстановке в стране. Это бригадный генерал В. Мусь. Он вспоминает: «Сигналы о бурных событиях на фабриках приходили из разных городов, но прежде всего из крупных промышленных центров — Силезии, Лодзи, Кракова. <...> Традиционно мирный Познань не вызывал беспокойства. Вопросами требований, поднятых рабочими, занималось министерство машиностроительной промышленности, ведомства же, ответственные за безопасность, трактовали конфликт как спор на экономической почве», а потому к возможности открытых протестов, которые при известном стечении обстоятельств могли принять неконтролируемые формы проявления, попросту не готовились³³.

Как же следует трактовать данную ситуацию? На мой взгляд, волнения в Познани не соответствовали доктринальным представлениям польского политического руководства о способах разрешения социальных и экономических проблем, ведь сами по себе возможные массовые выступления рабочего класса в защиту своих экономических интересов в условиях строительства общества «социальной справедливости» рассматривались коммунистической элитой (и не только в Польше) как не укладывающиеся ни в какие рамки аномалии, если не тяжкие преступления перед «народной властью». Потому-то никакого сколько-нибудь эффективного механизма урегулирования конфликтов на социальной и экономической основе не предусматривалось. Разрешение такого типа конфликтов отдавалось на откуп профсоюзам, но они уже давно погрязли в формализме, жестко контролировались партийными органами и не могли реально противостоять злоупотреблениям административных органов предприятий. Фактически рабочие были лишены легальной возможности отстаивания своих требований и действенной организационной структуры, которая представляла бы их законные интересы. Польские профессиональные союзы на эту роль не подходили. В случае с Познанью запаздывание и несогласованность механизмов государственного и партийно-политического управления привели к запаздыванию и в принятии эффективных решений.

3. Были допущены очевидные ныне промахи в информировании общественности. Уже вечером 28 июня было опубликовано сообщение Польского агентства печати, а наутро сообщение городских властей, в которых говорилось, что «с определенного времени империалистическая агентура и реакционное подполье старались использовать экономические трудности и наболевшие проблемы на некоторых предприятиях Познани для провоцирования выступлений против народной власти» и что «агентам врагов удалось спровоцировать уличные беспорядки»³⁴. Прибывший в Познань по поручению Э. Охаба премьер-министр Ю. Циранкевич в выступлении по радио вечером 29 июня также однозначно оценил происшедшее как провокацию агентов империализма и реакционного подполья, прибавив к этому довольно грубые угрозы, чем фактически дезориентировал население города. Дословно он заявил среди прочего следующее: «Каждый провокатор или безумец, который осмелится поднять руку на народную власть, пусть будет уверен, что ему эту руку народная власть отрубит в интересах рабочего класса, в интересах трудового крестьянства и интеллигенции, в интересах борьбы за подъем жизненного уровня населения, в интересах дальнейшей демократизации нашей жизни, в интересах нашей Родины»³⁵. Население Познани восприняло такой пассаж как неприкрытую угрозу всем жителям города, чего премьер вовсе не желал. Но такова была атмосфера того трагического дня (едва смолкли перестрелка и грохот гусениц танков, с улиц начали подбирать убитых, а раненые заполнили госпитали); поэтому премьер считал целесообразным прибегнуть к столь суровой лексике. Сейчас очевидно, что ему нужно было найти какие-то другие, более подходящие слова. Но средствам массовой информации была предложена именно та точка зрения, которую выразил Ю. Циранкевич, и она перекочевала затем, в частности, в средства массовой информации СССР, о чем будет сказано ниже.

Далеко не во всем верная оценка массовых беспорядков в Познани сохранялась еще три—четыре месяца. Ее пришлось публично дезавуировать в октябрьские дни, но уже в совершенно иной ситуации. А 30 июня, когда еще не все огневые точки в Познани были подавлены, Политбюро ЦК ПОРП на своем заседании заслушало сообщение Ст. Поплавского об «умиротворяющих» акциях во взбунтовавшемся городе.

Протокол заседания бесстрастно гласит: «Тов. Поплавский отметил, что ход событий в Познани указывал на организованную работу врага. *Акцией руководил подпольный штаб. Было также применено оружие немецкой марки*». На основании этого сообщения комиссии во главе с Э. Герэком поручалось на месте изучить все обстоятельства дела и подготовить аналитический материал для политического руководства³⁶. Комиссия хотя и признала наличие серьезных бытовых трудностей рабочих на предприятиях Познани, но в целом непосредственной причиной волнений посчитала фактор «воздействия враждебной агентуры»³⁷. Политбюро утвердило доклад комиссии 10 июля, а на следующий день Э. Герэк выступил на пленарном заседании воеводского комитета ПОРП в Познани. Здесь его основной тезис в ряде выступлений был подвергнут сомнению. И это понятно: далеко не всем версия о «враждебной агентуре» казалась убедительной. Тем более что параллельно с комиссией Герэка волнениями в Познани занялась специальная комиссия Комитета по делам общественной безопасности, которую возглавил Я. Птасиньский. Эта комиссия пришла к иным выводам, а именно, что в основе беспорядков лежали экономические причины, что события развивались спонтанно и что тезис о провоцировании волнений извне не следует принимать во внимание как не соответствующий действительности³⁸. Абсолютно независимо от заключения комиссии Птасиньского похожая точка зрения уже для широкой публики была представлена в редакционной статье «Первые выводы», опубликованной в газете «Трыбуна люду»³⁹. В статье проводилась мысль, что необходимо видеть две тенденции в трагических событиях «Познаньского четверга»: глубокое недовольство рабочих социальной политикой ПОРП и противоправные акции экстремистов; переплетение этих тенденций привело к кровавым эксцессам. Высшее партийное руководство посчитало такой подход, некстати для Политбюро ЦК обнародованный в открытой печати, грубой политической ошибкой, за что главный редактор центрального печатного органа ПОРП секретарь ЦК Е. Моравский, не согласовавший текста статьи с политбюро, был отстранен от должности⁴⁰.

4. Версия о целенаправленном руководстве беспорядками со стороны некоего «подпольного штаба», комитета или иной координирующей структуры, связанной с зарубежными центрами,

не находит бесспорного (и даже косвенного) подтверждения в документальных источниках; в ходе судебных расследований также никаких следов подобного рода не было обнаружено. Первый секретарь воеводского комитета ПОРП в Познани Л. Стасяк даже вынужден был на VII пленуме ЦК ПОРП, состоявшемся в июле 1956 г., подать специально заявление в письменной форме следующего содержания (приобщено к стенограмме пленума): «До 28.VI ни воев[одский] ком[итет] ПОРП в Познани, ни воев[одское] Управление общественной безопасности не имели никаких донесений, доказательств, фактов: якобы в Познани был и собирался на совещания забастовочный комитет. Точно так же и сейчас, после событий нет никаких доказательств о существовании такового комитета»⁴¹.

Впрочем, отсутствие некоего комитета, «штаба» или иной руководящей структуры вовсе не означает отсутствия вожаков, какие непременно присутствуют в любых массовых движениях и беспорядках. Я назвал бы таких энергетически заряженных людей лидерами, своеобразными активистами-координаторами. Они не всегда бывают бесстрастными инспираторами массовых акций, не всегда — в силу разных причин и конкретных обстоятельств — осознают пагубные подчас последствия своих действий. Достаточно часто такие люди действуют из самых благих побуждений. Но бесспорным фактом является то, что такие активисты в познаньских волнениях были и на тех или иных поворотах событий играли заметную роль. Именно они позаботились заблаговременно о подготовке транспарантов с лозунгами экономического и политического содержания и изготавливали новые уже в процессе манифестации, предложили маршрут шествия и т. д. Но в их поступках импровизации было еще больше, чем продуманных, заранее просчитанных действий.

5. Роль волнений в Познани ощутима в дальнейшей динамике общеполитической ситуации в Польше, в частности их воздействие на поляризацию мнений в ЦК ПОРП и в партии в целом как по вопросу оценки событий, так и по другим, не менее горячо дискутировавшимся вопросам, живо затрагивавшим все польское общество.

6. Наконец, свою — резко негативную — роль они объективно сыграли и в формировании взглядов советских партийно-государственных кругов на все углублявшийся политический

кризис в Польше. В связи с этим попытаемся выяснить, как в Кремле оценили беспорядки в Познани.

Доступных исторических источников по данной теме пока крайне мало, а те, которые имеются, недостаточно информативны и потому не позволяют ответить на некоторые весьма существенные исследовательские вопросы. Думается, открытие самых важных по содержанию документов в связи с поставленным вопросом еще впереди.

Президиум ЦК КПСС заслушал на своем заседании 29 июня 1956 г. информацию секретаря ЦК КПСС П. Н. Поспелова «О событиях в Польше». Текст ее, однако, неизвестен, а, может быть, в зафиксированном текстовом виде ее и вовсе не было. В черновом протоколе заседания есть предельно лаконичная запись: «Опубликовать в печати»⁴². И это — все. О чем же шла речь? Думается, в данном случае имелась в виду полученная из Варшавы корреспонденция ТАСС под заголовком «Враждебная провокация империалистической агентуры», содержащая высказанную польским премьер-министром Ю. Циранкевичем излишне эмоциональную оценку событий.

О беспорядках в Познани советская общественность узнала утром в субботу 30 июня, когда в «Правде» можно было прочитать об официальном сообщении польской печати. В этот же день ЦК КПСС принял постановление «О преодолении культа личности и его последствий», в котором есть небольшой фрагмент, касающийся событий в Познани. В постановлении говорилось о решении американского сената выделить дополнительные ассигнования в размере 25 млн долларов на подрывную деятельность в странах за «железным занавесом». «Мы должны трезво оценить этот факт и сделать из него соответствующие выводы, — читаем далее. — Ясно, например, что антинародные выступления в Познани оплачены из этого источника. Однако у провокаторов и диверсантов, оплаченных из заокеанских денежных фондов, хватило духу только на несколько часов. Трудящиеся Познани дали отпор вражеским вылазкам и провокациям. Провалились планы темных рыцарей „плаща и кинжала“, провалилась их гнусная провокация против народной власти в Польше»⁴³. В то время в советском обществе директивные партийные документы было принято считать выражением официальной точки зрения, не подлежащей ни малейшему сомнению. Советские пропагандистские

органы как истину в последней инстанции навязывали представление о бесспорной прямой связи между волнениями 28 июня и подрывной деятельностью правящих кругов США⁴⁴. Между тем, как уже говорилось, в ходе расследований никаких свидетельств, подтверждающих эту связь, найдено не было. Не было правдой и утверждение, будто сами волнения продолжались всего «несколько часов». Можно предположить, что волнения в Познани явились и для Н. С. Хрущева, и для его окружения столь же неожиданными, как и для польских руководителей. Правда, когда в Познани началась массовая демонстрация, соответствующие советские разведывательные службы наблюдали за развитием событий «на месте» и необходимую информацию немедленно сообщали в Москву. На эту тему есть косвенное свидетельство Я. Птасиньского: о волнениях в Познани он, находясь в Москве в служебной командировке, узнал от председателя КГБ СССР генерала И. А. Серова 28 июня и уже во второй половине того же дня вернулся советским военным самолетом в Варшаву⁴⁵. Есть еще одно свидетельство: председатель Комитета общественной безопасности ПНР Э. Пшулковский рассказывал, что в Москве в тот момент «его информировали о развитии ситуации в Познани советские друзья, располагавшие радиограммами, и что они были лучше ориентированы, чем наша „безопасность“»⁴⁶.

В Кремле ожидать от спецслужб и аппарата ЦК КПСС более подробного и взвешенного анализа, по-видимому, не могли из-за нехватки времени, и в текст постановления вошла оценка, позаимствованная из официального сообщения Польского агентства печати. Ведь даже лидер КПСС в то время тоже не обладал всей полнотой информации о Познани. Его оценки события иногда достаточно поверхностны, о чем довольно красноречиво свидетельствует следующий пример. 10 июля 1956 г., то есть без малого две недели спустя после волнений в Познани, Н. С. Хрущев принял делегацию Итальянской компартии. В беседе затрагивался широкий круг вопросов, в том числе и по польской проблематике. Массовые демонстрации и уличные эксцессы в Познани он расценил как недостаточно подготовленное реакционными силами восстание, не сказав ни слова о вмешательстве в события регулярных воинских частей⁴⁷. Создается впечатление, что Н. С. Хрущев, говоря о Познани, как всегда больше импровизировал,

нежели опирался на продуманную, взвешенную с точки зрения формулировок и акцентов концепцию.

То, что произошло в Познани 28–29 июня 1956 г., нельзя назвать восстанием, на чем настаивают некоторые современные польские исследователи⁴⁸. Нет оснований мифологизировать разыгравшуюся на улицах Познани подлинную людскую драму. Анализ всей совокупности доступных на сегодня источников убеждает в том, что это был бунт отчаявшихся, разгневанных людей — стихийный и беспощадный. В ментальности его прямых участников и невольных свидетелей именно таким он и запечатлелся.

2. VII пленум ЦК ПОРП: размежевание. По расчетам политического руководства ПОРП, очередное пленарное заседание ЦК должно было сосредоточить внимание партии на разработке социально-экономической программы, нацеленной на улучшение общей ситуации в стране. Предполагалось обсудить два крупных тематических блока: общее внутривнутриполитическое положение в Польше (доклад Э. Охаба) и экономические проблемы в связи с разработкой нового 5-летнего плана народнохозяйственного развития (доклад Ю. Циранкевича). Действительно, на пленарном заседании сформулированные вопросы стратегического характера рассматривались, однако подлинные страстные споры развернулись вокруг других, по мнению участников пленума, куда как более важных проблем.

Пленум работал в период 18–28 июля 1956 г. (с двухдневным перерывом 21–22 июля, когда был национальный праздник День возрождения Польши). В чрезвычайно накаленной, нервной дискуссии глубокая поляризация в Центральном Комитете правящей партии, если не раскол, стала свершившимся фактом. Такой вывод сам собой напрашивается при изучении трех объемистых томов стенограммы пленума (к слову, никогда не публиковавшейся). Почти все участники дискуссии (а на пленуме выступило 95 человек; кроме того, к стенограмме приложены шесть выступлений в письменной форме⁴⁹), обсуждая предложенные в соответствии с повесткой дня доклады, высказывали свое отношение к волнениям в Познани, непременно затрагивали вопрос о политической реабилитации В. Гомулки и его возможного возвращения к активной общественной деятельности. И не случайно: в тот момент все

это требовало неотложного рассмотрения, ибо отражало умонастроения не только партийных масс и просоциалистических сил за пределами ПОРП; эти проблемы, несмотря на отпускной сезон, обсуждались широко во всем обществе, до предела накаляя атмосферу и требуя ясных, конкретных, но прежде всего — немедленных ответов.

Свой доклад первый секретарь ЦК ПОРП начал с анализа причин массовых беспорядков в Познани. Э. Охаб отказался от упрощенной формулы непосредственного инспирирования волнений провокаторами и иными агентами международного империализма, а главную причину разыгравшейся трагедии стал усматривать в запущенности социальных проблем и политических промахах ПОРП в целом и воеводского комитета Познани в частности. На этом фоне, утверждал он, «смутьянам и демагогам» удалось организовать забастовки и манифестации, а «контрреволюционному подполью» — довести дело до кровавых столкновений⁵⁰. Генеральный прокурор ПНР М. Рыбицкий также информировал пленум о том, что в ходе следствия не нашла подтверждения версия о деятельности в Польше империалистической агентуры⁵¹. Иными словами, причину беспорядков лидер партии и глава органов правопорядка усматривали не во внешних, а во внутренних факторах. Бесспорно, перемещение акцентов следует признать некоторым продвижением вперед в осмыслении проблемы, но и только. Э. Охаб, не обосновав своего скорректированного тезиса конкретными доказательствами, оставил место для разного рода домыслов и спекуляций⁵². Прямолинейную и ортодоксальную позицию занял первый секретарь ЦК, оценивая забастовки в Познани. Он с предельной ясностью заявил: «...забастовка в народном государстве и в условиях социалистического строительства не может быть средством борьбы рабочего класса...»⁵³. В государственно-социалистической идеологии ПОРП такого рода выражения социального протеста считались едва ли не самым большим грехопадением.

Тезис о разрушительной деятельности «врагов» в Познани никто из выступавших в дискуссии в открытую сомнению не подвергал, хотя делалось это с разной степенью акцентировки⁵⁴. Но, пожалуй, ни один вопрос не обсуждался на пленуме так горячо и заинтересованно, как положение В. Гомулки, а точнее сказать — его перспективы возвращения в большую

политику, причем мнения пулавян и натолинцев нередко совпадали. Перед началом дискуссии члены пленума получили для ознакомления письма опального лидера польских коммунистов, направленные им в Политбюро. Гомулка не в первый раз заявил, что не согласен с решениями партийных инстанций, касающихся так называемого правонационалистического уклона, требует выслушать на пленуме его аргументацию в свою защиту.

Первым после доклада Э. Охаба слова попросил В. Клосевич, который, как уже говорилось, еще на ноябрьском совещании центрального партийного актива 1954 г. отважился поставить вопрос об освобождении В. Гомулки из заключения. Теперь он твердо и решительно заявил, что Гомулку необходимо пригласить на партийный форум⁵⁵. Не упустил случая Клосевич, чтобы упрекнуть персонально Я. Бермана, Г. Минца, Р. Замбровского и Ф. Мазура за то, что в свое время именно они приняли решение об аресте Гомулки. Предложение председателя Центрального Совета профсоюзов многими было встречено в штыки. Особенно резко критиковали его С. Сташевский и Е. Путрамент⁵⁶. Последний посчитал политической провокацией и макиавеллизмом высказанную на пленуме идею включить В. Гомулку в правительство в должности вице-преьера по аграрным вопросам. Дело в том, что, как утверждал Е. Путрамент, в определенных кругах польского общества сформировался стереотип Гомулки — противника коллективизации, по крайней мере торможения ее, а также «противостояния по отношению к Советскому Союзу». Это, с сарказмом твердил Е. Путрамент, «поднимет наш авторитет в народе». Действительно, следует отдать должное прямоте этого партийного деятеля и одновременно известного литератора: модель решения аграрного вопроса в СССР никогда Гомулке не казалась эффективной, а в отношении к могучему восточному соседу он занимал позицию взвешенную, если не сказать настороженную. Но дело тут совсем в другом. «Из этого проталкивания Гомулки в руководство, — читаем далее выступление Путрамента, — может произойти либо контрреволюция, либо этот чудовишный макиавеллизм, что означает — обмануть этот народ, эти несознательные слои, которые не понимают, что для нас значит союз с Советским Союзом, обмануть их видимостью, противопоставлением Гомулки Советскому

Союзу. <...> Таков ведь политический смысл этого рода предложения»⁵⁷.

В ходе обсуждения определились три подхода к решению «проблемы Гомулки»: пригласить его на пленум и дать возможность высказаться (1); не приглашать на пленум, так как присутствие бывшего генерального секретаря ППР неизбежно вызвало бы дискуссию, которая лишь помешает обсудить более актуальные вопросы (2); абсолютное большинство высказалось за восстановление Гомулки в ПОРП (3). В конечном счете было принято решение отменить постановление III пленума ЦК ПОРП от 13 ноября 1949 г., согласно которому В. Гомулка, З. Клишко и М. Спыхальский подлежали выводу из состава ЦК партии, будучи (несправедливо) обвиненными в правонационалистическом уклоне и потере революционной бдительности. В этой связи Э. Охав информировал участников пленарного заседания о том, что М. Спыхальский и бригадный генерал Г. Корчиньский восстановлены в ПОРП.

Много горячих споров на пленуме вызвала ситуация в средствах массовой информации, прежде всего в печати. В центре критики оказались «Трибуна люду» и ее недавний шеф Е. Моравский, а также еженедельники «По просту» и «Нова культура». На такой позиции стояли М. Нашковский (по его мнению, главная газета ПОРП «утратила роль центрального органа партии, стала чуть ли не дискуссионной трибуной, [ей] часто не хватает элементарного чувства ответственности за слово, которое народ принимает за слово партии»), Г. Козловская (партийные активисты пассивно относились к сомнительным выступлениям печати), К. Виташевский (антисоветские акценты в отдельных газетных статьях), С. Скшешевский (разнос опубликованной в «Трибуну люду» статьи «Первые выводы» в связи с событиями в Познани), О. Длуский (отсутствие «партийной позиции» в печати), Р. Вэрфель (критика статей В. Гродэка, Р. Турского и Р. Зиманда в «По просту»), Е. Шир, А. Долиньский (антисоветские статьи в «Пшеглёнде культуральном»), В. Титков (статья Р. Зиманда, ставившего под сомнение социализм в СССР и социалистические производственные отношения в Польше), К. Рокоссовский⁵⁸. Натолкнув З. Новак считал, что Политбюро ЦК как руководящий орган партии проводит неправильную политику по отношению к прессе, в связи с чем категорически заявил (с полным

на то основанием), что редакция «По просту» стала «оппозиционным центром»⁵⁹.

Судя по стенограмме, проблемы экономики особенного внимания участников пленума не привлекли, несмотря на то что на самом деле это была одна из наиболее болезненных точек жизнедеятельности государства. Не случайно В. Гродэк и Р. Турский — ведущие публицисты «По просту» — в статье «Программа» подчеркивали: «До и во время работы VII пленума ЦК ПОРП вокруг чувствовалась атмосфера напряжения и ожидания. Чего ждало общество от пленума? Какие выдвигало требования? Оно ожидало прежде всего разработки программы оздоровления нашего народного хозяйства»⁶⁰. Конечно, на пленуме прозвучали высказывания и о причинах недостаточно эффективного функционирования экономики в целом и 6-летнего плана в частности, и о неудовлетворительном материальном положении рабочего класса. Но, как видно, этого для польской общественности оказалось недостаточно. Ответственность за фактический провал экономической политики ПОРП, точнее ее руководителей, большинство выступавших на пленуме возложили персонально на Г. Минца, хотя в зале заседания находились и немногочисленные сторонники этого политического деятеля. Несколько человек предложили ему уйти в добровольную отставку, что в конце концов и произошло, правда, лишь в октябре 1956 г.

Новый всплеск эмоций вызвало появление в Варшаве советской делегации во главе с Н. А. Булганиным. Это не требует расшифровки. 21 июля глава советского правительства выступил на торжественном заседании, посвященном национальному празднику Народной Польши. В безапелляционном стиле советской пропаганды он заявил: «Недавние события в Познани, спровоцированные вражескими агентами, являются новым подтверждением того, что международная реакция все еще не рассталась с бредовыми планами реставрации капитализма в социалистических странах. Об этом мы не должны забывать ни на минуту»⁶¹. В Польше такого рода высказывание воспринято было как неадекватное. От советского государственного деятеля столь высокого ранга ожидалась более взвешенная и как минимум — эластичная формулировка. Но ожидания были напрасны. Советский премьер строго придерживался текста, утвержденного кремлевским «коллективным руководством».

Дипломатический корпус в Варшаве, разумеется, не оставил слова Н. А. Булганина без внимания. Например, в своем сообщении в Лондон британский посол в Польше оценил его высказывание как «исключительно бестактное». Дальнейший комментарий его был суров и справедлив: «...ни один поляк, включая коммунистов, не может охотно слушать, когда иностранец поучает его, как поляки должны поступать. Булганин показал себя не только как человек бестактный, но также как человек, не имеющий понятия о польских реалиях»⁶².

Под конец работы пленума Зенон Новак неожиданно затронул скользкую тему антисемитизма, что вызвало недомысленные вопросы и протесты. В тот же день о выступлении З. Новака стало известно в партийных организациях, а потом проблема выплеснулась на страницы газет. Подоплека заключалась в давнем соперничестве за рычаги управления в партийных, государственных и силовых структурах лиц польской и еврейской национальностей. Произошло то, о чем предупреждал в свое время польское руководство Н. С. Хрущев, советуя переместить или хотя бы освободить Р. Замбровского от курирования кадровых вопросов по линии ЦК ПОРП⁶³. «Несомненно, проблема происхождения <...> выполняла инструментальную функцию в политической игре», — пишут польские исследователи⁶⁴.

Завершился пленум персональными перестановками в партийных верхах. Я. Берман был выведен из состава членов Политбюро ЦК, членами Политбюро избрали Эдварда Герэка, первого секретаря ПОРП в Ополе, Романа Новака и Адама Рапацкого, кандидатами в члены Политбюро двух вице-премьеров ПНР — Стефана Ендрыховского и Эугениуша Ставиньского. Новым членом Секретариата ЦК стал министр просвещения Витольд Ярославский. Кадровые пертурбации означали укрепление позиций центристов и лично Э. Охаба. Впрочем, большой роли в дальнейших внутривнутрипартийных разборках это уже не сыграло.

VII пленум ЦК ПОРП углубил размежевание пулавян и натолинцев. Разногласия в Политбюро ЦК и среди членов ЦК, о которых знали или догадывались за пределами руководящего партийного органа, усилили в обществе убеждение, что партийно-правительственная элита не справляется с задачами стабилизации в стране.

В российских архивах сохранилось несколько документов, отражающих восприятие участниками пленарного заседания заядлых споров, которые там имели место. Это записи бесед советских дипломатов с польскими партийными деятелями на уровне секретарей воеводских комитетов ПОРП, то есть с теми, кто в большей или меньшей степени был осведомлен о закулисных схватках. В частности, первый секретарь воеводского комитета ПОРП в Быдгощи Владыслав Кручек отметил, что дискуссию на пленуме вызвал «национальный вопрос» — то есть выступление З. Новака. «Некоторые члены пленума (по национальности евреи) стали обвинять ЦК ПОРП в антисемитизме, — рассказывал Кручек. — Поводом для этих разговоров послужило выдвижение на крупные руководящие должности членов ПОРП по национальности поляков и соответствующая замена на этих должностях лиц еврейской национальности. Пленум поддержал линию ЦК ПОРП на обновление кадров и осудил разговоры об антисемитизме». Далее: «На пленуме обнаружили большие разногласия по вопросу о том, стоит ли широко публиковать причины, по которым не было обеспечено должным образом выполнение шестилетнего плана и что сам план имел ряд недостатков, которые привели к излишнему и ненужному расходованию народных средств. Решено было этого не публиковать. Предложение о снятии с занимаемой должности тов. Минца — автора шестилетнего плана — было отвергнуто, так как общественность могла это расценить как провал шестилетнего плана»⁶⁵. Первому секретарю воеводского комитета ПОРП в Кракове Станиславу Бродзиньскому, например, больше всего запомнилось то, что пленум «проходил в обстановке острой критики и борьбы двух группировок в ЦК по важнейшим вопросам политики партии». Он, очевидно, имел в виду натолинцев и пулавян, причем идентифицировался с первыми, поскольку оценил выступление З. Новака как «правдивое» и «ленинское». З. Новак, по утверждению Бродзиньского, «прямо заявил, что дальше терпеть нельзя, чтобы на важнейших государственных постах в правительстве и в ЦК ПОРП в своем большинстве находились евреи». Юдофобство не давало покоя некоторым польским партийным деятелям высокого ранга. Вот еще одно высказывание натолинца — первого секретаря воеводского комитета ПОРП в Гданьске Яна Труша. «Наиболее острым выступлением на

пленуме» он считал речь З. Новака. По его мнению, «среди людей еврейской национальности, в том числе и членов ЦК ПОРП, распространяются мнения о том, что еврейский вопрос обострился якобы по вине товарища Н. С. Хрущева, затронувшего этот вопрос во время его последнего приезда в Польшу»⁶⁶, т. е., как уже говорилось в своем месте, в марте 1956 г. на VI пленуме ЦК ПОРП.

Комментария требуют замечания С. Бродзиньского о польско-советских отношениях: «Он заявил, что польский народ душой стоит за Советский Союз. Отдельные антисоветские настроения в стране» он сваливал на некоторых членов Политбюро ЦК⁶⁷. Новые архивные документы, которыми теперь располагают исследователи, свидетельствуют, однако, о другом: такого рода высказывания могли лишь ввести в заблуждение своей неадекватностью.

3. Август и сентябрь. Первым конкретным результатом пленума ПОРП было восстановление В. Гомулки в партии. 1 августа 1956 г. Э. Охаб и А. Завадский в беседе с Гомулкой, которая заняла несколько часов кряду, проинформировали его о ходе пленарного заседания и принятых решениях. «Веслав» заявил, что знает о пленуме лишь по скудным сообщениям печати, что «в общем он не имеет каких-либо замечаний, однако окончательную позицию по этим вопросам он изложит после тщательного изучения материалов пленума». На вопрос, «желает ли он быть в партии, Гомулка ответил положительно»⁶⁸. В беседе затрагивался также вопрос о кризисе в ПОРП 1948 г., причем Охаб и Завадский еще раз подтвердили: руководство партии остается на позиции безусловного осуждения так называемого правонационалистического уклона. Гомулка заявил, что по-прежнему придерживается своей точки зрения, своей платформы, но согласен с тем, что развязывание дискуссии в партии по упомянутому вопросу было бы нежелательно. В тот же день Политбюро ЦК, выслушав информацию о встрече с Гомулкой, единодушно постановило вернуть ему партбилет и поставить на учет в низовой парторганизации аппарата ЦК⁶⁹. Акт вручения партбилета состоялся 2 августа в здании ЦК ПОРП, о чем Польское радио сообщило 4 августа в вечернем выпуске последних известий. 5 августа соответствующую информацию опубликовала «Трибуна люду». Значительная

часть общественности встретила данный факт — ожидавшийся еще весной — с известным удовлетворением, поскольку В. Гомулка считался реальной альтернативой прежде всего Э. Охабу, который за четыре с половиной месяца пребывания на посту первого секретаря ЦК ПОРП так и не сумел завоевать себе авторитета как среди партийной, так и беспартийной общественности. Таким образом, перед В. Гомулкой была устранена, по крайней мере формально, едва ли не важнейшая преграда на пути к публичной деятельности. «Дальнейшая судьба Гомулки <...> будет зависеть от его отношения к линии партии. Если Гомулка открыто признает и одобрит линию партии, ему, возможно, будет предоставлен какой-либо государственный пост», — делился Ф. Мазур своими соображениями с советским дипломатом⁷⁰. В то же время некоторая часть партийных деятелей опасалась, по-видимому, возвращения В. Гомулки в большую политику; им казалось, что это может угрожать расколом в ПОРП⁷¹. В действительности же с той поры скромная квартирка В. Гомулки на ул. Саской стала центром притяжения тех членов ЦК ПОРП, которые в той или иной форме оспаривали некоторые аспекты проводимой партийным руководством политики, в частности проблемы коллективизации деревни, отношения к СССР (вопрос о советских советниках, об экономическом сотрудничестве), к польской католической церкви и др. По некоторым данным, бывала здесь и сотрудники советского посольства⁷².

К публичной деятельности возвращались и близкие сотрудники В. Гомулки: помимо упомянутых Спыхальского и Корчиньского, в партии был восстановлен также З. Клишко, занявший в августе свою прежнюю должность заместителя министра юстиции ПНР.

* * *

Несмотря на летние месяцы, когда, по обыкновению, интенсивность городской жизни заметно ослабевает, подспудно продолжали вызревать процессы поляризации: с одной стороны, падал авторитет правящей партии, а в самой ПОРП все отчетливее пролегалась граница, делившая консервативные и реформаторские элементы, с другой — политическая элита

все больше теряла доверие общества, не будучи способной реально изменить к лучшему положение в стране.

7–8 августа в Варшаве состоялось бурно прошедшее совещание актива столичной организации ПОРП, на котором присутствовали А. Завадский и Ст. Сташевский. Председатель Государственного Совета ПНР выступил с информацией об итогах работы VII пленума. По-видимому, его выступление не вполне удовлетворило аудиторию. Участники партактива требовали рассказать о группировках, обозначившихся на пленуме, и об антисемитских выпадах З. Новака. В информационной записке, составленной в советском посольстве по поводу указанного актива ПОРП Варшавы, подчеркнуто следующее: «...особенно вызывающим на активе было выступление Я. Секерской, которая, по существу, обвинила партию в поддержке антисемитизма в стране». Что же касается А. Завадского, то он еще раз вышел на трибуну, стремясь внушить собравшимся, что «на пленуме не было никаких группировок, а были различные мнения по существу обсуждаемых вопросов и что в конечном счете решения были приняты единогласно. Он указал, что вопрос антисемитизма является надуманным и что нет необходимости превращать его в политический вопрос, заслуживающий внимания и борьбы партии». Не всех такая аргументация убедила, эта часть участников совещания не согласилась с А. Завадским «и фактически устроила ему обструкцию»⁷³. Жупел антисемитизма безусловно мешал консолидации ПОРП.

В новую, все более обострявшуюся стадию входил кризис молодежного движения, что со всей очевидностью продемонстрировал III пленум Главного правления Союза польской молодежи, заседавший 18–23 августа. ЦК ПОРП на пленуме представлял секретарь ЦК Е. Моравский. Он имел возможность лишний раз убедиться в стремлении молодежи к самостоятельности при реализации директив руководства ПОРП, в нежелании слепо, безоговорочно следовать им. В ходе дискуссии острой критике подвергались руководители СПМ за нежелание участвовать в разрешении насущных проблем молодежи⁷⁴. «В постановлении пленума отчетливо проводится мысль о независимости СПМ от партии», — можно прочитать в одном документе, подготовленном в целях информации членов Президиума ЦК КПСС⁷⁵. 10 сентября Секретариат ЦК

ПОРП рассмотрел итоги молодежного пленума и констатировал, что «со стороны некоторых товарищей имело место неправильное понимание перелома, происходящего после XX съезда [КПСС]. Эти товарищи развязали дискуссию, отрицая достижения СПМ-овской организации в период 10-летия. Беспокоит выступление Ворошильского, а особенно тот факт, что он не встретил отпора со стороны руководства СПМ»⁷⁶. Отсюда следует, что идеологический кризис Союза польской молодежи вступал в новую фазу.

* * *

В Москве уже несколько месяцев с беспокойством наблюдали за развитием событий в Польше — советские политики отдавали ли себе отчет в том, что волнения в Познани как безошибочный индикатор показали: до стабильности в Польше еще далеко. Обсуждалась ли данная проблема на заседаниях Президиума ЦК КПСС? Как выстраивалась политика Москвы на польском направлении, особенно в августе–сентябре 1956 г.? Ни протоколов заседаний «центра власти», ни каких-либо иных документов столь же высокого ранга исследователи пока не знают. Не отвечают на поставленные вопросы содержательные в целом мемуары Н. С. Хрущева (имеются в виду польские сюжеты его воспоминаний), да и не только его. Прямо-таки заговор молчания. Создается впечатление, что никакой особой, целостной стратегической линии в связи с событиями в Польше высшие политические руководители СССР, по-видимому, не имели.

Правда, в последнее время историкам-исследователям стали известны отдельные информационные материалы, подготовленные аппаратом ЦК КПСС и государственными органами для высшего политического руководства. Так, в первые дни сентября 1956 г. на письменный стол Н. С. Хрущева легла записка Комитета информации при МИД СССР, озаглавленная «О положении на идеологическом фронте в Польской Народной Республике» (датирована 31 августа). Цель этого любопытного документа заключалась в том, чтобы привлечь особое внимание руководства к политической ситуации в Польше. Причем, как думается, неизвестные нам составители документа (подписанного заместителем председателя Комитета

И. И. Тугариновым) все время держали в уме назревавший быстрыми темпами политический кризис в Венгрии, о чем в руководящих кругах говорилось уже давно и на самых разных уровнях. Рассматривая идеологический аспект внутреннего положения Польши, сотрудники аппарата Комитета информации акцентировали внимание высших советских руководителей на угрозе основам «социалистического строя» одного из ближайших соседей на западных рубежах СССР: «Развернувшееся после XX съезда КПСС среди польской общественности и в печати обсуждение важнейших вопросов политического и экономического положения в стране в целом приняло нездоровый характер и по существу вылилось во враждебную народно-демократическому строю кампанию. Факты показывают, что враждебные и оппортунистические элементы, организуя эту кампанию, своей основной целью ставят подрыв *руководящей роли Польской объединенной рабочей партии и ее Центрального Комитета*»⁷⁷. Анализируя информацию, полученную из Варшавы в летние месяцы, авторы записки обратили внимание на такую опасную тенденцию: «Враждебная кампания против ПОРП и государственного строя тесно переплетается с антисоветской клеветнической пропагандой, имеющей целью бросить тень на Советский Союз, подорвать и опорочить польско-советские отношения»⁷⁸. Это было слишком опасно, и не отреагировать на такого рода политическую тенденцию было бы верхом неосмотрительности. Может быть, в результате знакомства именно с данным документом Н. С. Хрущев впоследствии, имея в виду рассматриваемый период времени в Польше, вспоминал: «Все бурлило, и все на антисоветской основе. Не всегда люди выходили на улицу, а варились внутри себя. Они требовали вывода советских войск из Польши, критиковали советскую политику, критиковали неравноправные договоры, неравноправные отношения между нашими странами»⁷⁹. Документальные материалы российских и польских архивов, обнаруженные исследователями и архивистами в последние годы, полностью подтверждают слова мемуариста.

Составители рассматриваемого документа были убеждены, что носителей антисоветских настроений следует искать «в среде польской интеллигенции и, прежде всего, среди деятелей литературы и искусства». При этом делалась отсылка на

получившее широкую известность в Польше выступление Антония Слонимского в апреле 1956 г. во время сессии Совета культуры и искусства, когда он безапелляционно и во всеуслышание заявил: «Меня ругали за мою книгу, но я был прав. Дело вовсе не в Сталине, а в социалистическом строе, который неизбежно рождает Сталиных»⁸⁰. Из процитированного высказывания нетрудно сделать вывод, что под сомнение ставился социализм в целом как модель социального устройства, причем не только, так сказать, в классической, советской версии.

Вся ответственность за брожение в польском обществе возлагалась прежде всего на «многих» редакторов и редакционных работников центральных газет, журналов и издательств, которых составители записки причисляли к «неустойчивым и оппортунистическим элементам». К ним добавлялись также «некоторые ответственные работники высших и средних партийных школ, министерства культуры, просвещения, видные работники в области литературы и искусства и т. д. Эти оппортунистические элементы, таким образом, держат в своих руках важнейшие средства идеологической борьбы и используют их для распространения враждебных ленинизму взглядов». Секретарь ЦК ПОРП Е. Моравский был отнесен к тем, кто не только считал «нормальной разнузданную кампанию так называемой демократизации, оплевывания результатов народного труда за годы народной власти, но и в известной мере явились организаторами и вдохновителями этой кампании». За примирительное отношение к выступлениям польской печати «досталось на орехи» также членам Политбюро ЦК ПОРП Ю. Циранкевичу и председателю Государственного Совета ПНР А. Завадскому. В качестве радикального средства исправления сложившейся в Польше «нездоровой обстановки» рекомендовалось следующее: «вооружение партии [ПОРП] классовым пониманием происходящих событий явилось бы важнейшим фактором в деле организации отпора буржуазным и оппортунистическим элементам»⁸¹.

В череде заметных и мимолетных событий 1956 г. стоит отметить одно, ставшее существенным элементом польско-советских межгосударственных отношений, — 11 сентября 1956 г. в Москве по пути в Китай появился Э. Охаб. В советской прессе о краткосрочном пребывании в СССР первого секретаря ЦК ПОРП не сообщалось, на что имелись веские причины.

Предыстория визита такова. 7 сентября 1956 г. на заседании Политбюро ЦК ПОРП среди прочего рассматривались два вопроса, имевших прямое отношение к московскому визиту Э. Охаба. Заслушав сообщение Ст. Ендрыховского, Политбюро приняло решение «обратиться к Советскому Союзу по вопросу расчетов по военным репарациям, а также выравнивания цен за уголь, поставляемый Польшей в тот период Советскому Союзу по низким ценам». Кроме того, обсуждался вопрос о нецелесообразности дальнейшего пребывания советских советников в воеводских управлениях общественной безопасности и департаментах Комитета общественной безопасности. Вместо этого предполагалось создать бюро для контактов с советскими спецслужбами («по общим проблемам»). На Э. Охаба возлагалась миссия договориться обо всем с «советскими товарищами»⁸².

Первый секретарь ЦК ПОРП направлялся в Пекин на очередной съезд коммунистов Китая (о чем в польской прессе было опубликовано официальное сообщение), и в Москве, в которой провел буквально несколько часов, обсудил с А. И. Микояном как первым заместителем председателя Совета Министров СССР некоторые актуальные вопросы политических отношений Польши и Советского Союза. Советская сторона начала подготовку к встрече с Охабом еще в конце августа, а 30 августа заведующий отделом ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями Б. Н. Пономарев представил высшим руководителям записку об актуальной ситуации в Польше и просил переговорить с Э. Охабом «по вопросам, затронутым в записке»⁸³. Речь там шла, во-первых, о польской печати, которая, как говорилось в документе, «продолжает систематически предоставлять свои страницы антипартийным, враждебным выступлениям»; «враждебные и колеблющиеся элементы» пытаются «подорвать народно-демократический строй в Польше», причем главные свои атаки «направляют против руководящей роли партии в стране». Уничтожающей критике подвергся студенческий еженедельник «По просту». Очевидно, это молодежное издание было с точки зрения советского партийного аппарата крайне опасным. Во-вторых, говорилось о так называемом клубном движении. «Враждебные элементы в своей борьбе против народно-демократического строя пытаются использовать так называемые клубы интеллигенции,

которые начали создаваться в Польше в сентябре 1955 г. по инициативе редакции молодежной газеты «По просту», — читаем в документе. — В настоящее время в Польше имеется 130 таких клубов, которые охватывают около 5,5 тыс. человек по преимуществу молодой творческой интеллигенции. <...> Имеются данные о том, что реакционные элементы надеются превратить клубы интеллигенции в официальные центры оппозиции против ПОРП». «Все это, — резюмировал Б. Н. Пономарев, — показывает, что серьезные отрицательные явления, наблюдавшиеся в Польше в первой половине 1956 г., продолжают иметь место и после VII пленума ЦК ПОРП. Партийные организации ПОРП продолжают либерально относиться к различного рода вылазкам враждебных элементов и не принимают достаточных мер к обеспечению должного партийного руководства идеологической работой»⁸⁴. Но, как увидим далее, идеологические проблемы во время встречи Э. Охаба и А. И. Микояна либо вовсе не обсуждались, либо оставались на периферии обсуждения. Сохранился надежный письменный источник о встрече, позволяющий достаточно полно представить круг рассмотренных проблем советско-польских отношений, — записка о переговорах, подготовленная лично А. И. Микояном два дня спустя для ЦК КПСС.

Итак, о чем шла речь? Э. Охаб «сделал сообщение» от имени Политбюро ЦК ПОРП, сосредоточившись на четырех проблемах. «1. Об изменении границы с Украиной в районе залежей угля. Польские товарищи не видят экономических препятствий к указанному обмену территориями. Однако с учетом политической обстановки в стране, они не считают возможным дать согласие на это теперь». (Не понятно содержание и причины появления данной проблемы. К сожалению, никакой дополнительной информации в архивах пока не обнаружено.) «2. По мнению польской стороны, институт советских советников в польских органах общественной безопасности как в центре, так и в воеводствах в данный момент не вызывается необходимостью». «Наличие их вызывает очень много неприятных разговоров в польских кругах, а поляки могли бы сейчас обойтись без этих советников». Вместо этого «необходимо найти другие формы сотрудничества между органами госбезопасности Советского Союза и Польши, особенно это необходимо по разведке и контрразведке, по технике

безопасности и пр.». 3. Поляки считали более правильным готовить работников госбезопасности не в СССР, как было до той поры, а непосредственно в Польше, для чего «открывают школу на 50 человек и просят нас дать им несколько консультантов для подготовки работников госбезопасности», — пишет А. И. Микоян. 4. Наконец, Э. Охав поднял вопрос «о репарациях из Германии». Вот как он объяснял позицию поляков: «Отчетные данные показали, что они получили из ГДР репараций на сумму около 295 млн долларов за счет доли Советского Союза, а поставили угля взамен этого Советскому Союзу по крайне заниженным ценам стоимостью равной примерно 691 млн долларов. Таким образом, по их расчетам, они не только не получили репараций с Германии, а даже заплатили нам репарациями». На этой почве на всех уровнях польского общества возникло убеждение, что договор между ПНР и СССР по углю крайне несправедлив, ибо экономически убыточен для польской стороны.

А. И. Микоян заявил, что относительно института советников советская точка зрения совпадает с польской, что касается «угольной проблемы», то она требует дополнительного изучения. В заключение, по совету Н. С. Хрущева, он пригласил В. Гомулку на лечение в Крым. «Тов. Хрущев находится там, возможно, он принял бы т. Гомулку, Это было бы полезным, поскольку, наверное, т. Гомулка обижен также на советских людей, а его поездка на лечение в Советский Союз и встреча с советскими людьми могут облегчить его сближение с руководством Польской [объединенной] рабочей партии». Охав ответил, что «с этим согласен» и проконсультирует вопрос с Варшавой⁸⁵.

* * *

18 сентября 1956 г. в Москве был подписан протокол об экономической помощи правительства СССР правительству ПНР (по просьбе польской стороны). Польше предоставлялся кредит на сумму 100 млн рублей золотом и товарами из расчета 2 % годовых. Проценты по кредиту подлежали погашению товарными поставками из Польши в 1957–1960 гг. Помимо того, предусматривалась отсрочка на 4–5 лет оплаты кредитов, выделенных Польше ранее⁸⁶. Казалось, все пойдет по

традиционной, накатанной колее. Но уже в октябре «угольная проблема», на короткое, правда, время, выдвинулась на передний план в межгосударственных отношениях ПНР и СССР, а пока обе стороны изучали предысторию проблемы, готовили разнообразные справочные материалы, продумывали стратегию своего поведения и т. д.

Однако спустя десять дней после подписания протокола МИД СССР получил настораживающую информацию из Будапешта: 28 сентября советник посольства СССР в Венгрии А. П. Ковалев услышал от представителя Польши в СЭВе Г. Ружаньского важную новость: на очередном пленуме ЦК ПОРП, созыв которого предполагался в октябре, В. Гомулка «будет введен в состав руководящих органов партии»⁸⁷. Нетрудно было прогнозировать обострение политической ситуации в Польше. Почему именно? Хотя в Кремле хорошо знали, что предполагаются существенные изменения в составе высшего партийного руководства, даже вероятная замена лидера ПОРП, по официальным межпартийным каналам никакой информации на эту тему руководство КПСС не получало. Таким образом, создавалась ситуация, когда серьезные кадровые перестановки польская партия решила произвести без традиционного согласования с ЦК КПСС. Для Н.С. Хрущева и его окружения это было непонятно, вызывало обеспокоенность и раздражение.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Подробнее см.: *Żechowski Z.* Z ekonomicznych źródeł sytuacji strajkowej w Zakładach im. H. Cegelskiego wiosną 1956 r. // *Kronika miasta Poznania.* 1957. № 3–4. S. 43–56; *Łukaszewicz L.* Podłoże strajku w Zakładach Przemysłu Metalowego «H. Cegelski» w Poznaniu w 1956 roku // *Poznański Czerwiec 1956 / Pod red. J. Maciejewskiego, J. Trojanowiczowej.* Poznań, 1981. Изд. 2-е, испр. и доп.: Poznań, 1990. S. 46–55. Все отсылки на данный сборник приведены по второму, более содержательному и полному изданию.

² См., например: *Stępka S.* Poznański Czerwiec 1956 w świetle dokumentów MSW // *Odra.* R.31. 1991. № 6. S. 22–23.

³ *Ziemkowski A.* Próba chronologicznej rekonstrukcji wydarzeń // *Poznański Czerwiec 1956...* S. 63.

- ⁴ ААН. PZPR. КС. Sygn. 1678. К. 352. Информация отдела тяжелого машиностроения ЦК ПОРП о положении на предприятиях ЗИСПО, 27 июня 1956 г.
- ⁵ Подробнее см.: *Ziemkowski A.* Op. cit. S. 64–66; *Choniawko A.* Przebieg wydarzeń czerwcowych w Poznaniu // *Wydarzenia czerwcowe w Poznaniu 1956: Materiały z konferencji naukowej zorganizowanej przez Instytut Historii AM w dniu 4.V 1981 / Pod red. E. Makowskiego.* Poznań, 1981. S. 33–36.
- ⁶ См.: *Ziemkowski A.* Op. cit. S. 67.
- ⁷ Ibidem. S. 72.
- ⁸ Некоторые польские историки считают, что на площади собралось около 100 тыс. человек (*Eisler J.* *Zarys dziejów politycznych Polski 1944–1989.* Warszawa, 1992. S. 65; *Makowski E.* *Poznański Czerwiec 1956: pierwszy bunt społeczeństwa w PRL.* Poznań, 2001. S. 67.
- ⁹ См.: *Machcewicz P.* *Polski rok 1956.* Warszawa, 1993. S. 86–101.
- ¹⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 396. Л. 299.
- ¹¹ *Jankowiak S., Makowski E.* *Poznański Czerwiec 1956 w dokumentach.* Poznań, 1995. S. 36.
- ¹² *Choniawko A.* Op. cit. S. 42.
- ¹³ См.: *Jankowiak S., Machcewicz P., Rogulska A.* *Zranione miasto: Poznań w czerwcu 1956 roku.* Poznań; Warszawa, 2003. S. 17–27.
- ¹⁴ *Ziemkowski A.* Op. cit. S. 80.
- ¹⁵ См. фрагмент плана г. Познань: *Makowski E.* Op. cit. S. 113.
- ¹⁶ *Jankowiak S., Makowski E.* Op. cit. S. 89.
- ¹⁷ Ibidem.
- ¹⁸ *Ziemkowski A.* Op. cit. S. 82. Ср.: *Jankowiak S., Makowski E.* Op. cit. S. 90.
- ¹⁹ *Makowski E.* Op. cit. S. 116.
- ²⁰ *Ziemkowski A.* Op. cit. S. 86.
- ²¹ *Jankowiak S., Makowski E.* Op. cit. S. 105.
- ²² *Ziemkowski A.* Op. cit. S. 88.
- ²³ Centrum władzy: Protokoły posiedzeń kierownictwa PZPR: Wybór z lat 1949–1970 // *Dokumenty do dziejów PRL. Zeszyt 13 / Opr. A. Dudek, A. Kochański, K. Persak.* Warszawa, 2000. S. 172. См. также: *Nalepa Ed. J.* *Pacyfikacja zbuntowanego miasta: Wojsko Polskie w Czerwcu 1956 r. w Poznaniu w świetle dokumentów wojskowych.* Warszawa, 1992. S. 22–27.
- ²⁴ Цит. по: *Kultura* (Warszawa). 25.10.1981. См. также: *Rykowski Z., Władyka W.* Op. cit. S. 198.
- ²⁵ *Ziemkowski A.* Op. cit. S. 93.
- ²⁶ Ibidem. S. 95, 98.

- ²⁷ См.: Орехов А. М. Общественно-политический кризис 1956 года в Польше (генезис и развитие событий) // Политические кризисы и конфликты 50–60-х гг. в Восточной Европе / Отв. ред. Ю. С. Новопашин. М., 1993. С. 33.
- ²⁸ Sprawozdanie z prac komisji KC PZPR powołanej dla wyjaśnienia przyczyn i przebiegu konfliktów społecznych w dziejach Polski Ludowej. Warszawa, 1983. S. 29.
- ²⁹ См.: Polski Październik. Zebrał i opracował M. Jaworski. Warszawa, 1983. S. 8–9; Czubiński A. Czerwiec 1956 w Poznaniu. Poznań, 1986. S. 19.
- ³⁰ Впоследствии на эту тему в очень резкой форме выскажется Ст. Сташевский. См.: AAN. PZPR. KC. Sygn. III/16. К. 315. Из стенограммы заседания VII пленума ЦК ПОРП 19 июля 1956 г.
- ³¹ Torąńska T. Oni. Warszawa, 2004. S. 80. О том же говорил Ст. Сташевский, назвав еще Гданьск, Щецин и Варшаву (AAN. PZPR. KC. Sygn. III/16. К. 310).
- ³² AAN. PZPR. KC. Sygn. III/18. К. 1038.
- ³³ Muś W. Z drugiej strony barykady // Polityka. 26.06.1982. № 10.
- ³⁴ Trybuna Ludu. 29.06.1956; Głos Wielkopolski (Poznań). 29.06.1956.
- ³⁵ Trybuna Ludu. 30.06.1956. Даже на склоне лет, уже не обремененный высокими государственными и партийными полномочиями, совсем отойдя от «большой политики», Ю. Циранкевич не высказывал сожаления о своих словах и подчеркивал, что, будучи в ранге премьер-министра, обязан был прибегнуть к самой жесткой фразеологии, чтобы предостеречь об опасности для Польши и процессов демократизации в ней в случае возникновения каких-либо антиправительственных выступлений в других промышленных центрах. См.: Syzdek E., Syzdek B. Zanim zostanie zapomniany. Warszawa, 1996. S. 193–194.
- ³⁶ Centrum władzy... S. 174. (Выделено мною. — А. О.)
- ³⁷ Czubiński A. Op. cit. S. 52–53.
- ³⁸ Заключительный документ комиссии обильно цитирует Я. Птасиньский: Ptasiński J. Wydarzenia poznańskie: czerwiec 1956. Warszawa, 1986. S. 127.
- ³⁹ Trybuna Ludu. 6.07.1956. Автор статьи — известный журналист Кшиштоф Волицкий.
- ⁴⁰ Centrum władzy... S. 178.
- ⁴¹ AAN. PZPR. KC. Sygn. III/17. К. 67. Załącznik 3. Без даты; не ранее 27 июля 1956 г.
- ⁴² Президиум ЦК КПСС 1954–1964: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / Глав. ред. А. А. Фурсенко. М., 2003. Т. 1. С. 145. Протокол № 26 заседания Президиума ЦК КПСС.

- ⁴³ О преодолении культа личности и его последствий. Постановление Центрального Комитета КПСС. М., 1956. С. 29–30.
- ⁴⁴ Теоретический орган ЦК КПСС журнал «Коммунист» в передовой статье «Единство международного коммунистического движения нерушимо» отмечал в том же духе, что и постановление от 30 июня: «Недавние события в Познани показали, как действует международная реакция, все еще мечтающая о реставрации капитализма в социалистических странах. Хотя эта реакционная авантюра и потерпела полный крах, народы социалистических стран извлекают из познанских событий необходимый урок: если будет ослаблена бдительность, то враги могут воспользоваться этим в своих гнусных целях» (Коммунист. VII. 1956. № 11. С. 6).
- ⁴⁵ *Ptasiński J.* Op. cit. S. 9.
- ⁴⁶ *Torańska T.* Op. cit. S. 82. Интервью с Э. Охабом.
- ⁴⁷ См.: Н. С. Хрушев: «У Сталина были моменты просветления»: Запись беседы с делегацией Итальянской компартии // Источник. 1994. № 2. С. 86, 90.
- ⁴⁸ См., например: *Machcewicz P.* Ostatnie powstanie // *Poznański Czerwiec w świadomości i historii. Praca zbiorowa / Red. A. Górny.* Poznań, 1996. S. 15–24; *Wojciechowski M. L.* Poznański Czerwiec 1956: insurekcja, rewolta czy «wypadki»? // *Poznański Czerwiec 1956 / Pod red. S. Jankowiaka, A. Rogulskiej.* Warszawa, 2002. S. 91–94.
- ⁴⁹ *Rykowski Z., Władyka W.* Polska próba '56. Kraków, 1989. S. 196.
- ⁵⁰ VII Plenum Komitetu Centralnego PZPR 18–28 lipca 1956 r. Warszawa, 1956. S. 13.
- ⁵¹ Kultura (Warszawa). 25.10.1981.
- ⁵² *Ważniewski W.* Walka polityczna w kierownictwie PPR i PZPR 1944–1964. Toruń, 1991. S. 76.
- ⁵³ VII Plenum... S. 14.
- ⁵⁴ Подробнее см.: *Jankowiak S.* Poznański Czerwiec 1956 w obradach VII Plenum KC PZPR (18–28 lipca 1956 roku) // *Kronika Wielkopolska (Poznań).* 1989. № 4. S. 20 i nast.
- ⁵⁵ См.: AAN. PZPR. KC. Sygn. III/16. K. 127–130. Стенограмма заседаний пленума; *Ważniewski W.* Op. cit. S. 77–79.
- ⁵⁶ *Kłosiwicz W.* Gdy wieje wiatr historii... Warszawa, 1987. S. 96.
- ⁵⁷ AAN. PZPR. KC. Sygn. III/17. K. 760–762; *Ważniewski W.* Op. cit. S. 82–83.
- ⁵⁸ См.: AAN. PZPR. KC. Sygn. III/16. K. 350, 532–533; III/17. K. 622, 662, 785–786, 869, 968–969, 1125–1126, 1182–1183, 1262–1272. Стенограмма заседаний VII пленума ЦК ПОРП.
- ⁵⁹ Ibidem. Sygn. III/18. K. 1034.

- ⁶⁰ Po prostu. 5.08.1956; *Władyka W.* Na czołowiec: Prasa w październiku 1956 roku. Warszawa; Łódź, 1989. S. 309–310. (Выделено мною. — *А. О.*)
- ⁶¹ Правда. 22.07.1956. В этом же номере опубликована передовая статья «Праздник братского польского народа», в которой читаем: «Силу и непобедимость этого содружества (имеются в виду союзнические отношения европейских социалистических стран на основе заключения Варшавского договора 1955 г. — *А. О.*) хорошо понимают и враги социализма. Поэтому-то они и не гнушаются никакими провокациями и подрывными ходами, чтобы разобщить социалистические страны, подорвать или, по крайней мере, ослабить их братские связи. Недавние события в Познани показывают, на какие гнусные и грязные провокации идут враги мира и социализма, трубадуры и проводники политики „холодной войны“».
- ⁶² *Kula M.* Paryż, Londyn i Waszyngton patszą na Październik 1956 g. w Polsce. Warszawa, 1992. S. 91–92.
- ⁶³ Подробнее см.: *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. Воспоминания в 4-х кн. М., 1999. Кн. 3. С. 228–231.
- ⁶⁴ *Rykowski Z., Władyka W.* Op. cit. S. 211.
- ⁶⁵ АВР РФ. Ф. 0122. Оп. 40, 1956 г. П. 336. Д. 10. Л. 62. Из беседы вице-консула СССР в Гданьске А. Иванова с В. Кручком 16 августа 1956 г.
- ⁶⁶ Там же. Л. 73. Из беседы генконсула СССР в Гданьске Н. К. Талызина с Я. Трушем 4 октября 1956 г.
- ⁶⁷ Там же. Л. 56–58. Из беседы вице-консула СССР в Кракове И. А. Казаченко с С. Бродзиньским 17 августа 1956 г.
- ⁶⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 396. Л. 301–302. Из беседы советника посольства СССР в Варшаве П. П. Турпителько с секретарем ЦК ПОРП, членом Политбюро ЦК Ф. Мазуром 11 августа 1956 г.
- ⁶⁹ ААН. PZPR. КС. Sygn. V/42. К. 123. Протокол № 111 заседания Политбюро ЦК ПОРП от 1 августа 1956 г.
- ⁷⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 396. Л. 302.
- ⁷¹ См. цитированное интервью Э. Охаба польской журналистке Т. Тораньской в 1981 г. (*Torańska T.* Op. cit. S. 86).
- ⁷² *Ptasiński J.* Op. cit. S. 34.
- ⁷³ АВР РФ. Ф. 0122. Оп. 40, 1956 г. П. 340. Д. 52. Л. 88–89. Из записки 2-го секретаря посольства СССР в Варшаве В. Н. Одинокова «Воеводские собрания партийного актива (краткая информация)». Датирована 15 сентября 1956 г.
- ⁷⁴ *Hillebrandt B.* Sytuacja polityczna PRL w roku 1956 i jej implikacje w ruchu młodzieżowym // Ruch młodzieżowy w Polsce w latach przemian politycznych 1956–1957 / Pod red. Z. J. Hirsza, E. Tomaszewskiego. Warszawa, 1984. S. 22–24.

- ⁷⁵ АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 86. Л. 89. Из записки 4-го Европейского отдела МИД СССР «О положении в Союзе польской молодежи» от 10 сентября 1956 г.
- ⁷⁶ AAN. PZPR. KC. Sygn. V/42. K. 104.
- ⁷⁷ АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 141. Л. 72. (Подчеркнуто в тексте. — *А. О.*)
- ⁷⁸ Там же. Л. 74.
- ⁷⁹ Хрущев Н. С. Указ. соч. С. 577.
- ⁸⁰ АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 141. Л. 74. Имеется в виду его книга «Мое путешествие в Россию», изданная в 1932 г. См. последнее переиздание: *Stonimski A. Moja podróż do Rosji. Warszawa, 1997.*
- ⁸¹ Там же. Л. 75–76, 78.
- ⁸² Centrum władzy... S. 183–184.
- ⁸³ АПРФ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 398. Л. 162. Сопроводительное письмо Б. Н. Пономарева в ЦК КПСС от 30 августа 1956 г.
- ⁸⁴ Там же. Л. 163–171. Информационная записка «О некоторых вопросах внутривосточного положения в Польской Народной Республике после VII пленума ЦК ПОРП».
- ⁸⁵ АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 46. Л. 70–72. Здесь надо обратить внимание на один небольшой фрагмент в мемуарах Н. С. Хрущева. Он пишет, что во время пребывания в Москве Э. Охаба 11 сентября встретился с ним и недолго беседовал: «Предложил, чтобы товарищ Гомулка приехал в Советский Союз отдохнуть на юг, в Крым, где мы создали бы ему условия. Охаб возразил, что не следует этого делать, и постарался сдержанно уклониться от этой темы. Я не настаивал» (*Хрущев Н. С. Указ. соч. С. 516*). Очевидная и простительная ошибка памяти мемуариста. Э. Охаб в упомянутом выше интервью Т. Тораньской утверждает, что в июле 1956 г. имел беседу с Н. С. Хрущевым (не ясно только, по телефону или при личной встрече?), советский лидер интересовался здоровьем В. Гомулки и приглашал его приехать в СССР на лечение (*Torańska T. Op. cit. S. 86*).
- ⁸⁶ Trybuna Ludu. 23.09.1956.
- ⁸⁷ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40, 1956 г. П. 336. Д. 9. Л. 29.

Глава 4

Кульминация: кризис в верхах и кризис польско-советских отношений

1. В. Гомулка возвращается в большую политику. Наступил октябрь 1956 г. — знаковый фрагмент польской истории. В первый же его день в столице после летних каникул появилось студенчество, как бы символизируя своим присутствием открытую, часто оппозиционно настроенную общественную силу. Студенчество сразу же придало новый импульс общепольскому движению за обновление.

В здании ЦК ПОРП, на перекрестке Нового Свята и Аллей Ерозолимских, высшие партийные руководители обсуждали вопросы, содержание которых не выносилось на публику. После всего того, что стало ужасной явью в Познани, становился очевидным углублявшийся разрыв между правящей партией и политизированными общественными кругами. Поэтому для правящей элиты, чтобы удержаться у кормила власти, наиболее важной, центральной проблемой была — как сделать контролируруемыми (сверху) процессы общественной активности.

2 октября Э. Охав собрал своих коллег по Политбюро, чтобы доложить о пребывании делегации ПОРП на съезде китайских коммунистов. Сообщил ли он о разговорах с руководителями компартии Китая относительно выраженной ими моральной поддержки Польше в противостоянии Советскому Союзу — неизвестно; в протоколе заседания Политбюро ЦК ПОРП об этом нет ни слова. Можно допустить, учитывая разногласия в высшем партийном руководстве, что сам по себе вопрос о поддержке со стороны КПК был конфиденциален до такой степени, что пока обсуждался лишь в самом узком кругу польских руководителей.

На этом же заседании обсуждался также вопрос о тактической линии в отношении В. Гомулки. Под давлением

общественного мнения, в том числе и ряда членов ЦК ПОРП, Э. Охаб все больше склонялся к тому, чтобы, наконец, развязать затянутый узел, не создавать искусственных препятствий на пути Гомулки во власть. И как часто бывает в большой политике, важные решения принимались как бы мимоходом. В. Намёткевич, многолетний личный секретарь В. Гомулки, рассказывал следующее. Еще 11 сентября, когда Э. Охаб прибыл в аэропорт Окэнче, чтобы вылететь в Пекин, в самый последний момент, буквально за несколько минут до старта авиалайнера провожавший его премьер Ю. Циранкевич, отведя первого секретаря в сторону, заявил, что пора «разговаривать официально» с В. Гомулкой и поручить ему какой-либо государственный пост. Охаб ответил: можно должность заместителя министра социального обеспечения. Циранкевичу это показалось несерьезным, поскольку речь шла все-таки о бывшем лидере ППР. В тот же день Циранкевич позвонил Гомулке, а на следующий день состоялась их встреча на квартире последнего. И что же? Циранкевич предложил Гомулке занять пост... премьер-министра. Как истолковать столь неожиданный, противоречащий всякой логике ход — сейчас сказать трудно. Однако Гомулка предложения не принял, можно полагать, потому, что в тот момент уже видел себя вовсе не в роли руководителя правительства. Именно так оценил создавшуюся коллизию Ю. Циранкевич. Далее он прозондировал мнения членов Политбюро о возможном выдвижении Гомулки на роль лидера партии и получил в целом позитивный ответ (одним из первых в пользу В. Гомулки высказался... Р. Замбровский, в 1948 г. непримиримо критиковавший и правонационалистический уклон как таковой, и уклонистов)¹.

Итак, на заседании 2 октября принимается решение поручить Э. Охабу «провести разговор» с В. Гомулкой и «пригласить» его на ближайшее заседание Политбюро². Это означало, таким образом, что Гомулке предоставлялся реальный шанс вновь войти в самые высокие эшелоны политического руководства. Однако ближайшее заседание, а оно продолжалось два дня (8 и 10 октября), все же прошло без него. Может быть, это было вызвано тем, что Э. Охаб после своего достаточно длительного отсутствия пожелал глубже проанализировать актуальную расстановку общественных сил в Польше и их взаимодействие, сориентироваться в том, как оценивает

обстановку его ближайшее окружение. Действительно, вторым пунктом повестки дня очередного заседания Политбюро значился тревожно звучащий вопрос «Политическая ситуация в стране и в партии». В протоколе заседания сказано: «ситуация в Польше очень тяжелая, проявляются элементы кризиса, недоверие к руководству партии и правительства, демагогические требования повышения зарплаты, рост антисоветских настроений, распространение разных контрреволюционных теорий». Говорилось, что в партийных организациях и среди беспартийных в ходе дискуссий оформились два течения: «ориентация на демократию западноевропейского, либерально-демократического типа» и «демократия в социалистическом духе». Констатировалось также отсутствие «отпора враждебным взглядам» и полемики с ошибочными идеологическими течениями³.

В протокольной записи одной из причин «кризисной ситуации в партии» названы расхождения между участниками заседания в оценке польско-советских отношений: «На усиление антисоветских настроений повлияли, помимо враждебной пропаганды, неправильная система взаимных отношений между ПНР и СССР (как, например, вопрос о цене угля, состав высших офицеров в армии очень часто не знает польского языка, не имеет польского гражданства, вмешательство советского посла во внутренние проблемы страны)»⁴. В сжатой форме здесь отражены очень важные проблемы экономических, военно-политических и дипломатических отношений двух соседних стран. В то время как в Польше конфликт между правящей партией и обществом неудержимо обострялся, взаимоотношения с Советским Союзом неизбежно выходили на передний план как одна из очень болезненных составляющих нараставшего кризиса, и прежде всего кризиса общественного сознания. Антирусские настроения и антисоветизм как его интегральные части были проявлениями, с одной стороны, давних, исторически сложившихся стереотипов, а с другой — новых, сформировавшихся уже в послевоенное время и отражавших стихийное неприятие нередко бесцеремонной политики советских вождей в отношениях с союзниками по Варшавскому договору. Можно сожалеть, что в протоколе не отражен с должной полнотой ход дискуссии,

разные подходы к проблемам, а различия во взглядах были, и об этом есть документальные свидетельства.

Известна, в частности, резкая реакция К. Рокоссовского на выступление Э. Охаба в ходе заседания 10 октября о необходимости увольнения из Войска Польского советских офицеров, занимавших командные должности, а также военных советников, поскольку «пребывание их в армии вызывает много различных кривотолков». «Возмутившись таким заявлением, — рассказывал маршал, — я прямо сказал товарищу Охабу, что это неправильная линия и она направлена на отрыв Польши от Советского Союза, что такая поспешность ничем не вызывается и что существует соглашение между правительствами СССР и Польской Народной Республики о постепенной замене советских офицеров и сокращении советников, которое и следует проводить в жизнь. Я сказал, <...> что в Войске Польском находятся советские офицеры, прошедшие с польской армией из СССР через всю Польшу до Берлина. Это — честные, преданные и заслуженные офицеры, они сыграли решающую роль в организации и строительстве Войска Польского»⁵. Следует добавить, что оценка эта в полной мере относится и к самому К. Рокоссовскому.

В цитируемом документе сказано также, что маршала «полностью поддержали» З. Новак, Ф. Юзвяк и А. Завадский, а «частично» — Э. Герэк и Р. Новак. Правда, о том, какие аргументы они приводили, можно только догадываться. Р. Замбровский и Ю. Циранкевич «отстаивали мнение товарища Охаба»⁶. Суммируя свои впечатления о заседании Политбюро, Рокоссовский пришел к выводу, что «и Охаб, и Циранкевич поддерживают Замбровского, Матвина, Моравского и пытаются проводить определенную линию, направленную на отрыв Польши от Советского Союза»⁷. Для Н. С. Хрущева не могло быть лучшего раздражителя, чем такая бесхитростная, по-военному прямолинейная формулировка. Он сознавал, что на данный момент Польша (равно как и Венгрия) становится наиболее уязвимым звеном в ограждавших западные рубежи СССР социалистических странах. (В скобках можно добавить, что информация министра обороны ПНР свидетельствовала о важных переменах в расстановке сил внутри Политбюро ЦК ПОРП: Охаб и Циранкевич уверенно дрейфовали от центра к пулавянам.)

Учитывая антисоветские настроения части польского офицерского корпуса, Политбюро поручило именно К. Рокоссовскому урегулировать проблему советских граждан в Войске Польском: тем, кто занимал высшие командные должности — предложить принять польское гражданство, а советских офицеров, не владеющих польским языком, перевести с командных должностей на должности советников. Такие мероприятия, как предполагалось, могли снять достаточно неприятный вопрос о не вполне правильной (точнее — несправедливой) расстановке офицерских кадров в польских национальных вооруженных силах. Для польских высших офицеров это был вопрос более чем болезненный.

В русле польско-советских межгосударственных отношений ставился также вопрос о репатриации поляков из СССР. На заседании 10 октября члену Политбюро А. Рапацкому и Ст. Калиновскому поручалось подготовить соответствующую информационную записку. В той же плоскости следует рассматривать поручение Ю. Циранкевичу и С. Ендрыховскому подготовить проект письма в ЦК КПСС «по вопросу поставок угля в СССР в 1946—1953 гг.»⁸. Все это означало, что польское партийно-государственное руководство отдавало себе отчет в неизбежности скорого наступления момента «выяснения отношений» с руководителями СССР и КПСС и, не видя никакой иной альтернативы, предприняло практическую подготовку к нему.

12 октября заседание Политбюро происходило уже при активном участии В. Гомулки. Данный факт можно истолковать как начальный момент перехода политического кризиса в Польше в новую фазу, поскольку на ход событий теперь уже непосредственно оказывала влияние волевая натура человека, который большинством членов ПОРП, да вероятно и польской общественности в целом, рассматривался как единственная фигура среди политических деятелей, способная вывести страну из критического положения. Приверженцы модернизации политического режима, а такие ведь были не только в ПОРП, но и в других партиях («сторонничествах»), в молодежном и профсоюзном движении, среди беспартийных польских интеллектуалов (в писательских кругах, художественной и научной интеллигенции), приобретали в лице В. Гомулки серьезного сторонника, выступавшего в защиту национальных

интересов Польши, хотя и понимаемых через призму коммунистической идеологии. Совсем скоро он станет признанным лидером нации. За ним пойдут вполне сознательно даже достаточно далекие от политических игр светские католические круги.

На том же заседании вновь обсуждалось положение в стране и ПОРП. С короткой информацией по этому вопросу выступил Э. Охав. Он констатировал состояние кризиса в партии в результате «ошибок, допущенных в прошлом». Эта, на первый взгляд, не вполне ясная, как бы лишенная конкретного содержания формулировка имела в виду, вне сомнения, злоупотребления, вскрытые в ходе критического осмысления сталинизма на польской почве, и серьезные промахи в экономической политике. Впрочем, можно думать, что это просто неудачная запись секретаря, ведшего протокол. Дальше в документе находим следующее высказывание: «Чувствуется сильный напор враждебных, чуждых тенденций, антисоветские лозунги, демократия либерально-демократического характера». Почти дословно то, о чем уже говорилось выше. Затем последовал выпад против Объединенной крестьянской партии, поскольку ее лидеры высказывались в пользу «равных отношений с ПОРП». Это уже нечто новое, вызывающее отторжение, ибо, по представлениям коммунистической элиты, «пролетарская» партия и только она должна — ибо имеет на то неоспоримое право — монопольно править страной. Затем Охав вновь высказался об антисоветизме, точнее — об антисоветских высказываниях в некоторых печатных изданиях: «Критика СССР, которая пронизывает взгляды некоторых членов партии, особенно товарищей идеологического фронта — неприемлема, ошибочна, соскальзывает на позиции врага, например, „сталинский период это период контрреволюции“, „в СССР не было рабочей власти“ и т. д.». Такого рода критики Э. Охав не принимал. Он стоял, как тогда говорили, на «твердой позиции» и неколебимо заявил: «Мы должны решительно бороться с антисоветскими настроениями. Дружба с Советским Союзом — это фундамент нашей политики, мы всегда, при всех обстоятельствах пойдем с Советским Союзом»⁹.

Выступая в дискуссии, В. Гомулка затронул многие проблемы, которые волновали партию и общество, хотя вынужден

был говорить, если можно так выразиться, «в телеграфном стиле». Из неавторизованной записи выступления Гомулки, сохранившейся в архиве и опубликованной в 1987 г. А. Пачковским¹⁰, видно, что наиболее существенными Гомулка считал две проблемы: состояние польской экономики и аграрный вопрос. Он высказал мнение, что проводившаяся в ПНР до той поры экономическая политика заслуживает суровой оценки и что правящая партия не вправе уклоняться от ответственности за деформации, допущенные в ходе строительства нового общественного строя. Довольно язвительно он высказался о той части проекта постановления предстоявшего VIII пленума ПОРП, которая трактовала государственную политику в аграрном секторе. Он считал порочной практикой дотаций производственным кооперативам, осуждал практику разрушения индивидуальных хозяйств; по его мнению, только экономическая эффективность является подлинным критерием оценки хозяйственной деятельности. «Для меня ясно, что социализм в деревне мы поставили на голову», — убежденно заявил он¹¹. Высказал свое мнение Гомулка и о политической ситуации в стране, отметив актуальность проблемы польско-советских отношений и не закрывая глаза на многочисленные проявления антисоветских настроений, причем не вдавался в конкретику, но как бы особенно подчеркнул, что ни в коем случае не следует отодвигать на второй план вопросов взаимоотношений ПНР—СССР и ПОРП—КПСС.

На заседании 12 октября принимается решение рекомендовать пленуму, открытие которого намечалось на 17 октября, ввести в состав ЦК ПОРП не только В. Гомулку, но также М. Спыхальского и З. Клишко. Как видим, вслед за ним к активной политической деятельности должны были шаг за шагом возвращаться и его сподвижники, познавшие неволю в годы безраздельного правления Б. Берута.

Для определения расстановки сил в дискуссии по программным вопросам важное значение имело заседание Политбюро 15 октября, на котором В. Гомулка присутствовал уже едва ли не как «равный среди равных». К этому моменту вопрос о возвращении его в состав Политбюро был решен окончательно, о чем свидетельствует хотя бы одно из сообщений советского посла в Москву (помечено 13 октября), оказавшееся затем на письменном столе Н. С. Хрущева¹².

Думается, познакомившись именно с этой информацией П. К. Пономаренко, советский лидер почувствовал себя крайне уязвленным: руководители ПОРП не поставили его в известность о столь кардинальном решении, не обсудили с советскими руководителями вытекавших отсюда политических проблем. Может быть, уже тогда у Хрущева зародилась идея нагрянуть в Варшаву, чтобы на месте разобраться в происходящем...

На заседании 15 октября обсуждался текст доклада Э. Охаба и проект постановления, подготовленные для VIII пленума. Выступившие в дискуссии первыми Ю. Циранкевич, Е. Моравский, В. Матвин и Р. Замбровский, что называется, с порога подвергли текст доклада уничтожающей критике как не соответствовавшего стоявшим перед ПОРП актуальным задачам по выправлению экономического положения страны и стабилизации общественной жизни, и это в конечном итоге привело к тому, что проект отвергло большинство участников заседания. Премьер-министр посчитал в принципе правильной оценку 6-летнего плана, внесенную в постановление VII пленума ЦК ПОРП, но предостерег от оценки послевоенного периода в Польше в документах очередного пленума как потраченного впустую (о чем писалось в некоторых газетах и говорилось на различных собраниях).

Разумеется, среди многих проблем рассматривались и польско-советские отношения, прежде всего проявления антисоветизма. По мнению Е. Моравского, ослабить антисоветские настроения можно только при условии устранения причин, их породивших. Но конкретизировать необходимые меры в данном направлении он, судя по тексту протокольной записки, не стал. Поэтому его высказывание прозвучало риторически. Р. Замбровский утверждал, что с приходом к власти коммунистов реформирование Польши осуществлялось слишком явно по советским образцам, что и стало одним из источников антисоветизма. Е. Альбрехт высказался в связи с этим так: «В народе есть беспокойство, сможем ли мы биться с СССР за равноправные отношения, не подвергая сомнению нашу дружбу». С. Ендрыховский и Э. Ставиньский подняли пресловутый вопрос о советских советниках в военном ведомстве и советских гражданах на офицерских должностях в Войске Польском. К. Рокоссовский, напротив, положительно оценивал

их роль, считая, что они приносят бесспорную пользу. А. Завадский придерживался той же точки зрения, а когда коснулся в проекте постановления пленума характеристики польско-советских отношений, категорически заявил: «У нас не может быть [!] антисоветских настроений, и это мы должны сказать ясно; польско-советскую дружбу надо взять за основу. Вопросы, которые между нами являются спорными, необходимо откровенно поставить перед советскими товарищами». В. Дворковский высказался в том же духе.

Подводя итоги дискуссии, Э. Охаб согласился с тем, что в постановлении пленума об отношениях ПНР и СССР следует найти такую формулировку, которая не дала бы повода для политических спекуляций («Вопрос об отношении к Советскому Союзу <...> поставлен неправильно и может привести к опасным последствиям») ¹³.

Проект постановления принят был как основа для дискуссии на предстоявшем пленуме ЦК. От доклада Э. Охаба решили отказаться, а во вступительном слове при открытии пленума ему поручили лишь проинформировать об обстановке в Политбюро ¹⁴. Начало работы пленума перенесли на 19 октября.

Но предстояло еще обсудить основные тезисы программной речи В. Гомулки, которую он предполагал произнести на пленуме, а самое, может быть, главное — наметить кандидатов в новый состав Политбюро, поскольку от правильного подбора «команды» зависела судьба дальнейших реформ, в которых Польша так нуждалась. В этом смысле решающие события развернулись 17 октября на очередном заседании Политбюро ЦК. В повестке дня стояло четыре вопроса, в том числе заключительный: о VIII пленуме ЦК; он должен был, по замыслу сторонников реформ, предопределить ход пленарного заседания, а тем самым подготовить крутой поворот в развитии политической обстановки в стране и одновременно внести новое содержание в межгосударственные отношения ПНР и СССР.

Потерпев чувствительную неудачу во время обсуждения проекта своего доклада на предшествующем заседании, Э. Охаб представил на сей раз новый, собственный вариант постановления пленума, однако вновь натолкнулся на критику, особенно со стороны Р. Замбровского и А. Завадского.

В результате была достигнута договоренность представить письменные поправки к первому варианту, и таким образом предложенный Охабом новый вариант снимался с обсуждения. Затем приняли решение в первый день пленума кооптировать в состав Центрального Комитета В. Гомулку, З. Клишко, И. Лёга-Совиньского и М. Спыхальского, что, как прогнозировалось, должно было в ходе дискуссии на пленуме изменить соотношение сил в пользу сторонников новой политической линии.

При обсуждении вопроса о количественном составе будущего Политбюро, которое предполагалось кардинально обновить, Э. Охаб сделал заявление о своей отставке, мотивируя свое решение тем, что в почти семимесячный период, когда он возглавлял ПОРП, руководству не удалось консолидировать партию («этому способствовала слабая работа первого секретаря ЦК»), что его доклад не нашел поддержки в Политбюро, наконец, что линия, которую он проводил в докладе, сильно расходится с проектом постановления. Действующий состав Политбюро Охаб считал недееспособным ввиду отсутствия общей платформы, чего и невозможно было достичь, поскольку члены высшего партийного руководства проявляли разные, порою взаимоисключающие, подходы к актуальным политическим проблемам. Затем он предложил ввести в состав Политбюро В. Гомулку. В соответствии с заранее обусловленным сценарием последовало выступление Ю. Циранкевича, предложившего Гомулку на пост первого секретаря ЦК, а вслед за тем А. Рапацкий заявил, что следует поручить Гомулке и Охабу совместно определить новый состав Политбюро. Гомулка согласился заняться такой ответственной и деликатной работой, как конструирование нового политического руководства партии и государства, и призвал к себе на помощь Э. Охаба, Ю. Циранкевича и А. Завадского¹⁵. Такой состав «комиссии» и был одобрен. Понятно, что первую скрипку в этом квартете должен был играть именно В. Гомулка, он фактически имел решающий голос при выборе того или иного кандидата.

VIII пленуму решено было предложить новое Политбюро в составе девяти человек, а именно: В. Гомулка, С. Ендрыховский, А. Завадский, Р. Замбровский, И. Лёга-Совиньский, Е. Моравский, Э. Охаб, А. Рапацкий и Ю. Циранкевич.

В Секретариат ЦК рекомендовались семь человек: Е. Альбрехт, Э. Герэк, В. Гомулка, Р. Замбровский, В. Матвин, Э. Охаб и В. Ярославский. Таким образом, из высшего политического руководства, сохранявшего пока свои полномочия, подлежали выводу при всех условиях четверо: Ф. Мазур, З. Новак, К. Рокоссовский и Ф. Юзвяк.

В Москве информацию о предполагаемых изменениях в составе польского высшего политического руководства получили еще до того, как состоялось заседание Политбюро 17 октября. Советским руководителям особенно неприятным должно было казаться исключение из Политбюро К. Рокоссовского, занимавшего вдобавок два ключевых государственных поста, поскольку его пребывание в должностях министра национальной обороны ПНР и заместителя председателя Совета Министров неизбежно ставилось под вопрос. В то же время, как посчитали в Москве, усиливались позиции «молодых секретарей» (Е. Альбрехт, В. Матвин, Е. Моравский), имена которых у советских партработников, особенно из идеолого-пропагандистских структур аппарата ЦК КПСС, ассоциировались с так называемым «польским ревизионизмом».

2. Дискуссия в Бельведере. Обо всех перипетиях в польских партийных верхах советское посольство в Варшаве было своевременно и достаточно полно осведомлено по разным каналам. О самой важной, чрезвычайной информации оно безотлагательно ставило в известность Центр и персонально высшее советское политическое руководство. Например, весьма существенные сведения передал в своей шифровке от 13 октября П. К. Пономаренко. Вся собранная им информация исходила от первых лиц польского политического истеблишмента. По его словам, «на днях» (то есть между 8 и 12 октября) он имел беседу с Э. Охабом, который рассказал о предстоящих кадровых изменениях в Политбюро (не называя, впрочем, никого по имени). Далее Охаб сообщил, что пленум начнется «предположительно 17 октября» и рассмотрит вопрос «современного положения в стране и партии»; что Г. Минц и Я. Берман подали просьбы об освобождении (формальном) их из Политбюро; что В. Гомулка будет приглашен на пленум, поскольку предполагается избрать его в Политбюро (в связи с этим с ним

предполагается провести еще одну беседу, по результатам которой и будет принято окончательное решение о возвращении Гомулки в высшее партийное руководство). Затем, пишет советский посол, Охаб «с некоторым возбуждением говорил о так называемых угольных репарациях» (неэквивалентной продаже польского угля Советскому Союзу в послевоенный период), причем сказал, что «советские товарищи должны нам помочь» — слова, которые П. К. Пономаренко понял как намек на то, чтобы советская сторона пошла навстречу полякам и освободила их от «угольной проблемы».

Вторая проблема, затронутая Э. Охабом и о которой, по его мнению, следовало проинформировать советское руководство, — «это дела, связанные с культом личности». Уточняя свою мысль, он сказал: «Наши партийцы не хотят примириться с тем, что за 100 тысяч расстрелянных и замученных, в том числе поляков, должен нести ответственность только один Сталин». Имелась в виду необходимость привлечь к ответственности и тех, кто повинен в кровавых злодеяниях, но в силу тех или иных причин не понес заслуженного наказания. Советский дипломат на прямое заявление первого секретаря ЦК ПОРП уклонился от конкретного ответа, что понятно и не требует пояснений.

Как видно из донесения П.К. Пономаренко, 10 октября он узнал от К. Рокоссовского о заседании Политбюро, на котором, согласно утверждению маршала, Э. Охаб сделал несколько заявлений, не отраженных в протоколе заседания («приезд т. Хрущева и т. Булганина в Польшу носил в себе элементы вмешательства в дела Польши. Высказывания Булганина на торжественном заседании и на некоторых рабочих собраниях также содержали элементы вмешательства в польские дела»). Затем Охаб говорил о «репарационных поставках угля», о создавшемся тяжелом положении в польской экономике и необходимости «высказать твердую позицию в меморандуме советскому правительству». Очевидно, имелся в виду возможный при подходящих обстоятельствах демарш польского правительства по поводу «угольной проблемы».

В той же шифртелеграмме П.К. Пономаренко сообщал, что 11 октября был приглашен к А. Завадскому. Председатель Госсовета ПНР рассказал, что «на партийных собраниях в аппарате ЦК с большим возбуждением обсуждался вопрос

о том, что и теперь уголь на мировом рынке поляки могли бы продавать гораздо выгоднее, чем Советскому Союзу, и что якобы поляки продают уголь дешево, а покупают товары у Советского Союза дорого. Это был сенсационный на собрании вопрос». Некоторое успокоение в возбужденную аудиторию внес министр внешней торговли К. Домбровский, с цифрами в руках старавшийся доказать, что торговля с СССР «идет на основе единых мировых цен».

Далее советский посол информировал о своем официальном визите к премьер-министру Ю. Циранкевичу 12 октября и вручении ему письма Н. А. Булганина — ответа советского правительства «на просьбу польских товарищей о снижении поставок угля из Польши в СССР в 1956—1957 гг.». После чего посол сообщил о содержании разговора с польским премьером: Ю. Циранкевич заявил, что «в стране существует серьезное политическое и экономическое положение. При этом политическое положение вытекает в основном из экономического. У нас в Польше, — сказал он, — не хватает на 1957 г. товаров для покрытия на 10 млрд. злотых, примерно на такую же сумму не хватает товаров и на 1958 г. Нам некуда, сказал он, обратиться по этому вопросу как только к Советскому Союзу. Мы сейчас составляем по этому вопросу документ. Если нам эта помощь будет оказана, то к 1959 г., когда поднимется добыча угля и производство товаров, мы справимся уже сами. Если помощи мы не получим, то неизбежно банкротство». Стало быть, за Советский Союз польские руководители хватались как за соломинку, нисколько не сомневаясь в том, что найдут в Кремле понимание.

«В заключение я должен сообщить, — телеграфировал П. К. Пономаренко, — что меня тревожит предстоящий пленум ЦК ПОРП. Охав идет на этот пленум с колебаниями по вопросам экономических взаимоотношений, с не совсем правильными настроениями в отношении некоторых вопросов, связанных с культом личности, и размышлениями об „усилении независимости“ [от СССР]. Он все время говорил о том, что в Политбюро нет достаточного единства и поэтому ему трудно проводить многие вопросы. Но он меньше опирается на готовых оказать ему полную поддержку членов Политбюро Завадского, Рокоссовского, Новака, Юзвьяка, Герэка, Хелховского; наоборот, все чаще и чаще он вступает с ними в резкую

полемику, так как они не поддерживают его некоторые неправильные положения. На Охаба оказывают серьезное влияние Замбровский и стоящая за ним группа. Кроме того, возможно, что такие настроения Охаба в некоторых вопросах отражают процессы, происходящие вокруг Гомулки, и боязнь Гомулки»¹⁶. Из этого сообщения из Варшавы Н. С. Хрущев должен был сделать вывод, что положение в Польше действительно требовало особенно пристального внимания советского руководства. Ситуация полного разброда в польских верхах, а кроме того, неотложные политические и экономические проблемы поляков были налицо. Но в еще большей степени Хрущева беспокоили недружественные высказывания польской печати в адрес СССР.

Теперь важно выяснить, как отреагировали на полученную информацию советский лидер и его ближайшее окружение. В Кремле развитие событий по ту сторону Буга вызывало вполне объяснимое недовольство. Познакомившись с депешами из Варшавы, Н. С. Хрущев пришел к выводу, что пора незамедлительно действовать. В его мемуарах можно найти следующее ценное свидетельство, прямо относящееся к описываемым событиям: «Я позвонил в Варшаву, разговаривал с Охабом, спросил, верна ли информация, полученная нами через советское посольство. Он подтвердил. Тогда я спросил: правда ли, что в Польше стал бурно проявляться антисоветизм и что приход Гомулки к власти осуществляется при опоре на антисоветские силы?». Не дожидаясь ответа, сразу же выразил пожелание как можно быстрее приехать в польскую столицу, чтобы совместно с польскими руководителями обсудить создавшееся положение. Э. Охаб попросил предоставить ему возможность обдумать предложение, а некоторое время спустя сообщил, что визит советского лидера возможен лишь после окончания пленума. Далее Хрущев сообщает весьма существенную информацию: «...в то время у нас уже доверие к Охабу исчезло. Лучше всего, конечно, нам было бы не появляться там. Но теперь мы именно за этим и хотели приехать, чтобы оказать соответствующее давление. Отказ же Охаба еще больше возбудил наши подозрения, что там нарастают антисоветские настроения, которые могут вылиться в такие действия, когда поправить положение будет уже трудно»¹⁷. Хрущев продолжал настаивать на немедленном приезде делегации ЦК

КПСС в Варшаву и при этом посчитал необходимым подчеркнуть, что Польша для СССР имеет большое стратегическое значение, ибо через польскую территорию проходят важные коммуникации к Северной группе советских войск, расположенной в ПНР¹⁸.

Телефонный разговор Н. С. Хрущева и Э. Охаба состоялся ближе к вечеру 17 октября. Столкнувшись с корректным, но решительным отказом первого секретаря ЦК ПОРП, Хрущев пытался оказывать давление через советского посла. П. К. Пономаренко немедленно связался с Охабом и поставил его в известность, что советская партийная делегация прибудет в Варшаву, невзирая на отказ поляков, и настоятельно требовал отложить начало работы пленума. Создавалась весьма напряженная коллизия. Была уже ночь, но Охаб собрал срочное заседание политического руководства (В. Гомулки на заседании не было, причины его отсутствия неизвестны)¹⁹. В протоколе заседания (документ датирован 18 октября), читаем следующее: «Тов. Охаб проинформировал, что посол Пономаренко уведомил его, что руководство КПСС хочет прислать свою делегацию для встречи с руководством нашей партии с целью обсуждения текущей ситуации в партии и в стране. Руководство КПСС оценивает очень серьезно ситуацию в стране, особенно на фоне роста антисоветских настроений»²⁰.

Параллельно ускоренно развивались события в Москве. Утром 18 октября собрался Президиум ЦК КПСС и принял короткое постановление: «Ввиду создавшегося серьезного положения в руководстве ЦК ПОРП направить в Польшу делегацию КПСС в составе тт. Хрущева, Кагановича, Микояна и Молотова»²¹. Информация об этом направлялась центральным комитетам правящих партий Китая, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Албании и ГДР, советским послам в Париже, Риме и Белграде для уведомления центральных комитетов тамошних компартий²². Президиум ЦК КПСС не намеревался решать «польскую проблему» изолированно, а стремился в той или иной мере заручиться одобрением своих союзников по Варшавскому договору и даже наиболее влиятельных западных компартий, с мнениями которых нельзя было не считаться, уже не говоря о Китае. По-видимому, сразу же — во всяком случае, не позднее 18 октября — министр обороны СССР Г. К. Жуков отдал приказ (через маршала

И. С. Конева) о приведении в боевую готовность советского военного контингента, находившегося в Польше, Балтийского военного флота и частей Прибалтийского военного округа²³.

Обо всем этом в тот момент поляки не могли знать. Настроенные весьма решительно и подогреваемые бесцеремонностью советских руководителей, они избрали способ действий, который диктовался обстановкой, как они ее в то время понимали: не откладывать пленума, а советскую делегацию принять для переговоров на второй или третий день. Такой ход событий можно было понять, если принять во внимание, что польской стороне в тот момент важно было кооптировать в состав ЦК ПОРП В. Гомулку и его ближайших сторонников, а затем избрать его легитимным главой партии. На ночном заседании Политбюро лишь К. Рокоссовский возражал против такой тактики, считая, что следует пойти навстречу ЦК КПСС и принять советскую делегацию перед открытием пленума. По-видимому, уже в ходе заседания советское посольство вновь связалось с первым секретарем ЦК ПОРП, в результате чего в протоколе появилась запись: «Тов. Пономаренко уведомил тов. Охаба, что делегация, состоящая из четырех членов Президиума ЦК КПСС во главе с тов. Хрущевым, прибудет в аэропорт в пятницу утром, т. е. 19 октября 1956»²⁴. Фактически польская сторона попала в безвыходное положение, и оставалось лишь определить тех, кто должен был встретить чрезмерно настойчивых гостей в аэропорту Окэнче. Выбор пал на Охаба, Завадского, Циранкевича и Гомулку — первых лиц ПОРП, Государственного Совета и Совета Министров плюс того, кого высшее партийное руководство вполне целенаправленно выдвигало на роль лидера партии и нации.

В канун открытия VIII пленума ЦК ПОРП обстановка в Польше достигла крайней степени напряженности. Способствовал этому ряд факторов. Во-первых, периодическая печать как столичная, так и региональная, как коммунистического толка, так и далекого от него. При этом нельзя не учитывать эмоционального настроения населения, в особенности широких слоев польской интеллигенции (художественной, научной, технической, военной) и студенческой молодежи. В частности, едва ли не всеобщее возмущение вызвала опубликованная 16 октября в католической газете «Слово повсехне» статья Б. Пясецкого «Государственный инстинкт»²⁵. Автор — глава

объединения светских католиков ПАКС, пользовавшийся репутацией амбициозного политика ярко выраженного авторитарного склада, — публично заявил о своем отношении к процессам демократизации, и гласности в особенности. Внимания читателей не мог не привлечь фрагмент статьи, в котором говорилось: «...если мы не направим дискуссии в рамки ответственности, то вместо ответственности, вместо демократизации мы спровоцируем необходимость жесткой реализации государственных интересов в обстоятельствах, похожих на чрезвычайное положение...»²⁶. Из этой лишь слегка затуманенной посылки польский читатель сделал вывод, что ради стабильности Польши необходимо ограничить свободу слова. Именно так была истолкована основная идея статьи Б. Пясецкого. В глазах польского общественного мнения ПАКС сделался «символом сталинистского консерватизма»²⁷. Трудно понять, почему лидер и идеолог общества ПАКС предпринял такой, как скоро выяснилось, неловкий политический шаг²⁸. В периодической печати, прежде всего столичной, началась ожесточенная полемика с основателем ПАКСа, порой хватавшая через край. Сенсационно прозвучала статья-памфлет писателя и публициста Л. Тырманда, в которой говорилось о контактах (мнимых или подлинных — так и по сию пору документально не установлено) Пясецкого с 1944 г. с советской службой госбезопасности и персонально с небезызвестным генералом И. А. Серовым²⁹. Организацию Пясецкого покинула группа молодых католиков-интеллектуалов (среди них будущий премьер-министр Польши Тадеуш Мазовецкий), публично заявившая в газете «Жиче Варшавы» о своей поддержке демократических сил страны³⁰. Правление «Клуба кривого колеса» на своем собрании потребовало вывода Б. Пясецкого из президиума Общепольского комитета Национального фронта³¹.

Во-вторых, в октябрьские дни 1956 г. активно проявляло себя массовое молодежное движение, в пробуждении которого такую важную роль сыграл еженедельник «По просту». Это были активисты Союза польской молодежи и молодые члены ПОРП, а также политически не определившиеся беспартийные активисты. С 17 октября и до последнего дня работы пленума в Варшаве проходили бурные, многоярусные митинги студенческой и рабочей молодежи. Стихийно наладившийся

контакт учащихся высших учебных заведений и политизированных молодых рабочих крупных варшавских промышленных предприятий был своеобразной отличительной чертой распространявшегося за пределы столицы неподконтрольного массового общественного движения. Еще 9 октября в Варшавском университете несколько сотен студентов и делегаты 20 варшавских предприятий провели под эгидой Союза польской молодежи митинг, на котором обсуждалась программа деятельности организации. С трудно скрываемым удивлением и весьма скупко «Трибуна люду» информировала: «Дискуссия на митинге вышла за пределы проблемы деятельности молодежной организации», а «Штандар млодых» сообщал, что на митинге имели место «выступления, подвергающие сомнению социалистический характер революции, происшедшей в нашей стране в 1944–1947 гг.», что «борьба за народную власть начинается лишь теперь». Существенной чертой митинга была полемика с подобными взглядами, защита «народно-демократического» характера власти, установленной в тот период, и квалификация «злободневной борьбы, например, за рабочее самоуправление на производственных предприятиях, новым, очевидным этапом той самой революции»³². В высших учебных заведениях нашло отклик принятое на митинге «Открытое письмо ко всем студентам Польши», призывавшее молодежь встать на защиту демократических преобразований, добиваться гласности в политике, ответственности за допущенные в годы сталинизма ошибки в сфере экономики и политики³³. Как вспоминает активный участник событий тех дней Я. Куронь, именно после этого митинга в Варшаве постоянным явлением стали студенческие собрания, сходки, дискуссии и митинги³⁴. Движение усиливалось по мере приближения дня открытия VIII пленума ЦК, а бурные, насчитывавшие уже тысячи участников ежедневные митинги в Политехническом институте Варшавы 17–21 октября оказали непосредственную поддержку реформаторски настроенным участникам пленума. Митинг 18 октября направил в адрес пленума письмо, в котором говорилось о чрезвычайно существенном принципе взаимоотношений государств, провозгласивших после окончания Второй мировой войны приверженность к новому общественному строю: «Мы считаем, что союз с Советским Союзом, Китаем и странами народной

демократии есть и должен быть основой нашей внешней и экономической политики». Союз с СССР «не может мешать сохранению суверенности каждой из союзных стран, а также самостоятельности выбора путей к социализму»³⁵. В данной формуле сфокусированы представления, которых придерживались в то время лидеры молодежного движения в Варшаве.

Волна митингов охватила не только высшие школы, но и предприятия, учреждения, военные академии. Так было не только в Варшаве, но и в Кракове, а также в возводимой неподалеку Новой Гуте. Митинги 18 октября студентов Ягеллонского университета (присутствовало более тысячи человек) и молодых рабочих металлургического комбината с участием студентов краковских вузов (более 600 человек) привели к смене руководства воеводского комитета ПОРП. По данным советского посольства, на митингах обсуждалось положение в стране, а также вопрос «организации Коммунистического союза молодежи Польши». В этом же документе сказано следующее: «Многие выступления <...> были направлены против Советского Союза. Выступающие заявляли, что „нужно свести счеты с друзьями“, т. е. с Советским Союзом, высказывались требования пересмотра советско-польской границы и передачи Польше Львова, Вильнюса, требовалось удаление т. Рокоссовского и возвращение Роли-Жимерского. Выступавшие заявили, что ПОРП обанкротилась, а правительство изжило себя, и требовали создания новой партии во главе с т. Гомулкой». Многие обрушивались с резкой критикой на воеводский комитет ПОРП, его печатный орган «Газету краковскую» и особенно на первого секретаря комитета Станислава Бродзиньского за то, что они «делают все возможное, чтобы затормозить начавшийся процесс демократизации»³⁶. Подобные высказывания на митингах и собраниях в Кракове, видимо, имели место, но справедливости ради следует сказать, что на самом деле в центре внимания стояли не только эти вопросы. Текст резолюции, принятой на указанных митингах, был сразу же опубликован в «Газете краковской» и «Штандаре молодых». Из нее следует, что организаторы митингов стояли за социализм, широкую демократизацию политической системы и всей общественной жизни в Польше. Привлекала их также идея рабочего самоуправления. Что касается польско-советских отношений, то соответствующие

формулировки были выдержаны в весьма осторожной, но предельно ясной форме: «Мы считаем, что, не подрывая единства стран нашего лагеря, следует создать условия полного равноправия народов и государств внутри нашей системы. Вопрос о методах строительства социализма может решать только народ данной страны, специфика этой страны и ничего кроме этого». Ближайшая цель устроителей митингов была в том, чтобы «создать революционный союз молодежи, политически и организационно самостоятельный, реально влияющий на судьбы страны», иными словами — новая организация как антитеза непопулярному, изжившему себя Союзу польской молодежи³⁷.

В-третьих, состояние внутренней нестабильности переживала не только ПОРП, но и ее союзники по политической системе. Пленум ЦК Демократической партии 7–10 октября 1956 г. констатировал явную деморализацию своих и без того слабых низовых звеньев. Политическое руководство, разработчики идеологии, пропагандисты размышляли над способами укрепления партийной базы за счет привлечения мелких товаропроизводителей города. (Этой темы, начиная с февраля 1956 г., не раз касался центральный орган партии еженедельник «Тыгодник демократычны».) Выступая на пленуме, известный партийный публицист Петр Стефаньский сформулировал программную цель Демократической партии — «соучастие в строительстве независимой социалистической Польши», но одновременно подчеркнул, что польский ремесленник не приемлет практиковавшихся в Польше методов социализации³⁸. Зофья Стыпулковская, видная деятельница партии (на пленуме она будет избрана членом Президиума ЦК), высказала пронзительно ясную, точную мысль: все, что происходит в стране, — «это кризис доверия к народной власти»; все допущенные властью политические деформации и ошибки граждане Польши склонны отождествлять с недостатками, укорененными в самом строе»³⁹. Критика, адресованная персонально лидерам партии, о чем можно узнать, обратившись к неопубликованной стенограмме пленума, в открытую печать, однако, не попала. Принятые пленумом «Директивы политической деятельности Демократической партии» в качестве главной цели считали консолидацию партийных рядов. Этот важный программный документ впитал в себя

некоторые новые идеи, рожденные бурными дискуссиями вокруг решений XX съезда КПСС и спорами об отношениях ПНР–СССР: «Польша использовала и дальше будет использовать богатый опыт Советского Союза в области социалистического строительства. Это, однако, не может означать механического перенесения советского опыта и образцов в наши условия»⁴⁰.

Точно такой же точки зрения, если иметь в виду заимствование советского опыта «построения» социализма, придерживалось большинство Главного комитета Объединенной крестьянской партии. По сравнению с ДП внутрипартийные процессы в ОКП приняли более обостренные, кризисные формы. На IV пленуме Главного комитета партии, состоявшемся 18–20 октября, то есть непосредственно в дни пленарного заседания ЦК ПОРП, обсуждавшего актуальные вопросы политического кризиса в Польше, лидеры подвергли переоценке недавнее прошлое партии и практиковавшуюся в стране модель аграрной политики, не соответствовавшей подлинной ментальности польского крестьянства⁴¹. В докладе Стефана Игнара (18 октября) разносторонней критике была подвергнута также теория так называемой «трансмиссии», означавшей, как это понимали в Политбюро ЦК ПОРП (например, Р. Замбровский), что цель ОКП — пропагандировать и осуществлять в крестьянских массах решения руководящих органов правящей партии⁴². Столь унижительная роль для сравнительно молодых и амбициозных политиков крестьянской партии, стремившихся к первым ролям на общественной арене, не могла быть сколько-нибудь приемлемой.

И в выступлении Ст. Игнара, и в ходе развернувшейся дискуссии не раз звучала тема стратегии ОКП в вопросе польско-советских отношений. Игнар говорил: «Было бы прямо-таки нелогично, если бы мы после XX съезда [КПСС] отделились от СССР и встали на почву мегаломании, недооценивая значимости нашего союза с Советским Союзом. <...> Все наиболее жизненные интересы нашего народа — суверенность, безопасность границ, хозяйственное строительство и другие — связаны теснейшим образом с поддержкой Советским Союзом, с дружбой наших народов, с совместной борьбой за укрепление мира. Никакое наше справедливое стремление к налаживанию и развитию политического,

хозяйственного и культурного обмена с капиталистическими странами не может ослабить наших нерасторжимых связей дружбы и сотрудничества с Советским Союзом»⁴³.

Надо признать, что провозглашение стратегической линии ОКП, направленной на поддержание «нерасторжимых связей» с СССР, потребовало от руководства партии не только политического, но и личного мужества в условиях, когда нарастало возбуждение общества, подогреваемое слухами о движении советских танков к польской столице, в обстановке непрерывных митингов студенческой и рабочей молодежи, на которых среди прочего звучали антисоветские высказывания и демонстрировались соответствующие лозунги.

На IV пленуме Главного комитета ОКП коренным образом обновилось политическое руководство партии: 20 октября, когда на пленуме ЦК ПОРП уже была озвучена программа выхода из кризиса и постепенной стабилизации в стране, председатель ОКП Владыслав Ковальский заявил о своей отставке и партию возглавил Стефан Игнар, последние четыре года фактически осуществлявший руководство Главным комитетом. Амбиции его были удовлетворены. Однако суть дела была не в личных устремлениях Игнара, а в отстранении от руководства В. Ковальского, коммунистическое прошлое которого, а в особенности сопротивление демократизации и демонтажу сталинизма, не могли импонировать группе Игнара. Так разрешился кризис в руководящих сферах крестьянской партии. В Москве имевшая место перестановка не вызвала особенного энтузиазма, ибо Игнар не пользовался расположением руководителей КПСС, соответствующим образом информированных по каналам советского дипломатического ведомства⁴⁴. Новые лидеры ОКП сразу же заявили о своей поддержке В. Гомулки и провозглашенного им нового политического курса, как только он встал во главе ПОРП.

В-четвертых, бесспорно в негативном плане повлияло на настроения польской общественности непродуманное, не учитывавшее обостренного состояния национальных чувств поляков сообщение собственного корреспондента «Правды» из Варшавы, опубликованное 20 октября под не самым подходящим заголовком «Антисоциалистические выступления на страницах польской печати». Трудно сказать, кто именно в Москве инициировал публикацию, но это был явно неудачный замысел.

Она только спровоцировала в ответ ожесточенную полемику в польской прессе, поскольку явно неправильно расставляла акценты.

Но, конечно, ни в какое сравнение с перечисленными факторами не идут слухи, появившиеся 18 октября, — о движении советских воинских частей в направлении Варшавы. На следующий день они подтвердились. Появились также сведения о том, что у входа в Гданьский залив встал на рейде советский крейсер «Жданов». По утверждению С. Сташевского, в силу своего достаточно высокого положения в партии, быть может, располагавшего какой-то закрытой информацией, политическое руководство страны считалось с возможностью военного вмешательства СССР в польские дела. Он сообщил также (в опубликованном в 1982 г. интервью), что за день—два до приезда Н. С. Хрущева командующий Варшавским военным округом бригадный генерал Ф. Андриевский (офицер Советской Армии, откомандированный в Войско Польское) собрал совещание командиров частей гарнизона и округа, чтобы обсудить план... нейтрализации польского партийного руководства (!). 18 октября Э. Охав, поставленный об этом в известность, в присутствии В. Гомулки (?) и С. Сташевского потребовал объяснений от К. Рокоссовского. Последний в категорической форме заявил, что совещание действительно имело место, но там речь шла лишь о плане организации охраны наиболее важных государственных объектов в случае критической обстановки в стране⁴⁵. Все эти сведения в наше время невозможно проверить по документам. Поэтому остается принять их лишь в качестве рабочей гипотезы.

Когда 18 октября стало известно о марше советских танков в направлении Варшавы, группа высших польских офицеров приняла меры противодействия (сведений о том, кто их на это уполномочил, не имеется): созданы два центра оперативного управления — военный и гражданский штабы, координировавшие свою работу. В военный штаб вошли заместитель министра внутренних дел Ю. Хибнер, командующий внутренними войсками генерал В. Комар, командир корпуса общественной безопасности генерал В. Мусь, командующий военно-воздушными силами генерал Я. Фрей-Белецкий, командующий флотом адмирал Я. Висьневский и некоторые другие военные

достаточно высокого ранга. «На штаб возлагалась задача следить за передвижением советских войск и информировать политбюро», — сказано в документе, подготовленном советским посольством в Польше для ознакомления высших советских руководителей⁴⁶.

Тридцать с лишним лет спустя Ю. Хибнер рассказывал о событиях октября 1956 г.: предполагая возможность выхода советских войск из районов дислокации, в обстоятельствах всеобщей обеспокоенности населения и уже ожидавшегося приезда делегации КПСС, именно им, Хибнером, была создана система наблюдения за возможными маршрутами танковых колонн, и когда стало ясно, что имеют место вовсе не маневры, а целенаправленный марш в направлении столицы, соответствующая информация была доложена Э. Охабу, который и распорядился о размещении в здании Бельведера специального телефонного пункта для обеспечения своевременных докладов партийно-государственному руководству об оперативной обстановке в стране и движении советских подразделений в особенности⁴⁷.

Ю. Хибнер приказал привести внутренние и пограничные войска в боевую готовность, а командирам соединений дал понять, что не исключена возможность столкновения с советскими войсками. В случае необходимости предусматривался арест делегации КПСС. Были разработаны планы по приведению в боевую готовность авиации и флота. В том же источнике утверждается, будто В. Комар и В. Мусь «заявляли, что они не допустят, „чтобы Советы задушили революцию в Польше“»⁴⁸. Согласно тем же данным, гражданский штаб возглавил С. Сташевский. В задачу штаба входило обеспечение необходимой помощи военным, опираясь при этом на варшавскую студенческую молодежь, преимущественно из университета и политехнического института, а также на организацию ПОРП автомобильного завода в Жерани.

Все упомянутые явные и скрытые факторы, вместе взятые, усиливали и без того крайне нервную обстановку, причем как в верхах, так и, фигурально выражаясь, на улице. Сложившийся непростой контекст необходимо иметь в виду, когда мы будем рассматривать конкретный ход польско-советских межпартийных, а по существу — и межгосударственных переговоров.

* *
*

Итак, самым первым прибыл в Варшаву (в 4 часа утра 19 октября) маршал И. С. Конев «с группой офицеров»⁴⁹. Он не входил в официальный состав делегации ЦК КПСС, но как главнокомандующий Объединенными вооруженными силами стран Варшавского договора получил указание обеспечивать взаимодействие частей Северной группы советских войск, приступивших к выполнению поставленной перед ними задачи.

Далее рано утром в аэропорт Окэнче, в тот сектор, где приземлялись военные самолеты, прибыл встречать советских руководителей П.К. Пономаренко в сопровождении советника посольства Ю. В. Бернова, а несколько позднее В. Гомулка, А. Завадский, Э. Охав и Ю. Циранкевич. Имеющиеся в распоряжении исследователей описания встречи советской партийной делегации, сохранившиеся в нескольких, подчас противоречивых источниках, содержат достаточно колоритные детали, без которых трудно представить нравы тогдашней советской политической элиты, в особенности ее лидера.

Делегация Президиума ЦК КПСС — таково было официальное наименование кремлевского «десанта» — прибыла двумя самолетами: сначала В. М. Молотов, А. И. Микоян и Л. М. Каганович, несколько позднее — Н. С. Хрущев. Спустившись по трапу, он направился к группе встречавших его советских военачальников, при этом с места в карьер стал... грозить кулаком в сторону польских руководителей. К советским генералам, находившимся на месте встречи, присоединился К. Рокоссовский и о чем-то отрапортовал Хрущеву. Поляки расценили такой демарш как некорректный по отношению к ним. После этого Хрущев подошел к членам польского Политбюро, избегая рукопожатий, по-прежнему грозя кулаком и рассыпая угрозы в их адрес. Эту неприглядную сцену наблюдали рядовые функционеры госбезопасности, водители правительственных автомашин, иной обслуживающий персонал. Понятное дело, слухи об инциденте вышли за пределы аэропорта. Хрущев кричал в ярости: «Мы проливали свою кровь за освобождение этой страны, а вы хотите отдать ее американцам, но это вам не удастся, этого не будет!».

Заметив В. Гомулку, он обратился к советскому послу с вопросом: «А это кто?». Но прежде чем П. К. Пономаренко решился сделать необходимую подсказку, сам Гомулка поспешил сказать по-польски: «Я — Гомулка, которого вы три года держали в тюрьме»⁵⁰. Это тоже прозвучало вызывающе, если не грубо. Отсутствие взаимной корректности ничего хорошего не предвещало.

Теперь обратимся к протоколу заседания Политбюро ЦК ПОРП от 19–21 октября 1956 г., составленному, как видим, в буквальном смысле слова по горячим следам событий. Касательно встречи советской делегации там запротоколирована прямая речь самого В. Гомулки: «Такого разговора я никогда с партийными товарищами не вел, не понимаю, как можно в таком тоне, с такими эпитетами разговаривать с людьми, которые обращаются к ним с добрыми намерениями. Хрущев поздоровался прежде всего с тов. Рокоссовским и генералитетом — „это люди, на которых я опираюсь“. Обращаясь к нам, он сказал: „Предательская деятельность тов. Охаба обнаружилась, этот номер Вам не пройдет“» [слова Н. С. Хрущева впечатаны в протокол по-русски. — А. О.]. Гомулка продолжал: «Нужно было обладать большой выдержкой, чтобы не реагировать на такие слова. Вся эта речь была высказана сильно повышенным тоном, так что все в аэропорту ее слышали, даже шоферы. Я предложил, чтобы мы поехали с ними в Бельведер и спокойно поговорили. Они сказали, что прежде всего надо отложить пленум. Мы с этим не согласились»⁵¹. В сложившейся обстановке делегация КПСС посчитала для себя целесообразным сначала удалиться в расположенное поблизости от Бельведера советское посольство.

В своих мемуарах Н. С. Хрущев встрече с поляками посвятил всего несколько строк: «Когда мы приземлились, на аэродроме нас встречали Охаб, Гомулка, Циранкевич и другие товарищи. Встреча была необычно холодной. Мы прилетели очень возбужденные, и я, едва поздоровался, сразу же на аэродроме выказал недовольство происходящим: „Почему все идет под антисоветским знаменем? Чем это вызвано?“». Мы-то всегда стояли за освобождение Гомулки и не сопротивлялись тому, чтобы Гомулка вернулся к руководству»⁵². Конечно, здесь исследователи имеют дело не с непосредственной речью Хрущева на летном поле, а только с воспоминанием

о тогдашней словесной стычке. Но в данном случае важно само признание мемуаристом факта столкновения главы делегации КПСС с польскими руководителями. Именно с этого обоюдно неприятного момента начались прямые контакты делегаций КПСС и ПОРП. «В ответ на мою тираду, — продолжает Хрушев, — Охаб только махнул рукой, указал на Гомулку: „С ним теперь разговаривайте, его избрали первым секретарем ЦК“»⁵³. Здесь мемуаристом допущена неточность: Гомулку в тот момент поляки только намеревались избрать на пленарном заседании лидером партии.

Открытие VIII пленума ЦК ПОРП состоялось в объявленные ранее сроки, и это было маленькой победой польской стороны, поскольку не позволило другой стороне диктовать свои условия. Пленарное заседание началось с заявления Э. Охаба о том, что традиционный вводный доклад (в данном случае — «о некоторых актуальных проблемах, стоящих перед нашей партией») не подготовлен, поскольку помешала обстановка, «которая создалась в последнее время в руководстве» ПОРП⁵⁴. В такую элегантную форму было завуалировано фиаско первого секретаря ЦК с проектом доклада, отклоненного, как уже говорилось, на заседании 15 октября. Участникам пленума вручили список кандидатов в новый состав Политбюро и Секретариат ЦК⁵⁵, после чего было предложено обсудить проект постановления по политическим и хозяйственным вопросам, вытекающим из программы выхода из кризиса, которую разработал В. Гомулка, и готовы были поддержать его сторонники. Далее было принято решение кооптировать в состав ЦК В. Гомулку, З. Клишко, И. Лёга-Совиньского и М. Спыхальского, что вызывалось необходимостью придать легитимность участию самого В. Гомулки как в работе пленума, так и в предстоявших переговорах с советской партийной делегацией. Затем в работе пленума объявили перерыв, и делегация ПОРП направилась в Бельведер для переговоров с советской делегацией.

Последовавшие далее события отчетливо показывают, что именно польско-советские межпартийные переговоры 19 октября и стали ключевым, поворотным моментом развития кризиса 1956 г. в Польше. Все могло пойти совсем по другому сценарию, если бы в ходе ожесточенных перепалок в бельведерском дворце не было достигнуто согласия по базовым

вопросам межгосударственных отношений ПНР и СССР на ближайшую перспективу, а импульсивный, несдержанный на слово глава делегации КПСС в кульминационный момент не продемонстрировал бы реалистического подхода.

О том, как проходили сами переговоры, какие вопросы там рассматривались и какие были достигнуты конкретные результаты, можно судить по ряду источников, причем в целом информационная база данной темы все время пополняется за счет новых документальных находок в польских и российских архивах. Правда, исследователи до сих пор не имеют в своем распоряжении самого, можно сказать, основополагающего документа — стенограммы или хотя бы протокольной записи переговоров. В связи с этим необходимо отметить следующее. Авторитетные свидетели событий тех лет высказывают полярные мнения о столь важном историческом источнике: Э. Охаб без колебаний утверждает, что протокольная запись велась, польский историк А. Вэрблян (в 1956 г. заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК ПОРП) — что никакой текстовой фиксации хода обсуждения не было⁵⁶. Чрезвычайный ранг переговоров позволяет, однако, предположить, что в той или иной форме какой-то документ все же был составлен, стало быть, мог сохраниться до наших дней. Вопрос лишь в том, где, в каком архивном собрании он ныне хранится. Возможно, документ не имеет официального статуса, был по возвращении делегации КПСС в Москву оформлен, например, в виде информационной записки, как это иногда практиковалось у высших советских руководителей. Что касается места его хранения, то вероятнее всего это должен быть Архив Президента России.

Когда 20 октября VIII пленум ЦК ПОРП возобновил свою работу, А. Завадский выступил с коротким сообщением о состоявшихся переговорах, из текста которого видно, что там рассматривались три проблемных блока: антисоветские выпады в польской прессе; новый состав польского политического руководства; состояние и перспективы польско-советских межгосударственных и межпартийных отношений⁵⁷. Но на самом деле тематический круг был шире, просто соображения политической тактики требовали воздерживаться до поры до времени от более полной информации. Уже цитированный протокол заседания Политбюро ЦК ПОРП от 19–21 октября

дает некоторое представление о том, как воспринял ход переговоров В. Гомулка. «Они сказали, что мы, собственно говоря, наплевали им в лицо, поскольку не согласились принять делегацию [КПСС] до [начала работы] пленума, — читаем в протоколе. — Они в претензии на нас за то, что комиссия Политического бюро предложила состав нового Политического бюро без нескольких товарищей, которые являются выразителями польско-советского союза, а именно тов[арищей] Рокоссовского, [Зенона] Новака, Мазура, Юзьвяка. Я заявил, что у нас нет таких тенденций, мы не хотим разрывать дружбы с Советским Союзом. Дошло до стычки. Товарищ Хрущев сказал: „Этот номер вам не пройдет, мы готовы на активное вмешательство“»⁵⁸. И дальше зафиксировано очень жесткое заявление В. Гомулки: «Я понимаю, что можно говорить в повышенном тоне, но если разговоры идут с пистолетом на столе, то тогда почвы для разговора нет»⁵⁹. Гомулка истолковал слово «вмешательство» однозначно как интервенцию, как силовую, под угрозой применения оружия, нажим. Правда, реплика Гомулки прозвучала только в кругу членов польского политического руководства и была адресована исключительно ему, но, с другой стороны, она ведь свидетельствует о крайне напряженном состоянии, в котором обе стороны ожидали начала переговоров, и потому заслуживает быть отмеченной, это важно учитывать при анализе источников.

Что касается угроз со стороны советского лидера, то они прозвучали тем более зловеще, что польские руководители уже систематически, каждый час, получали информацию спецслужб о движении советских танков в направлении Варшавы. Реальная угроза появления их на подступах к польской столице в конечном счете и сыграла решающую роль в рассматриваемых событиях.

Сопоставление высказываний участников переговоров (правда, не всегда полных и не всегда точных), а также записей В. Гомулки и А. Завадского по ходу выступлений (записей, сделанных «для себя» и потому необычайно ценных) дает возможность реконструировать — конечно, частично — ход переговоров⁶⁰.

Однако прежде обратимся к выяснению персонального состава участников встречи. Делегацию КПСС, как уже говорилось, представляли: Н. С. Хрущев, А. И. Микоян,

В. М. Молотов и Л. М. Каганович. С советской стороны участвовал в переговорах П. К. Пономаренко, а в роли переводчиков — референт ЦК КПСС Я. Ф. Дзержинский и Ю. В. Бернов⁶¹. Некоторые польские исследователи ошибочно считают, что в состав делегации КПСС входил еще и маршал Г. К. Жуков⁶². Этого, однако, быть не могло. Во-первых, в день прилета делегации КПСС в Варшаву он участвовал в советско-японских переговорах в Кремле. Во-вторых, будучи министром обороны СССР и кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС, должен был для поездки утверждаться постановлением Президиума ЦК. Такого постановления нет. В-третьих, он не был партийным деятелем, а ведь в Варшаву прибыла делегация, представлявшая советскую коммунистическую партию.

В делегацию ПОРП входили: В. Гомулка, А. Завадский, Э. Охаб, Ю. Циранкевич, Р. Замбровский (на первом заседании), а также (по свидетельству А. И. Микояна, в данном конкретном случае все же вызывающему сомнение) К. Рокоссовский и С. Ендрыховский. А. Вэрблян уверяет, что с польской стороны, помимо только что кооптированного в члены ЦК ПОРП В. Гомулки, присутствовало большинство членов Политбюро ЦК ПОРП (Э. Охаб, Ю. Циранкевич, Э. Герэк, Ф. Юзьвяк, Р. Новак, З. Новак, А. Рапацкий, К. Рокоссовский, Р. Замбровский и А. Завадский⁶³). А в официальном сообщении для польской печати сказано, что в переговорах участвовали все находившиеся в Варшаве члены Политбюро ЦК⁶⁴. Очевидно, окончательно вопрос будет прояснен только тогда, когда в распоряжении исследователей окажется подлинный протокол (или стенограмма) польско-советской встречи в Бельведере.

Председательствовал на совместном заседании на правах «хозяина» Э. Охаб⁶⁵. Вероятно, в самом начале имел место эпизод, о котором он рассказал в своем интервью Т. Тораньской. Открывая заседание, первый секретарь ЦК ПОРП твердо заявил: «Мы отвечаем за свою страну и делаем то, что считаем уместным, ибо это наши внутренние дела. Мы не делаем ничего, что угрожало бы интересам наших союзников, а особенно интересам Советского Союза». А. И. Микоян примирительным тоном заметил, что делегация КПСС прибыла с намерением дружески обсудить все интересующие ее вопросы. Охаб,

однако, парировал его репликой, имея в виду грубое давление руководителей КПСС: «мы таких методов по отношению к друзьям не применяем, <...> пленум не перенесем и по всем польским делам решения будет принимать наш Центральный Комитет»⁶⁶.

Первым слово получил А.И. Микоян. Говорил он довольно пространно, выразил беспокойство по поводу развития событий в Польше, упрекнул персонально Э. Охаба за то, что тот, будучи первым лицом в партии, скупко информировал руководство КПСС о ситуации в стране и ПОРП, усомнился в том, что СССР и ПНР могут разделять какие-либо экономические проблемы. Микоян заявил, что в вопросе о так называемых репарационных поставках угля из Польши в Советский Союз советское правительство готово пойти на уступки польской стороне. Затем он предупредил об опасности, грозившей со стороны польских реакционных сил, критиковал польских руководителей за терпимость к проявлениям «антисоветской агитации» на страницах печати, совершенно не находил объяснения стремлениям вывести из высшего политического руководства К. Рокоссовского и других, как он выразился, «сторонников дружбы с Советским Союзом»⁶⁷.

Судя по источникам, вторым выступил В. Гомулка. Он подтвердил наличие глубоких разногласий в польском Политбюро, говорил о неспособности этого органа консолидировать партию и эффективно решать актуальные практические задачи. В то время Гомулка считал в высокой степени бесполезным применение цензурирования и иных методов нажима на оппозиционную печать. Делегацию КПСС он заверил в том, что запланированная смена польского руководства отнюдь не означает смены курса в политике дружественных отношений с СССР⁶⁸.

В своем «Дневнике» Р. Замбровский пишет, что затем слово было предоставлено ему, и он высказал довольно тривиальную мысль, что разбалансированность в ПОРП и в стране в целом требует иного политического курса, однако взаимоисключающие подходы, свойственные высшему эшелону политиков, препятствуют этому. Отсюда следует, что выход из кризиса сможет обеспечить только команда единомышленников. В этот момент в дискуссию включился Н. С. Хрущев. Сначала он выразил сожаление по поводу несправедливых

преследований В. Гомулки, потом возмущался тем, что К. Рокоссовского поляки не собираются включать в состав нового Политбюро, забываются бесспорные заслуги маршала в разгроме фашизма. Наконец он затронул тему «идеологических искривлений в польской партии» и заявил следующее: польские рабочие не согласятся с политической линией новых руководителей ПОРП. Гомулка подал реплику, смысл которой состоял в том, что он готов немедленно пойти вместе с Хрущевым на любое предприятие и убедиться, кого поддержат рабочие. В дальнейшей словесной перепалке Гомулка от волнения перешел с русского языка, которым владел довольно слабо, на польский. Хрущев, как известно, ни в какой степени польским не владевший, беспомощно смотрел на окружающих, прося переводить ему. Разрядил неловкую ситуацию Э. Охаб, поспешивший объявить короткий перерыв⁶⁹. Пройдет много лет, и Хрущев вспомнит, что на него произвел неизгладимое впечатление именно этот момент нервного срыва Гомулки. «Я теперь проникся особым доверием к Гомулке, хотя я и раньше доверял ему, — напишет в своих мемуарах Хрущев. — Несмотря на его вспыльчивость, в его словах звучала искренность»⁷⁰.

Во время перерыва произошли очень важные события, переломившие ход переговоров. Во-первых, польские руководители получили новую информацию спецслужб, наблюдавших передвижения советских воинских частей. Н. С. Хрущев подтверждает это в своих воспоминаниях: «Конев доложил, что войска снялись и танковая дивизия уже движется в направлении Варшавы»⁷¹. От К. Рокоссовского он также узнал, что польские внутренние войска приведены в боевую готовность и подтянуты к столице. Во-вторых, польские руководители хорошо знали, что в Варшаве нарастает напряженное ожидание развязки, на крупных предприятиях, в частности на автомобильном заводе в Жерани, рабочие готовятся к обороне⁷². По свидетельству С. Сташевского, для формирования отрядов самообороны и рабочей милиции было выделено 800 единиц стрелкового оружия⁷³. Почти то же самое можно прочитать в воспоминаниях Н. С. Хрущева: «Завадский нас проинформировал, что ведется антисоветская агитация среди рабочих Варшавы, что некоторые заводы вооружаются, министр внутренних дел раздает оружие, Варшава готовится

сопротивляться нашим войскам. Ситуация складывается тяжелая. А мы в ней оказались пленниками, потому что Варшава находится под руководством сил, занявших антисоветскую позицию»⁷⁴. Сами по себе такого рода совпадения в исторических источниках в данном случае очень любопытны и многозначительны. Но все же принимать их как не подлежащие сомнению не следует, поскольку достоверных документальных данных, подтверждающих указанные свидетельства, пока не имеется.

Переговоры продолжились выступлением А. Завадского. Он пытался направить дискуссию в более спокойное русло и сосредоточился в основном на критическом рассмотрении антисоветских выпадов польской прессы. Кроме того, он признал, что в Политбюро налицо были столкновения взаимоисключающих направлений — сторонников и противников демократизации (т. е. пулавян и натолинцев)⁷⁵. Судя по заметкам Завадского, против того состава Политбюро, который намечалось избрать на VIII пленуме, выступили Ф. Юзвьяк и З. Новак. Ю. Циранкевич тоже стал высказываться по вопросу о состоянии польско-советских межгосударственных отношений, среди прочего указал на некорректность поведения Н. С. Хрущева в момент прибытия делегации КПСС в Варшаву. Советский лидер выражал свое недовольство нетерпеливыми репликами.

Внезапно польская сторона потребовала объяснить причины выхода советских войск из района дислокации. Советская сторона заявила в ответ, что это связано с началом плановых учений. Дальнейший ход переговоров отражает соответствующий фрагмент мемуаров Н. С. Хрущева: «Продолжалось между тем бурное, нервное заседание. Мы резко спорим с поляками. Вижу, Гомулка нервно встал, направился ко мне. Сел на место. Потом опять встал. Его глаза выражали не враждебность, а сильную взволнованность. Я его в таком виде никогда больше не видел. Наконец он подошел ко мне и нервно произнес: „Товарищ Хрущев, на Варшаву движется русская танковая дивизия. Я очень прошу Вас дать приказ не вводить ее в город. Вообще было бы лучше, если она не приблизится к Варшаве, потому что я боюсь, что произойдет нечто непоправимое“. Гомулка экспансивный человек, у него даже пена на губах появилась. Выражения он употреблял

крайне резкие. Мы стали отнекиваться, дескать, нет ничего подобного. Я решил не говорить ему, что одновременно с приказом Конеvu двинуть на Варшаву советские войска соответствующие указания получил и К. Рокоссовский, который предпринимал какие-то шаги в тех польских войсках, на которые он мог положиться. Спустя некоторое время Гомулка вновь поставил тот же вопрос»⁷⁶. Вот соответствующее место воспоминаний советского лидера: «Продолжалось заседание. Взял слово Гомулка. Он говорил горячо и произнес слова, которыми подкупил меня: „Товариш Хрушев, прошу вас остановить движение советских войск. Вы думаете, что только вы нуждаетесь в дружбе с польским народом? Я как поляк и коммунист клянусь, что Польша больше нуждается в дружбе с русскими, чем русские в дружбе с поляками. Разве мы не понимаем, что без вас мы не сможем просуществовать как независимое государство? Все будет у нас в порядке, и вы не допустите, чтобы советские войска вошли в Варшаву, потому что тогда будет сверхтрудно контролировать события“»⁷⁷. В упоминавшихся заметках А. Завадского зафиксировано точное время этого демарша В. Гомулки — 9 часов вечера⁷⁸.

Вновь объявили перерыв. Советская делегация удалилась в посольство на совещание, при этом, неожиданно для польской стороны, туда был приглашен К. Рокоссовский. И здесь Н. С. Хрушев предложил своим коллегам поддержать В. Гомулку. Никаких возражений не последовало, и когда все вернулись в зал заседаний, И. С. Конев получил указание немедленно остановить продвижение танковой колонны на Варшаву. «Тут и Гомулка успокоился: ему сразу же доложили, что наши войска никуда не движутся, — вспоминал советский лидер. — Обстановка разрядилась. Поляки поняли, что можно договориться. Думаю, что ввод наших войск в Варшаву действительно мог стать непоправимым явлением и породил бы такие сложности, что трудно даже представить себе, куда мы могли зайти. Считаю, что положение спас Гомулка, когда столь убедительно высказал свои соображения. Остальное оказалось второстепенным делом»⁷⁹. Действительно, советские танки остановились на почтительном расстоянии от польской столицы, но в места своего расположения вернулись только несколько дней спустя⁸⁰.

Здесь необходимо добавить следующее. Лодзинский историк Роберт Лось на основе изучения доступных архивных материалов с большой точностью реконструировал маршрут движения советских танковых колонн к Варшаве. Он выяснил, что части Северной группы войск Советской Армии вышли из своих баз в Поморье и Силезии не позднее 18 октября и достигли рубежа Влоцлавек—Ленчица—Ласк, причем на своем пути обходили крупные населенные пункты. 19 октября в районе Ленчицы остановились в ожидании дальнейших приказов, затем продолжили движение и (согласно свидетельству ген. В. Муся) в районах Ленчица—Лович и Влоцлавек—Гостынин закончили свой марш⁸¹.

Разумеется, воспоминания участников переговоров, сами по себе весьма интересные и как источники информации ценные, не дают тем не менее исчерпывающего представления о имевшей место в Бельведере нервной дискуссии. Как нетрудно заметить, они касаются главным образом наиболее острого, не терпевшего ни малейшего промедления вопроса, ибо ставка — быть или не быть советскому силовому вмешательству в дела сопредельного независимого государства, причем участника Варшавского договора — представлялась слишком большой. Но общую картину можно дополнить и некоторыми другими источниками, хотя даже и в этом случае многие существенные моменты останутся непроясненными, покуда в руках исследователей не окажутся протокольные записи (или стенограмма) переговоров.

Н. С. Хрущев не понимал нежелания поляков обсудить с руководителями КПСС намеченный новый состав польского Политбюро. Как оказалось к нескрываемой досаде советской делегации, список кандидатов был помещен на доске объявлений у главного входа Варшавского университета еще до открытия VIII пленума и живо обсуждался всеми желающими⁸². Молва связывала этот факт с инициативой Варшавского городского комитета ПОРП. Позднее Э. Охав, однако, признал, что это не так и что именно он дал соответствующее распоряжение⁸³. Позиция поляков в сущности была ясной и обоснованной, и дело здесь было вовсе не в отсутствии в новом составе Политбюро К. Рокоссовского, что вызывало упорное неприятие советской делегации. В выступлении А. Завадского на пленуме польская точка зрения формулировалась

предельно корректно и недвусмысленно: «Что касается проекта нового состава руководства, то <...> этот вопрос от начала до конца обсуждался как внутренний вопрос нашей партии и ее ЦК»⁸⁴.

В ходе дискуссии наиболее болезненным для обеих сторон был вопрос о польско-советских межгосударственных отношениях. Собственно говоря, это был центральный вопрос переговоров, и именно о нем шла речь в официальном сообщении для печати по итогам встречи. «Заседания проходили в атмосфере партийной откровенности», — говорится там⁸⁵. Столь лапидарный текст одних убеждал в том, что все было хорошо, других — что дискуссия не привела к взаимоприемлемому решению.

Что же было на самом деле? В. Гомулка заверил делегацию КПСС в том, что польская партия приложит все усилия для стабилизации обстановки и удержания Польши на позициях социализма. При этом он неоднократно подчеркивал, что, встав у власти, не позволит внешним силам (читай: СССР) вмешиваться в польские дела. Обсуждался также пресловутый вопрос об отзыве советских советников из польских органов госбезопасности и советских офицеров из военного ведомства ПНР. Гомулка разгадал главную, подспудную причину беспокойности своих контрагентов: советские лидеры опасались возможного выхода Польши из Варшавского договора, поскольку из информации советского посольства знали, что в польских оппозиционных кругах такая идея неоднократно высказывалась. В сформировавшейся к тому времени системе международных отношений выпадение из блока европейских социалистических стран такого важного с геополитической точки зрения звена, как ПНР, неизбежно обострило бы ситуацию в этой части европейского континента, угрожая серьезными последствиями вплоть до вооруженных столкновений. Именно это объясняет стремление В. Гомулки убедить делегацию КПСС в том, что Варшавский договор отражает насущные национальные интересы Польши, поскольку гарантирует незыблемость ее западных границ, и потому она будет заботиться об укреплении Восточного блока. Доводы Гомулки достигли цели⁸⁶.

Показательное столкновение произошло между В. Гомулкой и В. М. Молотовым, о чем свидетельствует Ю. Циранкевич.

В ходе дискуссии Молотов попытался подать какую-то реплику, но Гомулка решительно прервал его: «А вам, товарищ Молотов, нечего здесь говорить. Польский народ помнит ваше выступление на Верховном Совете Советского Союза о том, что „уродливое дитя Версальской системы перестало существовать“». Молотов стушевался и в дальнейших спорах участия уже не принимал⁸⁷. Несколько иначе описывает этот эпизод В. Намёткевич. По его словам, В. М. Молотов в ходе дискуссии выступил («холодно и решительно») с продолжительной информацией, в которой перечислил все, что знали в Кремле об антисоветских митингах и опубликованных в польской печати антисоветских материалах. Наступила гнетущая тишина. И тут В. Гомулка сказал: «Товарищ Молотов, после того, что вы сказали о Польше в 1939 г., трудно понять, почему вы имеете смелость приезжать в Польшу»⁸⁸. Из этого сопоставления видно, что слова Гомулки не одинаковы, но смысл их один и тот же.

Р. Лось утверждает, что во время переговоров будто бы состоялась беседа Гомулки с Хрущевым, что она шла без свидетелей, поскольку Гомулка мог (сносно) объясняться на русском языке. О чем был разговор — неизвестно, может быть, пишет польский исследователь, Гомулка в главных чертах рассказал Хрущеву об основных идеях своего программного выступления на пленуме⁸⁹. Мне же сама возможность такой беседы представляется маловероятной, поскольку вовсе не вытекала из логики переговоров, нервных и чрезвычайно напряженных⁹⁰. Примечательно, что Н. С. Хрущев в своих воспоминаниях о ней даже не упоминает. Да и в самом деле: нужен ли был такой отдельный разговор за закрытыми дверями?

Оценить состоявшиеся в Бельведере переговоры однозначно, пожалуй, нельзя. С одной стороны, делегацию КПСС не могло удовлетворить положение «отыгрывающейся команды»: под нажимом польской стороны пришлось фактически признать, что движение советских танковых дивизий в направлении Варшавы — это ошибочное военно-политическое решение. Пришлось также уступить и по другим вопросам: пересмотреть цены на уголь за период 1946—1954 гг. («специальная цена»); принять к сведению, что отныне ЦК ПОРП свои ключевые кадровые вопросы будет решать без консультаций

с ЦК КПСС, особенно вопрос о лидере партии; согласиться с тем, что из польских силовых структур в самом скором времени будут отозваны на родину советские офицеры на командных должностях и военные советники. Но, с другой стороны, достигнута была взаимоприемлемая договоренность о снятии напряженности, состояния кризиса в советско-польских межгосударственных и межпартийных отношениях. В официальном заявлении для печати говорилось, что в скором времени в Москве состоится второй раунд переговоров в целях обсуждения «проблемы дальнейшего углубления политического и экономического сотрудничества» между ПНР и СССР, «дальнейшего укрепления братской дружбы и совместных действий» ПОРП и КПСС⁹¹. Имелось в виду, среди прочего, что в польской печати будет поставлена преграда антисоветским высказываниям.

Необходимо понять причины уступчивости Н. С. Хрущева в столкновении с В. Гомулкой, ведь советского лидера в международных кругах знали отнюдь не как покладистого человека. Думается, дело здесь не только в упомянутых заверениях Гомулки и его твердой позиции в ходе переговоров. Как опытному и изворотливому политику Хрущеву надо было взвешивать взаимодействие многих, нередко противоречивых факторов, просчитывать возможные последствия своих решений, принимаемых подчас в экстремальных ситуациях. А именно такова была в тот момент реальность. Свою роль играла информация, получаемая в ходе трудной дискуссии в Бельведере. В частности, Хрущев узнал, что позиция К. Рокоссовского в качестве министра национальной обороны ПНР существенно поколебалась: донесения, которые маршал оперативно получал из военных округов, приводили к заключению, что в случае военного столкновения его приказы не будут выполняться. Действительно, правительственные круги, а в значительной мере и армия, потеряли к нему былое доверие, обвиняли в проведении антипольской линии (не всегда справедливо). Как уже не раз говорилось, на многочисленных в ту пору митингах часто высказывались требования отправить министра обороны обратно в Советский Союз. Должен был Хрущев помнить и о ситуации в Венгрии, где в это же время глубокий политический кризис шел к своей кульминации: коммунистический режим подвергался здесь ожесточенной

критике со всех сторон; повсеместно давали о себе знать антисоветские настроения; муслировалась идея выхода Венгрии из Варшавского пакта. Таким образом, вполне реальной могла быть перспектива создания своеобразного «блока» Польша — Венгрия, настроенного оппозиционно по отношению к СССР.

А. Вэрблян, размышляя о политической линии руководителей КПСС, выдвинул версию китайского фактора; он убежден, что решающую роль в событиях сыграла позиция лидеров КПК (публично, правда, не формулируемая): они сдерживали советских политиков в их стремлении вмешиваться в дела своих партнеров по Варшавскому договору, оказывали моральную поддержку польской стороне⁹². Приводимые польским историком соображения заслуживают самого пристального внимания, но все же прямых и достоверных доказательств не содержат. И потому точка зрения А. Вэрбляна — лишь серьезная научная гипотеза. На мой взгляд, «венгерский фактор» в тот момент Н. С. Хрущевым воспринимался уже как более актуальный. В Венгрии по всем признакам назревала катастрофа. Разговоры советских и китайских политиков в Москве еще только предстояли.

3. Триумф «Веслава». На VIII пленуме ЦК ПОРП работа возобновилась утром 20 октября⁹³. За столом президиума, уже как бы на законном основании, место занял В. Гомулка, и это придало особый смысл всему происходившему. С упоминавшейся выше информацией о переговорах ПОРП—КПСС выступил А. Завадский, затем на трибуну по требованию членов пленума вышел К. Рокоссовский, чтобы дать пояснения по поводу движения советских танковых подразделений по польской государственной территории. По его заявлению, танки двигались в направлении Быдгощи и Лодзи в полном соответствии с предварительно согласованным планом маневров, причем министр обороны подчеркнул, что уже обратился к советскому командованию с просьбой вернуть их в места постоянной дислокации⁹⁴. Но его словам, как это видно из стенограммы заседания, не поверили.

В программном выступлении В. Гомулки, открывшем обсуждение волновавших все польское общество проблем, польско-советские отношения были поставлены в центр

внимания. Они рассматривались в двух плоскостях: как межпартийные, то есть как взаимоотношения ПОРП и КПСС, и как межгосударственные. Суть предложенной им концепции формулировалась следующим образом: «Взаимоотношения между партиями и государствами лагеря социализма не дают и не должны давать никаких поводов к каким-либо осложнениям. В этом состоит одна из главных черт социализма. Эти отношения должны формироваться по принципам международной рабочей солидарности, должны основываться на взаимном доверии и равноправии, на оказании взаимной помощи, на взаимной дружеской критике, если она окажется нужной, на разумном и вытекающем из духа дружбы и из духа социализма решении всех спорных вопросов. В рамках таких отношений каждая страна должна пользоваться полной независимостью и самостоятельностью, а право каждого народа на суверенное управление в независимой стране должно соблюдаться полностью и взаимно»⁹⁵. В подобном духе проблематика польско-советских отношений рассматривалась и в итоговом документе пленума.

В дискуссии по данной проблеме высказывались многие, причем очерченная новым польским лидером концепция сомнению не подвергалась. В ряде выступлений советский опыт строительства социализма отвергался как не соответствующий польским историческим, социальным и культурным реалиям, а потому неприемлемым. Идеология «польского пути к социализму», вновь обретшая право на жизнь, базировалась теперь на критическом осмыслении сталинизма. Во многих выступлениях участников пленума антисоветские высказывания в средствах массовой информации подверглись осуждению, раздавались даже жесткие призывы усилить партийный контроль в этой сфере.

Идея суверенитета Польши и постановки отношений с Советским Союзом на новую, более справедливую основу соответствовала ожиданиям польского общества. И когда В. Гомулка был избран первым секретарем ЦК ПОРП, едва ли не большинство поляков восприняли этот факт как желанный и справедливый, отвечающий насущным потребностям переживаемого нацией момента. Об эйфории тех дней поляки старшего поколения до сих пор нередко вспоминают с некоторой долей ностальгии. Тогда большинство поляков —

разных возрастов и политических убеждений — связывали с возвращением В. Гомулки в большую политику надежды на углубление процессов демократизации в стране и в ПОРП, на совершенствование политической системы, выправление трудной экономической ситуации. Мнение общественности было единым: восхождение В. Гомулки на вершину властной пирамиды означало поражение консервативных сил в ПОРП.

Как бы ни относились в Москве к аскетичному, не терпевшему возражений польскому коммунистическому лидеру, около двух лет назад еще находившемуся в самой строгой изоляции, приходилось считаться с новой ситуацией, так или иначе приспособившись к ней, чтобы оставаться на почве реальности. Два дня спустя после пленума Н. С. Хрущев в телефонном разговоре с В. Гомулкой подтвердил, что он «не видит никаких препятствий к тому, чтобы партийные и государственные взаимоотношения между СССР и Польшей основывались на принципах, изложенных VIII пленумом ЦК ПОРП»⁹⁶.

В глазах польского общественного мнения руководители ПОРП, и в первую очередь, безусловно, В. Гомулка, одержали серьезную моральную победу в своем стремлении стабилизировать ситуацию в стране. Правда, общественность о ходе переговоров с советской делегацией имела явно недостаточную информацию: в газетах появилось очень короткое, вызвавшее много вопросов коммюнике о приезде делегации КПСС. Но какие-то сведения все же тем или иным путем просачивались из-за дверей зала, в котором происходило действие пленума, и сразу же становились достоянием улицы, повсюду оживленно комментировались. Польское радио полностью, без каких-либо изъятий транслировало выступление В. Гомулки, и оно повсюду выслушивалось с неподдельным вниманием. Это был индикатор сопричастности нации тому, что происходило в стране. Потом непривычно оперативно вышел журнал «Нове дроги», в котором была опубликована стенограмма VIII пленума ЦК ПОРП (специально подготовленная как для членов партии, так и более широких читательских кругов⁹⁷), в ней можно было познакомиться с информацией А. Завадского о польско-советских межпартийных переговорах и выступлениями участников пленума. Журнал

молниеносно раскупался в газетных киосках и, как говорится, зачитывался до дыр.

Когда на пленуме огласили результаты голосования в новый состав руководства ПОРП, оказалось, что К. Рокоссовский в Политбюро не попал, набрав всего 23 голоса из 75 участвовавших в голосовании членов ЦК⁹⁸. Это означало близкое завершение «польского периода» в биографии выдающегося советского полководца, не по своей воле оказавшегося в польских партийно-правительственных кругах. Итоги выборов нового состава Политбюро (В. Гомулка, С. Ендрыховский, А. Завадский, Р. Замбровский, И. Лёга-Совиньский, Е. Моравский, Э. Охаб, А. Рапацкий, Ю. Циранкевич) и Секретариата ЦК ПОРП (Е. Альбрехт, Э. Герэк, Р. Замбровский, В. Матвин, Э. Охаб, В. Ярославский) повсеместно были встречены с энтузиазмом, даже людьми, далекими от идей социализма.

По окончании пленума не ослабела волна митингов и манифестаций. В Гданьске молодежь и партийные низы оказывали сильное давление на воеводский комитет ПОРП, руководители которого не желали никаких перемен. «Особенно массовый и тревожный характер приняли имевшие место 22 октября митинги на заводе в Гданьской судовой верфи, металлургическом заводе и на городской площади у политехнического института», — читаем в одном из документов советского посольства. В общегородском митинге участвовало 35—40 тыс. человек, причем присутствовал здесь секретарь ЦК ПОРП В. Матвин⁹⁹. Если приведенные данные верны, то следует признать: за пределами польской столицы это было одно из самых многочисленных спонтанных собраний граждан, выражавших свою поддержку новому руководству ПОРП и связывавшему свои надежды с демократизацией страны. Более 30 тыс. человек митинговали в Щецине. Митинги устраивала и студенческая молодежь Вроцлава. В тот же самый день, 22 октября, во вроцлавском политехническом институте на митинге собралось около 10 тыс. студентов, преподавателей вуза и заводских рабочих¹⁰⁰. Массовый митинг затем превратился в уличную демонстрацию под антисоветскими лозунгами, в ходе которой часть агрессивной настроенной молодежи вторглась в помещение местного общества польско-советской дружбы и нанесла ему значительный ущерб. Общей чертой

митингов в Гданьске, Щецине и Вроцлаве была рельефно выраженная в лозунгах, неприятная для Кремля, тенденция: «убрать иностранные войска из Польши», «долгой Рокоссовского», «польскому войску — польских командиров», «отстоим суверенитет польского государства». И тому подобное. Как и по всей стране. Порожденная митингами и манифестациями эйфория свободы, понимаемая агрессивными, радикально настроенными людьми как вседозволенность, продолжалась еще несколько дней. Такого же рода митинги имели место в Гливице. 23 октября 70 тыс. человек собрались на митинг в Люблине, 100 тыс. — в Познани. Рабочие и студенчество митинговали в Кракове, Ополе, Лодзи, Кельце, Ольштыне, Быдгоше, Кошалине и других местах. Это было подлинно массовое общественное движение. Доминирующая его направленность, несмотря на отдельные антисоветские тенденции, — выражение самыми разными способами поддержки новому коммунистическому лидеру.

После самого крупного митинга в столице 24 октября 1956 г. (по разным данным, собралось от 300 до 500 тыс. человек; сохранившиеся кадры польской кинохроники тех дней свидетельствуют, что это и в самом деле было внушительное, поражающее воображение событие), на котором В. Гомулка выбросил лозунг «Хватит митинговать!»¹⁰¹, началась полоса постепенной стабилизации обстановки в стране. Тем самым, как подчеркивают авторитетные польские исследователи темы, в Польше получил окончательное разрешение конфликт в элите власти, снято напряжение между властью и обществом, польско-советские межпартийные и межгосударственные отношения продолжили свое развитие уже на качественно ином уровне¹⁰². В. Гомулка, как утверждают некоторые люди из его окружения, опасался встречи с столь внушительной массой возбужденных жителей столицы, однако он по достоинству оценил политическую важность момента, взял себя в руки и сумел выстроить свою речь так, что она удовлетворила все наиболее активные слои населения. Общего позитивного впечатления от того дня, запечатлевшегося в исторической памяти поляков, не смазали даже несколько демонстраций под антисоветскими лозунгами в разных районах Варшавы (одна из демонстраций направилась к советскому

посольству, но на подходах к нему была своевременно заблокирована мотострелками)¹⁰³.

4. Москва: «Вопросы Польши». 20 октября на рассвете делегация КПСС покинула Варшаву, а днем VIII пленум ЦК ПОРП — знаковый не только в истории польского коммунистического движения, но и, смело можно сказать, в истории Польши — продолжил свою работу. В исторической литературе анализ событий, как правило, обрывался на избрании нового польского руководства и варшавском митинге 24 октября. Дальнейшее описание касалось только внутренних польских сюжетов. Исследователи не располагали необходимой информацией о том, что происходило в Москве в ближайшие дни после отбытия советской делегации из Польши. Теперь лакуну можно заполнить. Кое о чем рассказал впоследствии Н. С. Хрущев, но его воспоминания в силу конкретных причин неполны, о чем-то вполне сознательно умалчивают, а многие факты, важные для нынешних исследователей, вероятно, просто забылись. Зато сохранился очень ценный документ — упоминавшиеся не раз черновые протокольные записи заседаний Президиума ЦК КПСС, или так называемые «заметки» В. Н. Малина. Они-то и являются в данном случае незаменимым источником и свидетельствуют о том, что в тот непродолжительный период «польская проблема» для советской политической элиты выдвинулась на передний план. Лобовое столкновение 19 октября в Бельведере показало — время безропотной уступчивости партнеров по Варшавскому пакту своему «старшему брату» отходило в прошлое пусть постепенно, но с фатальной неизбежностью.

20 октября — в день возвращения в Москву — Н. С. Хрущев созвал Президиум ЦК КПСС, чтобы информировать об итогах встречи с руководителями ПОРП. В своих заметках В. Н. Малин зафиксировал довольно непосредственную, нервную реакцию участников заседания на польские события: «Выход один — покончить с тем, что есть в Польше». Судя по имеющемуся в протоколе перечню выступавших, это — высказывание Н. С. Хрущева. Следует ли его слова понимать буквально (если мысль Хрущева адекватно передана автором «заметок»)? На мой взгляд, речь здесь идет о таких «мероприятиях» в отношении ПНР, которые бы повлияли, по мнению

советского руководства, на стабилизацию положения в стране и в том числе решили неурегулированные проблемы советско-польских отношений. При этом обращает на себя внимание жесткая критическая оценка деятельности посла П. К. Пономаренко, а именно допущенная им «грубая ошибка <...> в оценке Охаба и Гомулки»¹⁰⁴. Что конкретно говорилось в сообщениях советского посла, какими характеристиками удостаивал он того и другого — этого пока сказать нельзя ввиду отсутствия соответствующих шифртелеграмм и информационных записок из Варшавы. Можно, например, высказать предположение, что Э. Охоб в его глазах выглядел политическим деятелем, поставившим своей целью сориентировать Польшу в сторону западных стран. А что посол думал о В. Гомулке? Пока это вопрос остается открытым.

Единственный пункт повестки дня заседания Президиума ЦК КПСС на следующий день (21 октября) был сформулирован предельно кратко: «Вопросы Польши». Уже одно это говорило о значимости рассматривавшихся проблем. Заседали с перерывом. Сначала обсуждали (выступило 10 человек) дилемму: «Какую линию вести: а) влиять и следить за событиями [в Польше]; б) или пойдем по пути вмешательства». Так зафиксировал «для себя» в своих заметках В. Н. Малин. Очевидно, имелся в виду возможный политический прессинг на польское руководство. К этому моменту участникам заседания уже было известно содержание программного выступления В. Гомулки на VIII пленуме ЦК ПОРП, с которым он выступил 20 октября; ситуация начала проясняться. Высказывания нового польского коммунистического лидера об актуальном состоянии и перспективах польско-советских отношений уже не вызывали острой обеспокоенности в Кремле, и Н. С. Хрущев позволил себе заявить категорически: «Учитывая обстановку, следует отказаться от вооруженного вмешательства. Проявить терпимость». После этих слов в протокольной записи следует ремарка В. Н. Малина: «Все согласны»¹⁰⁵. Так был выработан важный принцип стратегии советско-польских отношений на ближайший период.

22 октября утверждается текст письма ЦК КПСС на имя В. Гомулки о решении упразднить институт советских советников при Комитете общественной безопасности ПНР, отзые их из Польши, а равно и советских офицеров и генералов,

служивших на разных ответственных должностях в Войске Польском¹⁰⁶. Таким образом, предварительные шаги по данному вопросу, сделанные на встрече Охав—Микоян в Москве 11 сентября, получили свое продолжение. В духе идеологических догм того времени было принято решение не публиковать в советской печати программного выступления В. Гомулки, чтобы не вызывать «лишних вопросов» в обществе. Н. С. Хрущев объяснял это так: «В Советском Союзе выступление товарища Гомулки не станут публиковать, так как оно требует комментариев, а они повели бы к дальнейшим дискуссиям, что нежелательно»¹⁰⁷. Вот в этом все дело. Исследователи располагают рядом ценных свидетельств¹⁰⁸, показывающих неподдельное внимание и заинтересованность, с которыми — в частности, в Москве — гуманитарная и научно-техническая интеллигенция, а также студенчество, следили за событиями в Польше, насколько это позволяли довольно скупая на польскую проблематику советская центральная печать и поступающая в СССР в розничную продажу и подписчикам польская пресса. Не трудно представить, какую содержательную информацию для размышления дала бы тогдашнему советскому читателю речь В. Гомулки на VIII пленуме ЦК ПОРП.

Государственное издательство политической литературы, стоявшее на страже коммунистической ортодоксии, не включало программного выступления польского лидера в его сборники статей и речей, которые с конца 50-х гг. начали издаваться в СССР в переводе с польского. Правда, поляки сами проявили инициативу, оперативно опубликовав русский перевод в виде отдельной брошюры, но она осталась тогда советскому читателю неизвестной, а в некоторых советских специализированных библиотеках если и имелась, то только на особом хранении.

Запланированное совещание партийно-государственных деятелей соцстран состоялось 24 октября в усеченном составе, так как албанцы и румыны его проигнорировали, венграм было не до поездок, а поляков первоначально даже вообще не поставили в известность о совещании и его целях и лишь после того, как ПОРП возглавил В. Гомулка и определилась программа его действий на ближайшую перспективу, приглашение ему было направлено, но он сообщил по телефону

23 октября, что может приехать в Москву не ранее 8 ноября. Совещание приняло фактически статус расширенного заседания Президиума ЦК КПСС. Прибыли представители Болгарии (первый секретарь ЦК БКП Тодор Живков, член Политбюро, председатель Совета Министров НРБ Антон Югов, член Политбюро, председатель Национального собрания НРБ Георгий Дамянов), ГДР (первый секретарь ЦК СЕПГ Вальтер Ульбрихт, член Политбюро, председатель Совета Министров ГДР Отто Гротеволь и его заместитель, член Политбюро Вилли Штоф), Чехословакии (первый секретарь ЦК КПЧ Антонин Новотный). Китай представляла делегация в составе четырех человек: члена Политбюро ЦК КПК, заместителя председателя ЦК КПК Лю Шаоци, генерального секретаря ЦК Дэн Сяопина, кандидата в члены Политбюро ЦК Лу Дина и заведующего отделом ЦК Ван Цзесяна¹⁰⁹. Любопытно, что с китайскими представителями члены Президиума ЦК КПСС встретились несколько раз на отдельных заседаниях. Что бы могли означать такие сепаратные переговоры — выяснение позиции руководителей КПК в связи с кризисом в Польше, отношение их к советскому военному демаршу в канун и в ходе работы VIII пленума ЦК ПОРП? Пока достаточного полного ответа на эти вопросы, подкрепленного необходимыми документальными материалами, дать нельзя.

«Заметки» В. Н. Малина о заседании 24 октября («Информация о положении в Польше и Венгрии») чрезмерно скупы, совсем не содержат сведений о содержании выступления Н. С. Хрущева, зато упоминают о самом главном, что было сказано приглашенными иностранными гостями. Иное дело записка-отчет А. Новотного, составленная его личным помощником-секретарем Яном Свободой; она, по-видимому, достаточно подробно пересказывает информацию Н. С. Хрущева¹¹⁰. Открывая заседание, он первоначально намеревался проинформировать только о поездке делегации КПСС в Польшу, но, подчеркнул Хрущев, «за это время произошли тревожные события в Венгрии, и потому он считает необходимым» рассказать о ситуации, сложившейся в этой стране. Имелось в виду национально-освободительное восстание в Будапеште, выросшее из демонстраций молодежи в поддержку студенческих митингов в Польше 23 октября. Касаясь польских аспектов, Хрущев отметил узловые моменты дискуссии в Бельведере:

напряженная атмосфера польско-советских переговоров, марш советской танковой дивизии на Варшаву, «угольная проблема», вопрос о советских советниках в польском ведомстве общественной безопасности и советских военнослужащих в Войске Польском, кадровые перестановки в польских партийных верхах. Далее Хрущев подчеркнул, что на VIII пленуме ЦК ПОРП «большинство ораторов выступало за дружбу с Советским Союзом и странами народной демократии», из чего он сделал такой вывод: «У ЦК КПСС сложилось мнение, что в отношениях с Польшей следует избегать нервозности и торопливости. Надо помочь польским товарищам выработать уравновешенную партийную линию и все сделать в интересах того, чтобы связи между Польшей и СССР, а также между Польшей и другими странами народной демократии, снова упрочились». В ходе обсуждения информации П. К. Пономаренко доложил о выступлении В. Гомулки на многотысячном митинге варшавян 24 октября, когда он призвал перейти от манифестаций к труду на благо своего отечества. «По мнению товарища Хрущева, эта речь товарища Гомулки обнадеживает в том отношении, что Польша взяла курс на исправление сложившейся нежелательной ситуации», — так заключает составитель документа ту часть записки, которая касалась польских проблем¹¹¹.

Реакция иностранных участников заседания была весьма умеренной, даже осторожной. В. Ульбрихт посчитал правильными предложения ЦК КПСС относительно дальнейшей тактической линии на польском направлении, А. Новотный пожаловался на то, что поляки недодают Чехословакии половины обещанного угля, а Т. Живков и А. Югов согласились с общей оценкой положения в Польше и Венгрии¹¹². Этим, собственно, повестка дня была исчерпана.

В тот же день состоялось заседание Президиума ЦК КПСС совместно с Лю Шаоци, который, как сказано в конспективной записи его выступления (выполнена В. Н. Малиным) целиком одобрил «мероприятия ЦК [КПСС] по Польше»¹¹³. На заседаниях высшего советского партийного руководства Лю Шаоци выступал еще дважды — 26 и 30 октября, причем по указанию Мао Дзедуня, полученному непосредственно из Пекина по специальной связи, заявил, что советские войска ввиду сложившихся обстоятельств «должны остаться в Венгрии и в Будапеште»¹¹⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Byłem sekretarzem Gomułki. Z Walerym Namiotkiewiczem rozmawia Grzegorz Sołtysiak. Warszawa, 2002. S. 30–31.
- ² AAN. PZPR. KC. Sygn. V/42. K. 168; *Rykowski Z., Władyka W.* Polska próba '56. Kraków, 1989. S. 228. Между прочим, в протокол заседания было внесено такое решение: «Политбюро признало нецелесообразным возратить городу Сталиноград старое название Катовице». В какой-то мере это характеризует настроения, свойственные части высшего политического руководства Польши.
- ³ Centrum władzy. Protokoły posiedzeń kierownictwa PZPR. Wybór z lat 1949–1970 // Dokumenty do dziejów PRL. Zeszyt 13 / Oprac. A. Dudek, A. Kochański, K. Persak. Warszawa, 2000. S. 187.
- ⁴ Ibidem. S. 188.
- ⁵ АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 141. Л. 128–129.
- ⁶ Там же. Л. 129–130.
- ⁷ Там же. Л. 132.
- ⁸ Centrum władzy... S. 188–189.
- ⁹ Ibidem. S. 190.
- ¹⁰ AAN. PZPR. KC. Sygn. V/41. K. 29–36; Gomułka i inni. Dokumenty z archiwum KC 1948–1982 / Oprac. J. Andrzejewski [A. Paczkowski]. Londyn, 1987. S. 90–98.
- ¹¹ AAN. PZPR. KC. Sygn. V/41. K. 32.
- ¹² АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 141. Л. 135.
- ¹³ Обсуждавшийся текст проекта постановления VIII пленума, по-видимому, не сохранился.
- ¹⁴ Протокольная запись целиком опубликована в кн.: Centrum władzy... S. 192–206
- ¹⁵ Centrum władzy... S. 207–214.
- ¹⁶ АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 141. Л. 134–143.
- ¹⁷ *Хрущев Н. С.* Время. Люди. События. (Воспоминания в 4-х кн.). Кн. 3. М., 1999. С. 235.
- ¹⁸ Здесь требуется ремарка источниковедческого свойства: Н. С. Хрущев пишет, что разговор с Э. Охабом состоялся в период работы пленума ЦК, но это — все та же ошибка памяти. Имеется свидетельство В. Гомулки о том, что Хрущев намеревался приехать в Варшаву именно 17 октября. См.: АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40, 1956 г. П. 336. Д. 10. Л. 108.
- ¹⁹ *Torańska T.* Oni. Warszawa, 2004. S. 94.
- ²⁰ Centrum władzy... S. 215.

- ²¹ СССР и Польша: Постановления и рабочие записи заседания Президиума ЦК КПСС. Сост. Е. Д. Орехова, В. Т. Серeda. Предисловие А. М. Орехова // Исторический архив. 1996. № 5–6. С. 181. Не чем иным, как только ошибкой памяти можно объяснить утверждение Н. С. Хрущева, будто в Варшаву в составе делегации ЦК КПСС отправился и Н. А. Булганин (см.: *Хрущев Н. С.* Указ. соч. С. 235). На самом деле советский премьер-министр как раз 19 октября участвовал (вместе с Г. К. Жуковым) в советско-японских переговорах в Москве. См.: Правда. 20.10.1956.
- ²² СССР и Польша... С. 181–182.
- ²³ См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / Отв. редакторы Т. М. Исламов, И. Вида. Редакторы-составители Е. Д. Орехова, В. Т. Серeda, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 366.
- ²⁴ Centrum władzy... S. 215. В. Гомулку о визите Н. С. Хрущева и его команды предупредил лично П. К. Пономаренко (*Skrzypek A.* Polska we wspólnocie socjalistycznej (1956–1969). Zarys stosunków politycznych. Warszawa, 1988. S. 26.
- ²⁵ См.: Słowo Pwsechne. 16.10.1956.
- ²⁶ Цит. по: *Władyka W.* Na czołówece. Prasa w październiku 1956 roku. Warszawa; Łódź, 1989. S. 361.
- ²⁷ *Micewski A.* Współrzędzić czy nie kłamać? Pax i Znak w Polsce 1945–1976. Warszawa, 1981. S. 85.
- ²⁸ В свое время К. Сыроп высказался в том духе, что статья была инспирирована лагерем натолинцев (см.: *Сыроп К.* Весна в Октябре. Польская революция 1956 года. Нью-Йорк, 1961. С. 93). Мне это представляется маловероятным, скорее — одной из многих легенд «Октября-56».
- ²⁹ *Tyrmand L.* Sprawa Piaseckiego // Świat. 18.11.1956. № 47.
- ³⁰ *Micewski A.* Op.cit. S. 177–178; *Życie Warszawy.* 23.10.1956.
- ³¹ Po prostu. 28.10.1956.
- ³² Trybuna Ludu. 10.10.1956; Sztandar Młodych. 10.10.1956.
- ³³ Текст письма см.: Po prostu. 21.10.1956.
- ³⁴ *Kuroń J.* Wiara i wina: Do i od komunizmu. Warszawa, 1990. S. 108–109.
- ³⁵ Цит. по: *Rykowski Z., Władyka W.* Polska próba: Październik'56. Kraków, 1989. S. 234.
- ³⁶ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40, 1956 г. П. 336. Д. 10. Л. 81–82. Из беседы вице-консула СССР в Кракове А. В. Иванцова с секретарем воеводского комитета ПОРП в Кракове С. Недузяком 19 октября 1956 г.
- ³⁷ *Gazeta Krakowska.* 20–21.10.1956; *Sztandar Młodych.* 19.10.1956; *Kwiek J.* Rok 1956 w Krakowie i w województwie: (Wybrane problemy). Kraków, 1999. S. 34–36.
- ³⁸ Tygodnik Demokratyczny. 24–30.10.1956. № 43. S. 2.

- ³⁹ Centralne Archiwum Historyczne Stronnictwa Demokratycznego. Posiedzenia plenarne. Sygn. 57. K. 87. Из стенограммы заседания пленума ЦК ДП 8 октября 1956 г. Ср.: Tygodnik Demokratyczny. 24–30.10.1956. № 43. S. 3.
- ⁴⁰ См.: Stronnictwo Demokratyczne w Polsce Ludowej. Cz. II T. 1: Wybór dokumentów z lat 1950–1958. Warszawa, 1970. S. 294.
- ⁴¹ Подробнее см.: *Wojtas A.* Myśl polityczna Zjednoczonego Stronnictwa Ludowego w latach 1949–1962: Studium z dziejów zniewolonego ruchu politycznego. Toruń, 1991. S. 81–82.
- ⁴² См. подробнее: *Ignar St.* Sojusz i samodzielność. Artykuły i przemówienia. Warszawa, 1983. S. 14–17. Из доклада «Позиция ОКП в политических, экономических и культурных вопросах, а также задачи партии» на IV пленуме ГК ОКП 18 октября 1956 г.
- ⁴³ Archiwum Zakładu Historii Ruchu Ludowego. Prezydium NK ZSL. V/94. K. 38–39. Из стенограммы IV пленума ГК ОКП 18 октября 1956 г. См. также выступления З. Яськевича (19 октября), В. Гарницарчика (19 октября), К. Банаха (19 октября), Ст. Игнара (20 октября), Б. Поддворного (20 октября): Л. 330, 341–342, 348, 417, 463–464, 513.
- ⁴⁴ См., например, квалификацию нового лидера людовцев в записке советника посольства СССР в Варшаве В. А. Карпова «О положении в Объединенной крестьянской партии» от 31 мая 1956 г.: «Игнар является типом мелкобуржуазного политического деятеля, для которого характерны различного рода политические комбинации» (АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40, 1956 г. П. 340. Д. 51. Л. 108). См. также: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 397. Л. 303.
- ⁴⁵ *Torańska T.* Op. cit. S. 188–189.
- ⁴⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 5. Л. 102–103. Запись беседы советника Посольства СССР в Варшаве Ю. В. Бернова с начальником управления разведки пограничных войск ПНР Ю. Валуком, состоявшейся 27 апреля 1957 г.
- ⁴⁷ *Kowalski L.* Generałowie. Warszawa, 1992. S. 103.
- ⁴⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 5. Л. 103.
- ⁴⁹ *Бернов Ю. В.* Записки дипломата. М., 1995. С. 46.
- ⁵⁰ *Сыроп К.* Указ. соч. С. 101–102. К. Сыроп, по его уверению, опирался на сообщение «хорошо осведомленного корреспондента» французской газеты «Монд» от 22 ноября 1956 г.
- ⁵¹ Centrum władzy... S. 216.
- ⁵² *Хрущев Н. С.* Указ. соч. С. 235.
- ⁵³ Там же. С. 236.
- ⁵⁴ Nowe Drogi. 1956. № 10. S. 14.
- ⁵⁵ См.: АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40, 1956 г. П. 336. Д. 10. Л. 99.

- ⁵⁶ См.: *Torańska T.* Op. cit. S. 95; *Rozmowy...* S. 106. В своей недавней работе об «Октябре '56» А. Вэрблян вновь заявил, что никаких протоколов польская сторона не вела (*Werblan A. Październik '56. Między legendą a rzeczywistością // Dziś (Warszawa).* 2002. № 3. S. 85. Так ли это? Опять вопрос без ответа. Впрочем, могла быть магнитофонная запись польских спецслужб (полковник З. Пашковский).
- ⁵⁷ *Nowe Drogi.* 1956. № 10. S. 17–18.
- ⁵⁸ Эта фраза Н. С. Хрущева также впечатана в текст протокола на русском языке.
- ⁵⁹ *Centrum władzy...* S. 216. *Ńd.: Władyka W. Październik 56. Warszawa,* 1994. S. 61.
- ⁶⁰ См.: *Орехов А. М.* К истории польско-советских переговоров 19 октября 1956 г. в Бельведере (по новым материалам) // *Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран / Отв. ред. Ю. С. Новопашин. М., 1997. С. 130–156.*
- ⁶¹ *Бернов Ю. В.* Указ. соч. С. 48.
- ⁶² См., например: *Jaworski M. Kryzys społeczno-polityczny 1956 roku // Przesilenia i zwroty w dziejach Polski Ludowej. Zeszyty Naukowe Wojskowej Akademii Politycznej.* № 110. Warszawa, 1982. S. 88; *Werblan A.* Op. cit. S. 86; *Skrzypek A. Mechanizmy uzależnienia: stosunki polsko-radzieckie 1944–1957. Pułtusk,* 2002. S. 403, 417.
- ⁶³ *Werblan A.* Op. cit. S. 85.
- ⁶⁴ *Trybuna Ludu.* 20.10.1956. То же самое подтверждает и Ю. В. Бернов.
- ⁶⁵ *Zambrowski R. Dziennik // Krytyka (Warszawa).* 1980. № 6. S. 71–72.
- ⁶⁶ *Torańska T.* Op. cit. S. 95.
- ⁶⁷ См.: *Rozmowy kierownictwa PZPR z delegacją KPZR. Nieznane dokumenty z października 1956 r. / Przygotowali A. Werblan i J. Stępień // Dziś (Warszawa).* 1995. № 4. S. 107–109.
- ⁶⁸ *Ibidem.* S. 109.
- ⁶⁹ *Zambrowski R.* Op. cit. S. 71–72.
- ⁷⁰ *Хрущев Н. С.* Указ. соч. С. 239.
- ⁷¹ Там же. С. 238. На самом деле советские танковые подразделения «снялись» накануне, т. е. 18 октября.
- ⁷² *Zambrowski R.* Op. cit. S. 72.
- ⁷³ См.: *Torańska T.* Op. cit. S. 188.
- ⁷⁴ *Хрущев Н. С.* Указ. соч. С. 238–239.
- ⁷⁵ *Rozmowy...* S. 110.
- ⁷⁶ *Хрущев Н. С.* Указ. соч. С. 238.
- ⁷⁷ Там же. С. 239.
- ⁷⁸ *Rozmowy...* S. 110.

⁷⁹ Хрущев Н. С. Указ. соч. С. 239.

⁸⁰ Во время встречи с Чжоу Эньлаем в январе 1957 г. в Варшаве В. Гомулка несколько иначе описывал данные события: «В ходе переговоров мы получали донесения, что расположенные в Польше советские военные части начали марш в направлении Варшавы. На наши вопросы, что это означает, советская делегация твердила, что это давно запланированные военные маневры. Мы заявили советским товарищам, что независимо от того, как есть на самом деле, в глазах польского общества „маневры“ эти будут поняты как нажим на правительство и на партию, и потребовали категорическим образом прекращения движения войск и возвращения броневых частей на свои базы. Тогда тов. Хрущев велел принимавшему участие в переговорах маршалу Рокоссовскому, чтобы он передал маршалу Коневу прекратить эти маневры, чего однако не наступило» (Tajne dokumenty Biura Politycznego: PRL — ZSSR 1956—1970 / Wstęp A. Paczkowskiego. Londyn, 1998. S. 10).

⁸¹ Łoś R. Polska — ZSRR 1956. Łódź, 1999. S. 54—65; Kowalski L. Op. cit. S. 119.

⁸² Ćicewski A. Op. cit. S. 86.

⁸³ См.: АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40 1956 г. П. 336. Д. 10. Л. 100; Rozmowy... S. 110.

⁸⁴ Nowe Drogi. 1956. № 10. S. 17.

⁸⁵ Trybuna Ludu. 20.10.1956.

⁸⁶ Ptasiński J. Drugi zwrot: Gomułka u szczytu powodzenia. Warszawa, 1988. S. 37—38.

⁸⁷ См.: Eisler J., Kupiecki R. Na zakręcie historii: rok 1956. Warszawa, 1992. S. 40—41.

⁸⁸ Byłem sekretarzem Gomułki... S. 32—33. В. Намёткевич опирался на результаты проведенных им расспросов сотрудников ЦК ПОРП, которые знали закулисную сторону бльведерских переговоров.

⁸⁹ Необходимой отсылки на источник польский историк не дает. См.: Łoś R. Op. cit. S. 67. А. Скшипек также склонен считать беседу Гомулка—Хрущев реальным фактом, но тоже не подкрепляет своего соображения отсылкой к источнику (Skrzypek A. Wpływ polityki Nikity Chruszczowa na wydarzenia w Polsce roku 1956 // Przełomowy rok 1956: Poznański Czerwiec. Polski Październik. Budapeszt. Materiały międzynarodowej konferencji naukowej. Poznań, 26—27 czerwca 1996 roku / Pod red. E. Makowskiego i S. Jankowiaka. Poznań, 1998. S. 68; Tenże. Mechanizmy uzależnienia... S. 412).

⁹⁰ Такую же точку зрения отстаивает и А. Вэрблян. Он пишет, что в 70-е гг. опрашивал некоторых участников бльведерской встречи, и все они возможность беседы Гомулка—Хрущев не подтверждали (Werblan A. Op. cit. S. 88).

- ⁹¹ Trybunu Ludu. 20.10.1956.
- ⁹² Daltonista. Z Andrzejem Werblanem o Władysławie Gomułce rozmawiają Ireneusz Białycki i Andrzej Chojnowski // Res Publica (Warszawa). 1990. № 11. S. 33.
- ⁹³ Подробнее о ходе VIII пленума см.: *Rykowski Z., Władyka W.* Op. cit. S. 236–249.
- ⁹⁴ См.: *Nowe Drogi*. 1956. № 10. S. 20
- ⁹⁵ *Гомулка В.* Речь на VIII Пленуме ЦК ПОРП 20 октября. Варшава, 1956. С. 37–38.
- ⁹⁶ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40, 1956 г. П. 336. Д. 10. Л. 108.
- ⁹⁷ Сопоставление опубликованной стенограммы с подлинником показывает, что расхождений имеется довольно много. Политбюро ЦК ПОРП поручило Е. Моравскому подготовить текст стенограммы к печати, «сомнительные вопросы» согласовывались непосредственно с В. Гомулкой (*Centrum władzy...* S. 224). В подлинном тексте обращает на себя внимание такой любопытный момент. Э. Охаб выразил уверенность, что со временем дискуссия «с советской делегацией будет опубликована», а пока она сохраняется в тайне (*AAN. PZRP. KC. Sygn. III/19. K. 18*). Может быть, тут имеется в виду опубликованная стенограмма или протокола дискуссии?
- При обращении к журнальному тексту стенограммы необходимо иметь в виду, что в выступлениях, касавшихся польско-советских отношений, слишком заостренные формулировки об СССР и КПСС были опущены (см.: *Centrum władzy...* S. 224. Комм. 4).
- ⁹⁸ *Nowe Drogi*. 1956. № 10. S. 157.
- ⁹⁹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40, 1956 г. П. 336. Д. 10. Л. 86–89. Из беседы вице-консула СССР в Гданьске Н. В. Олесова с секретарем президиума Гданьского отделения Общества польско-советской дружбы Я. Ксёнже 23 октября 1956 г.
- ¹⁰⁰ Подробнее см.: *Ciesielski St. Wrocław 1956. Wrocław, 1999. S. 130–132.*
- ¹⁰¹ Текст речи В. Гомулки см.: *Правда*. 25.10.1956
- ¹⁰² *Rykowski Z., Władyka W.* Op. cit. S. 236.
- ¹⁰³ *Torańska T.* Op. cit. S. 190–191; *Pes Publica*. 1990. № 6. S. 63.
- ¹⁰⁴ Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / Глав. ред. А. А. Фурсенко. Отв. составитель В. Ю. Афиани. Составители: З. К. Водопьянова и др. М., 2003. С. 174.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 175.
- ¹⁰⁶ СССР и Польша... С. 185–186.
- ¹⁰⁷ Советский Союз и венгерский кризис... С. 361. Записка А. Новотного, подготовленная Я. Свободой.

- ¹⁰⁸ См.: Косинова Т. События 1956 г. в Польше глазами советских диссидентов // Корни травы. Сб. статей молодых историков / Под ред. Л. С. Ереминой и Е. Б. Жемковой. М., 1996. С. 193–214.
- ¹⁰⁹ См.: Хрушев Н. С. «Если сказал „да“, то надо говорить и „б“». Стенограмма собрания партийного актива 4 ноября 1956 г. // Источник. 2003. № 6. С. 66.
- ¹¹⁰ Записка Я. Свободы хранится в бывшем Архиве ЦК КПЧ. В переводе на венгерский и английский языки опубликована Т. Хайду и М. Кремером соответственно в 1992 и 1995 гг. В переводе на русский — в кн.: Советский Союз и венгерский кризис... С. 359–365.
- ¹¹¹ Советский Союз и венгерский кризис... С. 361.
- ¹¹² СССР и Польша... С. 187.
- ¹¹³ Президиум ЦК КПСС... Т. 1. С. 178–179.
- ¹¹⁴ Там же. С. 188. Некоторые подробности пребывания делегации КПК в Москве см.: Источник. 2003. № 6. С. 66–67.

Глава 5

В посткризисном пространстве, или технология укрощения строптивых

1. От октября к ноябрю. Реализация заявленной В. Гомулкой новой политической линии началась с радикальных изменений в военном ведомстве. Еще 23 октября генерал К. Виташевский, давно зарекомендовавший себя открытой приверженностью к методам «завинчивания гаек», был смещен с должностей заместителя министра национальной обороны ПНР и начальника Главного политического управления Войска Польского. На следующий день в принудительный отпуск отправили К. Рокоссовского, с тем чтобы 13 ноября в ходе реорганизации Совета Министров ПНР освободить с постов министра национальной обороны и вице-преьера, после чего он почти сразу отбыл в Москву (как уже говорилось, все усилия некоторых членов ЦК ПОРП ввести его в новый состав Политбюро на VIII пленуме потерпели неудачу). Что касается официальных кругов Москвы, то здесь предпринятые польским руководством шаги не могли встретить понимания, в особенности устранение К. Рокоссовского из партийных и государственных органов.

На волне всеобщего недовольства подлежал ликвидации исчерпавший себя институт военных советников из СССР, сменились руководители политорганов и пр. На первые роли в военном ведомстве вернулся интеллигентный, но, как свидетельствуют хорошо знавшие его высокопоставленные военные деятели, нерешительный М. Спыхальский¹, который тем не менее в скором времени занял пост министра национальной обороны. Все проведенные кадровые мероприятия имели определенный политический смысл: во-первых, они отвечали чаяниям представителей польского среднего и высшего командных звеньев, в подавляющей своей массе считавших в то время уже излишним присутствие в Войске Польском советских

советников и офицеров; во-вторых, были необходимы для успокоения патриотических настроений рядовых польских граждан, далеко не всегда разбиравшихся в хитросплетениях политических противостояний или относившихся к политике достаточно индифферентно.

«Казалось, VIII пленум развяжет все проблемы, — читаем в монографии З. Рыковского и В. Владыки. — Через несколько дней было уже ясно видно, что он едва выявил глубину политического кризиса и уровень напряженности в обществе. На Гомулке концентрировались не только надежды. Концентрировалась также ответственность за реальную политику. Он полностью осознавал это, когда разрешал дилеммы времени. <...> Кризис был глубокий, трудности нагромождались, вызовы ситуации были огромные. Общество митинговало и добивалось выполнения требований. Аппарат власти разлагался. А вдобавок лилась кровь в Венгрии, вспыхнула война на Ближнем Востоке. И снова все между собой повязалось. И снова нужно было все проблемы разрешать одновременно. Так пробовал это делать Гомулка. В течение первых трех месяцев после VIII пленума в многочисленных выступлениях он представлял главные принципы своей политики. На их основе можно воссоздать как общий контур его политической философии, так и предпосылки безотлагательных диагнозов и решений. Самым важным вопросом он считал защиту государства и польских государственных интересов, а также в тесной связи с этим защиту строя Польши. <...> Основной задачей должно было быть возвращение власти способности управлять. Это должно было в первую очередь означать усмирение стихийности общественного движения, придание ему дисциплины и контролируемости. Именно в неконтролируемости общественного поведения Гомулка видел самую большую угрозу для суверенности и безопасности Польши. Развитие событий в Венгрии, казалось, подтверждало такой образ мышления»².

Думается, здесь верно выделены приоритеты программы выхода из кризиса, предложенной В. Гомулкой.

В ПОРП многочисленные замены партийных руководителей воеводского уровня, не всегда, впрочем, в должной мере обоснованные, вызывали нервозность и раздражение. Достаточно было прослыть сторонником (подлинным либо мнимым) лагеря натолинцев или, скажем, высказаться публично

о целесообразности польско-советского союза, чтобы подвергнуться нападкам и быть освобожденным с занимаемой должности на ближайшем пленарном заседании воеводской партийной организации³. В Кремле подобные меры вызвали недоумение.

В высшие органы законодательной и исполнительной власти ввели представителей Объединенной крестьянской и Демократической партий, хотя даже в сумме их доля не шла ни в какое сравнение с представительством ПОРП; и все же заметный прогресс по сравнению с еще совсем недавним прошлым был налицо. К руководству политическими партиями (стронництвами) приходили люди, не скомпрометированные поддержкой режима, олицетворявшего Б. Берутом и его самым близким окружением. Таким образом, политический механизм ПНР претерпевал позитивные изменения.

Учитывая выраженные в печатных средствах массовой информации конструктивные предложения, высшее политическое руководство страны согласилось с необходимостью принять меры по повышению законотворческой роли Сейма⁴.

Принимая во внимание глубокие традиции католицизма в стране, его широкое распространение среди населения, В. Гомулка пошел на прямые контакты с католическими группировками, в том числе с обществом светских католиков ПАКС, разрешил открыть клубы католической интеллигенции (в Варшаве, Кракове, Вроцлаве, Люблине, Лодзи, Торунь и др.), вернул краковский еженедельник «Тыгодник повсехны» его основателям, а в январе 1957 г. позволил создание в Сейме фракции беспартийных католиков «Знак» — как бы официально узаконенной оппозиции в польском парламенте (которая, впрочем, публично заявила о своем нежелании вмешиваться в политику). Как дальновидный политик новый лидер ПОРП прекрасно понимал, что в тот момент — в октябре 1956 г. — следует пойти на самую важную уступку верующим-католикам, несколько лет остававшимся без своего верховного духовного пастыря, и распорядился об освобождении примаса Польши кардинала С. Вышиньского. 8 ноября была создана совместная комиссия для рассмотрения отношений между государством и католической церковью (член Политбюро ЦК ПОРП Е. Моравский, министр без портфеля, глава Управления по делам вероисповеданий Совета Министров

ПНР Е. Штахельский, лодзинский епископ М. Клепач и секретарь епископата Польши епископ З. Хороманьский). Подобные политические шаги польская общественность оценила по достоинству, что сыграло немаловажную роль в январе 1957 г. в период новых выборов в Сейм.

Стабилизацию положения замедлили, однако, трагические события в Венгрии. Их начало имеет прямую связь с митингами польского студенчества. Дело в том, что 23 октября студенты высших учебных заведений Будапешта вышли на улицу, желая тем самым выразить свою солидарность со студенчеством Варшавы. Но манифестация в поддержку поляков переросла в вооруженное восстание против тоталитарного режима. Оно было беспощадно подавлено вторгшимися в Венгрию советскими войсками. В Польше интервенция вызвала новый всплеск эмоций антисоветского, антирусского характера⁵. На массовом митинге в варшавском Политехническом институте 30 октября, в котором участвовали члены ЦК ПОРП А. Старевич и М. Нашковский, по поручению партийного руководства побывавшие в Будапеште для изучения ситуации, была принята резолюция, выражавшая «полную поддержку революционным силам Венгрии» и протест «против участия советских войск в подавлении восстания»⁶.

В связи с польскими и венгерскими событиями советское политическое руководство в последней декаде октября выступило со специальным заявлением. Оно называлось «Декларация Правительства Союза ССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими странами» (датирована 30 октября и на следующий день опубликована в советской печати; тогда же ее опубликовала и польская пресса). Целью предпринятого Кремлем хода было объяснить международному сообществу, что, по мнению советского руководства, происходит в Восточноевропейском регионе. Сама идея документа возникла спонтанно, точнее — ее диктовало развитие событий сначала в Польше, а с конца октября — в Венгрии. Утром 30 октября на заседании Президиума ЦК КПСС Н. С. Хрушев выступил с информацией «О беседах с китайскими товарищами» и сообщил о точке зрения делегации КПК, находившейся еще в Москве, по вопросу о ситуации в Венгрии и Польше, а именно: «Принять декларацию сегодня

о выводе войск из стран н[ародной] демократии (обсудить эти вопросы на сессии Варшавского пакта) с учетом мнения той страны, в которой наши войска находятся». Причем в протокольной записи заседания подчеркивалась следующая констатация первого секретаря ЦК КПСС: «На такой позиции стоит всё Политбюро ЦК КПК»⁷. Далее со слов Н. С. Хрущева выяснилось, что речь, собственно, должна идти о двух документах — один должен быть обращен к венграм, а другой — к участникам Варшавского пакта. Вокруг этого на заседании и развернулся обмен мнениями. Выступили (в порядке предоставления слова) Булганин, Молотов, Ворошилов, Каганович, Шепилов, Жуков, Фурцева, Сабуров и в заключение — Хрущев. Наиболее важное было сказано Молотовым и Шепиловым. Первый ратовал за немедленные переговоры с венграми о выводе советских войск, второй считал, что в первую очередь следует разработать некий свод общих принципов взаимоотношений социалистических стран в Восточноевропейском регионе. Шепилов говорил: «Ходом событий обнаружился кризис наших отношений со с[транами] н[ародной] д[емократии]. Антисоветские настроения широки. Глубинные причины вскрыть. Основы остаются незыблемыми. Устранить элементы командования, не дать сыграть на д[анной] ситуации, ряд мер продумать в наших отношениях. Декларация — первый шаг. Обращение к венграм [делать] не следует». При этом Шепилов считал обязательным вывод советских войск из Венгрии⁸. Когда проект Декларации был подготовлен, в обсуждении его участвовали Булганин, Хрущев, Каганович, Молотов, Жуков. Существенное дополнение в текст внес Н. С. Хрущев. Он считал важным подчеркнуть, что в большинстве восточноевропейских стран советских войск нет, а в Польше, Венгрии и Румынии они находятся «с согласия их правительств и в интересах этих пр[авительств] и народов»⁹. Каганович, Молотов, Жуков рекомендовали сослаться также на Потсдамские соглашения, чтобы подкрепить обоснованность пребывания Северной группы советских войск в Польше международными правовыми актами.

Окончательная версия Декларации включала в себя как бы два тематических блока. Сначала излагались общие принципы взаимоотношений социалистических стран, хорошо известные из подобного рода идеологических выкладок советской

политической элиты, причем бросается в глаза, что эта часть явно навеяна не самыми приятными воспоминаниями о польско-советской дискуссии в Бельведере. Во-первых, в документе признавалось, что взаимоотношения социалистических стран впредь должны основываться на равноправии, уважении территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, невмешательстве во внутренние дела друг друга (так называемая «панча шила» — идея Д. Неру и индийской дипломатии). Во-вторых, был сделан упор на необходимость учитывать историческое прошлое и национальные особенности каждой страны. В-третьих, выказывалась готовность обсудить меры по обеспечению развития экономических связей между странами блока на основе взаимной выгоды и равноправия в экономических отношениях. В-четвертых, ставился вопрос о ликвидации института советских специалистов-советников, и не только в Польше. В-пятых, Советский Союз соглашался рассмотреть совместно с заинтересованными сторонами вопрос о выводе советских войск, дислоцированных в социалистических странах. Относительно советских войск в ПНР указывалось, что они находятся там на основании решений Потсдамской конференции и Варшавского договора¹⁰. Эти актуальные для советско-польских межгосударственных отношений вопросы после октября 1956 г. игнорировать было уже невозможно. Второй тематический блок Декларации касался событий в Венгрии¹¹.

В выработке политической линии советского руководства на венгерском направлении существенную роль сыграла негласная встреча высших советских и польских руководителей, состоявшаяся 1 ноября 1956 г. Принципиальное решение о встрече (в районе Бреста) было принято на заседании Президиума ЦК КПСС днем раньше, причем согласие польских руководителей было получено заранее в телефонных переговорах¹². Встреча состоялась в обусловленное время: с советской стороны в ней участвовали Н. С. Хрущев, Г. М. Маленков и В. М. Молотов, с польской — В. Гомулка, Ю. Циранкевич и Э. Охаб¹³. Никаких протоколов или рабочих записей встречи, видимо, не велось, однако известно, что центральным был вопрос о повторной интервенции советских войск в Венгрию. Необходимо было выработать согласованную политическую линию стран социалистического лагеря, как утверждает

Н. С. Хрушев¹⁴. По его же свидетельству, В. Гомулка высказал мнение, что в сложившейся ситуации присутствие советских войск в Венгрии было оправданно, но при этом, подчеркнул Гомулка, они не должны прибегать к оружию¹⁵. К единому мнению стороны не пришли. Н. С. Хрушев впоследствии так описывал ход встречи: «Изложили мы свою точку зрения товарищам Гомулке и Циранкевичу. Они выслушали молча. Мы поставили вопрос: „Как быть?“». Гомулка высказался в том смысле, что хотя ситуация очень сложная, все-таки применять вооруженную силу не следует. <...> Надо дать возможность правительству, занявшему контрреволюционные позиции, разоблачить себя. Тогда венгерский рабочий класс сам свергнет его»¹⁶. Конечно, ручаться за дословность рассказа Н. С. Хрущева трудно, но иных документальных свидетельств по данному вопросу у исследователей пока нет. Важно, что позиция поляков вполне устроила представителей КПСС, так как фактически развязывала руки руководству СССР в проведении дальнейших военных акций в Венгрии. Советско-польская встреча в Бресте была, очевидно, скоротечной, поскольку Хрущеву и Маленкову надо было торопиться дальше по назначенному маршруту (Бухарест и о. Бриони в Югославии), а Молотов вернулся в Москву, чтобы проинформировать Президиум ЦК КПСС о ходе состоявшейся беседы.

Польские руководители и в данный момент, и в дальнейшем отстаивали собственное видение венгерской ситуации. В протокол заседания Политбюро ЦК ПОРП от 1 ноября по итогам встречи в Бресте была внесена такая запись: «Политбюро высказалось негативно по вопросу вооруженной интервенции СССР в Венгрии». Было принято постановление о подготовке соответствующего документа, обращенного к гражданам Польши¹⁷. Утром 2 ноября в газете «Трыбуна люду» можно было прочитать текст обращения ЦК ПОРП «К рабочему классу, к польскому народу», в котором советское военное вмешательство в венгерские дела безоговорочно подвергалось осуждению: «Мы придерживаемся той точки зрения, что вопросы защиты и удержания народной власти и завоеваний социализма в Венгрии могут решать внутренние силы — венгерский народ во главе с рабочим классом, а не интервенция извне»¹⁸. В советской печати текст обращения публиковался в сильно искаженном виде: процитированный выше фрагмент

был, естественно, изъят, сам текст документа дан в изложении, ни слова не было сказано о причинах, по которым советские войска оставались на территории Польши¹⁹. Тем самым менялся политический смысл обращения ЦК ПОРП. Данная в нем квалификация вторжения Советской Армии в Венгрию как интервенции была для советского политического руководства совершенно неприемлема. Польская же общественность увидела в этом стремление В. Гомулки на деле добиваться подлинного суверенитета для стран социалистического лагеря, для Польши — в частности. Это был один из тонко рассчитанных ходов В. Гомулки, чтобы привлечь на свою сторону как можно больше сторонников в стране. Парадокс ситуации заключался, однако, в том, что трагически развивавшийся кризис в Венгрии отвлек внимание польского общества от собственных, внутривосточных проблем.

Ментальности поляков были близки чаяния венгерских повстанцев, выступивших за свободу своей страны. Можно сказать, тут видна была историческая традиция, восходившая ко временам «весны народов» 1848 г. Моральная и материальная помощь венграм в 1956 г. проявлялась в разных формах. Население Вроцлава едва ли не в подавляющем своем большинстве выразило негативное отношение к советской интервенции. Местная печать 29 октября опубликовала воззвание городского комитета ПОРП, призывавшее сдать кровь для раненых участников освободительной борьбы в Венгрии. Денежные пожертвования призывали делать комитеты Народного Фронта. Начались также сборы одежды. Медицинские работники заявили о готовности направиться в Будапешт для оказания медицинской помощи повстанцам. В патриотических гражданских акциях морально-политической и материальной поддержки большую роль сыграло студенчество университета и институтов²⁰.

В городах Польши не было недостатка в разных формах протеста. Например, в начале ноября, когда советские войска повторно вошли в Венгрию, в педагогическом училище г. Ополе состоялось собрание молодежи. Как только там появился 1-й секретарь ВК ПОРП Павел Вояс (член ЦК ПОРП), в зале раздались возгласы: «Требуем отставки бюро воеводского комитета ПОРП!», «Требуем вывода советских войск из Венгрии и из Польши!». Вояс попросил слова для выступления, но

аудитория ему отказала²¹. Обструкция городским руководителям стала выражением протеста против советского вторжения в Венгрию. В начале того же месяца (ранее 9 ноября) в Эльблонге, как сообщали советские дипломаты в Центр, «началась широкая кампания по оказанию помощи венгерскому народу. Интеллигенцией города (в основном врачами, учителями и артистами) создан специальный комитет, который и организует сбор от населения денег, продовольствия и медикаментов. <...> Отношение к советским гражданам за последнее время резко ухудшилось. Как частные, так и официальные лица используют любой повод, чтобы сказать русским о выезде в свою страну»²². В беседе с сотрудниками посольства СССР председатель воеводской рады народной Познани Франчишек Щербаль рассказывал: в первых числах ноября были организованы студенческие демонстрации «с требованием прекращения вмешательства советских войск во внутренние дела Венгрии»; в знак солидарности с восставшими венграми на всех зданиях высших учебных заведений города были вывешены венгерские национальные флаги, а на улицах возле здания университета организован сбор «денежных средств в помощь венгерским трудящимся, пострадавшим во время военных событий»²³.

Провенгерские демонстрации в разных формах выражения солидарности прекратились лишь после 14 ноября, когда вооруженное сопротивление венгерских повстанцев было окончательно сломлено и на повестку дня встали иные проблемы.

В такой тревожной обстановке население Польши с одобрением наблюдало за переменами в общественно-политической жизни. С обновлением кадрового состава органов юстиции началась новая волна реабилитации участников движения сопротивления периода Второй мировой войны. 3 ноября Секретариат ЦК ПОРП принимает решение создать комиссию под председательством И. Лёги-Совиньского, которой поручалось рассмотреть заявления бывших членов ППС, не принятых в ПОРП в 1948 г. До 1958 г. в объединенную партию было принято более 2 тыс. бывших членов социалистической партии²⁴. Примерно в это же самое время в Демократической партии создается комиссия для пересмотра приговоров по персональным делам (политическим обвинениям) членов партии²⁵. 8 ноября реабилитационная комиссия ОКП сняла все политические обвинения с ряда известных людовских деятелей²⁶.

Еще один важный политический ход сделали власти, когда были пересмотрены приговоры, вынесенные осужденным участникам волнений в Познани, поскольку в речи на VIII пленуме ЦК ПОРП В. Гомулка возложил всю ответственность на партийно-государственное руководство, заявив: «Причины познаньской трагедии и глубокого недовольства всего рабочего класса таятся в нас, в руководстве партии, в правительстве»²⁷.

Идя навстречу общественным ожиданиям, в первую очередь рабочих заводов и фабрик, Сейм принял 19 ноября закон о рабочих советах на предприятиях. Тем самым предпринималась попытка соединить принцип государственной собственности и централизованного планирования с рабочим самоуправлением. Впрочем, довольно скоро выяснилось, что сама идея рабочих советов и самоуправления, позаимствованная поляками из опыта югославских рабочих, на практике осуществлялась с большим трудом, не встречая понимания администрации производственных предприятий и испытывая сопротивление регионального партийного аппарата.

В Советском Союзе любая информация о попытках создания рабочих советов в Польше замалчивалась, так как не соответствовала идеологическим представлениям и практике коммунистической партии. На судостроительном заводе в Гдыне 22 ноября 1956 г., в канун заводского отчетно-выборного партийного собрания, местный «рабочий совет разослал всем рабочим завода обращение, в котором сообщалось, что рабочий совет входит с предложением в городской комитет ПОРП о роспуске заводского комитета ПОРП потому, что последний якобы не пользуется доверием коллектива. В обращении выражалось также недоверие заводскому комитету профсоюза»²⁸. Понятно, что такие действия рабочего совета оценивались советскими партийными аппаратчиками только как контрреволюционные.

В Польше предпринимались также усилия по совершенствованию административно-управленческой системы, в том числе по ликвидации излишних бюрократических звеньев. Просто новаторским выглядело создание Экономического совета, в задачу которого входило оппонирование политике государственных органов в хозяйственной сфере. В его рамках виднейшие ученые-экономисты страны организовали широко

освещавшуюся в прессе дискуссию по вопросам предполагаемой модели экономического развития Польши.

Пристальное внимание наблюдателей, в том числе в странах социалистического лагеря, вызывала аграрная политика, провозглашенная на VIII пленуме ЦК ПОРП. Правящая партия поворачивалась лицом к индивидуальному хозяйству, частному сектору на селе. В политических кругах СССР столь решительный шаг был расценен как отступление от ленинского кооперативного плана. И в этом нет ничего удивительного, если обратиться к количественным показателям: из 10 203 производственных кооперативов, зарегистрированных 30 сентября 1956 г., на селе до 31 декабря того же года осталось только 1528, то есть 15 %²⁹. Массовый выход крестьянства из кооперативов принял необратимый характер. Политика коллективизации сельского хозяйства потерпела полный крах как нежизнеспособная в конкретных польских условиях.

2. Москва: второй тур переговоров. Авторитет В. Гомулки в Польше еще более возрос после переговоров партийно-правительственных делегаций ПНР и СССР, состоявшихся 15–18 ноября 1956 г. в Москве. К ним польская сторона подготовила проект декларации о взаимоотношениях ПОРП и КПСС, в которой обобщались и систематизировались в порядке приоритетов вопросы, обсужденные на межпартийном уровне во время бельведерской дискуссии 19 октября³⁰. Проект рассматривался 10 ноября на заседании Политбюро ЦК ПОРП, и было признано, что принятие межпартийной декларации нецелесообразно. Обоснование такого решения в протоколе заседания отсутствует. Возможно, польскому руководству стало известно, что советская сторона намеревалась придать предстоявшим переговорам самый высокий статус. Это должны были быть переговоры на межгосударственном уровне, что требовало от итогового документа иной юридической формы. Поэтому Политбюро ЦК ПОРП поручило А. Рапацкому, Р. Замбровскому и Е. Моравскому подготовить для встречи в Москве «обширное сообщение [для печати] о ходе переговоров с представителями СССР»³¹. Однако подготовленный ими текст «информационного сообщения» был по неизвестным причинам отклонен в Кремле и в печати так и не появился.

Польскую делегацию на переговорах возглавил В. Гомулка, члены делегации: Ю. Циранкевич, А. Завадский, С. Ендрыховский (все — члены Политбюро ЦК ПОРП); в составе польской делегации участвовали также член ЦК ПОРП Э. Шир, заместитель министра финансов ПНР В. Тромпчинский, генеральный директор МИД ПНР М. Верна и генеральный директор Министерства финансов ПНР Г. Котлицкий. В советскую делегацию входили: Н. С. Хрущев (глава делегации), К. Е. Ворошилов, Н. А. Булганин, первые заместители председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян и М. З. Сабуров (все члены Президиума ЦК КПСС); с советской стороны участвовали также кандидат в члены Президиума ЦК КПСС маршал Г. К. Жуков, министры СССР Б. П. Бешев, А. Г. Зверев, И. Г. Кабанов, начальник Главного управления по делам экономических связей со странами народной демократии К. И. Коваль, заместитель министра иностранных дел СССР Н. С. Патоличев, посол СССР в Польше П. К. Пономаренко, 1-й заместитель начальника Генерального штаба СССР, начальник штаба Объединенных вооруженных сил стран Варшавского договора генерал армии А. И. Антонов, заведующий Договорно-правовым отделом МИД СССР Г. И. Тункин³². Иными словами, в Москве встретились первые лица политического и государственного руководства Советского Союза и Польши, что подчеркивало важность межгосударственных проблем, которые предполагалось рассмотреть и принять необходимые решения, определяющие перспективу взаимоотношений двух соседних стран.

Подлинный протокол четырехдневных заседаний, находящийся, очевидно, в российских архивохранилищах, пока недоступен для изучения. Но в Польше не так давно опубликована не имеющая официального статуса запись переговоров, составленная переводчицей польской делегации³³. Данный документ в силу своего неофициального происхождения, вероятно, не вполне адекватно передает ход дискуссии, тем не менее он, бесспорно, свидетельствует о главном: это были переговоры равных партнеров. Таким образом, польское руководство достигло (формально, по крайней мере) важного и реального успеха на пути урегулирования взаимоотношений двух стран. Впоследствии В. Гомулка (на встрече с представителями Объединенной крестьянской и Демократической

партий 22 ноября) очень высоко оценил московскую встречу: по его мнению, не было ни одного поставленного поляками в ходе переговоров вопроса, который бы не был «рассмотрен по существу, глубоко» и решен «позитивно и с пользой» для польской стороны³⁴. Это не означало, что обсуждение поднятых проблем проходило гладко. Напротив, временами дискуссия напоминала бурный спор, нередко уводивший в сторону от основной темы. Сквозь суховатый текст рабочих записей составителя документа видны необузданный темперамент Н. С. Хрущева, твердая уверенность в своей правоте В. Гомулки и С. Ендрыховского, несдержанность Г. К. Жукова и М. З. Сабурова. Когда польская сторона, не устававшая выдвигать все новые и новые претензии к советским руководителям, упрекнула их в том, что СССР больше помогает ГДР, чем Польше, А. И. Микоян не выдержал и разразился следующей тирадой: «Мы понимаем ваши экономические нужды. Но мы не согласны с односторонней постановкой вопроса. Такая позиция питает корни антисоветских отношений. Из того, что вы говорили, следует, что мы вас почти угнетали. Претензии только к нам. А ведь 500 тысяч солдат Советской Армии погибло в Польше, 1,5 млн было раненых. Мы давали обмундирование и кормили польскую армию. Мы защищали ваши западные земли. Наши издержки на польских землях составили 34 млрд рублей, но нам даже в голову не приходило, чтобы обращаться с претензиями о возвращении издержек».

Для советских людей, вынесших на своих плечах все тяготы войны с германским фашизмом, аргументы Микояна не были пустым звуком, во всяком случае, неприкрытая горечь в его словах была оправданна. «Из того, что вы говорите, — продолжал он, — следует, что все экономические трудности в Польше были вызваны поставками репарационного угля, а ведь [у вас] были серьезные трудности в вашей экономике»³⁵. Здесь Микоян имел в виду напряженность польского пятилетнего плана, то есть не только слишком высокие темпы для его выполнения, но прежде всего несоответствие плановых заданий возможностям их реального выполнения, а также перегруженность польской экономики военными заказами.

Тот же документ позволяет уяснить, какие проблемы советско-польских отношений в тот момент считались первоочередными и поэтому находились в центре общего внимания.

Таких проблем было три: во-первых, расчеты по транзитным торговым перевозкам за период 1945–1954 гг.; во-вторых, соотношение злотаго и рубля и, в-третьих, поставки в СССР польского угля по льготным ценам, установленным на основе советско-польского договора от 16 августа 1945 г. (о чем так много спорили в ходе дискуссии в Бельведере). Все эти проблемы рассматривались взаимосвязанно, а на их основе — все остальные, как то: вопросы репараций, польской оборонной промышленности (главным образом военных поставок из СССР), строительство стратегических объектов на польской территории (военные аэродромы, железнодорожные линии и т. п.).

На третий день переговоров (17 ноября) в дискуссию включились Н. С. Хрущев (его выступление записано не было) и В. Гомулка. Последний высказался по всему кругу обсуждавшихся вопросов, причем особенно подчеркнул, что в мирное время было бы целесообразно войска государств-участников Варшавского договора подчинить «национальным командованиям». Этот тезис явно противоречил советской военной доктрине, однако отражал стремление польской стороны к укреплению собственного суверенитета. Далее Гомулка, ссылаясь на советские заявления, адресованные международному сообществу, высказал пожелание, чтобы СССР сократил численность своих войск в Польше. Дискуссия сразу же обострилась (выступили Гомулка, Хрущев, Жуков, Завадский, Булганин). Поляки быстро сообразили, что данной темы лучше не касаться. Разговор по этому вопросу исчерпал себя сам собой, и польский лидер перешел к очередной проблеме: репатриации поляков из СССР.

Для современного исследователя советско-польских отношений очень существенно, однако, было следующее: в ходе обсуждения и то разгоравшихся, то затухавших споров Г. К. Жуковым, а затем и Н. С. Хрущевым впервые была названа общая численность советских войск в Польше: две танковые и две авиационные дивизии³⁶. Много это или мало? Вот как ответил на этот вопрос В. Гомулка. Выступая 22 ноября перед представителями Объединенной крестьянской и Демократической партий, он невольно обмолвился: «Ну, мы первоначально думали, что на территории Польши расквартировано больше [советских] войск, <...> оказывается, что *этих войск*

очень мало»³⁷. Между прочим, слова польского лидера можно интерпретировать так: в октябре 1956 г., когда ожидалось вторжение советских войск в польскую столицу, на деле оказавшееся мнимым, фактически имела место не реальная оценка ситуации, а ее излишняя драматизация.

В последний день переговоров первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета Министров СССР с одной стороны, первый секретарь ЦК ПОРП и председатель Совета Министров ПНР — с другой, подписали «Совместную декларацию» по вопросу советско-польских отношений³⁸. Она была одновременно опубликована в польской и советской печати на следующий день после подписания.

Декларация рассматривала проблемы, в высокой степени волновавшие поляков. Стороны заявили, что межгосударственные отношения СССР и ПНР будут покоиться на принципах полного равноправия, незыблемости территориальных границ, независимости и суверенности субъектов договора, невмешательства в дела друг друга. Тем самым подтверждались базовые основы, о которых делегации ЦК ПОРП и ЦК КПСС договорились в ходе дискуссии в Бельведере и которые затем были еще раз названы в Декларации правительства СССР от 30 октября 1956 г.³⁹ Как признал В. Гомулка, новая Декларация явилась «выражением коренного перелома в практике отношений между Польшей и Советским Союзом», а также между ПОРП и КПСС⁴⁰. Эти слова были произнесены в день подписания документа на приеме в польском посольстве. В ответном слове Н. С. Хрущев без тени сомнения посчитал необходимым подчеркнуть: «Иногда можно слышать голоса, что Советский Союз извлекает какие-то экономические выгоды от дружбы со странами народной демократии и, в частности, с Польшей. Это неверно в корне. Если бы мы преследовали такие цели, мы вели бы совершенно иную политику»⁴¹. Трудно понять, что тут имелось в виду: может быть, желание задним числом оправдать свое некорректное поведение в Варшаве в день прилета и в ходе дальнейших ожесточенных споров с поляками. Ведь шеф КПСС был не из тех, кто забывал о поражении на следующий день. Характерные штрихи его прямолинейной натуры передают воспоминания Т. Пюро, присутствовавшего на приеме; он обратил внимание на следующую колоритную сцену: «Центральной фигурой [на приеме] был, конечно,

Хрущев, в тот период основательно укрепившийся на своей первой в Советском Союзе позиции, что проявлялось в его манере поведения, в каждом жесте. <...> Он излучал первобытный темперамент и уверенность, что в любой ситуации и в любом окружении не кто-нибудь, а он является центром внимания. После нескольких соответствовавших обстоятельствам тостов он почувствовал себя как дома и с присущей ему бесцеремонностью заявил Гомулке: „Вы все еще имеете к нам какие-то претензии, но как только вам нужно будет убежать из Польши, то куда? На Запад? Нет, убежать — к нам, в Уфу“»⁴². Чтобы по достоинству оценить реплику Хрущева, надо помнить, что в Уфу в начале Отечественной войны был эвакуирован аппарат Коминтерна, а в межвоенный период многие деятели Союза польских патриотов в СССР прошли политическую и идеологическую подготовку в различных коминтерновских школах и курсах.

Центр внимания теперь, в московской декларации, переносился на урегулирование экономических взаимоотношений СССР и ПНР, определение статуса советских войск на территории Польши и дальнейшую репатриацию поляков, оказавшихся в СССР после окончания Второй мировой войны. Весьма болезненно воспринимавшаяся поляками проблема неравноправия экономических отношений между ПНР и СССР, и в первую очередь пресловутая «угольная проблема», в результате достигнутых соглашений снималась, так как образовавшаяся задолженность Польши по советским кредитам (по состоянию на 1 ноября 1956 г.) подлежала аннулированию.

В ходе переговоров В. Гомулка обратился к советским руководителям с просьбой увеличить в 1957 г. поставки в Польшу зерна на 300–400 тыс. тонн, поскольку запрошенных в свое время 1 млн тонн оказалось недостаточно (польскими экономистами, добавил Гомулка, «были плохо проведены подсчеты») ⁴³. В устах польского лидера это прозвучало довольно странно, но тем не менее достигло цели. В качестве жеста доброй воли правительство СССР согласилось предоставить Польше 1 400 000 тонн зерна. Кроме того, полякам предоставили долгосрочный кредит (700 млн руб.) для покрытия стоимости доставляемых из Советского Союза товаров.

Без дискуссии был решен вопрос о репатриации. Советская сторона брала на себя обязательство разрешить данный вопрос во всех его составных частях и аспектах⁴⁴.

Что касается вопроса о пребывании советских войск на территории Польши, то договаривавшиеся стороны констатировали: советские войска продолжали дислоцироваться в ПНР в связи с обострившейся международной обстановкой (ближневосточный конфликт, активизация западногерманского реваншизма и др.), при этом все передвижения советских военных частей по польской территории, так же как их количественный состав и места расположения, должны были строго согласовываться с польскими властями. Советским войскам вменялось уважать и соблюдать польское законодательство, не вмешиваться во внутренние дела Польши. Принятие же отдельного польско-советского соглашения по данному вопросу откладывалось на более поздний срок, так как требовало основательной предварительной проработки со стороны уполномоченной совместной комиссии.

Польская делегация возвращалась на родину поездом, и по тому, как спонтанно и радушно приветствовали ее на всем пути следования по польской территории, можно было сделать вывод, что польское политическое руководство завоевало доверие самых широких слоев населения. Урегулированные проблемы польско-советских межгосударственных, экономических и межпартийных отношений способствовали консолидации нации вокруг обновленного руководства ПОРП. В глазах общественности В. Гомулка в Москве отстаивал национальные интересы своей страны и добился в этом очевидного, впечатляющего успеха⁴⁵. На вокзале в Варшаве его встретили овациями и традиционным пением «Сто лят». Это означало, что первый секретарь ЦК ПОРП мог чувствовать себя триумфатором.

Уже 20 ноября Ю. Циранкевич выступил на заседании Сейма ПНР с информацией о ходе и итогах польско-советских переговоров. Обращаясь к национальным чувствам польского народа (московскую декларацию «осознал каждый поляк своим национальным инстинктом», декларация «попала в наиболее чувствительную, самую впечатлительную струну национального сознания каждого поляка»), премьер высоко оценил встречи в Кремле, подчеркнул оказанную советской стороной

реальную помощь Польше с целью преодоления ею экономических трудностей, в категорической форме заявил о необходимости дальнейшего пребывания Северной группы советских войск на польской территории в связи с опасностью возрождения западногерманского милитаризма и угрозы польским западным границам⁴⁶.

Это было последнее заседание польского Сейма первого созыва (21 ноября 1952 — 20 февраля 1957 г.), впереди была требовавшая от ПОРП немалых организационных усилий новая избирательная кампания. И новые политические проблемы.

3. Протесты (новый виток). Вот что можно прочесть в дневнике генконсула СССР в Гданьске Н. К. Талызина о настроениях населения города в первую неделю ноября: «Политическая жизнь в стране в настоящее время начинает стабилизироваться. Возбужденные настроения на [Гданьской] верфи были вызваны прежде всего выступлениями определенных слоев интеллигенции в печати и на митингах. Однако рабочий класс <...> выступал против тех антисоветских и антисоциалистических выкриков, которые раздавались на митингах со стороны главным образом студенческой молодежи и части интеллигенции, которые и раньше высказывались против дружбы с Советским Союзом и были недовольны народной властью. Эти элементы пытались использовать в своих интересах патриотизм поляков и под лозунгом борьбы за суверенитет Польши и демократизацию жизни пытались разжечь антисоветскую истерию и создать состояние хаоса»⁴⁷. Однако тенденции к успокоению общества проявлялись не везде. Недовольство поляков искало выхода, и подчас конфликты с властью в отдельных регионах приобретали достаточно грозные формы с непредсказуемыми последствиями. Например, 11 ноября довольно серьезные уличные беспорядки взволновали население Плоцка: возбужденная толпа, насчитывавшая несколько сотен человек, окружила здание городской милиции и буквально забросала его камнями, выбив все стекла. Причина хулиганского нападения — задержание милицией нарушителя общественного порядка. Как правило, такого рода эксцессы сопровождались участием в них и тех, кто был по той или иной причине недоволен политическим режимом в ПНР,

желал выразить свой личный протест в связи с повторной интервенцией СССР в Венгрии⁴⁸. 12 ноября в беседе с советскими дипломатами председатель президиума вrocławской воеводской рады народной рассказывал, что «положение во Вроцлаве, создавшееся после октябрьских событий в Польше, начинает понемногу налаживаться, хотя некоторая часть студентов вrocławских высших учебных заведений продолжает еще шуметь и требовать отставки некоторых, по их мнению, негодных руководителей народной власти и даже общественных организаций». Во всех вузах Вроцлава были созданы так называемые революционные студенческие комитеты, которые координировали и направляли студенческое движение. В день упомянутой беседы один из таких студенческих комитетов подготовил и распространял по городу листовку, в которой выдвигалось требование «убрать из органов народной власти негодных им руководителей». Две такие листовки были прикреплены «на здании воеводского народного совета, и никто не решается сорвать их»⁴⁹. 15 ноября генерального консула СССР в Щецине Ф. Е. Шарыкина посетил председатель воеводской рады народной в Познани Ф. Щербаль и рассказал об антисоветских настроениях в Познаньском воеводстве. «Открытые антисоветские действия, — говорил он, — вызвали большую тревогу у значительной части местного населения за дальнейшую судьбу польско-советской дружбы. Причина этому состоит в том, <...> что враждебные элементы, а также отсталые слои населения думали, что тов. Гомулка не пойдет по пути укрепления дружественных отношений с СССР и тем самым будут созданы все условия для обострения польско-советских отношений. В Познаньском воеводстве открытые антисоветские выступления имели место против советских граждан и военнослужащих Советской Армии с требованием немедленного ухода из Польши. Только в самом городе Познани на протяжении шести дней ежедневно происходили демонстрации перед штабом советской воинской части с требованием освобождения жилых помещений и ухода их из страны. В окна квартир, где проживали семьи офицеров, хулиганы бросали палки и булыжники. Те же хулиганы вытаскивали из вагонов советских солдат, а также членов семей военнослужащих. Выпады против воинской части прекратились

только тогда, когда она, по согласованию с советским командованием, переехала из центра на окраину города»⁵⁰.

Уличные беспорядки возникли в Быдгощи 18 ноября — нападение толпы на здание воеводской команды милиции, разгром станции глушения западных передач на Польшу (станция к этому времени была законсервирована), нанесение побоев милицейским работникам. Эксцессы были прекращены силовым вмешательством подразделений польской госбезопасности⁵¹. В сообщении «Трыбуны люду» о начавшемся судебном процессе над некоторыми участниками беспорядков умалчивалось об антисоветских выпадах в ходе событий в Быдгощи⁵². Учитывая печальный опыт Познани и Быдгощи, соответствующие государственные органы приняли решение прекратить на территории страны глушение западных «голосов», о чем средства массовой информации 25 ноября опубликовали специальное сообщение.

Вечером 10 декабря серьезные волнения потрясли Щецин. Обыкновенный, в сущности, случай нарушения правил общественного порядка — столкновение стражей порядка с несколькими молодыми людьми, находившимися в состоянии алкогольного опьянения, — мгновенно перерос в грозные по своим последствиям уличные беспорядки. Хулиганствующие элементы (в основном подростки и молодежь 16–20 лет) переворачивали автомашины, повывбивали стекла в помещениях комиссариата милиции и прокуратуры, пытались атаковать тюрьму, но были оттеснены воинскими и милицейскими нарядами. Разгоряченная толпа устремилась к советскому консульству, ворвалась в помещение и стала сокрушать все, что попадалось под руку. «После этого толпа двинулась к нашему гарнизону — школе младших специалистов Воздушной Армии, но до городка не дошла, так как была оцеплена подразделениями от Войска Польского и милицией, оттеснена от городка и разогнана», — докладывал командующий Северной группой войск генерал армии К. Н. Галицкий по ВЧ маршалу Г. К. Жукову⁵³. Лишь поздно ночью рабочие судовой верфи, студенты местных вузов и милиция окончательно справились с беспорядками⁵⁴. Начались поиски зачинщиков, аресты. 12 декабря новая попытка спровоцировать беспорядки была уже своевременно пресечена⁵⁵.

Спонтанные массовые беспорядки в Польше в посткризисный период неизменно сопровождались как антиправительственными, так и антисоветскими проявлениями, разрушением материальных ценностей. При этом надо учитывать, что, как правило, они отражали, во-первых, состояние возбужденного массового сознания и склонность к безответственному поведению и, во-вторых, охватывали главным образом маргинальные слои городского населения.

* * *

Таким образом, до стабилизации положения в Польше было еще достаточно далеко. Как же представляли себе ближайшее будущее высшие руководители ПОРП? Отношение В. Гомулки к событиям в стране в период ноября—декабря 1956 г. вполне определенно прослеживается по его выступлениям на больших и малых форумах партии и в ее аппаратных структурах.

Выступая 4 ноября в столице на общепольском совещании партийного актива с большой речью, В. Гомулка с нескрываемым раздражением внушал своим слушателям, что многоголосие в партии — это несомненное зло, ибо есть только одна не знающая изъяснов идеология — марксизм—ленинизм, и только этой идеологии надо следовать⁵⁶. Поэтому стабилизация положения в партии на основе преодоления идеологических отклонений есть прямое продолжение линии октябрьского пленума. Не был ли это намек на предстоявшую неизбежную полосу борьбы с инакомыслием той части творческой интеллигенции, которая, декларируя себя сторонниками марксизма, пыталась по-новому, нетрадиционно, с учетом польских реалий осмыслить события в Польше? Или это был завуалированный, вызванный сложившимися обстоятельствами реверанс в сторону Кремля? Много лет спустя Ст. Сташевский (в интервью 1982 г.) выступление В. Гомулки ретроспективно оценил в лапидарной формуле: «дело Октября проиграно», Веслав встал на путь отступления и не намерен сдерживать своих обещаний⁵⁷.

В той же самой речи лидер ПОРП сделал важное заявление: «Руководство партии выдвигает теперь во главу политической работы вопрос укрепления в сознании всего народа

значения дружбы между Польшей и Советским Союзом»⁵⁸. Из этого до предела отшлифованного постулата можно сделать следующий вывод: В. Гомулка отчетливо отдавал себе отчет в том, что если антисоветизм, стойко проявлявший себя осенью 1956 г. на уровне массового сознания, не встретит организованного отпора, он может привести страну к углублению конфликта с восточным соседом.

23 ноября под руководством В. Гомулки в Варшаве состоялось совещание первых секретарей воеводских комитетов партии и руководителей отделов ЦК ПОРП, посвященное рассмотрению политической ситуации в стране⁵⁹. 8 декабря заведующий организационным отделом и член ЦК ПОРП, председатель комиссии по проведению выборов в Сейм Валентый Титков встретился с представителем советского посольства, которому рассказал следующее: «...в стране продолжает оставаться сложное положение. Особенно его (Титкова. — А. О.) беспокоит то, что в настоящее время вновь поднялась волна антисоветских выступлений. Это, во-первых, по его мнению, вызвано усложнившейся обстановкой в Венгрии, а, во-вторых, тем, что реакция, видя безнаказанность и отсутствие противодействия со стороны партии, играя на националистических настроениях народа, усилила свою подрывную работу, направленную на отрыв Польши от Советского Союза. На первых порах после VIII пленума реакционные элементы широко поддерживали Гомулку и новое руководство партии, т. к. оно выдвинуло лозунг суверенитета и равноправных отношений с Советским Союзом. Они видели в Гомулке руководителя, который сможет свести до нуля влияние ЦК КПСС на деятельность Польской объединенной рабочей партии и государства. На этом этапе Гомулка вполне их устраивал. Однако последние выступления Гомулки на совещании первых секретарей ВК ПОРП, собрании общественно-политического актива 29 ноября, выступление на пленуме ВК ПОРП в Катовице 4 декабря, где он подчеркнул необходимость укрепления руководящей роли партии в стране, усиление борьбы с реакцией, которая пытается столкнуть Польшу с пути строительства социализма, вызвали у реакционных и оппортунистических элементов бурю негодования. Их особенно тревожит то, что Гомулка во всех выступлениях подчеркивает необходимость дружбы с Советским Союзом. Проявляют недовольство Гомулкой, по словам

Титкова, и некоторые «деятели» в партии, особенно представители печати, интеллигенции и студенчества, которые открыто заявляют, что Гомулка сделал шаг назад после VIII пленума. Раздаются голоса, что Гомулку купили в СССР, что он видит свою слабость и поэтому не случайно ратует за сохранение советских войск в Польше. В политехническом институте, медицинской академии и в ряде других высших [учебных] заведений Варшавы на собраниях, организованных на днях революционными студенческими комитетами, принимались резолюции, в которых выражалось несогласие с тем, как Гомулка формулирует необходимость дружбы с Советским Союзом». К этому В. Титков добавил, что «недавно беседовал с Гомулкой, который в беседе с ним высказал большую тревогу за положение в партии. Гомулка понимает, что ЦК ПОРП совершил ошибку, дав возможность после VIII пленума разогнать лучшие партийные кадры» (имелось в виду снятие с работы ряда первых секретарей воеводских комитетов партии под мнимым или надуманным предлогом приверженности их к административно-командному стилю руководства)⁶⁰. 14 декабря В. Гомулка выступает с речью на пленарном заседании Центральной комиссии партийного контроля. Здесь он открыто заявляет о повороте политической линии партии. «...Акция переубеждения кончилась, и мы должны будем применять очень решительные средства», — без тени смущения предупредил он⁶¹. 19–20 декабря В. Гомулка участвует в расширенном пленуме Варшавского комитета ПОРП. Одновременно — 20 декабря — он согласился выступить перед участниками варшавской воеводской партийной конференции⁶². Наконец, 21–22 декабря В. Гомулка участвует в Жешове в воеводской конференции ПОРП и в своем выступлении анализирует споры в партии накануне VIII пленума ЦК, характеризуя противостояние пулавян и натолинцев как проявление групповщины в партии⁶³. Все эти выступления проникнуты одной цементирующей идеей — необходимо укрепить власть в стране, процессом демократизации может и должна руководить лишь политическая организация рабочего класса, то есть ПОРП.

4. Договор ПНР–СССР о пребывании советских войск в Польше. Во вторую неделю ноября 1956 г. печатный орган Демократической партии еженедельник «Тыгодник демократычны»

в передовой статье «В нелегкие дни» в связи с окончанием работы VIII пленума ЦК ПОРП и обострившейся международной обстановкой отмечал, поддерживая политическую линию В. Гомулки: «Осознание польских государственных интересов должно диктовать каждому из нас решительное противостояние всяким попыткам подстрекательства и сеяния беспокойства. Давать решительный отпор всяким попыткам действовать во вред нашим отношениям со странами социалистического лагеря, а особенно с Советским Союзом. Перед лицом нынешнего расклада международных сил, особенно же перед лицом опасности, угрожающей нашим западным границам со стороны германского милитаризма, поддержка со стороны Советского Союза имеет для нас особо важное значение. Все это, при полном уважении к нашей суверенности, тесно связано с проблемой предоставления нашей государственной территории для советских баз, охраняющих железнодорожные линии, соединяющие Советский Союз с войсками, располагающимися в Германской Демократической Республике. Этот факт является результатом существующего раскола Германии, результатом временного пребывания в Федеративной Республике Германии войск западных держав. В нынешней ситуации он служит укреплению чувства нашей безопасности»⁶⁴.

8 ноября, то есть за неделю до поездки польской партийно-правительственной делегации в Москву, в повестке дня заседания Политбюро ЦК ПОРП значилось: «Вопросы, касающиеся дислокации советских войск, находящихся в Польше». Исполнявший в тот момент обязанности министра национальной обороны ПНР генерал Е. Бордзиловский доложил о соответствующем проекте Договора между ПНР и СССР по данному вопросу. Решение гласило: «Политбюро одобрило с поправками предложенный проект как материал для переговоров с представителями СССР»⁶⁵. А по возвращении из Москвы Ю. Циранкевич 23 ноября выступил с эксклюзивным интервью варшавской газете «Экспресс вечорны», в котором среди прочего высказался о принципах готовящегося договора ПНР—СССР по вопросу численности и дислокации советских войск на территории Польши⁶⁶. Это был необходимый шаг польского руководства с точки зрения психологической подготовки общественного мнения к восприятию предстоявшего подписания столь актуального документа.

8 декабря временный поверенный в делах ПНР в Москве Ю. Банак был принят заведующим 4-го Европейского отдела А. И. Горчаковым, который занес в свой дневник: «Тов. Банак по поручению правительства ПНР сообщил, что польская сторона предлагает начать переговоры относительно заключения договора о статусе советских войск на территории Польши 14 декабря с. г. Правительство ПНР предлагает также, чтобы переговоры и подписание договора состоялось в Варшаве» (с последующей ратификацией). С польской стороны документ поручено было подписать министру иностранных дел А. Рапацкому и министру национальной обороны М. Спыхальскому. «По мнению польской стороны, добавил т. Банак, переговоры по другим вопросам, связанным с пребыванием советских войск на территории Польши, можно было бы провести дополнительно». Польский дипломат просил сообщить мнение советского правительства по указанным вопросам⁶⁷. Согласие советской стороны было получено без промедления, и в Москву отправилась группа польских военных экспертов, чтобы обсудить текст будущего военного договора, а также техническую подготовку предстоявшей встречи на высоком уровне. Польская делегация была хорошо подготовлена к работе (в частности, располагала многочисленными материалами аналогичных военных соглашений западных стран, и это облегчало совместную с советскими экспертами работу), чего, как считали поляки, нельзя было сказать о советской стороне⁶⁸.

Подписание «Договора между Правительством СССР и Правительством ПНР о правовом статусе советских войск, временно находящихся в Польше», состоялось 17 декабря в Варшаве⁶⁹. От имени СССР свои подписи поставили Д. Т. Шепилов и Г. К. Жуков, от имени ПНР — А. Рапацкий и М. Спыхальский. Государственный Совет ПНР ратифицировал договор 1 февраля 1957 г., Президиум Верховного Совета СССР — 11 февраля. Обмен ратификационными грамотами состоялся в Москве 27 февраля 1957 г. Значение подписанного международного документа заключалось в том, что подводилась черта под периодом, когда сфера военных отношений в связи с пребыванием частей Советской Армии на территории Польши по сути дела не опиралась на продуманную правовую базу, закрепленную необходимыми межгосударственными документами.

Отныне взаимоотношения сторон в этой части строго регламентировались.

Важнейшее общеполитическое значение имели первые три статьи договора. Они учитывали требования польского государства и общества, столь отчетливо и решительно проявившие себя в дни VIII пленума ЦК ПОРП в связи с перемещениями советских танковых дивизий. «Временное расквартирование частей советских войск в Польше ничем не может нарушать суверенности польского государства и не может вести к их вмешательству во внутренние дела Польской Народной Республики», — так начинался договор (статья 1). Статья 2 устанавливала количественный состав советских войск на польской территории, а место их расположения определялось на основе специальных соглашений между правительствами ПНР и СССР; передвижения советских войск по польской территории за пределами их расквартирования каждый раз требовали согласия польской стороны, так же как учения и маневры. Статья 3 гласила, что советские войска, пребывающие на польской территории, лица, входящие в состав военных подразделений, а также члены семей советских военнослужащих обязаны уважать и выполнять все предписания польского права. Всего же договор насчитывал 21 статью, детально рассматривавших вопросы пребывания советских частей на территории ПНР.

Для В. Гомулки договор был превосходным козырем в канун выборов в Сейм, объявленных первоначально на 16 декабря, а потом перенесенных на январь следующего года⁷⁰. В своих публичных выступлениях в ходе избирательной кампании он не раз использовал его как весомое доказательство суверенитета Польши, достигнутого с его приходом к власти.

После подписания договора последовала разработка специальных соглашений, наиболее важным из которых было соглашение о численности и размещении советских войск в Польше. Упомянувшийся уже генерал Т. Пюро принимал активное участие в переговорах. В своих воспоминаниях он пишет, что в польские и советские группы экспертов были включены высокопоставленные работники дипломатической службы и армии. С польской стороны переговорами руководил заместитель министра национальной обороны ПНР генерал Я. Жажицкий, проводивший заседания «твердо, неуступчиво»

по отношению к советским партнерам. Советскую сторону возглавлял генерал А. И. Антонов. Группы разработчиков соглашений встречались попеременно в Варшаве и Москве. Т. Пюро присутствовал на большинстве заседаний и свидетельствует, что хотя они шли «не слишком гладко, доходило даже до острых столкновений», но все же в целом советская сторона учитывала польские пожелания⁷¹. В январе 1957 г., как пишет польский военный историк Э. Налепя, премьер-министр ПНР Ю. Циранкевич информировал председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина о том, что на службе в Войске Польском оставлено семь советских генералов и пять полковников⁷². Согласно данным Р. Лося, польские и советские эксперты собирались в апреле 1957 г. Советские представители не соглашались на предоставление необходимой информации, касающейся размещения Северной группы Советской Армии. Дело затянулось, осенью 1957 г. к руководству Министерством обороны СССР пришел маршал Р. Я. Малиновский, и он предложил включать в соглашение только указание на общее количество советских войск с разбивкой на сухопутные, воздушные и морские. Налицо было пренебрежение советской стороной договоренностями от 17 декабря 1956 г.⁷³ Лишь в октябре 1957 г. Я. Жажицкий подписал «Соглашение между правительством ПНР и правительством СССР по вопросу численности, размещения и движения советских войск, временно расположенных в Польше, а также порядка въезда и выезда советских частей в Польшу и из Польши»⁷⁴. Дополнительные, специальные соглашения были подписаны только в июне 1958 г.

5. Выборы в Сейм. Еще в сентябре 1956 г. Государственный Совет ПНР назначил день парламентских выборов на 16 декабря. Принятое положение о выборах принципиально отличалось от положения 1952 г.: если четыре года тому назад количество кандидатов в депутаты Сейма равнялось количеству установленных депутатских мандатов, то теперь в избирательную борьбу за каждый мандат могли вступать несколько кандидатов. Это расширяло возможности избирателей, предлагало им альтернативу (по крайней мере формально) и таким образом шло навстречу идее демократизации общества. 29 ноября Фронт Национального Единства (Front Jedności Narodu) принял

решение, согласно которому на предстоявших выборах политические партии и общественные организации должны были выступать совместно. Для надзора за ходом формирования общих избирательных списков создавалась Центральная согласительная комиссия политических партий и общественных организаций. 17 декабря в печати появился список, состоявший из 723 кандидатов в депутаты, которые должны были бороться за 459 мандатов. На места в Сейме активно претендовали не только кандидаты от ПОРП, но также от крестьянской и демократической партий, представители общественных организаций, католики.

10 января 1957 г. согласительная комиссия приняла постановление, рекомендовавшее в течение ближайшей недели исключить из списков кандидатов в депутаты Сейма всех тех, кто оказался неподходящим «по слабости характера, отсутствию ответственности за свои поступки» и несоблюдение программных требований политических партий. На этой основе из списков кандидатов был выведен такой известный политик как бывший премьер-министр Польши Эдвард Осубка-Моравский, выдвинутый в г. Люблине, где он был чрезвычайно популярен в кругах бывших членов Польской социалистической партии⁷⁵. 17 января студенты местной медицинской академии, католического университета и бывшие члены ППС организовали здесь митинг при участии «около 1000 человек». Советское посольство в ПНР сообщало в МИД СССР: «На митинге были враждебные выступления против руководства ПОРП», В. Гомулку осуждали за его выступления «против бывшего руководства ППС...». В чем же заключалась нелояльность Э. Осубки-Моравского по отношению к режиму? Оказывается, в своих публичных выступлениях он неоднократно «высказывался за возвращение Польше Львова и Вильны и заявил, что будет драться за восстановление ППС, опираясь на помощь Запада»⁷⁶.

Как общепризнанный национальный лидер, получивший весомый кредит доверия общества, В. Гомулка рассчитывал извлечь определенную политическую выгоду из предстоявшей избирательной кампании. Он рассматривал ее как средство укрепления уже определившейся новой конфигурации власти и на этой основе предполагал проложить путь к столь желанному успокоению в стране. Однако состояние разброда,

неуверенность населения еще ощущались, что и обусловило перенос выборов.

В начале января 1957 г. МИД СССР подготовил для высших политических руководителей КПСС аналитический материал с оценкой положения в Польше накануне выборов. Он заострял внимание на неординарности, если не сказать — опасности развивавшихся там процессов. «Выборы будут происходить в чрезвычайно сложной политической обстановке, возникшей в стране накануне VIII пленума ЦК ПОРП (октябрь 1956 г.) и продолжающейся до настоящего времени». Политический дисбаланс в польском обществе объяснялся главным образом тем, что новое руководство ПОРП «оказалось недостаточно решительным и гибким в осуществлении важнейших государственных и политических задач, ставших перед партией после XX съезда КПСС». Отсюда вытекали два следствия: во-первых, ПОРП ослабила руководство «политической и экономической жизнью страны»; во-вторых, «враждебные и оппортунистические элементы резко активизировали свою деятельность, пытаются навязать свою волю партии и правительству».

Активизация «враждебных и оппортунистических элементов» выразилась в выступлениях «реакционной части» журналистов, писателей, ученых, студенчества, некоторых бывших деятелей ППС, бывших членов Польского сторонничества людового С. Миколайчика, а также отдельных представителей католической церкви, в которых «очернялись все завоевания народной власти, выдвигались требования изменения существующего строя и делались открытые враждебные выпады против ПОРП, КПСС и Советского Союза». Названы были поименно те, кто, по мнению составителей справки, обязаны были нести персональную ответственность за дестабилизацию политического положения в Польше. Из государственных деятелей это Ю. Циранкевич, из партийных — Р. Замбровский, Е. Моравский и В. Матвин. Как сказано в цитируемом документе, они «своими действиями не только потворствовали враждебным выступлениям реакционных элементов, но подчас даже провоцировали их на это».

Что же произошло в Польше вместе с наступлением «оттепели» и бурными дискуссиями в связи с XX съездом КПСС? «Элементы дезорганизации и дезориентации в партии отрицательно сказались на работе государственных органов, промыш-

ленности и сельского хозяйства. В стране резко понизились производственные темпы, ослабла трудовая дисциплина на предприятиях, снизилась производительность труда, что вызвало серьезное отставание в выполнении государственных планов и значительно усилило экономические трудности». Смена руководства воеводскими, повятовыми и первичными партийными организациями, «фактическое упразднение органов [государственной] безопасности, изменение в руководстве ведущих министерств, замена руководства в министерстве обороны, а также в частях и подразделениях Польского войска, что повлекло значительное засорение армии неблагонадежными и чуждыми элементами, — вызвали еще большую дезориентацию в рядах партии и обострили обстановку в стране». Словом, нарисована вполне апокалиптическая картина, способная породить лишь панические ощущения.

Читаем дальше: «Многие наши польские друзья высказывают тревогу за создавшееся положение внутри партии и страны и заявляют, что если новое руководство ПОРП не предпримет в нынешней обстановке каких-либо решительных мер, то это может весьма отрицательно повлиять на дальнейшее развитие Польши как социалистического государства»⁷⁷. Как видим, ставка была велика — судьба социализма в Польше. Какие конкретно «решительные меры» имелись здесь в виду — об этом источник умалчивает.

Таким образом, напрашивается вывод, что к В. Гомулке и его окружению ответственные руководители внешнеполитического ведомства СССР относились с настороженностью. Возможно, для этого были определенные основания. Центр сообщил посольству СССР в Варшаве информацию, свидетельствующую о шатких позициях видных руководителей ПОРП в региональных избирательных округах. Например, в Краковском воеводстве, где баллотировались Ю. Циранкевич и недавно избранный на пост первого секретаря воеводского комитета ПОРП Б. Дробнер, «развернулась усиленная кампания» против них. Причины резко изменившегося, негативного отношения значительной части краковского электората к премьеру объяснялись так: «Многие считают, что т. Циранкевич является приспособленцем, поскольку, будучи на протяжении ряда лет председателем Совета Министров, он не в меньшей степени, чем другие, несет ответственность за ошибки

прошлого руководства, а теперь старается всю вину свалить на других, объявляя себя последовательным борцом против сталинизма»⁷⁸. В Кракове сильны были негативные настроения также против Э. Охаба, Е. Моравского, Р. Замбровского и В. Матвина⁷⁹. Создавалась довольно пикантная ситуация: ведь это были, что ни говори, видные представители политического руководства ПОРП.

Главная мысль записки МИД СССР относительно избирательной кампании заключалась в следующем: правящая партия в Польше «идет на выборы в обстановке, которая даже у самих руководителей ПОРП не создает уверенности в успешном для партии исходе выборов»⁸⁰. Если сопоставить рассмотренный аналитический материал МИД СССР с донесениями западных дипломатов (французскими, британскими и американскими), наблюдавшими непосредственно в Варшаве за подготовкой и ходом выборов, можно прийти к заключению, что в общеполитических оценках названных документов немало совпадающих моментов; что касается оценок идеологических, то они, естественно, сильно разнятся⁸¹. Распространенный тогда стереотип В. Гомулки как единственного политического деятеля из польской коммунистической среды, способного объединить вокруг себя всех конструктивно мыслящих людей и вывести Польшу из тяжелого кризиса, сыграл свою позитивную роль. Многих убедила тогда его неуступчивая позиция в переговорах с советскими политиками, постоянные напоминания о необходимости добиваться суверенитета и независимости Польши, постулат «польского пути к социализму». Как у кандидата в депутаты Сейма у него были и другие весомые аргументы в свою пользу. Ведь он неукоснительно проводил начатую еще при Э. Охабе линию на вытеснение советских советников и специалистов из Войска Польского и ведомства госбезопасности, гарантировал крестьянству индивидуальное владение землей и роспуск производственных кооперативов в аграрном секторе, католикам вернул примаса, освободив его из мест изоляции, согласился с введением уроков закона Божьего в общеобразовательной школе, способствовал легализации клубов католической интеллигенции; наконец, на первых порах своей деятельности в качестве лидера правящей партии довольно либерально отнесся к средствам массовой информации, не препятствуя публикациям оппозиционного характера.

Короче говоря, массовый избиратель ему поверил и отдал голоса и за него персонально, и за ПОРП. Призывы В. Гомулки «голосовать без вычеркиваний» приняты были все же без особого энтузиазма, а порою просто недоброжелательно. Это правда. Ряд документальных свидетельств в этой связи рассматривает П. Махцевич⁸². Но переломить ход избирательной кампании в свою пользу они все-таки не могли.

Несомненно большую роль в благоприятном для ПОРП и партийно-политического руководства во главе с В. Гомулкой окончательном исходе выборов в польский парламент сыграла позиция католической церкви, прежде всего личный авторитет кардинала С. Вышиньского⁸³. 14 января 1957 г., когда до выборов осталась всего одна неделя, примас Польши встретился в помещении Совета Министров с премьером Ю. Циранкевичем по просьбе последнего. Содержание беседы известно из собственноручной записи примаса. Как он утверждал, премьер говорил о напряженном положении в стране, внутренней борьбе в ПОРП, опасности обострившегося антисемитизма и т. п. Общая тональность высказываний премьера — «нужно помочь Гомулке», — была сразу же воспринята примасом, хотя, естественно, не разделявшим государственной доктрины «строительства социализма», но человеком просвещенным, мудрым и в духе социальной доктрины католической церкви заботившимся о благе Польши. Значительная часть встречи была посвящена предстоявшим выборам. Ю. Циранкевич откровенно признал, что партийно-правительственные круги опасаются неявки избирателей к избирательным урнам. В связи с этим глава правительства обратился к главе католической церкви с просьбой поддержать правящий режим в ходе избирательной кампании. Циранкевич при этом подчеркнул, что речь идет не об обязательном голосовании за кандидатов от ПОРП, а лишь о явке на избирательные участки для выполнения своего гражданского долга. Кардинал оказался на высоте положения и совместно со своим собеседником быстро набросал обращение к католикам⁸⁴. В тот же день епископат его принял. В этом на удивление коротеньком тексте говорилось: «В воскресенье, 20 января, в Польше день выборов в Сейм. Граждане-католики должны в этот день выполнить обязанность своей совести — принять участие в голосовании. Католическое духовенство проведет богослужения так, чтобы

все могли без препятствий исполнить свои религиозные обязанности и обязанности избирателей»⁸⁵. В послевоенной истории Польши это был едва ли не беспрецедентный случай легального сотрудничества коммунистических властей и католической церкви ради стабилизации положения в стране.

Вечером 19 января В. Гомулка выступил по радио. Среди прочего он сказал: «В день выборов мы будем выбирать не только депутатов, не только новый Сейм. Значение этих выборов заключается, прежде всего, в том, что мы будем выбирать путь к Польше. Во всеобщем голосовании мы выскажемся, принимаем ли мы путь, который наметил для Польши в октябрьские дни VIII пленум Центрального Комитета ПОРП, или мы этот путь отвергаем». Взволнованным голосом Гомулка заявил: «Только Польша социалистическая может фигурировать на карте Европы как государство независимое и суверенное», только ПОРП «является первым гарантом ее независимости и одновременно [гарантом] дружбы польского народа с советскими народами, гарантом добрососедских, братских польско-советских отношений». О чем думали поляки, слушая эти слова и вспоминая дни октябрьского пленума ЦК ПОРП, полные драматического ожидания скорой развязки? Гомулка призывал всех граждан, которые высказываются за политику, гарантирующую Польше независимость и суверенитет, безопасность и целостность границ, гарантирующую спокойствие, экономическое развитие и улучшение материального положения людей труда, принять участие в голосовании и не вычеркивать кандидатов от правящей партии⁸⁶.

Посол СССР в Варшаве направил в Москву по ВЧ телефонограмму, в которой говорилось: «Получено сообщение, что в ночь перед выборами по стране было распространено большое количество листовок и плакатов, призывающих голосовать против ПОРП. Особенно большое количество листовок было в Белостокском воеводстве, в том числе против кандидатов-белорусов»⁸⁷. Листовки антиправительственного содержания замечены были также в Быдгощском, Вроцлавском, Зеленогурском, Катовицком, Кошалинском, Люблинском, Ольштынском воеводствах⁸⁸. Кроме того, сообщал посол, в ряде воеводств давала о себе знать антиукраинская пропаганда.

Официальные документы позволяют понять количественное соотношение представителей ПОРП и других политических

партий в польском послевыборном пейзаже: первых было заметно больше, о чем и говорили результаты голосования. В выборах приняли участие 16 892 213 человек, или 94,14 % имевших право голоса. За кандидатов Фронта Национального Единства высказалось 98,40 % избирателей⁸⁹. По политической принадлежности 459 мандатов распределились следующим образом: ПОРП — 238, ОКП — 115, ДП — 41, беспартийные — 64⁹⁰. Опасения политического руководства ПОРП за возможный исход выборов не оправдались. Победил здравый смысл.

Облегченно вздохнули и заинтересованные наблюдатели в СССР. Как воспринял итоги выборов в ПНР Н. С. Хрущев, его окружение? 31 января он принял первого секретаря посольства ПНР в Москве Ю. Банака, который в связи с этим сообщил в МИД Польши следующее: «В коротком разговоре тов. Хрущев подчеркнул, что выборы — это начало, и нельзя на этом успокаиваться, поскольку, — так, как он видит, — перед нашим руководством стоят большие трудности, особенно много путаницы (*miętliku*) есть еще среди нашей интеллигенции, работников пера и молодежи»⁹¹.

Интересный документ сохранился в материалах бывшего текущего архива ЦК КПСС. На партийном собрании в отделе главного технолога автомобильного завода в Ярославле, состоявшемся 25 января 1957 г., как сказано в цитируемом документе, «с антисоветской речью, содержащей в себе клевету на КПСС и советский строй», выступил молодой конструктор Киселев; он говорил, что события в Венгрии советская пресса освещает противоречиво, вовсе не публикует некоторых важных выступлений И. Броз Тито, но с одобрением высказался о последних польских событиях: «Гомулка в Польше <...> установил действительные выборы, а у нас существует механическое голосование»⁹². Процитированный документ — свидетельство того, с каким вниманием и заинтересованностью следили за избирательной кампанией в Польше некоторые (пусть тогда и очень немногие) представители советской технической и научной интеллигенции, задумывавшиеся над функционированием механизмов тоталитарной системы в СССР.

На первом, инаугурационном заседании Сейма 20 февраля маршалом (спикером) был избран известный деятель Объединенной крестьянской партии Чеслав Выцех. Совет Министров

вновь возглавил Ю. Циранкевич, а вице-преьерами стали Петр Ярошевич и Зенон Новак, представлявшие ПОРП, и Стефан Игнар от ОКП, чем формально подчеркивалась значимая роль крестьянской партии в политической системе ПНР. По партийной принадлежности Совет Министров должен был отражать идею межпартийной коалиции, хотя реально подавляющий перевес всегда оставался на стороне коммунистов, ибо в имевшихся 25 министерствах в роли руководителей этих государственных структур 18 человек представляли ПОРП, 3 — ОКП, 2 — ДП. Два министра были беспартийными⁹³. Как бы там ни было, в Польше был сделан еще один шаг в сторону от сталинской модели социализма.

Кандидатура З. Новака на пост вице-преьера прошла с большим трудом. Он скомпрометировал себя, во-первых, тем, что входил в группировку натолинцев, играя там далеко не последнюю роль, во-вторых, своими антисемитскими высказываниями на VII пленуме ЦК в июле 1956 г. По некоторым данным, его назначение «стало возможным лишь в результате энергичных мер, предпринятых советским послом в Варшаве, <...> и звонков из Москвы в Варшаву»⁹⁴. На посту вице-преьера З. Новак проработал до конца 1968 г., когда был перемещен на пост председателя Центральной комиссии партийного контроля ПОРП.

6. «Веслав» предупреждает. Ни подготовка избирательной кампании, ни итоги выборов в целом не дали повода сомневаться, тем более оспаривать их итоги, ни политическим партиям, ни обществу в целом. С этим согласны и современные польские исследователи, сопоставляющие выборы 1957 г. со сфальсифицированными выборами 1947 г. Более того, общественное мнение оценило выборы 1957 г. как шаг вперед в демократизации Польши. Правящие круги могли вздохнуть спокойно, так же как и их союзники на Востоке.

Благополучный исход выборов несомненно укрепил политический режим, и это позволило В. Гомулке и его окружению приступить к решению такой задачи, как стабилизация положения в ПОРП. Без восстановления «железной дисциплины» в партии, считал первый секретарь ЦК, нечего было и думать о дальнейшем движении по пути укрепления позиций Польши на международной арене. В этом препятствовал, прежде всего,

продолжавшийся идеологический разброд и в партии, и в среде научной, технической и творческой интеллигенции. 12 февраля 1957 г. Секретариат ЦК поручил руководителю Бюро печати ЦК ПОРП А. Старевичу принять меры, чтобы в польской прессе «не вести полемики со статьями из советских газет и журналов». Кроме того, было дано указание подготовить в ближайшее время материал с анализом «наиболее ярких ревизионистских и антипартийных высказываний, содержащихся в статьях польской прессы за период последних двух месяцев», особенно опубликованных в газетах и журналах⁹⁵. Что это, как не начало подготовки к наступлению на оппозиционно настроенные газеты и журналы, на свободу слова?

Но ведь дело было не только в тех или иных неугодных режиму идеях. С точки зрения В. Гомулки, важнейшее значение приобретал вопрос об условиях их возникновения. Наиболее подозрительными представлялись ему такие очаги инакомыслия, как Варшавский комитет ПОРП, возглавляемый Стефаном Шашевским, Институт общественных наук при ЦК ПОРП, редакционные коллективы и, следовательно, авторы варшавских еженедельников «По просту» и «Нова культура». Именно отсюда, считал он, в наибольшей мере исходили импульсы критicismа и оппонирования директивам, поступавшим из аппарата ЦК ПОРП.

Действительно, если присмотреться к тому, что могло вызывать негативную реакцию первого секретаря ЦК ПОРП, то оказывается, что именно всевозможные инициативы Варшавского комитета партии вызвали его возражения или прямое недовольство. Например, комитет одобрил инициативу партийной организации автомобильного завода в Жерани и ее секретаря Л. Гозьдика, первыми в Польше организовавшими на своем предприятии рабочий совет (рабочее самоуправление). В дальнейшем, когда Гомулка уже возвратился к рычагам управления партией, Гозьдик в свою очередь энергично поддерживал своим авторитетом стихийно зародившееся на варшавских предприятиях движение за создание рабочих советов, подхваченное затем по стране. Гомулке не могла быть по душе чрезмерная активность С. Шашевского, который лично принимал участие в молодежных митингах в варшавском политехническом институте 17–21 октября 1956 г., то есть именно в тот период, когда непосредственно решался

вопрос о кардинальных изменениях в высшем политическом руководстве ПНР. О том, что в нараставших событиях Варшавский комитет и лично С. Сташевский занимали особое место среди партийных комитетов Варшавы, свидетельствовала организация массового митинга 24 октября, благодаря которому было положено начало процессу стабилизации политического положения в стране.

Конфликт между В. Гомулкой и С. Сташевским назревал исподволь и принял открытые формы в ноябре—декабре 1956 г., когда Гомулка на заседании Варшавского комитета подверг работу Сташевского разностной критике, обвинив его в экстремизме⁹⁶. Сташевский истолковал этот шаг как сигнал к отставке, но Гомулка при личной встрече с ним в январе 1957 г. сухо произнес, имея в виду его желание оставить партийную стезю: «Политбюро <...> отвергает ваше предложение»⁹⁷. Все же отставка состоялась 25 февраля 1957 г. Впрочем, Варшавский комитет корректно «подчеркнул вклад тов. Сташевского в реализацию правильной политической линии в период перемен в партии, особенно в дни VIII пленума ЦК»⁹⁸. Комитет возглавил член Секретариата ЦК ПОРП В. Ярославский, которому руководство партии поручило проводить совсем другую, более сдержанную политику, не отходящую ни на йоту от предначертаний первого лица партии. С этого момента инициативная, лидирующая роль столичной организации ПОРП пошла на убыль. Это, несомненно, устраивало и советских партийных руководителей, внимательно наблюдавших за всеми внутрипартийными перипетиями в Польше.

С Институтом общественных наук В. Гомулка справился уже без личного вмешательства. 25 февраля 1957 г. П. К. Пономаренко представил секретарю ЦК КПСС Д. Т. Шепилову многостраничный обзор выступлений в польской печати общественных и научных деятелей, «подвергающих ревизии основные положения марксизма—ленинизма»⁹⁹. Для политиков на Старой площади такой немудреной формулы было достаточно, чтобы при любых контактах с руководящими деятелями ПОРП прямо или косвенно подвергать польский ревизионизм осуждению как опасное проявление идеологической несостоятельности. Среди известных всей Польше работников Института общественных наук при ЦК ПОРП, названного в обзоре «наиболее опасным рассадником ревизионизма»,

самыми первыми были поименованы ректор института А. Шафф и Я. Секерская. Там же отмечалось, что «антиленинское выступление Секерской получило доступ» в теоретический орган ЦК ПОРП журнал «Нове дроги»: в самом свежем номере была опубликована ее статья под провоцирующим заглавием «О необходимости толерантности», из которой цитировался следующий тезис: «Осуждая нетерпимость во внутрипартийной жизни, мы должны отдавать себе отчет в том, что речь идет о большой ставке — о расставании с типом партии, бюрократизированной, в некотором смысле милитаризованной ... С партией этого типа связаны явления морального и полицейского террора внутри партии»¹⁰⁰. Комментарий к данному фрагменту звучал в обзоре так: «Эти враждебные нападки Секерской на партию относятся не столько к ПОРП, сколько к КПСС, к истории которой она постоянно возвращается в этой статье»¹⁰¹. По-видимому, с этого момента следует отсчитывать начало поэтапной ликвидации Института общественных наук. Заключительным аккордом борьбы с «рассадником ревизионизма» было постановление Совета Министров ПНР о создании Высшей школы общественных наук при ЦК ПОРП¹⁰². С 1 апреля 1957 г. Я. Секерская была отстранена от педагогической и научной работы. Вряд ли можно сомневаться в том, что соответствующее давление шло и с советской стороны. 1 мая она получила назначение на должность 1-го секретаря польского посольства в Гааге, в 1958–1963 гг. работала в аппарате МИД ПНР. С 1 января 1964 г. до выхода на пенсию в 1975 г. занимала должность профессора в Институте искусств ПАН.

15–18 мая 1957 г. собрался IX пленум ЦК ПОРП. В истории партии он остался форумом, на котором была провозглашена анафема так называемому польскому ревизионизму. В объемистом тексте доклада под заглавием «Узловые проблемы политики партии», с которым выступил В. Гомулка, ни много ни мало десять страниц посвящены идейному течению, представители которого стремились критически осмысливать теорию и практику коммунистических и рабочих партий, но прежде всего ПОРП. Для польских условий это идейное течение, если его можно назвать таковым, вовсе не было аналогом ревизионизма эпохи II Интернационала. Согласно докладу В. Гомулки, ревизионизм «заключается в отрицании открытых

классиками марксизма закономерностей общественного развития. <...> Ревизионизм, таким образом, — это комплекс ошибочных и ложных взглядов, сводящихся в своей сути к отрицанию подтвержденных жизнью объективных закономерностей общественного развития, к отрицанию либо подрыву основного опыта революционного рабочего движения, имеющего повсеместное применение на данном этапе исторического развития»¹⁰³. Безапелляционная жесткость формулировок, их безальтернативность говорили о том, что некоторые идеологические клише, порожденные советской практикой внутрипартийной политической борьбы, по-видимому не давали покоя главному герою «Октября-56». Ревизионистами В. Гомулка назвал талантливую, неординарно мыслящего философа Лешека Колаковского, в которого больше других и выпустил критических стрел в своем докладе, литературоведа и журналиста Романа Зиманда, литератора и деятеля молодежного движения Виктора Ворошильского. С упорством религиозного сектанта первый секретарь ЦК ПОРП твердил: «Партия должна быть единой, должна решительно ликвидировать все источники, ослабляющие ее силу. Время, самое время завершить окончательно этот минувший период перед VIII пленумом, период группировок и внутрипартийной борьбы»¹⁰⁴. Тут имелся в виду хронологический период, непосредственно предшествовавший возвращению Гомулки во власть, но одновременно это был сигнал для травли в ПОРП тех, кто осмеливался публично не соглашаться с политикой лидера партии.

Как известно, помимо борьбы с ревизионизмом, в повестку дня была поставлена и проблема догматизма в партии. В связи с этим интерес представляют некоторые высказывания накануне пленума бывшего кандидата в члены Политбюро ЦК ПОРП Гилярия Хелховского. Он считал, в частности, что хотя В. Гомулка «ведет партию вправо», тем не менее «в настоящее время положение требует оказать Гомулке поддержку, так как это, пожалуй, единственный человек, вокруг которого можно сплотить партию». По мнению Хелховского, лидеру ПОРП «давно следовало отмежеваться от Замбровского, однако этого не происходит», не произойдет и в ближайшее время, поскольку «Гомулка нуждается еще в Замбровском». Хелховский нелестно отозвался о Р. Замбровском «как об очень хитром

и тонком политике, против которого, и Циранкевича в первую очередь, должна быть направлена борьба здоровых сил партии». Какова же предполагалась тактическая линия этих «здоровых сил» на предстоявшем пленарном заседании? Оказывается, «здоровые силы в Центральном Комитете будут стремиться показать рядовым членам партии свое несогласие с политикой Политбюро по таким вопросам, как: коллективизация сельского хозяйства, отношение к костелу, вопросам идеологии, с тем чтобы укрепить позицию членов партии, стоящих на правильном пути»¹⁰⁵.

П. К. Пономаренко немедленно поставил в известность Н. С. Хрущева и все партийное руководство о новых столкновениях в Центральном Комитете, представив информационный материал под заголовком «О некоторых итогах IX пленума ЦК ПОРП». В тот момент, когда был подготовлен документ (22 мая), советский посол еще не располагал стенограммой пленума; все его выкладки, очевидно, основывались на беседах сотрудников посольства и самого посла с участниками пленума. Некоторые сообщаемые им факты заслуживают внимания, тем более что в них затрагиваются польско-советские межпартийные отношения.

Прения по докладу на пленуме проходили активно (выступило 42 чел.) и со взаимными нападками. Наиболее критическим, можно сказать, агрессивным было выступление Казимежа Мияля, его поддержала небольшая группка сторонников. Мияль не скрывал, что ему не по нутру заявленные VIII пленумом ЦК перемены в политической, социально-экономической и культурной жизни. По этой причине в партии он считался догматиком. П. К. Пономаренко пишет: «Мияль подверг острой критике так называемый польский путь к социализму». Он критически воспринял новую политику на селе, полагая ошибочным отказ от коллективизации и ориентацию на индивидуальное крестьянское хозяйство. Но еще больше ему не понравилась линия В. Гомулки на слишком явную самостоятельность Польши во взаимоотношениях с другими социалистическими странами. Этот постулат Мияля советский посол выразил в следующих словах: «В настоящее время из всех социалистических стран одна Польша не признает руководящей роли СССР в социалистическом лагере. Это вбивает клин между социалистическими странами, разъединяет

силы, ослабляет лагерь и помогает международной реакции». Наконец, в адрес Политбюро ЦК ПОРП К. Мияль высказал упрек в том, что оно не смогло преодолеть колебаний и занять твердую линию в вопросе Венгрии¹⁰⁶. За выступление Мияля в Москве сразу же ухватились, оно, «по нашему мнению, представляет несомненный интерес», — сообщил заместитель министра иностранных дел СССР Н. С. Патоличев, препровождая ротапринтную копию документа в МИД СССР А. И. Горчакову с указанием, что он представлен также членам Президиума ЦК КПСС для ознакомления¹⁰⁷. Отметив недостаточно корректную форму высказываний К. Мияля, советский посол тем не менее посчитал его выступление в целом «правильным по существу»¹⁰⁸ — заслуживающий внимания момент, косвенным путем показывающий, что П. К. Пономаренко в духе своих политических и идеологических представлений принял сторону немногочисленного догматического крыла в ПОРП и не соглашался с новыми политическими идеями, принятыми на октябрьском пленуме. В. Гомулка в своем заключительном слове (не опубликованном в открытой печати) расценил выступление Мияля как «иную политическую платформу, иную политическую линию» и даже специально подчеркнул: «...тов. Мияль представил нам политическую позицию, совершенно несовместимую с постановлениями VIII пленума»¹⁰⁹.

Зато выступления тех, кто после каждого заметного события в Польше посещал советское посольство, чтобы поделиться своими впечатлениями, П. К. Пономаренко оценивал одобрительно. Вот соответствующие высказывания, о которых он считал необходимым сообщить: «Зенон Новак выступил основательно, спокойно и выдержанно. Он не все разделил в выступлении Мияля, но во многом его и поддержал. Новак резкой критике подверг Замбровского, особенно за разгон кадров. Говорил о дружбе с Советским Союзом и о ревизионизме как о главной опасности»; «Юзвяк Витольд выступил очень хорошо. В своем выступлении он говорил, почему нужна Польше дружба с Советским Союзом и какое значение для Польши имеет опыт КПСС и СССР»; ряд актуальных вопросов затронул А. Завадский, последнее время на заседаниях предпочитавший отмалчиваться, среди прочего он высказался «об СССР, о значении дружбы [с Советским Союзом] и о том,

что Польша должна занять достойное место среди стран социалистического лагеря»¹¹⁰.

При обсуждении вопроса о польско-советских отношениях В. Гомулка не всегда держал себя в руках; иногда он, как видно из некоторых источников, терял уравновешенность, был язвительным и некорректным. Отвечая на вопрос К. Мияля, защищавшего тезис о ведущей роли СССР в международном рабочем движении, он ответил вопросом на вопрос: «Как вы представляете руководящую роль Советского Союза? Так, как было в минувший период, когда советский офицер безопасности мог вызвать любого члена Политбюро ПОРП и сделать с ним все, что захочет, или так, как было в Венгрии — во главе с советскими танками против народа?»¹¹¹. В стенограмму пленума эта высказанная в пылу полемики реплика не вошла. И понятно почему: Гомулка вовсе не был заинтересован в том, чтобы столь неосторожное высказывание первого секретаря ЦК ПОРП обсуждалось в кабинетах Кремля и на Старой площади.

Существует еще одна версия обмена репликами между В. Гомулкой и К. Миялем: «При сокращении [стенограммы] были устранены замечания Гомулки по поводу обвинений, выдвинутых тов. Миялем, что партия, отрицая руководящую роль Советского Союза, способствует распространению анти-советских настроений. На это Гомулка заявил, что всемерное подчеркивание руководящей роли Советского Союза невозможно в условиях Польши, т. к. этот лозунг сильно скомпрометирован прежними советско-польскими отношениями и венгерскими событиями. Гомулка якобы заявил, что в Венгрии также все время говорили „во главе с Советским Союзом“, а дело дошло до того, что в ход были пущены советские танки. Мы хотим, — продолжил Гомулка, — чтобы во главе польской революции шли не советские танки, а польские коммунисты»¹¹². Какая из двух версий правдива — утвердительно сказать теперь вряд ли можно.

Когда просоветски настроенная часть пленума вновь стала упрекать руководство ПОРП за удаление советских советников из спецслужб и военнослужащих из Войска Польского, В. Гомулка в заключительном слове опять вернулся к вопросу о взаимоотношениях ПНР—СССР. Себя он старался представить как человека, поступавшего против собственной воли

(«Нас обвиняют в устранении Рокоссовского, но я был против этого. Возмущение народа и армии заставило нас это сделать»¹¹³).

После всего того, что говорилось о ревизионизме на IX пленуме ЦК ПОРП, тактика, направленная против варшавских еженедельников «По просту» и «Нова культура», вызывавших плохо скрываемое раздражение В. Гомулки, представлялась очевидной. В борьбе с очагами польского ревизионизма употреблен был старый как мир метод грубого одергивания. Осенью 1957 г. для укрощения строптивых журналистов были уже применены меры партийного дисциплинарного воздействия: одни получили строгие партийные выговоры, а в октябре некоторые расстались с партийными билетами.

Вскоре после майского пленума советник посольства СССР в ПНР Ю. В. Бернов встретился с членом Политбюро и секретарем ЦК ПОРП Е. Моравским. В записи их беседы привлекает внимание следующий фрагмент: «Нас, — сказал т. Моравский, — очень радует, что советские товарищи так [высоко] оценивают решения IX пленума. Руководство ЦК ПОРП, заметил он, было очень ободрено тем, что т. Хрущев положительно оценил доклад т. Гомулки и сообщил, что доклад будет полностью опубликован в журнале „Коммунист“»¹¹⁴. Обещание было выполнено¹¹⁵.

Ситуация в стране между тем оставалась по-прежнему неустойчивой. Материальное положение рабочих в ряде отраслей экономики подталкивало их к социальным протестам. На некоторых предприятиях распространение получило забастовочное движение. Правительство маневрировало, пыталось путем повышения заработной платы исправить положение, повышая одновременно цены на некоторые продовольственные и промышленные товары. «Уступки же, которые были сделаны правительством под напором рабочих, — говорится в подготовленном советским посольством в Варшаве для МИД СССР документе, — создали представление, что прямого и немедленного повышения зарплаты можно добиться лишь путем открытого нажима, вплоть до объявления забастовки». По некоторым данным, содержащимся в том же источнике, за девять месяцев 1957 г. «имело место свыше 70 забастовок»¹¹⁶. Большой резонанс, в частности, вызвала забастовка трамвайщиков в Лодзи 12–14 августа, в умирении которой участвовали

подразделения милиции¹¹⁷, в состоянии постоянной забастовочной готовности пребывал Гданьский морской порт, в г. Быдгощи забастовка охватила завод ремонта подвижного железнодорожного состава.

Но не меньшую озабоченность высшего партийного руководства вызывали процессы в идеологической сфере, особенно в средствах массовой информации. Чтобы ослабить напряженность в кругах интеллигенции, в основной своей массе все же принявшей программу В. Гомулки, ЦК ПОРП прибегнул к крутым и поэтому рискованным мерам. Цензура получила указание более строго следить за печатной продукцией, особенно газетами и журналами, высказывавшимися по вопросам политического развития Польши. Еженедельник «По просту», руководимый в то время Р. Турским, стал подвергаться политическому давлению: сначала партийные аппаратчики вели «разъяснительные» беседы с редакционным коллективом, потом, когда за дело взялось Главное управление контроля печати, еженедельник стал испытывать цензурные ограничения, отдельные номера даже конфисковывались. Стойкое сопротивление журналистов привело лишь к тому, что Секретариат ЦК ПОРП, вынося 2 октября 1957 г. решение закрыть еженедельник, в протоколе заседания сформулировал прегрешения молодых адептов демократизации с исключительной какой бы то ни было кривотолки безапелляционностью: «Секретариат констатировал, что редакция „По просту“ развивала деятельность, вредную для политики партии и государства, противоречащую решениям VIII и IX пленумов ЦК...». Центральной комиссии партийного контроля ПОРП рекомендовалось рассмотреть персональные дела членов партии в составе редакции «По просту». Впрочем, той же процедуре («за противодействие политике партии») на том же заседании подверглись некоторые журналисты из еженедельников «Шпильки», «Свят», из телевидения и Польского радио; в газете «Штандар млодых» предполагалось произвести «ряд кадровых перемен для политического укрепления редакции»¹¹⁸. Под одну гребенку попали и другие деятели, заметные на журналистской ниве. Лишились своих постов главных редакторов еженедельника «Жиче господарче» Т. Ковалик (за публикацию «вредных материалов») и главный редактор журнала «Доокола свята» З. Юркевич (за публикацию «оскорбительной

фотографии маршала Жукова, а затем злобного комментария» к ней)¹¹⁹.

Радикальный шаг ЦК ПОРП был воспринят политизированными кругами польских журналистов и писателей, а также студенческой молодежи как незаслуженное оскорбление и сильный удар по свободе слова, декларированной в октябре 1956 г. Студенчество решилось даже на отчаянный шаг — выйти с публичным протестом на улицы Варшавы. 3 октября десятки активистов Союза социалистической молодежи собрались на площади Нарutowича, рядом со студенческим общежитием. Власти направили для разгона манифестации специальный милицейский отряд в составе 340 человек. В итоге столкновения 19 студентов были арестованы, а 12 обратились за медицинской помощью. Как всегда в подобных случаях, к оборонявшейся стороне присоединились хулиганствующие элементы из маргинальных слоев населения, во всяком случае, так утверждалось в официальных сообщениях. Весть о побоище наэлектризовала студенчество столицы. Митинги и столкновения с милицией продолжались ежедневно по 7 октября включительно. О размахе и упорстве волнений свидетельствуют следующие данные. Задержано было 536 человек. Получили ранения 79 манифестантов и 95 милиционеров. На митинги собиралось от 600 до 2000 человек. В подавлении манифестаций участвовало более 6000 человек. Общее количество манифестантов не поддается оценке. Территориально волнения охватили пл. Нарutowича, Политехнический институт, пл. Конституции, Маршалковскую ул., Ерозолимские аллеи (до здания ЦК ПОРП включительно), периферийные улицы указанных площадей и проспектов, просторную площадь перед многоэтажным зданием Дворца культуры и науки. Против манифестантов милиция действовала палками и слезоточивыми газами. Применение огнестрельного оружия запрещалось (можно было стрелять в воздух для устрашения), но все-таки в результате спонтанно возникшей стрельбы погибло два человека. Студенты брались за палки и камни, в некоторых местах возводили баррикады¹²⁰. Словом, это был чрезвычайно серьезный, исполненный драматизма общественный конфликт, в котором с одной стороны выступала молодая польская интеллигенция, а с другой — социалистическое по декларируемым целям и идеологии государство. О политическом диалоге

интеллигенции и власти уже не могло быть и речи. Тем более что официальная версия студенческих волнений (например, в «Трыбуне люду») грешила необъективностью. Все происшедшее вызвало глубокое возмущение значительной части населения Варшавы, нашло отклик в высших учебных заведениях Кракова, Вроцлава и некоторых других местах.

Как в скором времени оказалось, все споры на IX пленуме ЦК партии о необходимости преодоления ревизионизма и догматизма не дали реальных результатов. Состоявшийся в конце октября 1957 г. довольно поспешно подготовленный X пленум ЦК ПОРП в основном был занят осуждением вдогонку редакционного коллектива еженедельника «По prostu», уже закрытого к тому времени за излишнюю смелость в отстаивании своих представлений о демократизации в Польше. Но главная цель пленума заключалась вовсе не в этом. В. Гомулка собрал пленарное заседание ЦК для решения более прозаической, но очень важной задачи — прежде чем объявить о созыве очередного, III съезда ПОРП, нужно было провести партийную чистку. Конечно, это была крайняя мера, но В. Гомулка считал ее необходимой и неизбежной. Так польская «оттепель» трансформировалась в заморозки.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ Характеристику М. Спыхальского см. в книге воспоминаний генерала Тадеуша Пюро — в описываемое время представителя Войска Польского в Генеральном штабе Объединенного командования вооруженных сил Варшавского договора, хорошо знавшего нового министра обороны ПНР (*Pióro T. Armia ze skazą: W Wojsku Polskim 1945–1968 (wspomnienia i refleksje)*. Warszawa, 1994. S. 260–262).
- ² *Rykowski Z., Władyka W. Polska próba: Październik'56*. Kraków, 1989. S. 268–269.
- ³ См., например: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 398. Л. 236–237. Из записи беседы советника посольства СССР в Варшаве Ю. В. Бернова с заместителем заведующего международным отделом ЦК ПОРП Т. Стшалковским 2 ноября 1956 г.
- ⁴ Только в ведущих варшавских периодических изданиях («Трыбуна люду», «Жыче Варшавы», «Тыгодник демократычны», «Нова культура», «По prostu») по вопросам совершенствования работы польского парламента опубликовано более десяти статей.

- ⁵ См., например: АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40, 1956 г. П. 336. Д. 10. Л. 93, 128, 133–134.
- ⁶ Sztandar Młodych. 31.10.1956.
- ⁷ См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года: Документы / Редакторы-составители Е. Д. Орехова, В. Т. Серeda, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 457–458.
- ⁸ Там же. С. 458–459. Некоторая несвязность текста выступления министра иностранных дел объясняется тем, что это — запись В. Н. Малина, который, присутствуя на заседании с целью подготовки протокола заседания, торопливо делал заметки «для себя».
- ⁹ Там же. С. 461.
- ¹⁰ См.: Орехов А. М. События 1956 года в Польше и кризис польско-советских отношений // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985): Новое прочтение / Отв. ред. Л. Н. Нежинский. М., 1995. С. 235–236.
- Никаких резолюций, меморандумов и других специальных документов по вопросу о пребывании советских войск на польской территории в послевоенный период Потсдамская конференция не рассматривала и не принимала. Согласно директиве Ставки Верховного главнокомандования от 10 июня 1945 г. 2-й Белорусский фронт был преобразован в Северную группу войск (СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы // Русский архив. Т. 14, 3(1). Великая Отечественная. М., 1994. С. 432). 31 июля 1945 г. на заседании глав правительств И. В. Сталин пояснил, что эти войска обеспечивают коммуникации Советской Армии, идущие в советскую зону оккупации Германии (Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сб. документов. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). М., 1984. С. 241).
- Подробнее о Северной группе войск см.: *Krogulski M. L.* Okupacja w imię sojuszu: Armia Radziecka w Polsce 1944–1956. Warszawa, 2000.
- ¹¹ Известия. 31.10.1956.
- ¹² Советский Союз и венгерский кризис... С. 479, 481, 510.
- ¹³ Источник. 2003. № 6. С. 68.
- ¹⁴ Хрущев Н. С. *Время. Люди. Власть.* (Воспоминания в 4-х кн.). Кн. 3. М., 1999. С. 255–256.
- ¹⁵ См.: Хрущев С. Н. Никита Хрущев: кризисы и ракеты. Взгляд изнутри. Т. 1. М., 1994. С. 251.
- ¹⁶ Хрущев Н. С. Указ. соч. С. 255–256.
- ¹⁷ Rewolucja węgierska 1956 w polskich dokumentach / Oprac. J. Tischler. Warszawa, 1995. S. 130.

- ¹⁸ Подлинный текст обращения см.: *Ibidem*. S. 134–135.
- ¹⁹ Ср.: Правда. 3.11.1956.
- ²⁰ См. подробнее: *Ciesielski S. Wrocław 1956 / Acta Universitatis Wratislaviensis*, № 2167. *Historia CXXXVIII*. Wrocław. S. 140–142.
- ²¹ АВП РФ. Ф.0122. Оп. 40, 1956 г. П. 336. Д. 10. Л. 134. Из записи беседы советских дипломатов с П. Воясом 15 ноября.
- ²² Там же. Л. 103. Из беседы советского дипломата с очевидцем событий.
- ²³ Там же. Л. 128. Беседа состоялась 15 ноября.
- ²⁴ *Centrum władzy: Protokoły posiedzeń kierownictwa PZPR. Wybór z lat 1949–1970 / Oprac. A. Dudek, A. Kocharński, K. Persak. Warszawa, 2000. S. 224; 100 lat polskiego ruchu robotniczego: Kronika wydarzeń. Warszawa, 1978. S. 314.*
- ²⁵ *Tygodnik Demokratyczny*. 7–13.11.1956. № 45. S. 2.
- ²⁶ *Zielony Sztandar*. 18.11.1956.
- ²⁷ *Гомулка В.* Речь на VIII пленуме ЦК ПОРП 20 октября. Варшава, 1956. С. 15.
- ²⁸ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 41, 1957 г. П. 350. Д. 66. Л. 51. Из справки 4-го Европейского отдела МИД СССР «Рабочие советы на предприятиях Польши» от 27 июня 1957 г.
- ²⁹ *Jarosz D. Polityka władz komunistycznych w Polsce w latach 1948–1956 a chłopi. Warszawa, 1998. S. 152.*
- ³⁰ Текст проекта с поправками и дополнениями В. Гомулки см.: ААН. PZPR. КС. Sygn. XIA/71. Т. I. К. 199–202; *Tajne dokumenty Piura Politycznego: PRL ZSRR 1956–1970. Wstęp A. Paczkowskiego. Londyn, 1998. S. 13–15.*
- ³¹ *Centrum władzy...* S. 226.
- ³² См.: Правда. 19.11.1956.
- ³³ См.: *Bez serwilizmu. Nieznana notatka z rozmów delegacji polskiej z kierownictwem ZSSR w listopadzie 1956 r. / Oprac. E. Szyr // Dziś (Warszawa). 1993. № 7. S. 72–90.*
- ³⁴ *Tajne dokumenty...* S. 27.
- ³⁵ *Bez serwilizmu...* S. 83.
- ³⁶ *Ibidem*. S. 87.
- ³⁷ *Tajne dokumenty...* S. 26 (Выделено мною. — *А. О.*).
- ³⁸ Текст декларации см.: Правда. 19.10.1956; *Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. T. XI: styczeń 1956 — grudzień 1960. Warszawa, 1987. S. 88–93.*
- ³⁹ В разделе первом Декларации, отражавшем отношение руководителей ПНР и СССР к текущим международным проблемам, читаем: «Делегации обменялись взглядами по вопросу событий в Венгрии.

Обе делегации выражают убеждение, что венгерский рабочий класс и весь венгерский народ найдут в себе достаточно сил, чтобы защитить завоевания народно-демократического строя» (*Dokumenty i materiały... S. 90*).

⁴⁰ Правда. 19.10.1956.

⁴¹ Там же.

⁴² *Pióro T.* Op. cit. S. 258–259.

⁴³ *Bez serwilizmu... S. 88.*

⁴⁴ См.: *Ruchniewicz M.* Repatriacja ludności polskiej z ZSSR w latach 1955–59. Warszawa, 2000. S. 132–135.

⁴⁵ Генеральный консул СССР в Гданьске Н.К. Талызин, изучая реакцию населения города на совместное декларацию партийно-правительственных делегаций СССР и ПНР, встретился с мнением, что «наряду с положительной оценкой [заявления] имеют место враждебные СССР высказывания о том, что выгодные для Польши условия заявления были достигнуты вопреки желанию делегации СССР благодаря твердой позиции Гомулки» (АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40, 1956 г. П. 336. Д. 10. Л. 151). Подобная реакция, как правило, присуща массовому сознанию.

⁴⁶ *Trybuna Ludu.* 21.11.1956; *Stosunki polsko-radzieckie w latach 1945–1972: Dokumenty i materiały / Oprac. E. Basiński i T. Walichnowski.* Warszawa, 1974. S. 327–334.

⁴⁷ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40, 1956 г. П. 336. Д. 10. Л. 122.

⁴⁸ *Machcewicz P.* Polski rok 1956. Warszawa, 1993. S. 161.

⁴⁹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40, 1956 г. П. 336. Д. 10. Л. 136; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 398. Л. 257.

⁵⁰ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40, 1956 г. П. 336. Д. 10. Л. 127.

⁵¹ *Jastrzębski W.* Bydgoski Październik 1956 // *Przełomowy rok 1956: Poznański Czerwiec. Polski Październik.* Budapeszt: Materiały międzynarodowej konferencji naukowej. Poznań, 26–27 czerwca 1996 г. / Pod red. E. Makowskiego i S. Jankowiaka. Poznań, 1998. S. 158–159.

⁵² См.: *Proces sprawców chuligańskich zająć w Bydgoszczy // Trybuna Ludu.* 3.01.1957.

⁵³ АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 144. Л. 1. Экземпляр документа предназначался Н. С. Хрущеву в порядке информирования членов советского высшего политического руководства.

⁵⁴ Подробнее см.: *Zielony Sztandar.* 19.12.1956. См. также: 10 grudnia 1956 г. / *Oprac. P. Machcewicz // Mówią Wieki (Warszawa).* 1991. № 7. S. 29–32; *Wydarzenia polityczne 1956 roku na Pomorzu Zachodnim: Materiały z sesji naukowej / Pod red. K. Kozłowskiego.* Szczecin, 1997. S. 139–142. Aneks 3.

⁵⁵ *Trybuna Ludu.* 12.12.1956; 13.12.1956.

- ⁵⁶ Текст речи см.: *Trybuna Ludu*. 5.11.1956; *Październik'56 / Wstęp, wybór i opracowanie materiałów* M. Jaworski. Warszawa, 1987. S. 157–169.
- ⁵⁷ *Torańska T.* Oni. Warszawa, 2004. S. 193.
- ⁵⁸ *Październik'56...* S. 166.
- ⁵⁹ *Ibidem.* S. 170–183.
- ⁶⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 481. Л. 6–7. Из записи беседы советника посольства СССР в ПНР Ю. В. Бернова с В. Титковым.
- ⁶¹ *Październik'56...* S. 186. Впервые текст речи опубликован лишь в 1987 г.
- ⁶² Текст ответов В. Гомулки на вопросы, предложенные участниками собрания, см.: *Odpowiedzi Władysława Gomułki na 9 pytań uczestników warszawskiej sprawozdawczo-wyborczej konferencji wojewódzkiej PZPR w sześćdziesiątym dniu od przełomu październikowego / Oprac. H. Kozłowska // Z Pola Walki*. 1986. № 4. S. 121–134.
- ⁶³ *Działalność Władysława Gomułki. Fakty. Wspomnienia. Opinie / Wybór i oprac. W. Namiotkiewicz*. Warszawa, 1985. S. 552–554.
- ⁶⁴ *Tygodnik Demokratyczny*. 7–13.11.1956. № 45. S. 1.
- ⁶⁵ ААН. ПЗРР. КС. Sygn. V/42. К. 206. Из протокола № 138 заседания Политбюро ЦК ПОРП от 8 ноября 1956 г.
- ⁶⁶ *Exspress Wieczorny*. 23.11.1956.
- ⁶⁷ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40, 1956 г. П. 335. Д. 4. Л. 21.
- ⁶⁸ *Łoś R.* Polska — ZSSR: 1956. Łódź, 1999. S. 114–115.
- ⁶⁹ Текст договора см.: *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами*. Вып. XIX. М., 1960. С. 101–107. См. также: *Советский Союз — Народная Польша. 1944–1974: Документы и материалы*. М., 1974. С. 206–212; *Dokumenty i materiały...* Т. XI. S. 98–105.
- В связи с обстоятельствами подписания договора не лишне привести одно свидетельство из дневника Р. Замбровского. На приеме в Бельведере он обратил внимание на оживленную беседу В. Гомулки с Г. К. Жуковым, а после приема спросил Гомулку, какой вопрос они так горячо обсуждали. Видно было, что польскому лидеру разговор с советским маршалом был неприятен, но он все же ответил Замбровскому: «Жуков хвалился, что если бы во время визита Хрущева и его товарищей не дошло до выяснения ситуации, то ему [Жукову] потребовалось бы только три дня, чтобы занять Польшу». Опешивший от неожиданности Гомулка смог только спросить, кому принесло бы пользу неизбежное пролитие крови. См.: *Zambrowski R.* *Dziennik // Krytyka (Warszawa)*. 1980. № 6. S. 81.
- ⁷⁰ *Łoś R.* *Op. cit.* S. 116.
- ⁷¹ *Pióro T.* *Op. cit.* S. 275–276.
- ⁷² *Nalepa E. J.* *Oficerowie Armii Radzieckiej w Wojsku Polskim 1943–1968*. Warszawa, 1995. S. 155.

- ⁷³ То же самое касалось финансовых, транспортных и иных аспектов договора, подписанного в Варшаве. Подробнее (на основе новых архивных материалов) см.: *Łoś R.* Op. cit. S. 116–132.
- ⁷⁴ *SkSzypiek A.* Mechanizmy uzależnienia: stosunki polsko-radzieckie 1944–1957. Pułtusk, 2002. S. 430–431.
- ⁷⁵ Trybuna Ludu. 12.01.1957.
- ⁷⁶ АВП РФ. Ф.122. Оп. 39, 1957 г. П. 140. Д. 728. Л. 21. Из телеграммы по ВЧ П.К. Пономаренко в МИД СССР 19 января 1957 г. См. также: *Kampania wyborcza i wybory do Sejmu 20 stycznia 1957 / Wybór, wstęp i oprac. P. Machcewicz.* Warszawa, 2000. S. 150–151.
- ⁷⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 481. Л. 18–19. Из записки «О ходе подготовки к выборам в Сейм Польской Народной Республики» от 5 января 1957 г., подписанной заведующим 4-м Европейским отделом МИД СССР А. И. Горчаковым. Цитируемый экземпляр был направлен в порядке информации М. А. Суслову, а тот по прочтении переадресовал его в отдел международных связей ЦК КПСС Б. Н. Пономареву.
- ⁷⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 9. Л. 24. Из беседы сотрудников консульства СССР в Кракове с секретарем президиума воеводской рады народной М. Будзывойским 14 января 1957 г.
- ⁷⁹ Там же. Л. 27–28.
- ⁸⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 481. Л. 25.
- ⁸¹ См.: *Kula W.* Paryż, Londyn i Waszyngton patszą na Październik 1956 r. w Polsce. Warszawa, 1992. S. 186–194.
- ⁸² *Machcewicz P.* Op. cit. S. 211–212.
- ⁸³ *Kampania wyborcza...* S. 253.
- ⁸⁴ *Raina P.* Kościół w PRL: Kościół katolicki a państwo w świetle dokumentów 1945–1989. T. 1: lata 1945–59. Poznań, 1994. S. 581–582.
- ⁸⁵ *Ibidem.* S. 583.
- ⁸⁶ Текст выступления см.: Trybuna Ludu. 20.01.1957.
- ⁸⁷ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 37, 1957 г. П. 140. Д. 728. Л. 14.
- ⁸⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 10. Л. 8. Из «Информации о ходе избирательной кампании, составленной на основе отчетов воеводских комитетов ПОРП», февраль 1957 г.
- ⁸⁹ Trybuna Ludu. 23.01.1957.
- ⁹⁰ См.: *Tarniewski M.* [Karpiniński J.]. Porcja wolności. Warszawa, 1989. S. 119. Ср.: *Czubiński A.* Najnowsze dzieje Polski 1914–1983. Warszawa, 1987. S. 361.
- ⁹¹ ААН. ПЗРР. КС. Sygn. V/51. К. 183. Ю. Банак — заместителю министра иностранных дел ПНР М. Нашковскому.
- ⁹² РГАНИ. Ф. 89. Перечень 6. Док. 6. Л. 1. Ксерокопия. Из информации отдела партийных органов ЦК КПСС по РСФСР «Об антипар-

тийных выступлениях отдельных коммунистов на собраниях некоторых первичных партийных организаций при обсуждении письма ЦК КПСС „Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов“. Ср.: *Пухойя Р. Г.* Советский Союз: история власти. 1945–1991. Изд. 2-е, испр. и доп. Новосибирск, 2000. С. 148.

⁹³ *Albert A. [Roszkowski W.]*. Najnowsza historia Polski: 1918–1980. Londyn, 1989. S. 744–745.

⁹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 5. Л. 31–32. Из беседы заместителя заведующего 4-м Европейским отделом МИД СССР П. Г. Кречотеня со 2-м секретарем посольства ПНР в Москве П. Мотруком 16 марта 1957 г.

⁹⁵ ААН. PZPR. KC. Sygn. V/51. К. 133–134. Из протокола заседания Секретариата ЦК ПОРП № 130 от 12 февраля 1957 г.

⁹⁶ *Torańska T.* Op. cit. S. 193.

⁹⁷ Ibidem. S. 198.

⁹⁸ *Trybuna Ludu*. 26.02.1957.

⁹⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 229. Л. 18. Из препроводительного письма П. К. Пономаренко к обзору «Об искажениях и ревизии марксизма–ленинизма некоторыми философами, историками, журналистами и общественными деятелями на страницах польской печати, в научно-педагогической и исследовательской деятельности» (Л. 19–110).

¹⁰⁰ *Siekierska J.* O potrzebie tolerancji // *Nowe Drogi*. 1957. № 2. S. 81–92.

¹⁰¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 229. Л. 20, 32.

¹⁰² *Kochański A.* Polska 1944–1991. Informator historyczny. Т. II. Ważniejsze akty prawne, decyzje i enuncjacje państwowe (1957–1970). Warszawa, 2000. S. 45.

¹⁰³ *Gomułka W.* Przemówienia, październik 1956 — wrzesień 1957. Warszawa, 1957. S. 325–326.

¹⁰⁴ См.: *Gomułka W.* Przemówienia... S. 327.

¹⁰⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 5. Л. 88–89. Из беседы 1-го секретаря посольства СССР в Варшаве И. А. Степанова со 2-м секретарем посольства НРБ Б. Поповым 13 мая 1957 г.

¹⁰⁶ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 41, 1957 г. П. 350. Д. 64. Л. 79; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 5. Л. 80.

¹⁰⁷ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 39, 1957 г. П. 140. Д. 720. Л. 35; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 10. Л. 63.

¹⁰⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 5. Л. 81.

¹⁰⁹ Там же. Л. 101–102.

¹¹⁰ Там же. Л. 82.

- ¹¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 4. Л. 146. Из записки журналиста и общественного деятеля Г. А. Жукова в ЦК КПСС о беседе с ответственным секретарем журнала «Пшиязнь» Ст. Юнгом 3 августа 1957 г.
- ¹¹² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 5. Л. 104. Из беседы генерального консула СССР в Гданьске Н. К. Талызина с работниками воеводского комитета ПОРП 3 июля 1957 г.
- ¹¹³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 5. Л. 83.
- ¹¹⁴ Там же. Д. 7. Л. 114.
- ¹¹⁵ См.: *Гомулка В.* Узловые проблемы политики партии // Коммунист. 1957. № 7. С. 41–87. Заголовок доклада снабжен примечанием редакция журнала: «Перевод на русский язык осуществлен Польским агентством печати».
- ¹¹⁶ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 41, 1957 г. П. 350. Д. 60. Л. 2–3. Из «Справки о настроениях среди рабочего класса и прошедших партийных собраниях по обсуждению закрытого письма Центрального Комитета ПОРП по вопросу забастовок», подготовленной 12 октября 1957 г. посольством СССР для 4-го Европейского отдела МИД СССР.
- ¹¹⁷ Подробнее см.: *Dudek A., Marszałkowski T.* Walki uliczne w PRL 1956–1989. Kraków, 1999. S. 65–67.
- ¹¹⁸ ААН. PZPR. KC. Sygn. V/50. К. 172.
- ¹¹⁹ *Dudek A., Marszałkowski T.* Op. cit. S. 67–68.
- ¹²⁰ Детальное описание студенческих волнений 3–7 октября 1957 г. см.: *Ibidem.* S. 69–80.

Итоги исследования

Кризис 1956 г. в ПНР был вызван переплетением социально-экономических, политических и идеологических причин; он глубоко запечатлелся в исторической памяти польского народа и по своему содержанию является одним из самых важных фрагментов новейшей польской истории. Первые его признаки дали о себе знать в верхних слоях партийной и государственной номенклатуры. Однако затем он пробудил массовую активность широких общественных кругов, преимущественно студенческую и рабочую молодежь, научную, творческую, инженерно-техническую и военную интеллигенцию. Именно в тот хронологически короткий период они оказались способны на независимые инициативы (например, организацию клубного движения интеллектуалов и студенческой молодежи; шедшее вразрез с государственной идеологией забастовочное движение; движение за рабочее самоуправление, создание клубов католической интеллигенции и др.).

В Польше того времени доминировало стремление не разрушать основы социализма, а усовершенствовать, реформировать и как бы «облагородить» его. И потому значительное большинство населения с воодушевлением приняло возвращение В. Гомулки в большую политику, поддержало его политическую линию, направленную, как тогда многим казалось, на практическую реализацию сформулированной опальным коммунистическим лидером еще в 1940-х гг. концепции «польского пути к социализму», учитывающей исторические и национальные особенности страны.

Будучи глубоким социально-политическим феноменом, кризис 1956 г. открыл череду крупных общественных потрясений в Польше (1968, 1970, 1976, 1980–1981 гг.), которые в сущности были разными формами критики и даже открытого

неприятия существовавшей политической системы, политического режима, а в равной степени партийно-политических кругов, не сумевших в силу конкретных причин и обстоятельств предложить гражданам страны иную, более приемлемую перспективу. Идея социализма как общества социальной справедливости была к 1980-м гг. уже полностью скомпрометирована и потеряла привлекательность для большинства поляков.

Для наглядности картину кризиса 1956 г. в Польше можно представить в виде ломаной линии с двумя вершинами, или кульминационными точками. Кризис вызревал на почве обострившихся социальных проблем, и — как следствие — недовольства широких слоев населения, материально недостаточно обеспеченных, чему прямой причиной были грубые промахи в экономической политике руководителей ПОРП и правительства. Некритически, догматически воспринятая тогдашней (в годы правления Б. Берута) польской коммунистической элитой сталинская модель казарменного общества спровоцировала в 1954—1957 гг. острый кризис общественного сознания, а затем и политических структур. ПОРП, которая как основное звено политической системы ПНР практически монополизировала механизмы управления страной, в ходе развития событий пережила глубокое потрясение. Это выразилось в существенных разногласиях и в напряженной внутренней борьбе в Политбюро и ЦК партии по стратегическим вопросам внутренней политики Польши и по острейшим внутривнутрипартийным проблемам. Глубокие противоречия и споры нередко высокого накала вызывали также вопросы польско-советских отношений, имевших для ПНР фундаментальное значение.

Так называемая «оттепель» в Польше датируется в польской историографии по-разному: одни исследователи ее начало относят к 1954 г., другие — к 1955 г. В понятийной системе интеллектуальных элит народно-демократических стран Центрально-Восточной Европы «оттепель» означала начало затянувшегося на десятилетия процесса освобождения от идеологии сталинизма. В пробуждении польского общества после сравнительно непродолжительного периода доминирования тоталитаризма (в советско-сталинской версии) она сыграла свою позитивную роль. Коренное изменение политического климата в Польше инспирировала драматическая информация

о сталинском режиме, когда общественность узнала о массовых политических репрессиях и прочих преступных деяниях, ставших достоянием гласности на XX съезде КПСС, и последовавшее в апреле—мае 1956 г. широкое обсуждение как в партийных организациях, так и на собраниях беспартийных, закрытого доклада Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях».

Процесс десталинизации в Польше получил новый импульс, когда ПОРП возглавил Э. Охаб. Именно ему принадлежит заслуга в предоставлении возможности познакомиться с текстом закрытого доклада Н. С. Хрущева широким партийным, а частично и беспартийным кругам, что фактически инициировало общепольскую дискуссию по актуальным вопросам социально-экономического, политического положения в стране, а также состояния межгосударственных отношений Польши и СССР, особенно в области экономических отношений. Будучи не полных семь месяцев первым секретарем ПОРП, Э. Охаб упорно защищал интересы Польши в стремлении пересмотреть неравные отношения с Советским Союзом, но переломить ситуации ему не удалось. Прогрессировала поляризация в руководящих органах партии (группировки так называемых пулавян и натолинцев, то есть сторонников реформ и демократизации, с одной стороны, и консерваторов — с другой). За внутрипартийными проблемами (межгрупповой конфронтацией, непоследовательными попытками стабилизировать положение в стране, переговорами с В. Гомулкой о восстановлении его в партии и пр.) непоправимо упущена была важнейшая социальная проблема — необходимость ощутимого улучшения материального уровня жизни населения.

Массовые стихийные волнения в Познани 28 июня 1956 г. и вывод на VIII Пленуме ЦК ПОРП 19—21 октября 1956 г. из высшего политического руководства догматически настроенных деятелей, ориентированных на Советский Союз и свойственную ему государственную идеологию, — это две вехи, которые обозначили фазу дестабилизации всей общественной жизни Польши. В той или иной форме, с той или иной степенью глубины в кризис были вовлечены все основные общественные слои, все сколько-нибудь значимые политические силы, включая Объединенную крестьянскую и Демократическую партии («сторонництва»), не говоря уже о молодежных

политических организациях и группировках. На этой общественной волне в государственные и партийные органы начался приток новых людей, публично высказывавшихся за политические реформы и модернизацию экономики.

Поездка делегации КПСС в Варшаву в октябре 1956 г. для переговоров с руководителями ПОРП и попытки повлиять на них с помощью политического давления и даже грубой угрозы применения военной силы в конечном счете лишь усугубили негативное отношение польского общества к русским, советским политическим кругам и Советскому Союзу. «Танковый демарш» Северной группы советских войск, выполнявший приказ высшего советского командования, отданный 18 октября 1956 г., фактически обернулся долговременной компроматацией самой идеи советско-польского сотрудничества и дает о себе знать до сих пор.

В польско-советских переговорах, состоявшихся в Бельведере 19 октября 1956 г., польская сторона настойчиво и последовательно стремилась к тому, чтобы советские оппоненты относились к Польше как к равноправному партнеру, суверенному и независимому субъекту международных отношений. И она сумела добиться серьезных уступок советской стороны. В ходе ожесточенных споров были в предварительном порядке обсуждены и согласованы важнейшие политические решения, имевшие принципиальное значение для дальнейшего развития двусторонних советско-польских отношений в политической, экономической и военной сферах. Они были закреплены в межгосударственных документах во время советско-польских переговоров в Москве в ноябре 1956 г.

Оставалось еще на принципиальной основе урегулировать вопрос о пребывании Северной группы советских войск на польской территории, что произошло после необходимой дополнительной проработки вопроса в декабре 1956 г., когда министры иностранных дел и национальной обороны подписали в Варшаве соответствующее двустороннее соглашение. Оно предусматривало жесткое регламентирование пребывания советских войск в Польше, места их расположения и передвижение в случае необходимости. Считать Советскую Армию оккупационной, как это делают многие современные польские историки, нет оснований хотя бы потому, что никакого оккупационного режима после окончания Второй мировой

войны на освобожденной польской территории после 1945 г. не было и не предусматривалось. Напротив, с декабря 1956 г. немногочисленные советские гарнизоны, советские воинские подразделения оказались в условиях контроля с польской стороны.

После урегулирования польско-советских отношений на правительственном уровне в ходе ноябрьских переговоров в Москве В. Гомулка и поддерживавшая его группировка в ПОРП получили кредит доверия польской общественности и, заручившись им, принялись отлаживать административные и политические механизмы власти, чтобы вывести Польшу из кризиса.

С помощью продуманных социотехнических мероприятий новой управленческой команде удалось стабилизировать положение в стране на ближайшие десять с небольшим лет. В. Гомулка пытался улаживать неотложные проблемы политическими методами, но это удавалось не всегда. Когда организованная им кампания критики и искоренения «польского ревизионизма» (IX пленум ЦК ПОРП, май 1957 г.) фактически не привела к желаемому результату, он безоговорочно и грубо закрыл еженедельник «По просту», и это привело к затяжному открытому конфликту со студенчеством и частью творческой интеллигенции. Для всех политически активных граждан, а не только узкому кругу высших партийных функционеров, стало ясно, что первому лицу партии присущи авторитарность, нежелание быть гибким и терпимым к иным взглядам. В дальнейшем эта черта стиля гомулковского руководства только усугублялась. Впрочем, в 1957 г. первый секретарь ЦК ПОРП не препятствовал созданию в Сейме легальной оппозиционной депутатской католической группы «Знак», придерживавшейся, в сущности, весьма умеренных взглядов, и это была едва ли не единственная легальная оппозиция в странах Восточного блока того времени.

Биографический словарь

В «Биографический словарь» вошли участники событий, описываемых в книге. В аннотации включены наиболее важные биографические сведения, преимущественно до 1960 г. Источниками биографических данных служили следующие справочные издания:

Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923—1991 гг. Историко—биографический справочник / Автор-составитель В. И. Ивкин. М.: РОССПЭН, 1999; Чернев А. Д. 229 кремлевских вождей. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК Коммунистической партии в лицах и цифрах. Справочник. М.: Редакция журнала «Родина», Научный центр «Руссика», 1996; Ежегодники Большой Советской Энциклопедии. М.: Советская энциклопедия, 1957—1990; *Ciborska E.* Leksykon polskiego dziennikarstwa. Warszawa, 2000.; *Słownik biograficzny działaczy polskiego ruchu robotniczego* / Red. nac. F. Tych. Т. 1—3. Warszawa, 1978—1992; *Słownik biograficzny działaczy ruchu ludowego*: Makieta. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1989; *Mołdawa T.* Ludzie władzy 1944—1991: Władze państwowe i polityczne Polski według stanu na dzień 28 II 1991. Warszawa: PWN, 1991.

Альбрехт Ежи (1914—1992) — польский партийный и государственный деятель. В 1930—е гг. в молодежном коммунистическом движении, в годы Второй мировой войны находился в конспирации. С 1942 г. в ППР, секретарь Варшавского комитета партии. В 1942—1945 гг. гитлеровский узник. В 1945—1948 гг. член ЦК ППР, 1-й секретарь Варшавского комитета партии, в 1947—1948 гг. член Секретариата ЦК. С 1948 г. в ПОРП, в 1948—1968 гг. член ЦК. В 1950—1956 гг. председатель президиума рады народной г. Варшавы. В 1955—1957 гг. член Государственного Совета. В 1956—1961 гг. секретарь ЦК ПОРП. В 1957—1960 гг. заместитель председателя Госсовета.

Альстер Антоний (1903—1968) — польский партийный и государственный деятель. С 1923 г. в КПП. В 1931 г. направлен в Москву для учебы в Международной Ленинской школе. В 1935—1936 гг. член Секретариата Коммунистической партии Западной Украины. Неоднократно подвергался судебным преследованиям за революционную деятельность. С нападением Германии на СССР выехал на Кавказ, затем в Башкирию. Вел политико—просветительскую работу в I корпусе Польских вооруженных сил в СССР. В 1944 г. возглавил политико—воспитательный отдел в Польском партизанском штабе.

В августе 1944 г. возглавил Военный отдел ЦК ППР. В 1952–1954 гг. заведующий Организационным отделом ЦК ППР–ПОРП. В 1948–1964 гг. член ЦК ПОРП. С декабря 1954 г. 1-й заместитель председателя Комитета по вопросам общественной безопасности, с декабря 1956 г. до мая 1962 г. — заместитель министра внутренних дел.

Анджеевский Ежи (1909–1983) — польский прозаик, публицист, сценарист. Автор повести «Пепел и алмаз», получившей широкую известность за пределами Польши. В 1952–1954 гг. главный редактор еженедельника «Пшеглэнд культуральны», в 1955–1956 гг. член редколлегии журнала «Твурчошч», в 1972–1974 гг. сотрудник еженедельника «Литература». В 1952–1957 гг. депутат Сейма. Активный участник демократической оппозиции. В 1976–1981 гг. входил в Комитет защиты рабочих.

Андриевский Франц (р. 1903) — советский военачальник, откомандированный в Войско Польское, бригадный генерал. В 1956 г. командующий Варшавским военным округом.

Антонов А. И. (1896–1962) — советский военачальник, генерал армии. В 1946–1948, 1954–1955 гг. 1-й заместитель начальника Генштаба, с 1955 г. начальник штаба Объединенных вооруженных сил государств — участников Варшавского договора.

Банак Юзеф — польский дипломат. В 1956–1957 гг. 1-й секретарь посольства Польши в Москве.

Банах Казимеж (1904–1985) — польский деятель крестьянского движения, педагог и публицист. В людовском движении с 1922 г. В годы Второй мировой войны находился в подполье, в 1940–1944 гг. начальник штаба Главного командования Батальонов Хлопских. В 1949–1973 гг. член Главного исполнительного комитета ОКП. В 1949–1971 гг. член Президиума ГИК ОКП. В 1957–1971 гг. член Государственного Совета ПНР.

Бауман Зыгмунт (р. 1925) — польский социолог, профессор Варшавского университета. Активный участник демократической оппозиции.

Бенек Тадеуш — студент политехнического института в Познани. Активный участник массовых волнений 28 июня 1956 г.

Берия Л. П. (1899–1953) — советский государственный и партийный деятель. С 5 марта по 26 июня 1953 г. министр внутренних дел СССР, одновременно 1-й заместитель председателя Совета Министров СССР. В 1934–1953 гг. член ЦК КПСС. В 1946–1953 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС. 26 июня 1953 г. арестован и снят со всех постов как враг советского народа. 23 декабря 1953 г. приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. Не реабилитирован.

Берман Якуб (1901–1984) — польский партийный и государственный деятель. В КПП с 1928 г. В годы Второй мировой войны находился в СССР, член Главного правления Союза польских патриотов, в январе–июле 1944 г. член Центрального бюро польских коммунистов. С 1944 г. в ППР, член ЦК и Политбюро, в 1948 г. член Секретариата ЦК. В 1948–1957 гг. — в ПОРП, в 1948–1954 гг. член Организационного бюро ЦК, в 1948–1956 гг. член Политбюро ЦК. В 1949–1956 гг. член комиссии Политбюро ЦК по вопросам Министерства общественной безопасности. В марте 1954 — мае 1956 г. заместитель председателя Совета Министров ПНР. В 1957–1968 гг. сотрудник исторической редакции издательства «Ксёнджа и ведза».

Бернов Ю. В. (р. 1922) — советский дипломат. В 1952–1953 гг. вице-консул СССР в Щецине, в 1954–1956 гг. консул СССР в Кракове, в 1956–1959 гг. советник посольства СССР в Варшаве. В последующем в аппарате ЦК КПСС и вновь на дипломатической работе.

Берут Болеслав (1892–1956) — польский политический и государственный деятель. С 1912 г. член ППС–Левицы. С 1918 г. в КРПП–КПП. В 1925–1926 гг. находился в СССР, слушатель партийной школы КПП в Москве. В 1928–1930 гг. слушатель Международной Ленинской школы в Москве. В 1930–1932 гг. по поручению Коммунистического Интернационала вел нелегальную работу в Австрии, Чехословакии и Болгарии. В 1933–1938 гг. в заключении. В годы Второй мировой войны находился в СССР, в том числе на оккупированной территории. В Польшу вернулся нелегально в 1943 г. В том же году вступил в ППР, член руководящих партийных органов. В сентябре–декабре 1948 г. генеральный секретарь ЦК ППР. В 1944–1948 гг. формально беспартийный как глава государства. С 1948 г. в ПОРП. В 1948–1954 гг. председатель ЦК и Секретариата ЦК партии. В 1948–1956 гг. член ЦК и Политбюро ЦК. В марте 1954 — марте 1956 гг. первый секретарь ЦК ПОРП. В 1949–1956 гг. председатель комиссии Политбюро по вопросам Министерства общественной безопасности. В 1950–1954 гг. председатель Секретариата Оргбюро ЦК. В 1952–1954 гг. председатель Совета Министров ПНР.

Бещев Б. П. (1903–1981) — советский государственный деятель. В 1948–1976 гг. министр путей сообщения СССР. Член ЦК КПСС в 1952–1981 гг.

Блоньский Ян (р. 1931) — польский литературовед и литературный критик. В 1950–1960 гг. сотрудник варшавского еженедельника «Пшекруй», постоянно сотрудничал с еженедельниками «Жиче литератке» (1952–1970), «Нова культура» (1952–1962), «Пшеглэнд культуральны» (1956–1963) и другими изданиями.

Борзиловский Ежи (1900–1983) — советский офицер, проходивший службу в Войске Польском. Генерал-полковник. Член ЦК

ПОРП. В 1954–1968 гг. заместитель министра национальной обороны, начальник Генерального штаба.

Борисов И. С. — советский дипломат. В 1950–1951 гг. консул СССР в Щецине. В 1957–1959 гг. 1-й секретарь посольства СССР в Польше.

Братковская Анна (1927–1988) — польская журналистка. Сопрудница редакции варшавского еженедельника «По prostu».

Бродзинский Станислав (р. 1918) — польский партийный деятель. В 1955–1956 гг. 1-й секретарь воеводского комитета ПОРП в Кракове.

Брыстигерова Юлия (1902–1975) — офицер польских служб государственной безопасности, полковник. Член Коммунистической партии Западной Украины, ПНР и ПОРП. В 1945–1954 гг. исполняющая обязанности директора V департамента Министерства общественной безопасности Польши. В 1954–1955 гг. директор III департамента там же, в 1955–1956 гг. директор III департамента Комитета по вопросам общественной безопасности. Курировала вопросы борьбы с римско-католической церковью. В 1956 г. отправлена в отставку.

Будзвойский Максимилиан — польский региональный деятель. В 1956–1957 гг. секретарь президиума воеводской рады народной в Кракове.

Будзыньская Целина (1907–1993) — польская партийная деятельница. В 1948–1957 гг. директор Центральной школы ПОРП. Принимала участие в движении демократической оппозиции 1970–1980-х гг.

Булганин Н. А. (1895–1975) — советский государственный, партийный и военный деятель. В 1937–1961 гг. член ЦК ВКП(б)–КПСС, в 1948–1958 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)–КПСС. В 1950–1955 гг. 1-й заместитель председателя Совета Министров СССР, одновременно в 1953–1955 гг. министр обороны СССР. В 1955–1958 гг. председатель Совета Министров СССР. В марте–августе 1958 г. председатель правления Государственного банка СССР. В 1958–1960 гг. председатель Ставропольского совнархоза.

Важик Адам (1905–1982) — польский поэт, прозаик и эссеист. В 1950–1954 гг. главный редактор журнала «Творчошч». В 1957 г. вышел из партии в знак протеста против решения властей, запретивших издание ежемесячника «Европа».

Василевская Ванда (1905–1964) — писательница и журналистка. В 1930-е гг. принимала активное участие в польском социалистическом движении, в 1934–1937 гг. член Главного совета ППС. В годы Второй мировой войны находилась в СССР. В 1941 г. вступила в ВКП(б). С началом германского нашествия на Советский Союз

политический работник и военный корреспондент. В 1943—1946 гг. председатель Главного правления Союза польских патриотов. Член Центрального бюро польских коммунистов в СССР. После окончания войны проживала в Киеве.

Вербловский Стефан (1904—1978) — польский партийный деятель. Участник Октябрьской революции в России. Член ЦК ПОРП. Научный сотрудник Института общественных наук при ЦК ПОРП.

Верна Марья (1914—2004) — польский дипломат. В 1956—1958 гг. Генеральный директор МИД ПНР.

Виноградов И. Т. (р. 1905) — советский партийный работник. В 1953—1959 гг. заместитель заведующего отделами ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями и по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.

Висьневский Ян (1920—1969) — польский военачальник, адмирал. В 1953 г. начальник Главного штаба Военно-морского флота Польши, в 1956 г. командующий флотом.

Виташевский Казимеж (1906—1992) — польский политический, профсоюзный и военный деятель, дивизионный генерал. Член КПП. В годы Второй мировой войны находился в СССР, в 1943—1944 гг. вел политическую работу в польских вооруженных формированиях. С 1944 г. в ППР, в 1945—1948 гг. член ЦК. В октябре 1952 — октябре 1956 г. заместитель министра национальной обороны и начальник Главного политического управления Войска Польского. В 1957—1959 гг. военный атташе при посольстве Польши в Чехословакии.

Виха Владыслав (1904—1984) — польский партийный и государственный деятель. В межвоенный период руководил работой окружных организаций КПП. В 1938—1945 гг. рабочий-металлист в Бельгии, Франции, Испании, Англии. С 1945 г. в ППР, с 1948 г. — в ПОРП. В 1949—1950 гг. 1-й секретарь воеводского комитета ПОРП в Кельце, в 1950—1952 гг. — Варшавского комитета. В 1952—1954 гг. заместитель министра государственного контроля. В 1954—1958 гг. член ЦК ПОРП. В 1954—1964 гг. министр внутренних дел.

Вознесенский Д. П. (р. 1902) — полковник НКВД СССР. С 1920 г. член ВКП(б). С 1921 г. проходил подготовку в советских органах военной контрразведки, в годы Великой Отечественной войны служил в СМЕРШе. С мая 1944 г. направлен для прохождения службы в органы контрразведки 1-й Польской армии, сформированной в СССР. В сентябре 1946 г. назначен заместителем начальника Главного управления информации Войска Польского, с июня 1950 г. возглавил управление. По возвращении в СССР из Польши приговорен судом к 8 годам тюремного заключения за нарушения законности, через некоторое время освобожден. Проживал в Москве, занимая офицерскую должность в охране завода им. И. А. Лихачева.

Волицкий Кшиштоф (1925–2001) — польский журналист. В 1945–1948 гг. в ППР, в 1948–1967 гг. в ПОРП. В 1952–1957 гг. сотрудник редакции газеты «Трыбуна люду», в 1957 г. — в еженедельнике «Штандар млодых».

Ворошилов К. Е. (1881–1969) — советский государственный и военный деятель. Маршал Советского Союза. В 1946–1953 гг. заместитель председателя Совета Министров СССР. В марте 1953 — мае 1960 г. председатель Президиума Верховного Совета СССР. В 1921–1961 и 1966–1969 гг. член ЦК КПСС. В 1926–1960 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК.

Ворошильский Виктор (1927–1996) — известный польский поэт, переводчик и журналист. Активный участник польского молодежного коммунистического движения второй половины 1940–х и первой половины 1950–х гг. В своей литературной деятельности первоначально придерживался идеологии социалистического реализма. С ноября 1956 по январь 1958 г. главный редактор еженедельника «Нова культура». С 1970-х гг. активный деятель демократической оппозиции.

Вояс Павел (1905–1978) — польский партийный деятель. В январе–феврале 1955 г. заместитель заведующего Организационным отделом ЦК, в феврале–ноябре 1955 г. руководитель Бюро Секретариата ЦК, с ноября 1955 г. по сентябрь 1956 г. вновь заведующий Орготделом ЦК ПОРП.

Высех Чеслав (1899–1977) — польский государственный деятель, педагог и историк. С 1918 г. в людовском движении. В годы Второй мировой войны находился в Польше, член руководства тайной учительской организации. В 1949–1971 гг. член Президиума Главного исполнительного комитета ОКП. В 1953–1957 гг. возглавлял Государственное сельскохозяйственное и лесное издательство. В 1956–1957 гг. заместитель председателя Государственного Совета. В 1957–1971 гг. маршал Сейма.

Вышиньский Стефан (1901–1981) — польский католический иерарх, кардинал, с 1949 г. примас Польши, архиепископ гнезненский и варшавский. В годы Второй мировой войны находился на оккупированной территории, вел тайное обучение. В послевоенный период последовательно отстаивал политический реализм в отношениях римско-католической церкви с государственными властями, решительно защищал права Костела и верующих.

Вэрблян Анджей (р. 1924) — польский партийный деятель и историк. В годы Второй мировой войны находился в СССР, в 1943–1944 гг. в Польской армии, в 1944–1947 гг. в Войске Польском. В 1947–1948 гг. член ППС, в 1948 г. член Главного совета партии. С 1948 г. в ПОРП. В 1948–1956 гг. кандидат, в 1956–1981 гг. член ЦК. С 1955 г. работал в аппарате ЦК ПОРП, в марте–августе 1956 г.

возглавлял Отдел пропаганды и агитации ЦК, в августе 1956 — январе 1957 г. — Отдел пропаганды и печати; в 1957—1960 гг. — Отдел пропаганды ЦК. В дальнейшем на партийной и преподавательской работе.

Вэрфель Роман (1906—2003) — польский партийный деятель и публицист. С 1923 г. в КПП, с 1944 г. — в ППР, в 1948—1968 гг. — в ПОРП. В 1951 г. председатель издательского кооператива «Ксён-жка и ведза». В 1952—1959 гг. главный редактор ежемесячного журнала «Нове дроги», в феврале—апреле 1956 г. — газеты «Трыбуна люду». В 1959—1963 гг. секретарь воеводского комитета ПОРП во Вроцлаве.

Галицкий К. Н. (1897—1973) — советский военачальник, генерал армии. В 1955—1958 гг. командующий Северной группы советских войск, расположенных в Польше.

Гарницарчик Вильгельм (1893—1972) — деятель польского крестьянского движения, учитель. В 1912—1922 гг. проживал в России. Участник Октябрьской революции. Служил в Красной Армии. В годы Второй мировой войны находился в Польше. В 1942 г. занялся тайным обучением, вступив в Стронництво людове «Рох», в 1943 г. перешел в Стронництво людове «Воля люду». С освобождением Польши от гитлеровской оккупации включился в работу по налаживанию местных управленческих структур (Кельце, Варшава). В 1956—1959 гг. член Главного комитета Объединенной крестьянской партии.

Герц Павел (1918—2001) — польский публицист. В годы Второй мировой войны находился в СССР. В 1940 г. репрессирован, осужден к 8 годам принудительных работ на Урале. После амнистии занялся организацией польских школ в Киргизии, учительствовал в польских школах в Самарканде. Принимал участие в деятельности Союза польских патриотов. На родину вернулся в 1944 г. В 1944—1948 гг. в ППР, в 1948—1957 гг. в ПОРП. Из партии вышел в связи с запрещением издания журнала «Европа». Сотрудничал с «Новой культурой» (1951—1963), «Пшеглэндом культуральным» (1952—1962), «Экспрессом вечёрным» (1952—1957) и другими периодическими изданиями.

Герэк Эдвард (1913—2001) — польский политический деятель. В 1923—1934 гг. проживал во Франции, где с 1926 г. работал горняком, в 1937—1948 гг. — в Бельгии. Участвовал в движении Сопротивления. Член Французской компартии с 1931 г. и Компартии Бельгии. Вернулся в Польшу в 1948 г., вступил в ППР, затем в ПОРП. В 1949—1954 гг. секретарь воеводского комитета ПОРП в Катовице, в 1954—1956 гг. заведующий Отделом тяжелой промышленности ЦК. В 1954—1980 гг. член ЦК, в 1956 и 1959—1980 гг. член

Политбюро ЦК партии. В 1957–1970 гг. 1-й секретарь воеводского комитета ПОРП в Катовице. В 1970–1980 гг. первый секретарь ЦК ПОРП.

Гоздик Лехослав (р. 1931) — польский региональный общественный деятель. Лидер рабочего движения в Варшаве середины 1950-х гг. Активист Союза польской молодежи, в 1953–1970 гг. член ПОРП. В 1955–1957 гг. первый секретарь заводского комитета ПОРП завода легковых автомобилей в Жерани.

Гомулка Владыслав (1905–1982) — польский политический деятель. Идеолог «польского пути к социализму». В 1925–1926 гг. член Независимой крестьянской партии. С 1926 г. в КПП. В 1926–1931 гг. также член ППС–Левицы. В 1934–1935 гг. слушатель Международной Ленинской школы в Москве. В межвоенной Польше подвергался полицейским преследованиям. В годы Второй мировой войны находился на оккупированной территории. С 1942 г. в ППР, в 1943–1945 гг. секретарь ЦК партии. В 1944–1949 гг. первый заместитель председателя Совета Министров Польши, в 1945–1949 гг. министр Возвращенных Земель. В 1945–1948 гг. генеральный секретарь ЦК ППР. Освобожден от своих партийных обязанностей на пленуме ЦК ППР 31 августа — 3 сентября, будучи обвиненным в правонационалистическом уклоне. С декабря 1948 г. в ПОРП. В августе 1951 — декабре 1954 г. находился в заключении. 2 августа 1956 г. восстановлен в партии. В октябре 1956 — декабре 1970 г. первый секретарь ЦК ПОРП.

Горчаков А. И. (р. 1914) — советский дипломат. В 1956–1959 гг. заведующий 4-м Европейским отделом МИД СССР. В 1959–1963 гг. советник–посланник посольства СССР в ГДР. В дальнейшем на дипломатической работе.

Гранас Романа (1906–1987) — польская партийная деятельница. С 1926 г. в КПП, с 1944 г. — в ППР, с 1948 г. — в ПОРП. В 1950–1957 гг. директор Партийной школы при ЦК ПОРП.

Гродэк Владзимеж — польский журналист, сотрудник варшавского молодежного еженедельника «По просту».

Гротеволь Отто (1894–1964) — восточногерманский политический и государственный деятель. В 1949–1964 гг. премьер–министр ГДР и член Политбюро ЦК СЕПГ.

Дамянов Георгий (1892–1958) — болгарский государственный и военный деятель. С 1945 г. член Политбюро БКП. В 1946–1950 гг. министр народной обороны, с 1950 г. председатель Президиума Народного Собрания НРБ.

Двораковский Владыслав (1908–1976) — польский партийный деятель. С 1934 г. в КПП, с 1942 г. — в ППР, в 1945–1948 гг. член ЦК, в 1948 г. член Оргбюро ЦК. С 1948 г. в ПОРП, в 1948–1959 гг.

член ЦК, в 1948—1954 гг. член Оргбюро ЦК, в 1952—1954 гг. кандидат, в 1954—1956 гг. член Политбюро ЦК ПОРП, в 1954—1955 гг. секретарь ЦК ПОРП. Одновременно в 1952—1954 гг. заместитель председателя Совета Министров ПНР, в 1954—1956 гг. председатель Комитета по делам общественной безопасности при Совете Министров ПНР. Руководил воеводскими организациями ПОРП в Гданьске, Лодзи, возглавлял организационный отдел аппарата ЦК ПОРП.

Дзедзиц Шимон (р. 1917) — польский деятель людовского движения. В 1930—е гг. активист Союза крестьянской молодежи. В годы Второй мировой войны сражался в Батальонах Хлопских. В 1945—1946 гг. в Польском стронництве людовом, с 1947 г. — в Стронництве людовом. В 1954—1959 гг. член воеводского комитета ОКП во Вроцлаве, в 1956—1973 гг. — член Главного комитета ОКП.

Дзержинский Я. Ф. (1911—1960) — советский партийный работник. В 1939—1943 гг. старший референт Отдела кадров ИККИ. В 1943—1945 гг. старший референт Управления делами ЦК ВКП(б). В 1945 г. сотрудник НИИ—205. С 1945 г. инструктор Отдела международной информации ЦК ВКП(б). В 1953—1957 гг. референт Отдела ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями. С 1957 г. референт Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.

Длуский Остап (1892—1964) — польский партийный деятель. В 1948—1957 гг. заведующий Иностранным отделом ЦК ПОРП. Одновременно в 1954—1956 гг. заведующий Бюро Секретариата ЦК ПОРП.

Долиньский Адам (1899—1985) — польский партийный и профсоюзный деятель. С 1924 г. в КПП. В годы Второй мировой войны находился в СССР, в 1943—1944 гг. деятель Союза польских патриотов, с 1944 г. в ППР, в 1945—1948 гг. кандидат в члены ЦК. С 1948 г. в ПОРП, член ЦК в 1948—1964 гг. В 1950—1954 гг. заместитель председателя Центрального совета профессиональных союзов.

Домбровский Константы (1906—1975) — польский государственный и партийный деятель. В годы Второй мировой войны находился на оккупированной польской территории, работал в сельской кооперации в Люблине. В 1945—1948 гг. член Главного совета ППС, в 1948 г. член Центрального исполнительного комитета ППС. С 1948 г. в ПОРП, в 1948—1968 гг. член ЦК, в 1968—1971 гг. член Центральной ревизионной комиссии ПОРП. В 1952—1956 гг. министр внешней торговли. В 1957 г. заместитель министра, министр государственного контроля, в 1957—1969 гг. председатель Высшей контрольной палаты.

Дробнер Болеслав (1883—1968) — польский политик, видный деятель Польской социалистической партии. В годы Второй мировой войны находился в СССР. В 1940 г. репрессирован НКВД.

В 1943–1944 гг. член Главного правления Союза польских патриотов. Депутат Крайовой Рады Народовой и Сейма. В 1946–1948 гг. секретарь воеводского комитета ППС в Кракове; высказывался против объединения ППС с ППР на условиях, выдвигавшихся коммунистами. С 1948 г. член ПОРП.

Егоров И. И. — советский дипломат. В 1954 г. 2-й секретарь, в 1955 г. 1-й секретарь посольства СССР в Варшаве. В 1957 г. 1-й секретарь 4-го Европейского отдела МИД СССР.

Ендрховский Стефан (1910–1996) — польский государственный и партийный деятель. В годы Второй мировой войны находился в СССР, деятель Союза польских патриотов, один из организаторов 1-й дивизии им. Т. Костюшко. С 1944 г. в ППР, в 1945–1948 гг. член ЦК. В 1947–1948 гг. член Секретариата ЦК. С 1948 г. в ПОРП, в 1948–1975 гг. член ЦК, в 1956–1971 гг. член Политбюро ЦК. В 1951–1956 гг. заместитель председателя Совета Министров ПНР. В 1956 г. председатель Государственной комиссии хозяйственного планирования, в 1956–1968 гг. председатель Комиссии планирования при Совете Министров ПНР. В дальнейшем был министром иностранных дел и министром финансов.

Ермилов А. П. — советский дипломат. В 1954 г. 1-й секретарь посольства СССР в Польше.

Ёдловский Ежи (1909–2000) — польский политический деятель, юрист и педагог. С 1945 г. член Демократической партии. В 1945–1969 гг. член ЦК партии, в 1946–1954 гг. член Политического комитета ЦК, в 1954–1958 гг. член Президиума ЦК. В 1956–1958 гг. заместитель председателя ЦК ДП. В 1949–1967 гг. член Верховного Суда. С 1950 г. профессор Варшавского университета. В 1957–1961 гг. вице-маршал Сейма.

Живков Тодор (1911–1998) — болгарский государственный и политический деятель. В 1954–1981 гг. первый секретарь, в 1981–1989 гг. генеральный секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии. Одновременно в 1961–1971 гг. председатель Совета Министров НРБ, в 1971–1989 гг. председатель Государственного Совета.

Жуков Г. А. (1908–1991) — советский журналист и общественный деятель. В 1952–1957 гг. заместитель главного редактора газеты «Правда», в 1957–1962 гг. председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по культурным связям с зарубежными странами. В 1956–1976 гг. член ЦРК КПСС.

Жуков Г. К. (1896–1974) — советский военачальник, Маршал Советского Союза. В 1953–1955 гг. 1-й заместитель министра, в феврале

1955 — октябре 1957 г. министр обороны СССР. Член ЦК КПСС в 1953—1957 гг., в 1956—1957 гг. кандидат, в июне—октябре 1957 г. член Президиума ЦК КПСС. С 1958 г. в отставке.

Жулковский Стефан (1911—1991) — польский партийный и государственный деятель, литературный критик и публицист, действительный член Польской Академии наук. С 1942 г. в ППР, с 1948 г. в ПОРП. В 1953—1955 гг. ученый секретарь ПАН. В 1954—1958 гг. член ЦК ПОРП. В 1955—1956 гг. заведующий Отделом культуры и науки ЦК. В 1956—1959 гг. министр высшего образования.

Завадский Александр (1899—1964) — польский политический и государственный деятель. С 1923 г. в КПП, с 1945 г. в ППР, с 1948 г. в ПОРП. В 1948—1964 гг. член ЦК и Политбюро ЦК. В 1948—1954 гг. член Организационного бюро ЦК и секретарь ЦК ПОРП. В 1952—1964 гг. председатель Государственного Совета. В 1954—1956 гг. член президиума, в августе—ноябре 1956 г. председатель Общепольского комитета Национального фронта, в 1958—1964 гг. председатель Общепольского комитета Фронта национального единства.

Зажичкий Януш (1914—1995) — бригадный генерал, начальник Главного политико-воспитательного управления Войска Польского. В 1950 г. председатель Центрального управления профессионального обучения. Председатель президиума рады народной г. Варшавы. С ноября 1956 г. заместитель министра национальной обороны ПНР, начальник Главного политического управления Войска Польского.

Зайкин Д. И. — советский дипломат. В 1952—1954 гг. советник посольства СССР в Варшаве.

Замбровский Роман (1909—1977) — польский партийный и государственный деятель. В 1930—1938 гг. член ЦК Коммунистического союза молодежи Польши, с 1928 г. в КПП, с 1944 г. в ППР, с 1948 г. в ПОРП. В 1944—1948 гг. член ЦК, в 1945—1948 гг. член Политбюро ЦК, в 1948 г. член Оргбюро ЦК ППР. В 1948—1964 гг. член ЦК, в 1948—1954 гг. член Оргбюро ЦК, в 1948—1963 гг. член Политбюро ЦК ПОРП. В годы Второй мировой войны находился в СССР, вел политико-воспитательную работу в польских военных формированиях. В 1944—1945 гг. заведующий Организационным отделом ЦК ППР, в 1945—1948 гг. член Секретариата ЦК. Одновременно член Президиума Крайовой Рады Народовой (1944—1945), председатель Специальной комиссии по борьбе с злоупотреблениями (1945—1954), вице-маршал Законодательного Сейма (1947—1952), член Государственного Совета (1947—1955), министр государственного контроля (1955—1956).

Зараковский Станислав (1909–1992) — главный военный прокурор, генерал. С 1946 г. в ППР, с 1948 г. — в ПОРП. В 1950–1956 гг. возглавлял Главную военную прокуратуру

Зверев А. Г. (1900–1969) — советский государственный деятель. В 1948–1960 гг. министр финансов СССР.

Зиманд Роман (1926–1992) — польский литературовед и переводчик. В годы Второй мировой войны находился в СССР, будучи в 1940 г. депортирован в Казахстан; возвратился в Польшу в 1945 г. В 1945–1948 гг. член ППР, в 1948–1957 гг. — в ПОРП. Активный участник молодежных коммунистических организаций. В 1951–1954 гг. в Институте обучения научных кадров ЦК ПОРП. В 1954–1956 гг. сотрудник газеты «Трыбуна люду», в 1956–1957 гг. редактор в варшавском еженедельнике «По prostu». С 1958 г. сотрудник Института литературных исследований ПАН. Активный участник демократической оппозиции, участвовал в деятельности независимого профсоюза «Солидарность».

Зимянин М. В. (1914–1995) — советский государственный и партийный деятель, дипломат. В 1947–1953 гг. секретарь, 2-й секретарь ЦК КП Белоруссии. С 1953 г. на дипломатической работе: заведующий отделами и член коллегии МИД СССР, посол СССР во Вьетнаме и Чехословакии, заместитель министра иностранных дел СССР. В 1952–1956 гг., 1966–1989 гг. член ЦК КПСС. В 1956–1961 гг. член Центральной ревизионной комиссии КПСС.

Зорин В. А. (1902–1986) — советский дипломат. В 1947–1955 гг. заместитель министра иностранных дел СССР, одновременно в 1952–1953 гг. постоянный представитель СССР в Совете Безопасности ООН. В 1955–1956 гг. посол СССР в ФРГ. В 1956–1965 гг. заместитель министра иностранных дел СССР.

Иванов А. — советский дипломат. В 1955 г. вице-консул СССР в Гданьске.

Иванцов А. В. — советский дипломат. В 1955–1956 гг. вице-консул СССР в Кракове.

Игнар Стефан (1908–1992) — польский государственный деятель, публицист и педагог. С 1931 г. в Стронництве людовом. В 1935–1939 гг. член Главного совета партии. В 1948–1949 гг. член Президиума Главного исполнительного комитета Стронництва людового, в 1949–1984 гг. член ГИК Объединенной крестьянской партии. В 1949–1956 гг. председатель Секретариата Главного комитета ОКП, в 1956–1962 гг. председатель Главного комитета ОКП. В 1956–1969 гг. заместитель председателя Совета Министров ПНР. В 1949–1978 гг. преподаватель, профессор Главной школы сельского хозяйства в Варшаве.

Кабанов И. Г. (1898–1972) — советский государственный деятель. С 1952 г. председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по материально-техническому снабжению. В 1953 г. 1-й заместитель министра внутренней и внешней торговли СССР. В 1953–1958 гг. министр внешней торговли СССР.

Каганович Л. М. (1893–1991) — советский партийный и государственный деятель. В 1924–1957 гг. член ЦК ВКП(б)–КПСС, в 1930–1957 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК. В 1953–1957 гг. 1-й заместитель председателя Совета Министров СССР, одновременно в 1956–1957 гг. председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы. В 1957 г. исключен из членов Президиума и ЦК КПСС, в 1961 г. из партии. В 1957–1961 гг. директор Уральского калийного комбината.

Казаченко И. А. — советский дипломат. В 1955 г. вице-консул СССР в Кракове.

Калиновский Стефан (1907–1983) — польский государственный деятель. В сентябре 1950 — апреле 1956 г. Генеральный прокурор ПНР. Член ЦК ПОРП и Центральной комиссии партийного контроля. С осени 1956 г. заместитель полномочного представителя правительства по вопросам репатриации из СССР.

Калиновский Юзеф (1910–1975) — польский партийный деятель. Член КПП с 1932 г. В годы Второй мировой войны оставался на оккупированной территории. С 1942 г. в ППР, с 1945 г. кандидат в члены ЦК. С 1948 г. в ПОРП, с 1954 г. кандидат в члены ЦК. В 1953–1965 гг. заведующий Бюро Общепольского комитета Национального фронта, затем секретарь Общепольского комитета Фронта национального единства.

Карпов В. А. — советский дипломат. В 1954–1956 гг. советник посольства СССР в Польше

Касман Леон (1905–1984) — польский партийный и государственный деятель. С 1920 г. в польских молодежных организациях коммунистического направления. С 1922 г. в КРПП–КПП. По поручению партии направлен в Москву в польский сектор Международной Ленинской школы. В Польшу вернулся в 1936 г. В годы Второй мировой войны участвовал в партизанском движении. Летом 1943 г. создал базу в Белоруссии для оказания помощи ППР (радиосвязь с Москвой, переброска коммунистов на польскую территорию из СССР и пр.). С 1944 г. в ППР. В 1948–1954 гг. главный редактор газеты «Трыбуна люду». В 1948–1968 гг. член ЦК ПОРП, в 1948–1954 гг. член Организационного бюро ЦК ПОРП. В 1954–1956 гг. заместитель министра легкой промышленности, в 1956–1957 гг. заместитель председателя Государственной комиссии планирования экономики. В 1957–1967 гг. вновь главный редактор «Трыбуны люду».

Качмарек Чеслав (1895–1963) — польский католический иерарх, епископ келецкой епархии (децезии).

Кирхмайер Ежи (1895–1959) — польский военный деятель, историк и публицист, бригадный генерал. Необоснованно обвинен в участии в так называемом военном заговоре. Реабилитирован.

Клепач Михал (1893–1967) — польский католический иерарх, епископ, лодзинский ординарий.

Клишко Зенон (1908–1989) — польский политический и государственный деятель. Член КПП с 1931 г. В годы Второй мировой войны находился в Польше, на оккупированной территории. С 1942 г. в ППР. В 1948–1971 гг. в ПОРП. В 1948–1949 гг. кандидат в члены ЦК. В 1949 г. исключен из ЦК в связи с обвинением в так называемом правонационалистическом уклоне. В 1956 г. восстановлен в ПОРП. В 1956–1971 гг. член ЦК, в 1957–1970 гг. секретарь ЦК. В 1959–1971 гг. член Политбюро ЦК ПОРП.

Клосевич Виктор (1907–1992) — польский партийный, государственный и профсоюзный деятель. С 1928 г. в КПП. В 1938–1940 гг. находился во Франции. В 1939–1940 гг. в польской армии на Западе. В 1940–1945 гг. пребывал в немецком концлагере. В 1945 г. вернулся на родину. С 1945 г. в ППР, с 1948 г. в ПОРП. В 1950–1958 гг. член ЦК. В 1950–1954 гг. член Организационного бюро ЦК ПОРП. В 1950–1956 гг. председатель Центрального совета профессиональных союзов. В 1952–1956 гг. член Государственного Совета. В марте 1958 г. исключен из ПОРП.

Ковалев А. П. (р. 1914) — советский дипломат. В 1956 г. советник посольства СССР в Венгрии.

Ковалик Тадеуш (р. 1926) — польский экономист, активный участник демократической оппозиции. В 1948 г. член ППР, в 1948–1968 гг. член ПОРП. В 1954–1957 гг. преподаватель Института подготовки научных кадров (Институт общественных наук) при ЦК ПОРП. В 1956–1962 гг. член «Клуба Кривого колеса». В 1956–1957 гг. главный редактор варшавского еженедельника «Жиче господарче».

Коваль К. И. (р. 1908) — советский государственный деятель. В 1950–1955 гг. заместитель министра внешней торговли СССР. В 1953–1955 гг. одновременно начальник 2-го экспортного управления Министерства внешней и внутренней торговли СССР. В 1955 — январе 1957 г. начальник Главного управления по делам экономических связей со странами народной демократии.

Ковальский Владыслав (1894–1958) — польский политический деятель и писатель. С 1919 г. в крестьянских политических организациях радикального направления. С 1928 г. в КПП. В годы Второй мировой войны оставался на оккупированной территории Польши. С 1942 г. в ППР. По поручению руководства партии продолжил

работу в крестьянском движении: в 1944 г. в Стронництве людовом «Воля люду», с 1945 г. в Стронництве людовом, с 1949 г. в Объединенной крестьянской партии, где в 1949–1956 гг. был председателем Президиума Главного исполнительного комитета. В 1947–1952 гг. маршал Законодательного Сейма, в 1947–1956 гг. член Государственного Совета.

Козловская Гелена (1906–1967) — польская партийная деятельница. В 1948–1953 гг. заведующая Отделом партийного обучения, в 1953–1954 гг. заведующая Отделом партийных школ, в марте 1954 — сентябре 1963 г. заместитель заведующего Организационным отделом ЦК ПОРП.

Коле Юлиан (1908–1998) — польский партийный и государственный деятель. В 1948–1951 гг. заведующий Экономическим отделом ЦК ПОРП. В 1951–1969 гг. заместитель министра финансов.

Комар Вацлав (1909–1972) — польский военачальник, бригадный генерал. С 1925 г. в молодежном коммунистическом движении. С 1926 г. в КПП. В 1927 г. обучался на командных курсах Штаба Красной Армии в Москве. В 1931 г. направлен в Германию, затем вновь в СССР. В 1936–1939 гг. участник гражданской войны в Испании, в 1937–1938 гг. член компартии Испании. В 1939 г. вступил добровольцем в Польскую Армию во Франции, в 1940 г. попал в плен, находился в концлагерях Франции и Германии. В 1945 г. отправился в Париж, где работал в военном представительстве, а затем в польском посольстве. С 1945 г. в ППР. В декабре 1945 г. возглавил в Варшаве разведывательный отдел Генерального штаба Войска Польского. Одновременно с 1947 г. возглавлял разведку Министерства общественной безопасности. 11 ноября 1952 г. арестован органами военной контрразведки по подозрению во вредительской работе. 17 декабря 1954 г. следственное дело в отношении В. Комара было прекращено за отсутствием состава преступления. 17 августа 1956 г. назначен командующим внутренними войсками.

Конев И. С. (1877–1973) — советский военачальник, Маршал Советского Союза. В 1946–1950 и 1955–1956 гг. заместитель министра обороны СССР (с 1956 г. — 1-й заместитель министра), одновременно в 1955–1960 гг. главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского договора.

Корчиньский Гжегож (1915–1971) — польский военный деятель. В 1937–1939 гг. принимал активное участие в гражданской войне в Испании, сражаясь в батальоне им. Я. Домбровского. С 1942 г. участник движения сопротивления в Польше в Гвардии Людовой. С освобождением польской территории Советской Армией работал в органах общественной безопасности и милиции. Член ЦК ППР и ПОРП. В 1948 г. обвинен в правонационалистическом уклоне,

в 1950 г. арестован, в мае 1954 г. на тайном судебном процессе приговорен к пожизненному заключению. 25 апреля 1956 г. освобожден по амнистии, в июле реабилитирован.

Котлицкий Генрык (1904—1985) — польский государственный деятель. В 1928 г. вступил в КПП. С началом Второй мировой войны эвакуировался в Белоруссию, в Минске оказался в оккупации, в январе 1942 г. возвратился в Варшаву. Вступил в ППР и вел работу в конспиративных организациях партии. В 1949—1954 гг. директор иностранного департамента, в 1954—1968 гг. Генеральный директор Министерства финансов ПНР.

Котт Ян (1914—2001) — польский литературовед, театровед и публицист. Крупнейший польский шекспировед. В годы Второй мировой войны участник движения сопротивления. С 1944 г. в ППР и Гвардии Людовой. После войны вел научную и преподавательскую работу. В 1957 г. вступил в ПОРП. Впоследствии присоединился к демократической оппозиции.

Красько Винцентый (1916—1976) — польский государственный и партийный деятель, журналист. Член ППР, с 1948 г. — ПОРП. В 1959—1976 гг. член ЦК. В октябре 1954 — сентябре 1956 г. секретарь, в сентябре 1956 — феврале 1960 г. 1-й секретарь воеводского комитета ПОРП в Познани. Впоследствии заведующий Отделом культуры ЦК партии, в 1971—1972 гг. заместитель председателя Совета Министров ПНР, в 1972—1976 гг. член Государственного Совета, в 1974—1976 гг. секретарь ЦК ПОРП.

Крекотень П. Г. — советский дипломат. В 1949 г. 2-й секретарь, в 1950 г. 1-й секретарь, в 1950—1953 гг. советник посольства СССР в Чехословакии. В 1956 г. заместитель заведующего, исполняющий обязанности заведующего 4-м Европейским отделом МИД СССР.

Круль Стефан — польский региональный общественный деятель.

Кручек Владыслав (1910—2003) — польский партийный, государственный и профсоюзный деятель. В 1930-е гг. член КПП. В годы Второй мировой войны находился в СССР (1939—1942). Служил в Красной Армии (1942). С 1942 г. в ППР. В 1942—1945 гг. узник фашистских концлагерей. С 1948 г. в ПОРП. В 1952—1956 гг. 1-й секретарь воеводского комитета ПОРП в Быдгощи, в 1956—1971 гг. 1-й секретарь воеводского комитета ПОРП в Жешове.

Ксёнже Ян — польский региональный общественный деятель. В 1956 г. секретарь Гданьского отделения Общества польско-советской дружбы.

Куронь Яцек (1934—2004) — польский общественный деятель, публицист и политик. В 1949—1953 и 1955—1956 гг. деятель Союза польской молодежи. В 1953 и 1956—1964 гг. в ПОРП. Активный деятель польской демократической оппозиции, неоднократно

преследовался властями за свою деятельность. Советник независимого профсоюза «Солидарность».

Куропеска Юзеф (1904–1998) — польский военный деятель, бригадный генерал. В 1950–1955 гг. находился под следствием, приговорен к смертной казни в связи с обвинением в попытках свержения государственного строя и руководстве шпионско–диверсионной организацией в армии. В июне 1954 г. приговор отменен. В декабре 1955 г. дело прекращено за отсутствием состава преступления. С 1956 г. командующий Варшавским военным округом.

Лапот Станислав (1914–1972) — польский партийный и государственный деятель. С 1937 г. в КПП, с 1944 г. в ППР, с 1948 г. в ПОРП. В 1954–1959 гг. член ЦК. В 1951–1954 гг. заведующий Отделом тяжелой промышленности ЦК ПОРП. В мае 1954 — октябре 1956 г. заместитель председателя Совета Министров ПНР. В 1957–1972 гг. генеральный директор Министерства строительства и производства строительных материалов.

Левиковский Вацлав (1907–1994) — польский государственный деятель и дипломат. В 1948–1949 гг. председатель Центральной комиссии партийного контроля ПОРП. В 1949–1952 гг. заместитель министра общественной безопасности. В 1953–1957 гг. посол ПНР в Москве.

Лёга-Совиньский Игнаций (1914–1992) — польский партийный и профсоюзный деятель. В начале 30–х годов участвовал в молодежном коммунистическом движении. С 1935 г. в КПП, с 1942 г. — в ППР, с 1943 г. кандидат в члены ЦК, с 1948 г. в ПОРП, в 1956–1971 гг. член ЦК. В 1956–1971 гг. член Политбюро ЦК ПОРП. В 1956–1971 гг. секретарь, затем председатель Центрального совета профессиональных союзов.

Лю Шаоци (1898–1969) — китайский партийный и государственный деятель. В 1956–1966 гг. член Постоянного комитета Политбюро ЦК и заместитель председателя КПК. В 1954–1959 гг. председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. В 1959–1968 гг. председатель КНР. В 1968 г. исключен из КПК и снят со всех постов. В 1980 г. реабилитирован.

Лянге Оскар (1904–1965) — польский партийный и государственный деятель, ученый–экономист, действительный член ПАН. С 1927 г. в ППС, в 1945–1948 гг. член Главного совета, в 1947–1948 гг. член Центрального исполнительного комитета ППС, в 1948 г. член Политической комиссии ЦИК ППС. С 1948 г. в ПОРП, в 1948–1965 гг. член ЦК. В 1952–1955 гг. ректор Высшей школы планирования и статистики. В 1955–1957 гг. член Государственного Совета, в 1957–1965 гг. заместитель председателя Государственного

Совета. В 1957–1963 гг. председатель Экономического совета при Совете Министров ПАН.

Лясота Элигиуш (1929–2001) — польский журналист. Активист Союза польской молодежи. В 1954–1957 гг. главный редактор варшавского молодежного еженедельника «По просту». В январе 1957 г. избран депутатом Сейма ПНР. В октябре того же года исключен из ПОРП в связи с закрытием еженедельника «По просту».

Мазовецкий Тадеуш (р.1927) — польский политический и государственный деятель. Публицист. До 1955 г. член Общества ПАКС; будучи лидером оппозиции Б. Пясецкому (т. н. фронда), исключен из ПАКСа. С 1956 г. активный деятель клубов католической интеллигенции; в 1957 г. один из основателей варшавского клуба. В 1953–1955 гг. главный редактор «Врошлавского еженедельника католиков», в 1958–1981 гг. главный редактор варшавского ежемесячного журнала «Вензь». Активный участник демократической оппозиции 1960–1980-х гг. Советник независимого профсоюзного движения «Солидарность». В 1989–1990 гг. председатель Совета Министров Польши.

Мазур Францишек (1895–1975) — польский партийный и государственный деятель. С 1917 г. в ППС. С 1919 г. в ВКП(б). Участник гражданской войны в России. В 1930 г. возвратился в Польшу и в том же году вступил в КПП. В 1930–1938 гг. член ЦК. В годы Второй мировой войны находился в СССР. В 1945 г. вернулся в Польшу, вступил в ППР, в 1945–1948 гг. член ЦК, в 1948 г. кандидат в члены Политбюро и Организационного бюро ЦК ППР. С 1948 г. в ПОРП. В 1948–1959 гг. член ЦК, в 1948–1954 гг. член Оргбюро ЦК, в 1948–1950 гг. кандидат, в 1950–1956 гг. член Политбюро ЦК и секретарь ЦК ПОРП. В 1952–1956 гг. вице-маршал Сейма, 1952–1957 гг. заместитель председателя Государственного Совета. В 1957–1965 гг. посол ПНР в Чехословакии.

Маленков Г. М. (1902–1988) — советский партийный и государственный деятель. В 1939–1946, 1948–1953 гг. секретарь ЦК ВКП(б)–КПСС, в 1939–1957 гг. член ЦК ВКП(б)–КПСС, в 1941–1946 гг. кандидат, в 1946–1957 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК партии. В 1946–1953, 1955–1957 гг. заместитель председателя, в 1953–1955 гг. председатель Совета Министров СССР. В 1955–1957 гг. министр электростанций СССР. В 1957–1961 гг. директор Усть-Каменогорской ГЭС и Экибастузской ТЭЦ.

Малин В. Н. (1906–1982) — советский партийный работник. В 1954–1965 гг. заведующий Общим отделом ЦК КПСС. В 1956–1966 гг. член Центральной ревизионной комиссии КПСС.

Малиновский Р. Я. (1898–1967) — советский военачальник, Маршал Советского Союза. В марте 1953 — марте 1956 г. командующий

войсками Дальневосточного военного округа. С марта 1956 г. 1-й заместитель министра, с октября 1957 г. министр обороны СССР.

Матвин Владыслав (р.1916) — польский партийный деятель. В 30-е годы активный участник молодежного коммунистического движения. Член КПП. В годы Второй мировой войны находился в СССР, деятель Союза польских патриотов. С 1945 г. в ППР. В 1945—1946 гг. секретарь посольства Польши в Москве. С 1948 г. в ПОРП. В 1948—1964 гг. член ЦК. В 1952—1954 гг. 1-й секретарь Варшавского комитета ПОРП. В январе 1954 — марте 1956 г. главный редактор газеты «Трыбуна люду», в январе 1955 — ноябре 1963 г. секретарь ЦК ПОРП, в 1957—1963 гг. 1-й секретарь воеводского комитета ПОРП во Врошаве.

Матушевский Стефан (1905—1985) — польский политический и государственный деятель, философ и педагог. В 1930 г. закончил теологический факультет Варшавского университета, посвящен в духовный сан. В дальнейшем отказался от него и включился в социалистическое движение. Член ППС с 1937 г. В годы Второй мировой войны находился в СССР в польских военных формированиях (1943—1944). В 1944—1945 гг. секретарь ЦИК ППС, в 1944—1946 и 1948 гг. член Главного совета и ЦИК ППС, в 1948 г. член Политической комиссии ЦИК ППС. С 1948 г. в ПОРП, в 1948—1954 гг. член ЦК и кандидат в члены Политбюро ЦК. В 1952—1954 гг. заведующий Административным отделом ЦК ПОРП. В 1952—1957 гг. член Государственного Совета. В 1954—1959 гг. член Центральной ревизионной комиссии ПОРП.

Мельник И. А. (1914—1976) — советский дипломат. В 1954—1956 гг. советник посольства СССР в Варшаве. В 1956—1961 гг. посланник СССР в Люксембурге, в дальнейшем посол СССР в Мали и Камеруне, работал в центральном аппарате МИД СССР.

Метковский Мечислав (1903—1990) — польский государственный деятель. Член ЦК ППР—ПОРП, член Центральной комиссии партийного контроля ПОРП. В январе 1945 — декабре 1954 г. заместитель министра общественной безопасности.

Миколайчик Станислав (1901—1966) — польский политический деятель. В межвоенный период активный участник молодежного и крестьянского движения. С 1922 г. в Польском стронництве людовом «Пяст», с 1931 г. в Стронництве людовом. С началом Второй мировой войны в эмиграции (Франция, Великобритания). Входил в правительство В. Сикорского в качестве вице-преьера и министра внутренних дел, после гибели Сикорского в 1943—1944 гг. возглавлял правительство Польши в изгнании. С окончанием войны вернулся в Польшу, в 1945—1947 гг. 2-й вице-премьер и министр сельского хозяйства и земельных реформ. С 1945 г. создатель и руководитель Польского стронництва людового. Лидер легальной политической

оппозиции в Польше. Под угрозой ареста бежал в 1947 г. сначала в Лондон, потом в США. Умер в Вашингтоне.

Микоян А. И. (1885–1978) — советский партийный и государственный деятель. В 1923–1976 гг. член ЦК ВКП(б)–КПСС, в 1926–1935 гг. кандидат, в 1935–1966 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК партии. В апреле 1954 — феврале 1955 г. заместитель председателя Совета Министров СССР, одновременно в августе 1953 — январе 1955 г. министр торговли СССР. В феврале 1955 — июле 1965 г. 1-й заместитель председателя Совета Министров СССР. В дальнейшем председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Мицц Гилярий (1905–1974) — польский политический и государственный деятель. С 1922 г. в КПП, с 1944 г. в ППР, с 1948 г. в ПОРП. В 1944–1956 гг. член Политбюро ЦК ППР и ЦК ПОРП. В годы Второй мировой войны находился в СССР, в 1943–1944 гг. вел работу в Союзе польских патриотов и в политическом аппарате 1-й дивизии им. Т. Костюшко, представитель Центрального бюро польских коммунистов в СССР. В 1944–1947 гг. министр промышленности Польши, в 1945–1950 гг. председатель Экономического комитета Совета Министров, в 1947–1949 гг. министр промышленности и торговли, в 1949–1954 гг. заместитель председателя Совета Министров и председатель Государственной комиссии хозяйственного планирования.

Михайлов Н. А. (1906–1982) — советский комсомольский, партийный и государственный деятель. С 1938 г. 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ. С 1952 г. секретарь ЦК КПСС. С 1953 г. 1-й секретарь Московского обкома КПСС. С 1954 г. посол СССР в Варшаве. С марта 1955 г. министр культуры СССР.

Михник Адам (р. 1946) — польский публицист и историк. Один из видных деятелей польской демократической оппозиции. Неоднократно репрессировался властями. Советник независимого профсоюза «Солидарность». С 1989 г. главный редактор варшавской «Газеты wyborчей».

Мияль Казимеж (р. 1910) — польский партийный и государственный деятель. В годы Второй мировой войны находился на польской оккупированной территории в конспирации. С 1942 г. в ППР. Секретарь окружной партийной организации в Кракове, затем секретарь Варшавского комитета. В 1945–1948 гг. кандидат в члены ЦК. В 1948–1966 гг. в ПОРП, в 1948–1959 гг. член ЦК. В 1952–1956 гг. руководитель управления Совета Министров ПНР. В 1956–1957 гг. министр коммунального хозяйства. В 1957–1965 гг. директор Инвестиционного банка. В феврале 1966 г. нелегально выехал из Польши, объявив себя генеральным секретарем так называемой Коммунистической партии Польши в Албании и Китае. В 1984 г. возвратился в ПНР.

Молотов В. М. (1890—1986) — советский партийный и государственный деятель, дипломат. В 1921—1957 гг. член ЦК ВКП(б)—КПСС, в 1926—1957 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК. В 1946—1957 гг. 1-й заместитель председателя Совета Министров СССР, одновременно в 1953—1956 гг. министр иностранных дел СССР. В 1957 г. министр государственного контроля СССР. В 1957—1960 гг. посол СССР в Монголии. В 1957 г. исключен из членов ЦК и Президиума ЦК КПСС, в 1962 г. — из КПСС, в 1986 г. восстановлен в партии.

Моравский Ежи (р. 1918) — польский партийный и государственный деятель, журналист. В годы Второй мировой войны принял участие в конспиративном молодежном движении, редактор «Трибуны вольности» и «Вальки молодых». С 1942 г. в ППР, в 1944—1945 гг. член секретариата ЦК на польских землях, оставшихся под оккупацией. В 1945 г. председатель Главного правления Союза борьбы молодых. С 1948 г. в ПОРП. В 1952—1953 гг. заместитель заведующего Отдела массовой пропаганды ЦК, в 1953—1954 гг. заместитель заведующего, в 1954—1956 гг. заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК. В мае—июле 1956 г. главный редактор газеты «Трибуна люду». В 1956—1957 гг. председатель комиссии ЦК ПОРП по вопросам движения молодежи. В 1957—1960 гг. секретарь ЦК ПОРП.

Мотрук Петр — польский дипломат. В 1957 г. 2-й секретарь посольства ПНР в Москве.

Мусь Влодзимеж (1918—1993) — польский военачальник, бригадный генерал. В межвоенный период участвовал в деятельности Коммунистического союза польской молодежи, в связи с чем подвергался полицейским преследованиям. В период Второй мировой войны находился в СССР, служил в Красной Армии до июля 1943 г. Участник обороны Ленинграда. В Войске Польском служил во 2-м отдельном противотанковом дивизионе. В 1944 г. направлен в Москву для обучения в Школе политических офицеров. В 1949—1964 гг. проходил службу в Корпусе внутренней безопасности (заместитель командующего, начальник штаба, командующий). Обучался в военной академии в СССР.

Намёткевич Валерый (1931—1995) — польский публицист, в 1956 г. сотрудник молодежного еженедельника «По prostu». В 1956—1970 гг. личный секретарь В. Гомулки. В последующие годы партийный работник, журналист и историк.

Нашковский Марьян (1912—1997) — польский государственный деятель. В 1952—1968 гг. заместитель министра иностранных дел ПНР.

Недюзак Станислав — польский партийный деятель. В 1956 г. секретарь воеводского комитета ПОРП в Кракове.

Неру Джавахарлал (1889—1964) — индийский политический деятель, сподвижник М. К. Ганди в борьбе за национальное освобождение Индии и лидер партии «Индийский национальный конгресс». С 1947 г. премьер-министр и министр иностранных дел Индии.

Новак Зенон (1905—1980) — польский государственный и партийный деятель. С 1924 г. в КПП, с 1932 г. член ЦК. С 1947 г. в Оргбюро ЦК. С 1948 г. в ПОРП. В 1948—1980 гг. член ЦК, в 1948—1954 гг. член Оргбюро ЦК. В 1950—1954 гг. кандидат, в 1954—1956 гг. член Политбюро ЦК ПОРП. В 1952—1954 гг. заместитель председателя, в 1954—1956 гг. 1-й заместитель председателя, в 1956—1968 гг. вновь заместитель председателя Совета Министров ПНР.

Новак Роман (1900—1980) — польский партийный и государственный деятель. Член КПП с 1921 г. Активный участник коммунистического движения в польской диаспоре Латинской Америки, в 1939—1946 гг. член Секретариата ЦК КПП в Боливии. В 1946 г. вернулся в Польшу. Тогда же вступил в ППР, в 1947—1948 гг. кандидат в члены ЦК. С 1948 г. в ПОРП, в 1948—1954 гг. кандидат, в 1954—1968 гг. член ЦК. В 1950—1956 гг. 1-й секретарь воеводского комитета в Ополе. В июле—октябре 1956 г. член Политбюро ЦК. В 1956—1968 гг. председатель Центральной комиссии партийного контроля ПОРП. В 1957—1969 гг. член Государственного Совета.

Новотный Антонин (1904—1975) — чехословацкий партийный и государственный деятель. В 1953—1968 гг. первый секретарь компартии Чехословакии, в 1957—1968 гг. президент страны.

Одинокое В. Н. — советский дипломат. В 1955—1958 гг. 2-й секретарь, в 1959 г. 1-й секретарь посольства СССР в Варшаве.

Озга-Михальский Юзеф (р. 1919) — польский деятель крестьянского движения, государственный деятель, писатель. В годы Второй мировой войны участник движения сопротивления (Батальоны Хлопске), редактор подпольной людовской печати. В 1949—1956 гг. секретарь Главного исполнительного комитета ОКП. В 1956—1980 гг. заместитель председателя Главного комитета ОКП. В 1957—1972 гг. член Государственного Совета.

Окрэнт Зыгмунт (1897—1964) — сотрудник польских служб государственной безопасности, полковник. В межвоенный период деятель коммунистического и профсоюзного движения. В годы Второй мировой войны находился в СССР в польских воинских формированиях. В 1951—1954 гг. директор Центрального архива Министерства общественной безопасности. С января 1955 г. директор одного из департаментов Комитета по делам общественной безопасности.

В ноябре 1956 — августе 1960 г. директор Центрального архива Министерства внутренних дел.

Олесов Н. В. — советский дипломат. В 1956 г. вице-консул СССР в Гданьске.

Ольшевский Юзеф (1916—2002) — польский партийный и государственный деятель. В 1956 г. 1-й секретарь воеводского комитета ПОРП в г. Сталиногруде (Катовице).

Осубка-Моравский Эдвард (1909—1997) — польский политик и государственный деятель. С 1928 г. в ППС. В годы Второй мировой войны член ЦК Польских социалистов (1941—1943), председатель ЦК Рабочей партии польских социалистов (1943—1944), член Главного совета ППС (1944—1948), в 1944—1948 гг. член ЦИК, в 1945—1947 гг. член Политической комиссии ЦИК ППС. В 1944—1945 гг. заместитель председателя (президента) Крайовой Рады Народовой. В 1944—1947 гг. председатель Совета Министров Польши.

Охаб Эдвард (1906—1989) — польский партийный и государственный деятель. С 1929 г. в КПП. В годы Второй мировой войны находился в СССР. Один из организаторов Союза польских патриотов, в 1943—1944 гг. офицер польских военных формирований, заместитель командующего 1-й армией Войска Польского. С 1944 г. в ППР, в 1944—1948 гг. член ЦК, в 1948 г. кандидат в члены Политбюро и член Оргбюро ЦК. С 1948 г. в ПОРП, в 1948—1968 гг. член ЦК, в 1948—1954 гг. член Оргбюро ЦК, в 1948—1954 гг. кандидат, в 1954—1968 гг. член Политбюро ЦК. В 1950—1957 гг. секретарь ЦК. В марте—октябре 1956 г. первый секретарь ЦК ПОРП. В 1957—1959 гг. министр сельского хозяйства. В последующем занимал партийные и государственные посты.

Патоличев Н. С. (1908—1989) — советский партийный и государственный деятель, дипломат. В 1950—1956 гг. первый секретарь ЦК КП Белоруссии. В 1941—1986 гг. член ЦК ВКП(б)—КПСС. В 1952—1953 гг. кандидат в члены Президиума ЦК. С 1957 г. 1-й заместитель министра иностранных дел СССР. В 1958—1985 гг. министр внешней торговли СССР.

Пашковский Збигнев (1913—1975) — офицер Войска Польского, полковник. В апреле 1954 — ноябре 1956 г. секретарь Комитета по делам общественной безопасности. В ноябре 1956 — феврале 1963 г. директор III департамента (борьба с антигосударственной деятельностью в стране) Министерства внутренних дел.

Первухин М. Г. (1904—1978) — советский государственный деятель. В 1939—1940, 1953—1954 гг. министр электростанций и электропромышленности СССР. В 1940—1944, 1950—1955 гг. заместитель председателя, в 1955—1957 гг. 1-й заместитель председателя Совета Народных Комиссаров (Совета Министров) СССР.

В апреле—июле 1957 г. министр среднего машиностроения СССР. В 1957—1958 гг. председатель Госкомитета Совета Министров СССР по внешнеэкономическим связям. В дальнейшем на дипломатической и государственной работе. В 1952—1957 гг. член Президиума ЦК КПСС.

Подедворный Болеслав (1898—1972) — польский государственный деятель. Активный участник крестьянского (людовского) движения. С 1949 г. в Объединенной крестьянской партии. В 1949—1972 гг. член Главного исполнительного комитета (Главного комитета) ОКП. В 1947—1954 гг. министр лесоводства, в 1954—1957 гг. заместитель председателя Общепольского совета кооперативной продукции, в 1956—1957 гг. член Государственного Совета. В 1957—1971 гг. заместитель председателя Главного комитета ОКП, одновременно заместитель председателя Государственного Совета ПНР.

Пономарев Б. Н. (1905—1995) — советский партийный деятель и историк КПСС. С 1948 г. 1-й заместитель заведующего, с 1955 г. заведующий Отделом ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями, с 1957 г. — Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Член ЦК КПСС в 1956—1989 гг.

Пономаренко П. К. (1902—1984) — советский партийный и государственный деятель, дипломат. В 1948—1953 гг. секретарь ЦК ВКП(б)—КПСС, одновременно в 1950—1953 гг. министр заготовок СССР. В 1953—1954 гг. министр культуры СССР. В 1954—1955 гг. первый секретарь ЦК КП Казахстана. В 1955—1957 гг. посол СССР в Польше, в 1957—1959 гг. — в Индии и Непале, в 1959—1962 гг. — в Нидерландах. В 1939—1961 гг. член ЦК ВКП(б)—КПСС, в 1952—1953 гг. член Президиума ЦК КПСС (кандидат — в 1953—1956 гг.).

Поплавский С. Г. (1902—1973) — советский военачальник, генерал—полковник. В 1950—е гг. проходил военную службу в Войске Польском. Член ЦК ПОРП. В 1949—1956 гг. заместитель министра национальной обороны. С декабря 1956 г. в отставке. Вернулся в СССР.

Попов Бонча — болгарский дипломат. В 1957 г. 2-й секретарь Посольства НРБ в Варшаве.

Попов Г. М. (1906—1968) — советский партийный и государственный деятель. В 1946—1949 гг. секретарь ЦК ВКП(б). В 1946—1952 гг. член Оргбюро ЦК ВКП(б). В 1952—1956 гг. кандидат в члены ЦК КПСС. В 1950—1951 гг. министр городского строительства СССР, министр сельскохозяйственного машиностроения СССР. В 1951—1953 гг. директор завода в г. Куйбышеве. В 1953—1954 гг. посол СССР в Варшаве. В последующем директор завода в г. Владимире.

Птасиньский Ян (р. 1921) — польский партийный и государственный деятель. С 1942 г. в ППР. С 1948 г. в ПОРП. В декабре 1952 — декабре 1954 г. заместитель министра общественной безопасности, в декабре 1954 — ноябре 1956 г. заместитель председателя Комитета по делам общественной безопасности при Совете Министров ПНР. В 1956 г. 1-й секретарь воеводского комитета ПОРП в Быдгощи. В 1956—1960 гг. заместитель главного коменданта гражданской милиции.

Путрамент Ежи (1910—1986) — польский писатель и партийный деятель. В годы Второй мировой войны находился в СССР. Один из основателей Союза польских патриотов. С 1944 г. в ППР. Участвовал в создании 1-й армии Войска Польского. По окончании войны активно участвовал в литературной жизни Польши. В 1950—1956 гг. генеральный секретарь, затем заместитель председателя Главного правления Союза польских писателей. С 1948 г. в ПОРП, в 1948—1964 гг. кандидат в члены ЦК.

Пщулковский Эдмунд (1904—1997) — польский государственный и партийный деятель. В 1928—1930 гг. в ППС, с 1930 г. — в КПП. В годы Второй мировой войны находился в СССР, в 1943—1944 гг. член Главного правления Союза польских патриотов и офицер польских военных формирований. С 1944 г. в ППР, с 1948 г. — в ПОРП, в 1948—1953 гг. кандидат, в 1953—1968 гг. член ЦК. В 1950—1952 гг. заместитель заведующего, заведующий Сельскохозяйственным отделом ЦК, в 1953—1954 гг. член секретариата Оргбюро ЦК. В марте 1954 — марте 1956 г. министр сельского хозяйства. В марте—ноябре 1956 г. председатель Комитета по делам общественной безопасности при Совете Министров ПНР. В феврале 1957 — августе 1963 г. заведующий Сельскохозяйственным отделом ЦК ПОРП. В дальнейшем на дипломатической работе.

Пюро Тадеуш (р. 1920) — польский военный деятель, бригадный генерал. В 1956—1957 гг. представитель Войска Польского в Генеральном штабе Объединенного командования вооруженных сил Варшавского договора.

Пясецкий Болеслав (1915—1979) — польский политический деятель. В межвоенный период активный участник польского националистического движения. В годы Второй мировой войны участник движения сопротивления, основатель и руководитель тайной организации «Конфедерация Народа», с 1944 г. в Армии Крайовой. В сентябре 1944 — июле 1945 г. находился под арестом советских служб безопасности. В 1952—1979 гг. основатель и председатель Главного правления Общества светских католиков ПАКС. В 1970-е гг. член Государственного Совета ПНР.

Радкевич Станислав (1903–1987) — польский государственный деятель. С 1925 г. в КПП. В годы Второй мировой войны находился в СССР, в ППР с 1944 г., в 1944–1948 гг. член ЦК ППР, в 1944 г. секретарь Центрального бюро польских коммунистов в СССР, деятель Союза польских патриотов. В январе 1944 — декабре 1954 г. министр общественной безопасности. В 1945–1948 гг. член Политбюро ЦК ППР. С 1948 г. в ПОРП. В 1948–1957 гг. член ЦК, в 1948–1955 гг. член Политбюро ЦК. В 1954–1956 гг. министр государственных сельских хозяйств. В мае 1957 г. исключен из партии.

Ракоши Матиас (1892–1971) — венгерский партийный и государственный деятель. В 1953–1956 гг. первый секретарь Центрального руководства Венгерской партии трудящихся. Одновременно в 1952–1953 гг. председатель Совета Министров ВНР. С 1956 г. в эмиграции в СССР. В 1962 г. исключен из партии за нарушения законности.

Рапацкий Адам (1909–1970) — польский государственный и партийный деятель. С 1945 г. в ППС, в 1946–1948 гг. член Главного совета и ЦИК ППС, в 1947 г. секретарь ЦИК, в 1948 г. член Политической комиссии ЦИК ППС. С 1948 г. в ПОРП, в 1948–1968 гг. член ЦК, в 1948–1954 гг. член Политбюро ЦК ПОРП, в 1954–1956 гг. кандидат, в 1956–1968 гг. член Политбюро ЦК. В 1956–1968 гг. министр иностранных дел.

Рокоссовский К. К. (1896–1968) — советский военный деятель. Маршал Советского Союза, маршал Польши. В 1949–1956 гг. министр национальной обороны, одновременно в 1952–1956 гг. заместитель председателя Совета Министров ПНР. В 1950–1956 гг. член Политбюро ЦК ПОРП. В 1956–1957, 1958–1962 гг. заместитель министра обороны СССР.

Роля-Жимерский Михал (1890–1989) — польский государственный и военный деятель, маршал Польши. Участник движения за независимость Польши с 1909 г. В годы Первой мировой войны в легионах Ю. Пилсудского. Участник польско-советской войны 1919–1920 гг. Во время майского переворота 1926 г. перешел на сторону правительственных войск, в связи с чем отдан под военный суд, осужден на 5 лет тюремного заключения и изгнан из армии. До 1938 г. проживал во Франции. В годы Второй мировой войны участвовал в движении сопротивления (ППР, Гвардия Людова и Армия Людова). В январе–июле 1944 г. главнокомандующий Армии Людовой. В 1944–1949 гг. министр национальной обороны. В 1949–1952 гг. член Государственного Совета ПНР. В 1952–1955 гг. находился под арестом. С декабря 1956 г. заместитель председателя Национального польского банка.

Ромковский Роман (1907–1968) — польский государственный деятель, бригадный генерал. В январе 1949 — ноябре 1954 г. заместитель

министра общественной безопасности. Член ЦК ПОРП. За нарушения законности в 1957 г. осужден на 15 лет тюремного заключения (освобожден досрочно).

Руминьский Болеслав (1907–1971) — польский государственный деятель. В межвоенный период деятель коммунистического молодежного движения. В годы Второй мировой войны находился в Польше в конспирации. С 1942 г. в ППР, с 1948 г. в ПОРП. В 1948–1956 гг. кандидат, в 1956–1971 гг. член ЦК. В 1950–1957 гг. министр химической промышленности.

Ружаньский Юзеф (1907–1981) — в июле 1947 — марте 1954 г. директор следственного департамента Министерства общественной безопасности, полковник. В 1957 г. за нарушения законности осужден к 14 годам тюремного заключения (освобожден досрочно).

Рыбицкий Марьян (1915–1987) — польский государственный и партийный деятель. До 1948 г. в ППС, с 1948 г. в ПОРП. В 1948–1968 гг. член ЦК, в 1948–1954 гг. член Оргбюро ЦК. В ноябре 1952 — апреле 1956 гг. секретарь Государственного Совета ПНР. В апреле 1956 — феврале 1957 гг. Генеральный прокурор ПНР. В 1957–1965 гг. министр юстиции.

Сабуров М. З. (1900–1977) — советский государственный деятель. В 1953 г. министр машиностроения СССР, в 1953–1955 гг. председатель Госплана СССР, одновременно в 1953–1955 гг. заместитель, в 1955–1957 гг. 1-й заместитель председателя Совета Министров СССР, в 1955–1956 гг. председатель Госэкономкомиссии СССР по текущему планированию народного хозяйства. В 1957–1958 гг. заместитель председателя Комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям. В 1952–1961 гг. член ЦК КПСС, в 1952–1957 гг. член Президиума ЦК.

Светлик Конрад (1911–1998) — польский государственный деятель. В августе 1948 — ноябре 1954 г. заместитель министра общественной безопасности Польши, бригадный генерал. Член ЦК ПОРП.

Свѣтковский Генрык (1896–1970) — польский государственный и партийный деятель. В межвоенный период защитник в политических процессах. С 1923 г. в ППС, в 1931–1934 гг. член Главного совета партии. В 1940–1941 гг. узник Павиака и Освенцима. В 1945–1948 гг. вновь член Главного совета ППС, в 1945–1946 гг. вице-председатель ЦИК ППС, в 1948 г. член Политической комиссии ЦИК. С 1948 г. член ПОРП, в 1948–1954 гг. член ЦК, в 1948–1950 гг. член Политбюро и Оргбюро ЦК. В 1945–1956 гг. министр юстиции.

Свобода Ян — чешский партийный работник. В 1956 г. сотрудник аппарата ЦК КПЧ, помощник первого секретаря ЦК партии А. Новотного.

Свято Юзеф (1915–1975) — сотрудник служб польской государственной безопасности, полковник. В 1948–1950 гг. начальник 5-го отдела I департамента Министерства общественной безопасности. В 1950–1951 гг. вице-директор специального бюро, реорганизованного в декабре 1951 г. в X департамент (контрразведка в ПОРП) МОБ. В декабре 1953 г. бежал в США и предложил свои услуги американской разведке; выступил с разоблачительными передачами по Радио «Свободная Европа». Умер в США.

Секерская Ядвига (1903–1984) — деятельница польского коммунистического движения, культуролог и критик искусства. С 1921 г. проживала в Москве. С 1924 г. в ВКП(б). Закончила аспирантуру в Институте красной профессуры. В 1929–1932 гг. на преподавательской работе в Белорусской Академии наук. В 1932 г. вернулась в Москву, возглавила кафедру диалектического и исторического материализма в Международной Ленинской школе. В 1934–1937 гг. редактор и заведующая редакцией в «Гослитиздате». С 1935 г. кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института красной профессуры. В 1937 г. арестована в связи с арестом ее мужа, деятеля КПП С. Бобиньского. Отправлена на 8 лет в лагерь в Рязанской, затем в Архангельской областях. В 1945 г. освобождена, прибыла в Варшаву, принята в ППР. Лектор, затем заместитель директора Центральной школы ППР в Лодзи. В 1948–1950 гг. заместитель заведующего отделом просвещения и культуры ЦК ППР–ПОРП. С 1950 г. заместитель декана факультета Института обучения научных кадров (Институт общественных наук), с 1954 г. профессор.

Семенов В. С. (1911–1992) — советский дипломат. В 1953–1954 гг. Верховный комиссар СССР в Германии, одновременно посол СССР в ГДР. В 1954–1955 г. начальник отдела МИД СССР. В 1955–1957 гг. заместитель министра иностранных дел СССР.

Серов И. А. (1905–1990) — советский государственный и военный деятель, генерал армии. В 1941–1954 гг. заместитель наркома (министра) внутренних дел (госбезопасности) СССР. В 1954–1958 гг. председатель КГБ при Совете Министров СССР. В октябре–ноябре 1956 г. во время венгерского кризиса руководил работой советских органов госбезопасности на территории Венгрии.

Скульбашевский А. (р. 1915) — советский офицер, полковник. В 1941–1942 гг. был на фронтах Отечественной войны. Вследствие фронтовой контузии направлен в Ташкент на учебу в институт ирригации и механизации сельского хозяйства, который закончил в 1943 г. Тогда же назначен следователем военной прокуратуры в 1-й дивизии Войска Польского. С 8 октября 1948 г. главный военный прокурор. Затем переведен в Главное управление информации Войска Польского, где занял пост заместителя руководителя

управления и вел расследование политических дел. После возвращения в СССР привлекался в качестве свидетеля по делу Д. П. Вознесенского. В 1990—е гг. проживал в Киеве.

Скшешевский Станислав (1901—1978) — польский государственный деятель. С 1924 г. в КПП. В годы Второй мировой войны находился в СССР, в 1943—1944 гг. член президиума Главного правления Союза польских патриотов и заведующий отделом культуры и просвещения Главного правления. С 1944 г. — в ППР, в 1945—1948 гг. член ЦК. С 1948 г. в ПОРП, в 1948—1959 гг. член ЦК. В 1951—1956 гг. министр иностранных дел. В 1959—1968 гг. член Центральной ревизионной комиссии ПОРП. В апреле 1956 — феврале 1957 г. секретарь Государственного Совета ПНР. В 1957—1966 гг. руководитель канцелярии Сейма.

Слонимский Антоний (1895—1976) — польский писатель и журналист. В годы Второй мировой войны находился в Париже и Лондоне, в 1942—1946 гг. редактировал журнал «Новая Польша». Возвратился в Варшаву в 1951 г. В декабре 1956—1959 г. председатель Главного правления Союза польских писателей.

Соболев А. А. (1903—1964) — советский дипломат. В 1951—1953 гг. посол СССР в Польше. В 1953—1954 гг. в аппарате МИД СССР. В 1954—1955 гг. заместитель постоянного представителя СССР при ООН. В 1955—1960 гг. постоянный представитель СССР в Совете Безопасности ООН.

Сокорский Владзимеж (1908—1999) — польский политический и государственный деятель. В 1926—1931 гг. генеральный секретарь ППС—Левицы, в дальнейшем член КПП, ППР и ПОРП. В годы Второй мировой войны находился в СССР, член президиума Главного правления Союза польских патриотов. В 1952—1956 гг. министр культуры и искусства. С апреля 1956 г. председатель Комитета «Польское радио».

Спыхальский Марьян (1906—1989) — польский государственный и военный деятель. Маршал Польши. С 1931 г. в КПП. В годы Второй мировой войны находился в Польше в конспирации. С 1942 г. в ППР, один из организаторов и начальник Главного штаба Гвардии Людовой, в 1944 г. начальник Главного штаба Войска Польского. В 1945—1949 гг. заместитель министра обороны, в 1949 г. министр строительства. В 1950—1956 гг. в тюремном заключении. В октябре—ноябре 1956 г. заместитель министра национальной обороны и начальник Главного политического управления Войска Польского. В ноябре 1956 — апреле 1968 г. министр национальной обороны, в 1968—1970 гг. председатель Государственного Совета ПНР.

Ставиньский Эугениуш (1905—1989) — польский партийный и государственный деятель. В 1930—е гг. активный участник профсоюзного

движения. С 1930 г. в КПП. В годы Второй мировой войны находился на оккупированной территории на нелегальном положении. С 1942 г. в ППР, с 1948 г. в ПОРП. В 1949–1956 гг. кандидат, в 1956–1968 гг. член ЦК. В июле–октябре 1956 г. кандидат в члены Политбюро ЦК ПОРП. В 1949–1968 гг. министр легкой промышленности.

Сталин И. В. (1879–1953) — советский партийный, государственный и военный деятель, Маршал Советского Союза. Генералиссимус Советского Союза. Генеральный секретарь ЦК РКП(б), ВКП(б), КПСС в 1922–1953 гг. Член Политбюро (Президиума) ЦК партии в 1917, 1919–1953 гг.

Старевич Артур (р. 1917) — польский партийный деятель. В 1930-е гг. активный участник молодежного коммунистического движения. В годы Второй мировой войны находился в СССР. Член ВКП(б). С 1944 г. в ППР, с 1948 г. — в ПОРП. В 1954–1959 гг. кандидат, в 1959–1971 гг. член ЦК. В 1953–1954 гг. заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК. В мае 1954 — августе 1956 г. секретарь Центрального совета профессиональных союзов. В 1956 г. заместитель главного редактора газеты «Трыбуна люду». В декабре 1956 — июле 1963 г. заведующий Бюро печати ЦК ПОРП. В последующем секретарь ЦК ПОРП и дипломат.

Стасяк Леон (1915–2000) — польский партийный деятель. Член КПП, ППР и ПОРП. В 1952–1956 гг. 1-й секретарь воеводского комитета ПОРП в Познани. В августе–сентябре 1956 г. заместитель заведующего Отделом агитации и печати ЦК ПОРП, в сентябре 1956 — апреле 1960 г. заместитель заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК.

Стасяк Людомир (1919–2001) — польский политический деятель, активный участник крестьянского (людовского) движения. В годы Второй мировой войны участник движения сопротивления (Батальоны Хлопске). В 1949–1980 гг. член Главного исполнительного комитета, в 1950–1954 гг. секретарь ГИК, в 1950–1973 гг. член Президиума ГИК ОКП. В октябре 1956 — марте 1969 г. секретарь Главного комитета ОКП. В дальнейшем на руководящих постах ОКП, а также секретарь Государственного Совета ПНР.

Сташевский Стефан (1906–1989) — польский партийный деятель. С 1921 г. член Союза коммунистической молодежи Польши. Подвергался полицейским преследованиям. С 1926 г. обучался в Международной Ленинской школе в Москве, возвратившись на родину, вел конспиративную работу в Заглембе, Силезии и Лодзи. С 1934 г. преподаватель Ленинской школы. В 1938 г. арестован органами НКВД СССР и осужден на 8 лет трудовых лагерей на Колыме. После освобождения в 1945 г. вернулся в Польшу. С 1945 г. в ППР, с 1948 г. в ПОРП. В январе 1954 — сентябре 1955 г. заместитель

министра сельского хозяйства. В сентябре 1955 — феврале 1957 г. 1-й секретарь Варшавского комитета ПОРП. Затем работал главным редактором Польского агентства печати и редактором Государственного научного издательства.

Степанов И. А. — советский дипломат. В 1956—1959 гг. 1-й секретарь посольства СССР в Варшаве.

Стефаньский Петр (р. 1931) — польский политический деятель, социолог и публицист. С 1948 г. член Демократической партии, в 1954—1958 гг. кандидат, в 1958—1981 гг. член ЦК. В 1956—1962 гг. сотрудник варшавского еженедельника «Тыгодник демократычны». В последующие годы занимал ответственные посты в руководстве партии.

Шталковский Тадеуш (р. 1924) — польский партработник. В 1953—1957 гг. заместитель заведующего Международным отделом ЦК ПОРП.

Стыпулковская Зофья — польский политик, юрист. Член Демократической партии с 1945 г. В 1956 г. избрана в члены ЦК и Президиума ЦК.

Суслов М. А. (1902—1982) — советский партийный деятель. В 1941—1982 гг. член ЦК ВКП(б)—КПСС, в 1947—1982 гг. секретарь ЦК, в 1952—1953, 1955—1982 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК.

Талызин Н. К. — советский дипломат. В 1953—1954 гг. вице-консул СССР в Кракове, в 1955 г. — генеральный консул СССР в Гданьске, в 1958 г. 1-й секретарь 4-го Европейского отдела МИД СССР.

Татар Станислав (1896—1980) — польский военный деятель, бригадный генерал, артиллерист. Участник боевых действий в оборонительной войне 1939 г. против фашистской Германии, в дальнейшем сражался с оккупантами в рядах Армии Крайовой. С апреля 1944 г. в Лондоне в польской армии в изгнании. В октябре 1949 г. возвратился в Польшу. Арестован в 1950 г. и осужден в так называемом процессе генералов (31 июля — 13 августа 1951 г.) к пожизненному заключению. 24 августа 1956 г. освобожден и реабилитирован.

Титков Валентый (р. 1917) — польский партийный деятель. Член ЦК ПОРП. В январе 1955 — ноябре 1956 г. заведующий Организационным отделом ЦК, в ноябре 1956 — феврале 1957 г. заместитель заведующего тем же отделом.

Тито Броз Иосип (1892—1980) — югославский политический и военный деятель, маршал. В 1940—1966 гг. генеральный секретарь, в 1966—1980 гг. председатель Союза коммунистов Югославии. С 1953 г. президент Югославии.

Топиньский Ян (1907—1971) — польский государственный деятель. В 1949—1971 гг. председатель Главной арбитражной комиссии.

Тромпчинский Витольд (1909–1982) — польский государственный деятель. Член ППР, затем ПОРП. В 1950–1956 гг. заместитель министра финансов, председатель Польского национального банка. В 1956–1968 гг. министр внешней торговли. В дальнейшем на государственной и дипломатической работе.

Труш Ян (1913–2004) — польский партийный работник. В 1955–1956 гг. 1-й секретарь воеводского комитета ПОРП в Гданьске.

Тугаринов И. И. (1905–1966) — советский дипломат. В 1948–1960 гг. работал в центральном аппарате МИД, заместитель председателя Комитета информации при МИД СССР. В 1963 г. заведующий Дальневосточным отделом МИД, в 1963–1966 гг. посол СССР в Нидерландах.

Тункин Г. И. — В 1956 г. заведующий Договорно-правовым отделом МИД СССР.

Турпителько П. П. (р. 1910) — советский дипломат. В 1952–1956 гг. 1-й секретарь, советник посольства СССР в Польше. В 1956–1960 гг. советник 4-го Европейского отдела МИД СССР. В 1960–1962 гг. советник посольства СССР в Чехословакии. В 1962–1985 гг. референт Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.

Турский Рышард (р. 1929) — польский журналист. В 1955–1957 гг. сотрудник редакции варшавского молодежного еженедельника «По просту», с 1957 г. его главный редактор.

Тырманд Леопольд (1920–1985) — польский писатель и публицист. В 1950–1953 гг. и с 1956 г. сотрудничал с «Тыгодником повшехным». С 1967 г. проживал в США.

Ульбрихт Вальтер (1893–1973) — восточногерманский политический и государственный деятель. В 1950–1953 гг. генеральный секретарь, в 1953–1971 гг. 1-й секретарь ЦК СЕПГ. С 1971 г. почетный председатель СЕПГ. С 1960 г. председатель Государственного Совета ГДР.

Фейгин Анатолий (1909–2002) — офицер польской военной контрразведки, полковник. В 1950–1951 гг. директор Специального бюро МВД, в 1951–1954 гг. директор X департамента Министерства общественной безопасности. За нарушения законности в 1957 г. приговорен к 12 годам тюремного заключения. В октябре 1964 г. помилован Государственным Советом ПНР.

Фидельский Роман (1912–1988) — польский государственный деятель. В межвоенный период активный участник молодежного коммунистического движения. В годы Второй мировой войны находился в СССР, деятель Союза польских патриотов. С 1945 г. в ППР, с 1948 г. — в ПОРП. В 1949–1952 гг. заместитель министра

тяжелой промышленности. В 1952—1955 гг. заместитель министра, в 1955—1956 гг. министр машиностроительной промышленности до июля 1956 г., затем вновь заместитель министра в том же министерстве. В 1958—1962 гг. заместитель председателя Комитета по экономическому и научно-техническому сотрудничеству с границей.

Фрей-Белецкий Ян (1916—1994) — польский военачальник, дивизионный генерал-пилот. С 1949 г. слушатель Военной академии им. К. Е. Ворошилова в Москве. С октября 1956 до 1962 г. командующий польскими военно-воздушными силами и противовоздушной обороной Польши.

Фронцковяк Францишек — польский региональный общественный деятель. В 1956 г. председатель президиума городской рады на родовой г. Познани.

Фурцева Е. А. (1910—1974) — советский партийный и государственный деятель. В 1954—1957 гг. 1-й секретарь Московского горкома КПСС. В 1956—1960 гг. секретарь ЦК. В 1952—1956 гг. кандидат, в 1956—1974 гг. член ЦК. В 1956—1957 гг. кандидат, в 1957—1961 гг. член Президиума ЦК. В 1960—1974 гг. министр культуры СССР.

Хайн Леон (1910—1983) — польский политический деятель и публицист. С 1932 г. в КПП. В годы Второй мировой войны находился в СССР, участвовал в работе Союза польских патриотов (1943—1944), политработник в 1-й Польской Армии (1944). По негласному указанию руководства ППР в 1944 г. вступил в Демократическую партию, в 1945—1969 гг. член ее ЦК, в 1945—1954 гг. член Политического комитета ЦК, в 1945—1965 гг. член Президиума ЦК. В 1945—1961 гг. генеральный секретарь ЦК ДП. В 1953—1957 гг. заместитель министра труда и социальной опеки. В 1957—1965 гг. член Государственного Совета ПНР.

Хайнич Артур — польский журналист. В 50-е гг. сотрудник газеты «Жиче Варшавы».

Халасиньский Юзеф (1904—1979) — выдающийся польский социолог, действительный член Польской Академии наук. Профессор университетов Варшавы и Лодзи. Общественный эксперт в судебных процессах участников массовых волнений в Познани в июне 1956 г.

Хелстовский Станислав (р. 1927) — польский журналист. Сотрудник молодежного еженедельника «По prostu».

Хелховский Гилярий (1908—1983) — польский партийный и государственный деятель. С 1932 г. в КПП. В годы Второй мировой войны участник движения сопротивления (Гвардия Людова, Армия Людова). С 1942 г. в ППР, в 1943—1948 гг. член ЦК, в 1948 г. кандидат

в члены Политбюро и член Оргбюро ЦК. С 1948 г. в ПОРП, в 1948–1959 гг. член ЦК, в 1948–1956 гг. кандидат в члены Политбюро ЦК, в 1948–1954 гг. член Оргбюро ЦК, в 1959–1964 гг. кандидат в члены ЦК. В 1950–1952 гг. заместитель председателя Совета Министров. В 1951–1954 гг. министр государственных сельских хозяйств. В 1954–1956 гг. председатель президиума воеводской рады народной во Вроцлаве. В 1955–1957 гг. член Государственного Совета ПНР.

Хибнер Юлиан (1912–1994) — польский военачальник, бригадный генерал. В 1937–1939 гг. сражался в добровольческих бригадах в Испании на стороне республиканцев. В годы Второй мировой войны заместитель командира полка пехоты в 1-й дивизии им. Т. Костюшко. В 1944 г. заместитель командира отдельного специального батальона при Польском партизанском штабе. Обучался в Военной академии им. М. В. Фрунзе в Москве. В апреле 1951 — августе 1956 г. командующий внутренними войсками, в августе 1956 — мае 1960 г. заместитель министра внутренних дел. В дальнейшем занимался научной работой в Институте ядерных исследований.

Хороманьский Зыгмунт (1892–1968) — польский католический иерарх, епископ. С 1946 г. варшавский суфраган, в 1946–1968 гг. секретарь Епископата Польши.

Хохфельд Юлиан (1911–1966) — известный деятель Польской социалистической партии, экономист и социолог. В ППС с 1930 г. В годы Второй мировой войны находился в СССР, затем в Польском корпусе на Ближнем Востоке и в Лондоне. Вернулся на родину в 1945 г., в 1945–1948 гг. член Главного комитета ППС, в 1946–1948 гг. член ЦИК партии. С 1948 г. в ПОРП, в 1948–1954 гг. кандидат в члены ЦК. С 1948 г. профессор ряда высших учебных заведений.

Хрущев Н. С. (1894–1971) — советский партийный и государственный деятель. В 1953–1964 гг. первый секретарь ЦК КПСС, одновременно в 1958–1964 гг. председатель Совета Министров СССР. В 1934–1966 гг. член ЦК ВКП(б)–КПСС, в 1939–1964 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)–КПСС.

Циранкевич Юзеф (1911–1989) — польский государственный деятель. С 1931 г. в ППС. В годы Второй мировой войны участник движения сопротивления на оккупированной польской территории. В 1941–1945 гг. находился в гитлеровских концлагерях в Польше и Германии. В 1945 г. член Генерального секретариата ЦИК ППС, в 1945–1948 гг. генеральный секретарь ЦИК. В 1947–1952 гг. председатель Совета Министров Польши. С 1948 г. в ПОРП, в 1948–1954 гг. секретарь ЦК. В 1948–1971 гг. член Политбюро ЦК ПОРП. В 1952–1954 гг. заместитель председателя, в 1954–1970 гг. председатель Совета Министров ПНР.

Чесьлюк Генрык (р. 1906) — польский государственный деятель. В декабре 1952 — апреле 1956 г. заместитель министра юстиции.

Чжоу Эньлай (1898–1976) — китайский политический и государственный деятель. Член ЦК КПК с 1927 г., член Политбюро ЦК с 1928 г. В 1949–1954 гг. премьер Государственного административного совета КНР, с 1954 г. премьер Государственного Совета КНР. В 1956–1966 гг. заместитель председателя ЦК КПК. В 1934–1956 гг. секретарь ЦК партии.

Шарыкин Ф. Е. — советский дипломат. В 1954 г. 3-й секретарь, в 1955 г. 2-й секретарь посольства СССР в Варшаве. В 1956 г. генеральный консул СССР в Щецине.

Шафф Адам (р. 1913) — польский философ, профессор. Член ЦК ПОРП. В 1950–1957 гг. основатель и директор Института обучения научных кадров ПОРП (в 1954–1956 гг. — Институт общественных наук при ЦК ПОРП).

Шепилов Д. Т. (1905–1995) — советский партийный и государственный деятель. В 1952–1957 гг. член ЦК КПСС. В 1952–1956 гг. главный редактор газеты «Правда», одновременно в июле 1955 — декабре 1956 г. секретарь ЦК КПСС. В июне 1956 — феврале 1957 г. министр иностранных дел СССР. В феврале–июне 1957 г. вновь секретарь ЦК. В феврале 1956 — июне 1957 г. кандидат в члены Президиума ЦК.

Шидляк Ян (1925–1994) — польский партийный и государственный деятель. С 1945 г. в ППР. Активист Союза борьбы молодых и Союза польской молодежи в Силезии, Кельце и Щецине. С 1948 г. в ПОРП. В 1952–1954 гг. секретарь воеводского комитета ПОРП в Катовице, в октябре 1954 — ноябре 1956 г. секретарь Главного правления Союза польской молодежи, в 1957–1960 гг. вновь секретарь воеводского комитета ПОРП в Катовице. В дальнейшем на партийной, государственной и профсоюзной работе.

Шир Эугениуш (1915–2000) — польский государственный деятель. В 1930–е гг. участник молодежного коммунистического движения. С 1934 г. в КПП, в 1936 г. выехал во Францию и вступил в ФКП, в 1937–1938 гг. участвовал в гражданской войне в Испании (комиссар Международной бригады им. Я. Домбровского), с марта 1939 г. проживал во Франции, в 1939–1941 гг. узник концлагерей во Франции и Алжире. В 1943 г. выехал в СССР, деятель Союза польских патриотов, в 1944–1945 гг. в политическом аппарате Войска Польского. В 1949–1954 гг. заместитель председателя, в марте 1954 — июле 1956 г. председатель Государственной комиссии хозяйственного планирования, в июле–ноябре 1956 г. министр строительства, в 1957–1959 гг. секретарь Экономического комитета Совета

Министров ПНР. В дальнейшем работал в высших органах государственной власти.

Штахельский Ежи (1911–1975) — польский государственный деятель. В 1930–е гг. активный участник молодежного коммунистического движения. В 1941–1943 гг. медицинский работник в Красной Армии, в 1943–1944 гг. офицер польских вооруженных сил в СССР, в феврале–августе 1944 г. генеральный секретарь Главного правления Союза польских патриотов. С 1945 г. в ППР, в 1945–1948 гг. кандидат в члены ЦК. С 1948 г. в ПОРП, в 1948–1968 гг. член ЦК. В январе 1951 — ноябре 1956 г. министр здравоохранения. В ноябре 1956 — мае 1961 г. полномочный представитель правительства по вопросам отношений с церковью. В дальнейшем на государственной работе.

Штоф Вилли (р. 1914) — восточногерманский государственный и политический деятель. В 1950–1953 гг. секретарь ЦК СЕПГ, с 1953 г. член Политбюро ЦК. В 1954–1962 гг. заместитель председателя Совета Министров ГДР.

Щербаль Францишек (1914–1981) — польский региональный деятель. В 1956 г. председатель президиума воеводской рады народной в Познани.

Югов Антон (1904–1993) — болгарский политический и государственный деятель. В 1949, 1952–1956 гг. заместитель председателя, в 1956–1962 гг. председатель Совета Министров НРБ. В 1937–1962 гг. член Политбюро ЦК БКП.

Юзьвяк Францишек (1895–1966) — польский партийный и государственный деятель. В годы Первой мировой войны в польских легионах Ю. Пилсудского. С 1912 г. в ППС. С 1921 г. в КПП. Неоднократно подвергался репрессиям за коммунистическую деятельность. В годы Второй мировой войны находился в СССР, в 1941 г. вступил в ВКП(б). В 1942 г. вернулся в Варшаву, в том же году вступил в ППР. В 1944 г. возглавил Главный штаб Гвардии Людовой. В 1942–1948 гг. член ЦК, в 1942–1944 гг. член Секретариата ЦК, в сентябре–декабре 1948 г. член Политбюро ЦК ППР. С 1948 г. в ПОРП, в 1948–1959 гг. член ЦК, в 1948–1956 гг. член Политбюро ЦК, в 1949–1955 гг. председатель Центральной комиссии партийного контроля ПОРП. В 1952–1955 гг. министр государственного контроля. В апреле 1955 — октябре 1956 г. заместитель председателя Совета Министров ПНР.

Юнг Станислав (р. 1927) — польский журналист. В 1957 г. ответственный секретарь варшавского журнала «Пшиязнь».

Юркевич Збигнев (1923–2001) — польский журналист. В 1956–1957 гг. сотрудник варшавского еженедельника «Доокола свята».

Юшкевич Александр (1915–1974) — польский политический и государственный деятель, дипломат. С 1940 г. находился в СССР, в 1943–1946 гг. деятель Союза польских патриотов, в 1944–1946 гг. его генеральный секретарь. С 1944 г. в Стронництве Людовом, в 1944–1949 гг. член Главного совета СЛ. С 1949 г. в Объединенной крестьянской партии, в 1949–1973 гг. член Главного исполнительного комитета (Главного комитета) ОКП, в ноябре 1949 — ноябре 1956 г. член Президиума ГИК (ГК) ОКП, в 1949–1956 гг. секретарь ГИК ОКП, в 1954–1956 гг. заместитель председателя Секретариата ГИК ОКП. В 1952–1957 гг. член Государственного Совета ПНР. В дальнейшем на дипломатической службе.

Яворская Гелена (р. 1922) — деятель польского молодежного коммунистического движения. С 1943 г. член Союза борьбы молодых и ППР, офицер Гвардии Людовой и Армии Людовой. В 1956–1959 гг. член ЦК ПОРП. В октябре 1954 — январе 1957 г. председатель Главного правления Союза польской молодежи.

Ягуштын Владыслав (1915–1969) — польский деятель крестьянского (людовского) движения. В 1930–е гг. активист крестьянских молодежных организаций, с 1932 г. член Союза крестьянской молодежи, с 1933 г. член Стронництва Людового. В годы Второй мировой войны участник движения сопротивления в Батальонах Хлопских. В 1949–1956 гг. член Главного совета и Главного исполнительного комитета ОКП. В 1956 и 1962–1964 гг. член Президиума, в 1957–1961 гг. секретарь Главного комитета ОКП.

Яросиньский Витольд (1909–1993) — польский государственный и партийный деятель. В 30–е гг. участник молодежного коммунистического движения. Годы Второй мировой войны провел в Польше, в 1944–1945 гг. на принудительных работах в Германии. С 1945 г. в ППР, с 1948 г. — в ПОРП. В июле 1950 — августе 1956 г. министр просвещения. В марте 1956 — ноябре 1968 г. секретарь ЦК ПОРП, в феврале 1957 — феврале 1960 г. 1-й секретарь Варшавского комитета ПОРП.

Ярошевич Петр (1909–1992) — польский государственный и военный деятель, дивизионный генерал. В годы Второй мировой войны находился в СССР, с 1943 г. в Войске Польском, в 1944–1945 гг. заместитель командующего 1-й Армии, затем заместитель начальника Главного политико-воспитательного управления, в 1946–1950 гг. заместитель министра национальной обороны, главный квартирмейстер Войска Польского. С 1944 г. в ППР, с 1948 г. в ПОРП, в 1948–1980 гг. член ЦК, в 1964–1970 гг. кандидат, в 1970–1980 гг. член Политбюро ЦК. В 1952–1970 гг. заместитель председателя Совета Министров ПНР, в 1954–1955 гг. министр горнодобывающей промышленности, в 1955–1956 гг. министр угольной промышлен-

ленности, одновременно в 1955—1970 гг. постоянный представитель ПНР в СЭВ. В 1958—1970 гг. председатель Комитета экономического сотрудничества с границей при Совете Министров. В 1970—1980 гг. председатель Совета Министров ПНР. В 1981 г. исключен из ПОРП.

Перечень источников и литературы

I. Документальные материалы архивов

Российские архивы:

Архив Президента Российской Федерации (АПРФ): Ф. 3 (Президиум ЦК КПСС).

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ): Ф. 2 (Пленарные заседания ЦК КПСС). Ф. 5 (Аппарат ЦК КПСС). Ф. 89 (Коллекции документов).

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ): Ф. 122 и 0122 (Референтура по Польше). Ф. 06 (Секретариат В. М. Молотова).

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ): Ф. 1244 (Редакция газеты «Известия»). Ф. 5283 (Всесоюзное общество культурных связей с заграницей). Ф. 5451 (ВЦСПС).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ): Ф. 17 (ЦК КПСС). Ф. 575 (Информационное бюро коммунистических партий).

Польские архивы:

Архив новых актов (Archiwum Akt Nowych: AAN). Ф. Центральный комитет ПОРП (PZPR. KC).

Архив Института истории людовского движения (Archiwum Zakładu Historii Ruchu Ludowego: AZHRL). Ф. Президиума Главного комитета Объединенной крестьянской партии.

Центральный исторический архив Демократической партии (Centralne Archiwum Historyczne Stronnictwa Demokratycznego: CAH SD). Ф. пленарных заседаний ЦК Демократической партии.

Архив Министерства иностранных дел Республики Польша (Archiwum Ministerstwa Spraw Zagranicznych: AMSZ). Департамент I. Советский отдел.

II. Периодическая печать

«Известия» (1955–1957), «Коммунист» (1954–1957), «Литературная газета» (1956–1957), «Новое время» (1956), «Правда» (1955–

1957), «Kultura» (1955–1957), «Nauka Polska» (1955), «Nowa Kultura» (1955–1957), «Nowe Drogi» (1953–1957), «Po Prostu» (1954–1957), «Przegląd Kulturalny» (1955–1957), «Sztandar Młodych» (1956–1957), «Świat» (1956–1957), «Trybuna Ludu» (1953–1957), «Tygodnik Demokratyczny» (1956–1957), «Tygodnik Powszechny» (1956–1957), «Zielony Sztandar» (1955–1957), «Życie Warszawy» (1955–1957),

III. Опубликованные источники

Гомулка В. Речь на VIII Пленуме ЦК ПОРП 20 октября. Варшава: Полония, 1956. — 70 с.

Документы и материалы по истории советско–польских отношений. Т. 10. Январь 1950 г. — декабрь 1955 г. // АН СССР. Институт славяноведения и балканистики. ПАН. Институт социалистических стран / Отв. ред. И. И. Костюшко и Л. Базылев. Сост.: И. И. Костюшко, П. Н. Ольшанский, С. М. Фалькович и др. М.: Наука, 1980. — 552 с.

Документы и материалы по истории советско–польских отношений. Т. 11. Январь 1956 г. — декабрь 1960 г. // АН СССР. Институт славяноведения и балканистики. ПАН. Институт социалистических стран / Отв. ред. И. И. Костюшко, В. Бальцерак. Сост.: И. И. Костюшко, П. Н. Ольшанский, С. М. Фалькович и др. М.: Наука, 1983. — 603 с.

Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Том 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы // РАН. Отделение историко-филологических наук. Федеральная архивная служба России. РГАНИ / Глав. ред. А. А. Фурсенко. Отв. составитель В. Ю. Афиани. Сост.: З. К. Водопьянова, А. М. Орехов, А. Л. Панина, М. Ю. Прокуменщиков, А. С. Стыкалин. М.: РОССПЭН, 2003. — 1344 с.

СССР и Польша: октябрь 1956–го. Постановления и рабочие записи заседаний Президиума ЦК КПСС / Предисловие А. М. Орехова. Публикацию подготовили Е. Д. Орехова и В. Т. Середа // Исторический архив. Научно–публикаторский журнал. 1996, № 5–6. С. 178–191.

Фронт Национального Единства. Владыслав Гомулка, Стефан Игнар, Станислав Кульчинский, Ян Франковский. Варшава, 1956. — 53 с.

Хрущев Н. С. «Если сказал „а“, то надо говорить и „б“». Стенограмма собрания партийного актива 4 ноября 1956 г. // Источник. 2003. № 6. С. 63–77.

Bez serwilizmu. Nieznana notatka z rozmów delegacji polskiej z kierownictwem ZSRR w listopadzie 1956 r. / Wydał E. Szyr // Dziś (Warszawa). R. 4. 1993. № 7. S. 72–90.

Bombicki M. R. Poznań 56. Poznań: Ławica, 1992. — 243 s.

Idem. Polski Październik '56. Początek drogi. Poznań: Ławica, 1993. — 380 s.

Centrum władzy. Protokoły posiedzeń kierownictwa PZPR. Wybór z lat 1949–1970 / Oprac.: A. Dudek, A. Kochański, K. Persak // PAN. Instytut Studiów Politycznych. Dokumenty do dziejów PRL. Zeszyt 13. Redaktor serii A. Paczkowski. Warszawa: ISP PAN, 2000. — 440 s.

IV Plenum Naczelnego Komitetu ZSL. Referat i uchwały. Warszawa: LSW, 1956. — 89 s.

Gomułka i inni. Dokumenty z archiwum KC 1948–1992 / Wstęp, wprowadzenia i przypisy J. Andrzejewski [A. Paczkowski]. Warszawa: Krag, 1986. — 265 s.

Gomułka W. Przemówienia. Październik 1956 — wrzesień 1957. Warszawa: KiW, 1957. — 481 s.

Idem. Węzłowe problemy polityki partii. Uchwały [IX Plenum KC PZPR]. Warszawa: KiW, 1957. — 128 s.

Jankowiak S., Makowski E. Poznański Czerwiec 1956 w dokumentach / Okręgowa Komisja Badania Zbrodni Przeciwko Narodowi Polskiemu. Instytut Pamięci Narodowej w Poznaniu. Poznań, 1995. — 254 s.

Kampania wyborcza i wybory do Sejmu 20 stycznia 1957 / Wybór, wstęp i opracowanie P. Machcewicz. Warszawa: Wyd-wo Sejmowe, 2000. — 334 s.

Korzon A. Protokół obrad Biura Politycznego KC PZPR w dniach 19–21 października 1956 r. // Dzieje Najnowsze. R. 28. 1996. № 3–4. S. 129–131.

«My z Zetemp...»: Upadek i likwidacja Związku Młodzieży Polskiej (1955–1957) / Oprac. M. Wierzbicki // PAN. Instytut Studiów Politycznych. Dokumenty do dziejów PRL. Zeszyt 17. Redaktor serii A. Paczkowski. Warszawa, 2004. — 178 s.

National Communism and Popular Revolt in Eastern Europe. A selection of documents on Ewents in Poland and Hungary. February — November, 1956 / Edited by P. E. Zinner. Program in East Central Europe, Columbia University. New York: Columbia University Press, 1957. — 563 p.

VIII Plenum Komitetu Centralnego PZPR 19–21.X.1956 r. / Nowe Drogi. 1956. № 10(88). — 272 s.

Po obu stronach barykady. Wojsko Polskie w Poznaniu 1956 w dokumentach / Wstęp i oprac. E. J. Nalepa. Warszawa: Egros, 1998. — 203 s.

Po prostu 1955–1956. Wybór artykułów / Wyboru dokonał J. Urban. Warszawa: Iskry, 1956. — 254 s.

Raina P. Kościół katolicki a państwo w świetle dokumentów 1945–1989. T. 1: lata 1945–1959. Poznań: W drodze, 1994. — 781 s.

Repatriacja ludności polskiej z ZSRR 1955–1959: wybór dokumentów / Oprac. B. Kaćka, S. Stęпка (red.). Warszawa: SGGW, 1994. — 174 s.

VII Plenum Komitetu Centralnego PZPR. 18–28 lipca 1956 r. Warszawa: KiW, 1956. — 208 s.

6 lat temu... (Kulisy Polskiego Października) / Biblioteka «Kultury», t. LXXXIII. Paryż: Instytut Literacki, 1962. — 197 s.

Tajne dokumenty Biura Politycznego. PRL — ZSRR 1956–1970 / Wstęp A. Paczkowskiego. Londyn: «Aneks», 1998. — 670 s.

1956. Polska emigracja a Kraj. Antologia źródeł: Praca zbiorowa pod red. M. M. Drozdowskiego / Towarzystwo Miłośników Historii w Warszawie; Wybór i oprac. M. M. Drozdowski, T. Ochiniowski, J. Żaryn. Warszawa: Typografia, 1998. — 348 s.

Władzka W. Na czołówce. Prasa w październiku 1956 roku / PAN. Instytut Badań Literackich. Pracownia Historii Czasopiśmiennictwa Polskiego XIX i XX wieku. Materiały i studia do historii prasy czasopiśmiennictwa polskiego. Żeszyt 28. Warszawa; Łódź: PWN, 1989. — 501 s.

IV. Воспоминания. Дневники

Бернов Ю. В. Записки дипломата. М.: Паруса, 1995. — 191 с.

Косинова Т. События 1956 г. в Польше глазами советских диссидентов // Корни травы. Сб. молодых историков / Общество «Мемориал». Фонд им. Г. Бёлля. Под ред. Л. С. Ереминой и Е. Б. Жемковой. М.: Звенья, 1996. — С. 193–214.

Хрущев Н. С. Время, люди, власть. (Воспоминания). В 4 кн. Кн. 3. М.: Московские новости, 1999. — 703 с.

Burda A. Przymrozki i odwilże: Wspomnienia z lat 1945–1957. Lublin: Wyd-wo Lubelskie, 1987. — 346 s.

Drozdowski M. M. Dziennik doktoranta z 1956 r. // Żeszyty Historyczne (Paryż). 1997. № 120. S. 175–208.

Kłossiewicz W. Gdy wieje wiatr historii... Warszawa: Wyd-wo Spółdzielcze, 1987. — 135 s.

Kowalski L. Generałowie. Warszawa: PAX, 1992. — 283 s.

Kuroń J. Wiara i wina. Do i po komunizmu. Wyd. 3, poprawione. Warszawa: Niezależna Oficyna Wydawnicza, 1990. — 372 s.

Październik 1956. Pierwszy wyłom w systemie. Bunt, młodość i rozsądek. Warszawa: Prószyński i S-ka, 1996. — 243 s.

Pióro T. Armia ze zkażą. W Wojsku Polskim 1945–1968 (wspomnienia i refleksje). Warszawa: Czytelnik, 1994. — 442 s.

Pucharska-Hibner B. Życie niepokorne. Warszawa: Tow-wo Wydawnicze i Literackie, 2000. S. 94–126.

Stomma S. Pościg za nadzieją. Paris: Éditions du dialogue, 1991. — 227 s.

Torańska T. Oni. Warszawa: Wyd-wo ISKRY, 2004. — 427 s.

Zambrowski R. Dziennik. *A. Zambrowski.* Zamiast przedmowy // Krytyka: Kwartalnik polityczny (Warszawa). 1980. № 6. S. 20–118.

V. Литература

Баева И. Източна Европа след Сталин. 1953–1956 г. Полша, Унгария, Чехословакия и България. София: Св. Климент Охридски, 1995. — 306 с.

Волобуев В. В. Кризис 1956 г. и зарождение политической оппозиции в Польше // Проблемы славяноведения в трудах молодых ученых. Вып. 1 / РАН. Институт славяноведения. Отв. ред. Б. В. Носов. М., 2003. С. 122–144.

Его же. Основные течения политической оппозиции в Польше в 1956–1968 годах // Там же. С. 145–177.

Орехов А. М. Общественно–политический кризис 1956 года (генезис и развитие событий) // Политические кризисы и конфликты 50–60-х годов в Восточной Европе / РАН. Институт славяноведения и балканистики. Научный центр общеславянских исследований (ЦЕСЛАВ). Отв. редактор Ю. С. Новопашин. Редактор-составитель Б. Й. Желицки. М., 1993. С. 10–55.

Его же. События 1956 года в Польше и кризис польско–советских отношений // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение / РАН. Институт российской истории. Отв. редактор Л. Н. Нежинский. М.: Международные отношения, 1995. С. 217–140.

Его же. К истории польско–советских переговоров 19 октября 1956 г. в Бельведере (по новым материалам) // Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран / РАН. Институт славяноведения и балканистики. Научный центр общеславянских исследований (ЦЕСЛАВ). Отв. редактор Ю. С. Новопашин. М., 1997. С. 130–156.

Стецкевич С. М. Глава XXII. От кризиса 1956 г. к кризису 1970 г. // Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней / РАН. Институт славяноведения и балканистики. Отв. редактор В. А. Дьяков. М.: Наука, 1993. С. 405–432.

Сьрон К. Весна в октябре. Польская революция 1956 года. Перевод с английского. Нью-Йорк: Изд-во Фредерик А. Прегер. 1961. — 210 с.

Юсунов Р. Р. Власть и интеллигенция. Из истории Польши XX столетия (1918–1980 гг.). Казань: Изд-во Казанского университета, 1996. — 311 с.

Его же. Польская интеллигенция в период народной демократии (1944–1980 гг.). Казань: Грандан, 1998. — 347 с.

Andrusiewicz A. Stronnictwo Demokratyczne w systemie Polski Ludowej. Warszawa: PWN, 1985. — 282 s.

Bieńkowski W. Socjologia kłeski. (Dramat gomułkowskiego cztertnastolecia). Paryż: Instytut Literacki, 1971.

Bińko B. Partia wobec «odwilży». Wyniki kwerendy archiwalnej w poszukiwaniu początków rewizjonizmu: 1954–1955 // *Kultura i Społeczeństwo*. R. XXXIX. 1995. № 2. S. 95–106.

Ciesielski S. Wrocław 1956. Wrocław: Wyd-wo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1999. — 191 s.

Czubiński A. Czerwiec 1956 w Poznaniu. Poznań: KAW, 1986. — 75 s.

Idem. Stronnictwo Demokratyczne (1937–1989): Zarys dziejów. Poznań: Instytut Historii UAM, 1998. — 338 s.

Daszkiewicz W. Informator o stosunkach Polska — Związek Radziecki 1944–1991. Warszawa: MSZ, 1994. — 378 s.

Doroszuk T. Relacje między Zjednoczonym Stronnictwem Ludowym i Polską Zjednoczoną Partią Robotniczą (1949–1989). Sojusznicy i przeciwnicy ruchu ludowego 1895–1995 / Pod red. J. Jachymka. Lublin: Wyd-wo Uniwersytetu M. Curie Skłodowskiej, 1996. S. 223–237.

Dudek A., Marszałkowski T. Walki uliczne w PRL 1956–1989. Kraków: Geo, 1999. — 446 s.

Dudek A., Pytel G. Bolesław Piasecki. Próba biografii politycznej. Londyn, Aneks, 1990. — 345 s.

Dymek B. Z dziejów PZPR w latach 1956–1970. Warszawa, 1987. — 319 s.

Eisler J., Kupiecki R. Na zakręcie historii — rok 1956. Warszawa: Wyd-wo Szkolne i Pedagogiczne, 1992. — 50 s.

Fiałkowska B. Polityka i twórcy (1948–1959). Warszawa: PWN, 1985. — 571 s.

Friszke A. Oaza na Kopernika. Klub Inteligencji Katolickiej 1956–1989. Warszawa: Biblioteka «Więzi», 1997. — 318 s.

Idem. Opozycja polityczna w PRL 1945–1980. Londyn: ANEKS, 1994. — 608 s.

Idem. Rok 1956 // *Friszke A., Stola D., Eisler J.* Kierownictwo PZPR w czasie kryzysów 1956, 1968 i 1970. Projekt badawczy: Centrum władzy w Polsce 1948–1970 / PAN. Instytut Studiów Politycznych. Warszawa: ISP PAN, 2000. S. 5–48.

Idem. Rok 1956 // Centrum władzy w Polsce 1948–1970 / PAN. Instytut Studiów Politycznych. Pod red. A. Poczkowskiego. Warszawa, 2003. S. 187–213.

Idem. Rozgrywka na szczycie. Biuro Polityczne KC PZPR w październiku 1956 // *Więź*. 1996. № 9. S. 188–212.

Hass L. «Czarny czwartek» poznański 1956 r. // *Z pola walki*. 1988. № 2. S. 166–175.

Jankowiak S. Poznański Czerwiec 1956 w obradach VII Plenum KC PZPR (18–28 lipca 1956 roku) // *Kronika Wielkopolska*. 1989. № 4. S. 17–29.

Idem. Wielkopolska w okresie stalinizmu (1948–1956). Poznań: Wyd-wo Poznańskie, 1995. — 248 s.

Jankowiak S., Machcewicz P., Rogulska A. Zranione miasto: Poznań w czerwcu 1956 roku. Poznań; Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2003. — 215 s.

Jarocki R. Czterdzieści pięć lat w opozycji. O ludziach «Tygodnika Powszechnego». Kraków: Wyd-wo Literackie, 1990. — 317 s.

Jarosz D. Polityka władz komunistycznych w Polsce w latach 1948–1956 a chłopi. Warszawa: DiG, 1998. — 542 s.

Jaworski M. Kryzys społeczno–polityczny 1956 roku // Przesilenia i zwroty w dziejach Polski Ludowej / Zeszyty Naukowe Wojskowej Akademii Politycznej. № 110. Warszawa, 1982. S. 70–92.

Jedlicki W. Klub Krzywego Koła. Paryż: Instytut Literacki, 1963. — 169 s.

Kisielewski T. Październik 1956: punkt odniesienia. Mozaika faktów i poglądów. Impresje historyczne. Warszawa: NERITON, 2001. — 468 s.

Korboński A. Październik 1956 / Zeszyty Historyczne. T. 78. Paryż: Instytut Literacki, 1986. S. 36–78.

Kozik Z. PZPR i problemy polityczne lat 1954–1956 / WSNS przy KC PZPR. Instytut Ruchu Robotniczego. Warszawa: WSNS, 1980. — 187 s.

Idem. PZPR w latach 1954–1957. Szkic historyczny. Warszawa: KiW, 1982. — 309 s.

Krogulski M. L. Okupacja w imię sojuszu. Armia Radziecka w Polsce 1944–1956. Warszawa: Wyd-wo von borowiecki, 2000. — 267 s.

Idem. Okupacja w imię sojuszu. Armia Radziecka w Polsce 1956–1993. Warszawa: Wyd-wo von borowiecki, 2001. — 274 s.

Kula M. Paryż, Londyn i Waszyngton patszą na Październik 1956 r. w Polsce / PAN. Instytut Studiów Politycznych. Warszawa, 1992. — 485 s.

Kupiecki R. Od VIII Plenum do VIII Plenum 1953–1956. Odchodzenie od kultu Stalina w Polsce // Kwartalnik Historyczny. 1992. № 2. S. 71–93.

Idem. Natchnienie milionów. Kult Stalina w Polsce 1944–1956. Warszawa: WSiP, 1993. — 270 s.

Kwiek J. Rok 1956 w Krakowie i w województwie: (Wybrane problemy). Kraków, 1999. — 163 s.

Łopieńska B. N., Szymańska E. Stare numery. Po Prostu 1953–1957. Londyn: Aneks, 1986. — 130 s.

Łoś R. Przełom 1956. Od protektoratu do ograniczonej suwerenności // Więż. 1995. № 1. S. 118–144.

Idem. Obecność wojsk radzieckich w Polsce. Regulacje: rozmowy w Moskwie (14–18 listopada 1956) — do końca 1957 roku // Kwartalnik Historyczny. 1996. № 3. S. 103–120

Idem. Wokół VIII Plenum KC PZPR (19–21 października 1956 r.) // Studia Polityczne. 1996. № 6. S. 123–139.

Idem. Polska — ZSRR 1956. Łódź, 1999. — 173 s.

Machcewicz P. Czerwiec i Październik. Ruchy masowe w Polsce w 1956 roku // *Dzieje Najnowsze*. 1992. № 3. S. 67–77.

Idem. Polski rok 1956. Warszawa: Oficyna Wydawnicza, 1993. — 259 s.

Makowski E. Poznański Czerwiec 1956: pierwszy bunt społeczeństwa w PRL. Poznań: Wyd-wo Poznańskie, 2001. — 396 s.

Micewski A. Współzadzić czy nie kłamać? Pax i Znak w Polsce 1945–1976. Paryż, 1978. — 269 s.

Murzański S. Wśród łopotu sztandarów rewolucji: Rzecz o «katolewicy» 1945–1989. Kraków: ARCANA, 1998. — 302 s.

Nalepa E. J. Oficerowie Armii Radzieckiej w Wojsku Polskim 1943–1968 / Wojskowy Instytut Historyczny. Warszawa: Bellona, 1995. — 339 s.

Nowiński T. Stronnictwo Demokratyczne w województwie krakowskim w latach 1945–1975. Kraków: Tpoka, 1981. — 240 s.

Orechow A. Die polnische Krise 1956 aus Moskauer Sicht // Entstalinisierungskrise in Ostmitteleuropa 1953–1956. Vom 17. Juni bis zum ungarischen Volksaufstand. Politische, militärische, soziale und nationale Dimensionen. Herausgegeben und eingeleitet von Jan Foitzik. Paderborn; München; Wien; Zürich: Ferdinand Schöningh, 2001. S. 331–352.

Oriechow A. Nowe dokumenty archiwów moskiewskich na temat wydarzeń Października 1956 // Przełomowy rok 1956. Poznański Czerwiec, Polski Październik, Budapeszt. Materiały międzynarodowej konferencji naukowej. Poznań, 26–27 czerwca 1996 roku / Pod red. E. Makowskiego i S. Jankowiaka. Poznań: Wyd-wo Poznańskie, 1998. S.169–176.

Październik 1956. Szkice historyczne. Praca zbiorowa pod red. B. Dymka / PZPR. ANS. Warszawa, 1989. — 231 s.

Persak K. Odrodzenie harcerstwa w 1956 roku. Warszawa: Trio, 1996. — 222 s.

Poksiński J. «TUN»: Tatar — Utnik — Nowicki. Represje wobec oficerów Wojska Polskiego w latach 1949–1956. Warszawa: Bellona, 1992. — 304 s.

Idem. Wojsko Polskie w 1956 r. — problemy polityczne // Wojsko i Wychowanie. 1992. № 1. S. 52–56; № 2. S. 50–54.

Polska pod rządami PZPR / Praca zbiorowa pod red. M. F. Rakowskiego. Warszawa: PROFI, 2000. — 532 s.

Polska 1956 — próba nowego spojrzenia: Materiały sesji naukowej zorganizowanej przez Instytut Historii PAN, Polskie Towarzystwo Historyczne i Instytut Studiów Politycznych PAN w Warszawie w dn. 21–22 października 1996 r. // Polska 1944/45 — 1989. Studia i materiały. T. 3. Warszawa, 1997. — 297 s.

Poznański Czerwiec 1956 / Komisja Ścigania Zbrodni Przeciwko Narodowi Polskiemu. Instytut Pamięci Narodowej. Pod red. S. Jankowiaka i A. Rogulskiej. Warszawa, 2002. — 103 s.

Poznański Czerwiec 1956 / Pod red. J. Maciejewskiego i Z. Trojano-wiczowej. Wyd. 2, poprawione i rozszerzone. Poznań: Wyd-wo Poznań-skie, 1990. — 430 s.

Poznański Czerwiec w świadomości i historii. Praca zbiorowa / Zwią-zek Powstańców Poznańskiego Czerwca 1956 r. «NIEPOKONANI». Poznań: WiS, 1996. — 124 s.

Przełomowy rok 1956: Studia i szkice o polskiej literaturze współcze-snej / Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach. № 1573. Pod red. W. Wójcika przy współudziale M. Kisiela. Katowice, 1996. — 192 s.

Ptasiński J. Drugi zwrot. Gomułka u szczytu powodzenia. Warszawa: KAW, 1988. — 182 s.

Idem. Wydarzenia poznańskie: czerwiec 1956. Warszawa: KAW, 1986. — 127 s.

Raina P. Kardynał Wyszyński. Czasy Prymasowskie 1956–1961. T. 3. Warszawa: Wyd-wo «Książka Polska», 1994. — 238 s.

Idem. Władysław Gomułka. Życiorys polityczny. Londyn: Polonia a Book Fund Ltd., 1969. — 159 s.

Idem. Political opposition in Poland 1954–1977. London, 1979.

Ratyński W. Na drodze przemian i zwrotów: Polski ruch zawodowy 1944–1988. Warszawa: IWZZ, 1989. — 247 s.

Ruch młodzieżowy w Polsce w latach przemian politycznych 1956–1957 / Pod red. Z. J. Hirsza, E. Tomaszewskiego. Warszawa, 1984. — 327 s.

Ruchniewicz M. Repatriacja ludności polskiej z ZSRR w latach 1955–1959. Warszawa: Volumen, 2000. — 402 s.

Rykowski Z., Władyka W. Polska próba: Październik'56. Kraków: Wyd-wo Literackie, 1989. — 312 s.

Skrzypek A. Stosunki polsko-radzieckie w latach 1956–1957 // Kwar-talnik Historyczny. 1987. № 4. S. 1035–1062.

Idem. O drugiej repatriacji Polaków z ZSRR (1954–1959) // Kwartal-nik Historyczny. 1991. № 4. S. 63–74.

Idem. Wpływ polityki Nikity Chruszczowa na wydarzenia w Polsce roku 1956 // Przełomowy rok 1956: Poznański Czerwiec... S. 49–77.

Idem. Mechanizmy uzależnienia: Stosunki polsko-radzieckie 1944–1957 / Wyższa Szkoła Humanistyczna im. A. Gieyszтора w Pułtusk. Pułtusk, 2002. — 492 s.

Słabek H. Historia społeczna Polski Ludowej (1944–1970) / PZPR. ANS. Instytut Historii Ruchu robotniczego. Warszawa, 1988. — 645 s.

Stępa S. Chłopi wobec wydarzeń politycznych w Polsce (1956–1959). Warszawa: SGGW, 1999. — 195 s.

Syzdek E. Władysław Gomułka. Miejsce w dziejach Polski Ludo-wej // Forum Klubowe (Warszawa). 2002. № 4(7). S. 22–25, 31–33.

Syzdek E., Syzdek B. Cena władzy zależnej: Szkice do portretów znanych i mniej znanych polityków Polski Ludowej. Warszawa: Komandor, 2001. — 315 s.

Tarniewski M. [Karpiniński J.]. Porcja wolności. Warszawa: G. O. Solidarni, 1989. — 143 s.

Turkowski R. Walka o zachowanie tożsamości politycznej w szeregach Zjednoczonego Stronnictwa Ludowego (1949–1962) // Roczniki Dziejów Ruchu Ludowego, № 31. Warszawa, 2000. S. 177–208.

Walczak J. Ruch studencki w Polsce 1944–1984. Wrocław etc.: Ossolineum, 1990. — 283 s.

Ważniewski W. Walka polityczna w kierownictwie PPR i PZPR 1944–1964. Toruń: Wyd-wo Adam Marszałek, 1991. — 183 s.

Ważniewski W. Stosunek władz państwowych do Kościoła katolickiego w Polsce 1956–1970. Siedlce, 1999. — 297 s.

Werblan A. Czy Chińczycy uratowali Gomułkę? // Polityka. 26.X 1991.

Idem. Gomułka i Październik // Dziś. 1996. № 10. S. 58–66.

Idem. Październik'56: spór o kierunek i charakter reform // Myśl Socjaldemokratyczna. 1996. № 4. S. 43–53.

Idem. Październik'56: Między legendą a rzeczywistością // Dziś. 2002. № 3. S. 79–89.

Więś polska wobec wydarzeń 1956 roku / Prace Instytutu Historii Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Kielcach pod red. W. Cabana. Pod red. G. Miernika. Kielce, 1998. — 229 s.

Wojtas A. Myśl polityczna Zjednoczonego Stronnictwa Ludowego w latach 1949–1962. Studium z dziejów zniewolonego ruchu politycznego. Toruń: Wyd-wo Adam Marszałek, 1991. — 150 s.

Wrona J. Rola komunistów w kierownictwie SD a proces stalinizacji Polski. Przyczynek do krztałtowania się i funkcjonowania systemu politycznego w Polsce lat 1944–1965. [Warszawa: Zakład Badań nad Ruchem Demokratycznym CK SD, 1990]. — 42 s.

Idem. Zależni czy suwerenni? Stronnictwo Demokratyczne w województwie lubelskim 1944–1975. Lublin: UMCS, 1998. — 337 s.

Wróbel J. Mieszkańcy Łodzi wobec wydarzeń 1956 roku // Opozycja i opór społeczny w Łodzi 1956–1981 / Instytut Pamięci Narodowej. Wydział Filozoficzno-Historyczny Uniwersytetu Łódzkiego. Pod red. K. Lesiakowskiego. Warszawa, 2003. S. 12–29.

Wydarzenia czerwcowe w Poznaniu 1956. Materiały z konferencji naukowej zorganizowanej przez Instytut Historii UAM w dniu 4 V 1981 roku / Uniwersytet im. A. Mickiewicza w Poznaniu. Pod red. E. Makowskiego. Poznań: Wyd-wo Naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza, 1981. — 159 s.

Zuber S. Przyczyny wubuchu Powstania Poznańskiego w czerwcu 1956 roku. Poznań: Wydawca Chrześcijański Związek Kombatantów Powstania Poznańskiego Czerwca 1956 r., 1998. — 307 s.

Żakowski J. Anatomia smaku, czyli o losach «Tygodnika Powszechnego» 1953–1956. Lublin, 1986. — 68 s.

Żaryn J. Dzieje Kościoła katolickiego w Polsce (1944–1989). Warszawa: Neriton, 2003. — 635 s.

Idem. Kościół w PRL / Instytut Pamięci Narodowej. Warszawa, 2004. — 208 s.

Żebrowski W. Stronnictwo Demokratyczne w latach 1937–1995. Wyd. 2. Warszawa: Rada Naczelna SD, 1997. — 75 s.

Idem. Z dziejów Stronnictwa Demokratycznego w Polsce. Bydgoszcz: Rekpol, 1999. — 223 s.

Именной указатель

- Аденауэр Конрад — 51
Альбрехт Ежи — 81, 111, 166, 169, 200, 272
Альстер Антоний — 110, 272, 273
Анджеевский Ежи — 48, 273
Андриевский Франц — 181, 273
Антонов А. И. — 225, 240, 273
- Банак Юзеф — 238, 273
Банах Казимеж — 99, 101, 209, 247, 264, 273
Бауман Зыгмунт — 97, 273
Бенек Тадеуш — 123, 273
Беньковский Владыслав — 10
Берия Л. П. — 17, 37, 273
Берман Якуб — 14, 28, 34, 40, 50, 57, 64, 67, 69, 73, 76, 81, 83, 110, 139, 169, 274
Бернов Ю. В. — 31, 43, 65, 66, 183, 188, 209, 210, 256, 259, 263, 274
Берут Болеслав — 9, 18, 20, 21, 25–29, 31, 33, 34, 40, 41, 44, 50, 54, 64, 69–77, 84, 107, 110, 113, 123, 165, 216, 268, 274
Бещев Б. П. — 225, 254, 274
Блоньский Ян — 48, 274
Бобиньский Станислав — 299
Бордзиловский Ежи — 237, 274, 275
Борисов И. С. — 62, 275
Братковская Анна — 39, 275
Бродзиньский Станислав — 114, 143, 144, 157, 177, 275
Броз Тито Иосип — 247
Брыстигера Юлиа — 25, 275
Будзьвойский Максимилиан — 264, 275
Будзыньская Целина — 111, 275
Булганин Н. А. — 27, 77, 141, 142, 170, 171, 208, 218, 225, 227, 240, 275
- Важик Адам — 52–54, 275
Валюк Юзеф — 209
Ван Дзесян — 205
Варский Адольф — 90
Василевская Ванда — 52–54, 275, 276
Вербловский Стефан — 111, 276
Верна Марья — 225, 276
Виноградов И. Т. — 27, 64, 276
Висьневский Ян — 181, 276
Виташевский Казимеж — 110, 140, 214, 276
Ви́ха Владыслав — 41, 127, 276
Владыка Веслав — 10, 215
Вознесенский Д. П. — 37, 38, 65, 276
Войтас Анджей — 98
Волицкий Кшиштоф — 155, 277

- Ворошилов К. Е. — 77, 218, 225, 277
Ворошильский Виктор — 95, 147, 252, 277
Вояс Павел — 221, 261, 277
Выцех Чеслав — 101, 102, 277
Вышинский Стефан — 24, 25, 216, 245, 277
Вэрблян Анджей — 111, 277, 278
Вэрблян Анджей — 10, 109, 110, 186, 188, 197, 210, 211
Вэрфель Роман — 140, 278
- Галицкий К. Н. — 233, 278
Гарнцарчик Вильгельм — 209, 278
Герц Павел — 278
Герэк Эдвард — 127, 133, 162, 169, 171, 188, 200, 278, 279
Гоздик Лехослав — 249, 279
Гомулка Владыслав — 9, 22, 41, 42, 65, 66, 71, 73, 76, 82, 83, 85, 107–109, 123, 137–140, 144, 145, 152, 153, 158–160, 163–165, 167–170, 172–174, 177, 180, 181, 183, 187–192, 194–201, 203, 204, 206–208, 211, 212, 214–216, 219–221, 223–230, 234–237, 239, 241, 243–257, 259, 261, 263, 269, 271, 279
Горчаков А. И. — 238, 254, 264, 279
Гранас Романа — 111, 279
Гришин Я. Я. — 11
Гродэк Влодзимеж — 106, 140, 141, 279
Гротеволь Отто — 205, 279
- Дамянов Георгий — 205, 279
Двораковский Владыслав — 34, 41, 45, 167, 279, 280
Дзедиц Шимон — 99, 280
Держинский Я. Ф. — 74, 75, 83, 85, 188, 280
Длуский Остап — 140, 280
Долиньский Адам — 140, 280
Домбровский Константый — 171, 280
Дробнер Болеслав — 72, 243, 280, 281
Дымек Бенон — 10
Дэн Сяопин — 205
- Егоров И. И. — 67, 281
Ендрыховский Стефан — 150, 163, 166, 168, 188, 200, 225, 226, 281
Ермилов А. П. — 62, 281
- Ёдловский Ежи — 97, 104, 281
- Живков Тодор — 205, 206, 281
Жуков Г. А. — 77, 281
Жуков Г. К. — 173, 188, 208, 218, 225–227, 233, 238, 258, 263, 266, 281, 282
Жуков Н. Н. — 36
Жулковский Стефан — 47, 67, 93, 282
- Завадский Александр — 28, 34, 50, 64, 69, 76, 77, 79, 110, 144, 146, 149, 162, 166–168, 170, 171, 174, 183, 186–188, 190–192, 197, 200, 227, 254, 282

- Зажицкий Януш — 111, 239, 240, 282
Заикин Д. И. — 64, 282
Замбровский Роман — 34, 64, 76, 79, 107, 110, 139, 143, 160, 162, 166–169,
179, 188, 189, 200, 224, 242, 244, 252, 254, 263, 282
Заракowski Станислав — 82, 283
Зверев А. Г. — 225, 283
Зиманд Роман — 140, 252, 283
Зимянин М. В. — 27, 61, 283
Зорин В. А. — 49, 50, 67, 283
Зуев Ф. Г. — 92
Зыбин Б. П. — 91
- Иванов А. — 157, 283
Иванцов А. В. — 208, 283
Игнар Стефан — 99, 101, 102, 103, 117, 179, 180, 209, 248, 283
- Кабанов И. Г. — 225, 284
Каганович Л. М. — 77, 173, 183, 188, 218, 284
Казаченко И. А. — 157, 284
Калиновский Стефан — 82, 163, 284
Калиновский Юзеф — 60, 68, 284
Карпов В. А. — 118, 209, 284
Касман Леон — 71, 79, 110, 113, 284
Качмарек Чеслав — 24, 62, 285
Кирхмайер Ежи — 82, 83, 285
Киселев — 247
Киселевский Юзеф — 87
Клепач Михал — 25, 217, 285
Клишко Зенон — 22, 140, 145, 165, 168, 185, 285
Клосевич Виктор — 41, 65, 66, 110, 120, 127, 139, 285
Ковалев А. П. — 153, 285
Ковалик Тадеуш — 257, 285
Коваль К. И. — 225, 285
Ковальский Владыслав — 98, 99, 100, 101, 102, 180, 285, 286
Козик Зенобиуш — 10, 41
Козловская Гелена — 140, 286
Колаковский Лешек — 252
Коле Юльян — 107, 111, 286
Комар Вацлав — 74, 75, 82, 181, 182, 286
Конев И. С. — 52, 88, 90, 174, 183, 192, 211, 286
Корзон Анджей — 11
Корчиньский Гжегож — 140, 145, 286, 287
Котлицкий Генрык — 225, 287
Котт Ян — 48, 93, 95, 287
Коханьский Александр — 11
Кошутска-Костшева Вера — 90
Красько Винцентый — 124, 287
Крекотень П. Г. — 67, 265, 287
Кремер Марк — 213
Круль Стефан — 60, 287

- Кручек Владыслав — 65, 143, 157, 287
Ксёнже Ян — 212, 287
Куля Марцин — 10
Куронь Яцек — 176, 287, 288
Куропеска Юзеф — 22, 61, 288
- Лапот Станислав — 110, 288
Левиковский Вацлав — 30, 28, 49, 94, 288
Ленин В. И. — 56
Лешиньский-Леньский Юлиан — 90
Лёга-Совиньский Игнаций — 168, 185, 200, 222, 288
Лорек Феликс — 88
Лось Роберт — 10, 11, 193, 195, 240
Лу Дин — 205
Лю Шаоцы — 205, 206, 289
Лянге Оскар — 65, 288
Лясота Элигиуш — 39, 106, 288
- Мазовецкий Тадеуш — 175, 289
Мазур Францишек — 26, 34, 84, 85, 108, 139, 145, 157, 169, 187, 289
Маковский Эдмунд — 11, 126
Маленков Г. М. — 17, 18, 25, 27, 30, 114, 219, 220, 289
Малин В. Н. — 202, 203, 205, 206, 260, 289
Малиновский Р. Я. — 240, 289, 290
Манусевич А. Я. — 92
Мао Дзедун — 206
Матвин Владыслав — 45, 106, 107, 111, 162, 166, 169, 200, 242, 244, 290
Матушевский Стефан — 34, 290
Махцевич Павел — 10, 76, 86, 91, 245
Мельник И. А. — 56, 67, 290
Метковский Мечислав — 38, 290
Миколайчик Станислав — 242, 290, 291
Микоян А. И. — 77, 87, 88, 150, 151, 152, 173, 183, 187–189, 204, 225, 226, 291
Минц Гилярий — 28, 33, 34, 40, 57, 64, 139, 141, 143, 169, 291
Михайлов Н. А. — 43, 44, 66, 95, 291
Михник Адам — 58, 291
Мияль Казимеж — 110, 253–255, 291
Молотов В. М. — 27, 30, 53, 61, 63, 75, 173, 183, 188, 194, 195, 218, 219, 220, 292
Моравский Ежи — 45, 69, 73, 75, 81, 107, 111, 127, 133, 140, 146, 149, 162, 166, 168, 169, 200, 212, 216, 224, 242, 244, 256, 292
Мотрук Петр — 265, 292
Мусь Влодзимеж — 127, 131, 181, 182, 193, 292
- Налена Эдвард Ян* — 240
Намёткевич Валерый — 160, 195, 211, 292
Нашковский Марьян — 140, 217, 264, 292
Недузяк Станислав — 208, 293
Новак Зенон — 34, 64, 76, 108, 110, 130, 140, 142, 143, 144, 146, 162, 169, 171, 187, 188, 191, 248, 254, 293

- Новак Роман — 162, 188, 293
Новотный Антонин — 205, 206, 212, 293, 298
- Овчаров В. И. — 92
Одинокое В. Н. — 68, 116, 157, 293
Озга-Михальский Юзеф — 99, 101, 102, 293
Окрэнт Зыгмунт — 75, 293, 294
Олесов Н. В. — 212, 294
Ольшевский Юзеф — 66, 79, 92, 294
Осубка-Моравский Эдвард — 241, 294
Охав Эдвард — 14, 34, 40, 64, 69, 75–85, 95, 108, 109, 114, 115, 123, 127, 130, 132, 137–139, 144, 145, 149–152, 156–160, 162, 164, 166–174, 181–186, 190, 193, 200, 203, 204, 212, 219, 244, 269, 294
- Патоличев Н. С. — 225, 254, 294
Пачковский Анджей — 11, 165
Пашковский Збигнев — 210, 294
Первухин М. Г. — 77, 294, 295
Персак Кишиштоф — 11
Поделворный Болеслав — 209, 295
Пономарев Б. Н. — 150, 151, 158, 264, 295
Пономаренко П. К. — 13, 48, 49, 50, 53, 67, 93, 115, 166, 169–171, 173, 174, 183, 184, 188, 203, 206, 208, 225, 250, 253, 254, 264, 265, 295
Поплавский С. Г. — 127, 132, 133, 295
Попов Бонча — 265, 295
Попов Г. М. — 27, 30, 31, 43, 61, 62, 63, 114, 295
Поспелов П. Н. — 135
Птасиньский Ян — 38, 133, 136, 155, 296
Путрамент Ежи — 139, 296
Пшулковский Эдмунд — 136, 296
Пюро Талеуш — 228, 239, 240, 259, 296
Пясецкий Болеслав — 174, 175, 296
- Радкевич Станислав — 32, 34, 38, 40, 42, 82, 297
Ракоши Матиас — 19, 297
Рапацкий Адам — 34, 81, 163, 168, 188, 200, 224, 238, 297
Рокоссовский К. К. — 26, 28, 34, 35, 64, 76, 123, 140, 162, 163, 166, 169–171, 174, 177, 181, 183, 184, 187–189, 190, 192, 193, 196, 197, 200, 201, 214, 256, 297
Роля-Жимерский Михал — 177, 297
Ромковский Роман — 38, 83, 297, 298
Руминьский Болеслав — 110, 298
Ружаньский Юзеф — 37, 153, 298
Рыбицкий Марьян — 128, 138, 298
Рыковский Збыслав — 10, 215
- Сабуров М. З. — 77, 225, 226, 298
Светлик Конрад — 38, 298
Свѣнтковский Генрык — 83, 298
Свобода Ян — 205, 212, 298

- Свято Юзеф — 37, 38, 299
Секерская Ядвига — 48, 95, 146, 251, 299
Семенов В. С. — 94, 299
Серов И. А. — 136, 175, 299
Скульбашевский А. — 37, 38, 65, 299, 300
Скшешевский Станислав — 140, 300
Скшпек Анджей — 11, 18, 64, 211
Слонимский Антоний — 71, 95, 149, 300
Соболев А. А. — 30, 300
Сокорский Владзимеж — 95, 96, 300
Спыхальский Марьян — 22, 73, 74, 75, 82, 140, 145, 165, 168, 185, 214, 238, 259, 300
Ставиньский Эугениуш — 166, 300, 301
Сталин И. В. — 9, 17, 18, 20, 30, 34, 35, 61, 69, 73, 79, 80, 84, 87–91, 94, 95, 97, 149, 170, 260, 301
Старевич Артур — 107, 111, 217, 249, 301
Стасяк Леон — 101, 102, 120, 121, 127, 134, 301
Стасяк Людомир — 101, 102, 301
Сташевский Стефан — 14, 73, 74, 79, 107, 108, 110, 113, 139, 146, 155, 181, 182, 190, 234, 249, 250, 301, 302
Степанов И. А. — 265, 302
Стефаньский Петр — 97, 178, 302
Стецкевич С. М. — 11
Стшалковский Роман — 127
Стшалковский Тадеуш — 259, 302
Стыпулковская Зофья — 178, 302
Суслов М. А. — 77, 264, 302
Сыроп Конрад — 52, 72, 208, 209
- Талызин Н. К. — 65, 66, 89, 157, 231, 262, 266, 302
Татар Станислав — 83, 302
Титков Валентый — 65, 66, 140, 235, 236, 263, 302
Тито Броз Иосип — 247, 302
Топиньский Ян — 97, 302
Тораньская Тереса — 14, 107, 115, 157, 158, 188
Тромпчиньский Витольд — 225, 303
Труш Ян — 46, 66, 96, 143, 157, 303
Тугаринов И. И. — 148, 303
Тункин Г. И. — 225, 303
Турпитько П. П. — 157, 303
Турский Рышард — 39, 140, 141, 257, 303
Тырманд Лсопольд — 175, 303
- Ульбрихт Вальтер — 205, 206, 303
Фейгин Анатолий — 29, 83, 303
Фидельский Роман — 121, 303, 304
Фрей-Белецкий Ян — 181, 304
Фришке Анджей — 11
Фронцковяк Францишек — 123, 304
Фурцева Е. А. — 218, 304

- Хайду Тибор* — 213
Хайн Леон — 103, 117, 304
Хайнич Артур — 97, 304
Халасиньский Юзеф — 54, 55, 304
Хелстовский Станислав — 39, 304
Хелховский Гилярый — 34, 110, 171, 252, 304, 305
Хибнер Юлиан — 181, 182, 305
Хороманьский Зыгмунт — 24, 217, 305
Хохфельд Юлиан — 305
Хренов И. А. — 92
Хрушев Н. С. — 13, 15, 17, 27, 31–35, 49, 50, 52, 54, 63, 64, 69–73, 75–81, 86, 87, 89, 99, 104, 113, 114, 136, 143, 144, 147, 148, 152, 153, 158, 162, 165, 166, 170, 172, 173, 174, 181, 183–185, 187, 190–197, 199, 202, 203, 206–208, 210, 211, 217–220, 225–229, 247, 253, 256, 262, 269, 305
Циранкевич Юзеф — 28, 34, 69, 73, 81, 123, 127, 132, 135, 137, 149, 155, 160, 162, 163, 166, 168, 171, 174, 183, 184, 188, 191, 194, 200, 219, 220, 225, 230, 237, 240, 242, 243, 245, 248, 253, 305
Чесьлюк Генрык — 83, 306
Чжоу Эньлай — 211, 306
Шарыкин Ф. Е. — 87, 88, 89, 232, 306
Шафф Адам — 55, 56, 74, 97, 251, 306
Шепилов Д. Т. — 67, 116, 218, 238, 250, 306
Шидляк Ян — 117, 306
Шир Эугениуш — 140, 225, 306, 307
Штахельский Ежи — 217, 307
Штоф Вилли — 205, 307
Щербаль Францишек — 222, 232, 307
Югов Антон — 205, 206, 307
Юзьвяк Францишек — 26, 34, 64, 110, 162, 169, 171, 187, 191, 254, 307
Юнг Станислав — 266, 307
Юркевич Збигнев — 257, 307
Юсунов Р. Р. — 12
Юшкевич Александр — 62, 99, 107, 308
Яворская Гелена — 111, 117, 308
Ягуштын Владыслав — 101, 102, 308
Яковлев Ф. — 63
Яросиньский Витольд — 169, 200, 250, 308
Ярошевич Петр — 248, 308, 309
Ясенский Бруно — 116
Яськевич З. — 209

Научное издание

Орехов Александр Михайлович

**Советский Союз и Польша в годы «оттепели»:
из истории советско-польских отношений**

Корректор *Т. И. Томашевская*
Оригинал-макет *А. Ю. Зубков*

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by

e-mail: nina_dom@mtu-net.ru
or by tel./fax: +7 095 959-21-03

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
(ОКП) — 95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.

Формат 60x90¹/₁₆. Печать офсетная.
20,5 п. л. Тираж 300 экз. Заказ № 1895

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Советский Союз

и Польша в годы «оттепели»

